

Учреждение Российской академии наук
Институт мировой экономики и международных отношений РАН

О.Н. Быков

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Москва
ИМЭМО РАН
2010

УДК 327
ББК 66.4
Быко 953

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений” основана в 2009 году

Быко 953

Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – (колич. стр.) с. 284
ISBN 978-5-9535-0264-1

Монография посвящена исследованию проблемы взаимосвязи национальных – в отличие от государственных - интересов и внешней политики в нашей стране и за рубежом на протяжении длительного периода эволюции. Рассмотрение этой острой проблемы через сложное переплетение сталкивающихся и совпадающих интересов, принципов и практики, противоречий и сотрудничества позволяет вникнуть в суть динамики и перспектив внешнеполитических процессов под воздействием национальных и международных императивов нашего времени.

This monograph addresses the problem of the relationship between national – as distinct from state – interests and foreign policy discernible in our country and abroad over an extended span of evolution. Seen through the intricate tangle of conflicting and coinciding interests, principle and practice, controversy and cooperation, this vexing problem offers an insight into the dynamics and prospects of foreign policy processes under the impact of national and international imperatives of our times.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0264-1

© ИМЭМО РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава первая. ИСХОДНЫЕ РУБЕЖИ.....	8
Глава вторая. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ.....	26
Глава третья. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛИЗМ...48	
Глава четвертая. ПРИНЦИПЫ И ПРАГМАТИЗМ.....	65
Глава пятая. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРСТВО.....	90
Глава шестая. ДЕМОКРАТИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ.....	111
Часть 1. Смертельная угроза и спасение цивилизации.....	116
Часть 2. Новое противостояние и односторонний распад.....	145
Глава седьмая. РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА.....	196
Часть 1. Возрождение нации.....	198
Часть 2. Постоянные и переменные векторы.....	213
Часть 3. Неоднозначные перспективы.....	229

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика современного государства определяется многими факторами, действующими внутри и вне страны. При этом решающее значение имеют факторы внутренние, а среди них – национальные интересы. Именно они составляют основу формирования внешнеполитического курса государства – главного субъекта международных отношений.

В то же время пока нет полной концептуальной ясности относительно самого термина «национальные интересы». В разных странах, на разных языках и в разных конкретно-исторических условиях он понимался и понимается либо как исключительно этническая, либо как сугубо государственная категория. Ни то, ни другое толкование не соотнобразуется с действительностью.

Едва ли оправданна оценка интересов нации, то есть исторически сложившейся многозначной общности людей, под углом зрения только характеристики той или иной национальности, даже составляющей большинство населения страны. Адекватное отражение содержания, параметров и приоритетов общенациональных интересов требует комплексного учета всех их составляющих, включая социальные, экономические, политические, культурные, конфессиональные, психологические, а также такие трудно поддающиеся анализу, но существенные компоненты, как духовные ценности, традиции, обычаи.

Неоправданна и подмена национальных интересов государственными. Ведь национальные интересы выражают наиболее общие, жизненные потребности как общества, так и государства, удовлетворение которых обеспечивает существование и развитие нации. И национальные, и государственные интересы совместно определяют внутреннюю и внешнюю политику страны.

Вместе с тем нет оснований отождествлять национальные и государственные интересы или представлять вторые простыми производными от первых. При всем их совпадении, между ними имеются заметные расхождения.

Нация непосредственно не присутствует на международной арене. От ее имени вовне выступает государство, а выражаемые им интересы воспринимаются как национальные. Иногда так оно и есть. Но формирует и осуществляет внешнюю политику не нация в целом, а ее правящая элита, исходящая из своего понимания общих и частных интересов, причем не всегда безошибочно и не во всем бескорыстно. Объективные по своей природе национальные интересы, приняв государственную форму, в той или иной степени становятся субъективными, что нередко оборачивается пагубными последствиями для международных отношений и для самой нации.

И дело здесь не просто в своекорыстии и просчетах лидеров государств, особенно авторитарных и тем более тоталитарных. Не все объясняют и соображения выгоды или невыгоды при принятии внешнеполитических решений. Глубинная причина неполного – а порой и полного – несоответствия государственных интересов национальным заключается в неодинаковости их масштабности и функциональной значимости во внутренней и международной сферах.

Государство, даже самое развитое, не в состоянии, если того и пожелает, охватить и оценить все многообразие присущих нации интересов и реализовать их в полном объеме на практике, ограниченной определенными рамками внешнеполитической деятельности и правилами международного общения. Да и нация в тех редких случаях, когда она может выразить свою волю единым голосом и получить безоговорочную поддержку подавляющей части общественного мнения внутри страны, лишена возможности выступить вместо государства в качестве субъекта международных отношений. Сколь внушительной ни оказалась бы роль нации внутри страны, у руля внешней политики остается государство.

Из сказанного отнюдь не следует, что национальные и государственные интересы обречены на вечное несовпадение. Конечно, ввиду сущностных различий разрыв между ними полностью не устранить. Но под воздействием современных внутренних и международных процессов разрыв все больше сокращается. Традиционная внешнеполитическая монополия правительства размывается. В формировании внешней политики возрастает роль самых разных политических и общественных сил, широких слоев населения, средств массовой информации, научных и экспертных сообществ.

И речь идет не только о корректировке правительственной политики в целях «ограничения ущерба» от недостаточного учета общенациональных потребностей. Откликаясь на эти потребности, внешняя политика обретает большую устойчивость, укрепляет иммунитет к конъюнктурным изменениям в мировой обстановке, позволяет полнее использовать национальный потенциал для упрочения собственной и всеобщей безопасности, расширения взаимовыгодного сотрудничества и совместного решения глобальных проблем современности. Национальное измерение внешней политики расширяет возможности нахождения оптимального сочетания двух разнонаправленных тенденций в мировой политике нашего времени – возрастающего значения суверенной самостоятельности государств и углубления их взаимозависимости в условиях глобализации.

В нашей стране понятие «национальные интересы» не получало признания ни в царское время, ни в советский период. До Февральской революции 1917 г. сущность монархического государства определялась формулой «самодержавие – православие – народность», а национальные интересы воспринимались как нечто чужеродное, противоречащее идее слияния самодержавия и верноподданности народа. После Октябрьской революции 1917 г. диктат коммунистической идеологии не допускал даже упоминания о наличии в стране интересов, хотя бы в чем-то отличающихся от декретированных властью большевиков. Советскому народу предписывалось довольствоваться лишь одним набором интересов – исключительно государственных, причем в их строго официальной трактовке.

Термин «национальные интересы» появился и стал общепризнанным лишь в постсоветской России. Началась научная разработка темы, ранее запретной, а ныне остро необходимой для объективной оценки места и роли возрождающейся России в системе современных международных отношений и ее национальных интересов как фактора формирования отечественной внешней политики.

Первоначальный вклад в исследование этой актуальной проблемы внесли ученые Российской академии наук. ИМЭМО РАН в качестве головного института и другие институты Отделения проблем мировой экономики и международных отношений РАН провели всесторонний анализ базовых интересов нашей страны – как в национальном, так и в государственном формате.

В итоговом докладе ОПМЭМО РАН «Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции» (апрель 1994 г.) констатировалось неизменное предназначение государства как основного субъекта международных отношений. Но вместе с тем был сделан принципиально важный вывод о том, что применительно к новым российским реалиям «... было бы неправильно акцентировать “государственный компонент” интересов современной России. Хотя на международной арене ее интересы, естественно, облачаются в государственную форму, внутри страны процесс становления демократии, гражданского общества и правового государства ведет к усилению “национальных”, т.е. общенародных аспектов реальных интересов страны, в отличие от безраздельного господства “государственного”, а по сути тоталитарного начала при формировании интересов

бывшего СССР, которые во многом отождествлялись советским руководством с его собственными номенклатурными интересами».¹

Настоящая работа продолжает исследование теоретических и конкретных аспектов взаимосвязи интересов нашей страны с ее внешней политикой в широком историческом и современном контексте, в сопоставлении с зарубежными политическими оценками и научными концепциями, относящимися к данной проблематике. Прослеживаются возникновение, становление и эволюция категории национальных интересов и их воздействия на формирование внешней политики. Анализируется соотношение во внешнеполитическом процессе принципов и прагматизма, интернационализма и имперскости. Оценивается политикообразующее действие национальных интересов на фоне глобального противостояния демократии и тоталитаризма. Рассматриваются современное состояние и перспективы формирования внешней политики России под углом зрения ее национальных интересов.

¹ «Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции». Доклад по итогам разработки проблемы I фундаментальных исследований ОПМЭМО РАН. М., 1994, с. 1.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИСХОДНЫЕ РУБЕЖИ

На протяжении многих веков внешняя политика государства выражала интересы прежде всего правителей, то есть тех, кто ее замышлял, выстраивал и направлял. Народ же, на плечи которого ложилось главное бремя связанной с этой политикой тягот и жертв – особенно в частых кровопролитных войнах – оставался вне процесса принятия судьбоносных решений. Правда, случалось и так, что цели и результаты внешней политики в какой-то степени, прямо или косвенно, совпадали с общенародными, национальными интересами. Однако это было скорее исключением, чем правилом.

Именно так складывалась общая схема взаимосвязи тех или иных интересов с внешней политикой до того периода истории, когда изменившаяся обстановка вынудила правителей разделять с народом, со всей нацией ответственность за международную деятельность государства. К этим рубежам вел длинный и извилистый путь. Он пролегал через войны и замирения, взлеты и падения империй древности, междоусобицы и застой Средневековья, возрождение, подъем, конфликты и потрясения Нового времени. В столкновении и сплетении разнородных интересов постепенно формировались историко-культурные, социально-политические общности различного этнического состава, из которых начали вырастать нации-государства. В существенно изменившихся внутренних и внешних условиях проявились потребности, отражающие интересы не только правящей верхушки, но и нации в целом. Обретение государством достаточно четко выраженных национальных характеристик прослеживается примерно с XVII века. Появление этой новой базовой категории субъекта международных отношений обусловлено совокупностью глубоких перемен внутри стран и в их взаимоотношениях.

Рост производительных сил, оживление экономики, технологические нововведения, расширение торговли и средств сообщения, Великие географические открытия и установление взаимосвязей с заморскими странами, развитие науки и просвещения, книгопечатание – все это и многие другие достижения материального и духовного прогресса предопределили движение стран и народов к высвобождению из пут феодализма и превращению государств из объекта монархического господства в субъект плюралистического самоуправления. Укреплялась централизация власти по мере расширения опоры на различные социальные слои и вовлечения в государственные дела все более широкого спектра политических сил. Ограничивались абсолютизм монархии и засилье церкви. Укоренялись конституционные, гражданские начала, парламентаризм, общественное мнение. Выстраивались разветвленные бюрократические структуры, правовые институты, налоговые и банковские системы. Катализатором происходившей трансформации служили войны, становившиеся все более крупномасштабными и требовавшими участия в них массовых армий и резко-го увеличения военных расходов. Королевская власть для этих целей оказывалась недостаточной. Для мобилизации материальных и людских ресурсов нужны были общенациональные усилия.

Тенденция к «национализации» государства питалась также изменениями в международно-политическом ландшафте Европы. Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.), причинившая колоссальные разрушения и унесшая миллионы жизней, завершилась подписанием Вестфальского мирного договора 1648 г. Договор заложил основу международных отношений, главные принципы которой просуществовали до наших дней. В числе их – доктрина суверенитета, согласно которой внутренние дела и институты одного государства не могут входить в сферу влияния других госу-

дарств. Это послужило ощутимым стимулом национальной самоидентификации суверенных государств.

В том же смысле немаловажное значение имела Реформация, разрушившая монополию католицизма и подорвавшая доминирующее положение Ватикана в Европе. Претендовавшая на гегемонию среди европейских государств Священная Римская империя вступила в полосу заката. Наступила пора перераспределения влияния между церковной и светской властью. В средневековой Европе международные обязательства монархов носили личный характер, как правило, облаченный в религиозную форму, и не принимали в расчет интересы этнической и культурной общности подданных. Если и накладывались на суверена какие-либо ограничения, то они диктовались обычаем или религией, а не законом и политическими установлениями.

Нация-государство радикально не изменила суть внешней политики (тем более, что ее обновление протекало замедленно и неравномерно, зачастую с возвратом к прежней практике). Но произошло фактическое признание общенациональных, общенациональных интересов. Видоизменилась стилистика дипломатии. Раньше монарх в сношениях с другими государствами мог напрямик заявить: «Так я хочу». Теперь же ему приходилось прибегать к лукавой риторике: «Так хочет народ».

Подлинные интересы народа, разумеется, едва ли были ведомы верховным правителям и уж наверняка не определяли главное содержание их внешней политики. И все же принципиальный сдвиг наметился: пусть еще не столько национальные, сколько государственные интересы стали обретать политическую четкость и оперативную направленность, оттесняя с внешнеполитической авансцены религиозные, династические, а то и откровенно эгоистические и корыстные побуждения.

В той мере, в какой тогда существовало общественное мнение, оно одобряло и поддерживало происходившие перемены. И в этом выражалось формирование национального самосознания. Известный британский историк Пол Кеннеди отметил: «... многие философы и другие авторы того времени считали нацию-государство естественной и наилучшей формой гражданского общества, власть которого должна быть усилена и интересы защищены с тем, чтобы правители и управляемые могли – насколько это позволяет установленный у них конституционный порядок – трудиться в согласии друг с другом во имя общего, национального блага».²

Первой с позиций нации-государства на международную арену выступила Франция при Людовике XIII, точнее при ее фактическом руководителе кардинале Ришелье. Именно он отверг средневековую концепцию универсальности религиозных ценностей и сформулировал вместо нее принцип верховенства государственных интересов – «резон д'эта». Новый принцип стал альфой и омегой французской (а затем и европейской) внешней политики на столетия вперед.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что государственные интересы поставил превыше религиозных прелат Церкви. Но дело в том, что на такое мог решиться только тот, кто обладал реальной властью и определял внутреннюю и внешнюю политику страны. А таким и был кардинал Ришелье. Религиозный в частной жизни, он свои государственные обязанности воспринимал как сугубо светские. Ему принадлежит изречение: « Человек бессмертен, ибо спасение души ждет его впереди. Государство же не бессмертно, оно может спастись либо теперь, либо никогда».³

Сан кардинала не помешал Ришелье разглядеть в намерениях Фердинанда II не столько стремление восстановить контроль Священной Римской империи над ка-

² Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987, p. 70.

³ Josef Strayer, Hans Gatzke and E.Harris Harbison. The Mainstream of Civilization Since 1500. N.Y., 1971, p. 420.

толиками центральной Европы, сколько геополитический замысел Габсбургов – низвести Францию до уровня второразрядной державы. Противопоставив этой угрозе принцип «резон д'эта», Ришелье развернул активную внешнеполитическую деятельность, первоначальный смысл которой сводился к обеспечению безопасности собственной страны. В этих целях он предпринимал все возможное, чтобы не допустить возвышения над всеми другими европейскими странами одной державы, конкретно – Австрии как правопреемницы Священной Римской империи.

Однако препятствуя чужой гегемонии, «резон д'эта» не только не исключал, но и прямо предполагал достижение собственной. Защита от внешней угрозы была лишь своего рода программой-минимумом, а в случае ее успешного выполнения выдвигалась программа-максимум – формировать Европу по своим меркам и в своих собственных интересах. В фундаментальном исследовании «Дипломатия» Генри Киссинджер подметил саморазрушительную особенность применявшегося Ришелье принципа: он не содержит «органичных элементов самоограничения, самоконтроля. Как далеко следует идти, чтобы считать интересы государства обеспеченными в достаточной мере? Сколько требуется войн, чтобы достичь безопасности?». ⁴

«Резон д'эта» не давал ответов на эти вопросы. Внешнеполитический курс государства зависел от оценки соотношения сил на международной арене. Но в любом случае расчеты делались на войну, предпочтительно между соперниками Франции. А затем, оставаясь как можно дольше в стороне от военных действий, выжидать взаимного истощения воюющих и в подходящий момент самой вступить в схватку, чтобы получить для себя максимум выгод (с дальним прицелом на достижение собственного верховенства в Европе). Ради этого католический кардинал Ришелье поддерживал и субсидировал протестантских государей, усугублял раскол в христианской церкви, шел на сближение даже с Османской империей, срамливал одних своих врагов с другими, разжигал раздоры и мятежи.

Когда вспыхнула Тридцатилетняя война, Франция предельно долго оставалась сторонним наблюдателем, выжидая, пока не сравнялась в силе с истощенной боевыми действиями Австрией. Тогда Ришелье убедил Людовика XIII, что пришло время ввязаться в драку на стороне протестантских монархов против католической династии Габсбургов: «Если знаком особенного благоразумия являлось сдерживание врагов, противостоявших вашему государству, в течение десяти лет при помощи наших союзников, когда вы могли держать руку в кармане, а не на рукоятке меча, то теперь вступление в открытую схватку, когда наши союзники более не могут просуществовать без вас, является знаком смелости и величайшей мудрости...». ⁵

Плоды победы в Тридцатилетней войне Франция получила не по максимуму, а по минимуму: вместо доминирующей роли в Европе – положение одной из держав, составляющих равновесие сил на континенте. С точки зрения интересов государства, которое полтора столетия добивалось господства над другими европейскими странами, это едва ли было желанным конечным достижением. Но в интересах общенациональных в той мере, в какой равновесие европейских сил давало спокойствие и безопасность, результат войны был вполне достаточен. Если бы Франция оказалась гегемоном Европы, продержаться ей в этой роли бесконечно долго было бы весьма проблематично. Рано или поздно потребовалось бы силой закреплять достигнутые позиции, что обошлось бы французскому народу дорогой ценой (забегая вперед, можно сказать, что так и произошло в итоге наполеоновских войн).

Как бы то ни было, завершивший Тридцатилетнюю войну Вестфальский мирный договор утвердил концепцию равновесия сил не только как свершившийся факт, но и как модель организации международных отношений. Однако Ришелье не счи-

⁴ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 54.

⁵ Carl J. Burchardt. Richelieu and His Age. N.Y., 1970, p. 61.

тал эту модель ни самодостаточной, ни ограничивающей сферу приложения «резон д'эта». В представлении кардинала, высшие интересы государства определяются имеющейся в его распоряжении реальной силой, которая в конечном счете обеспечивает признание его прав и положения. «В делах, касающихся того или иного государства, - записал Ришелье в своем «Политическом завещании», - тот, кто обладает силой, часто является правым, а тот, кто слаб, может лишь с трудом избежать признания неправым с точки зрения большинства стран мира».⁶

Отказавшись от моральных и религиозных ограничений Средневековья в пользу государственных интересов, Ришелье оставил в наследство французским властителям государство в достаточно безопасном окружении. Но Людовику XIV (а впоследствии и Наполеону) этого показалось мало. Франция вновь вступила на путь наращивания превосходящей силы для завоевания господства над Европой – с пагубными последствиями для собственных национальных интересов.

Складываться в нацию-государство намного раньше Франции начала ее вечная соперница – Англия. Этому способствовал целый ряд факторов: вытеснение католической церкви и ослабление влияния Ватикана, ограничение королевской власти, усиление парламента и рост политических партий, укрепление законности и государственных институтов, развитие промышленности и расширение торговли. После неудачных и изнурительных попыток получить и закрепить за собой территориальные владения на континенте островная держава взяла курс на приобретение заморских колоний. В Европе главной заботой английской внешней политики стало недопущение появления одной наиболее сильной державы, способной угрожать ее безопасности. Такое сочетание внутреннего развития и внешней политики Англии к исходу XVII века, пожалуй, в равной степени отвечало ее государственным и национальным интересам.

Политика Англии по отношению к Европе активизировалась при Уильяме III, который усмотрел опасность для своей страны в экспансионистских устремлениях Людовика XIV. Для противодействия потенциальному гегемону на континенте он способствовал созданию широкой коалиции в составе государств самой разной религиозной и политической принадлежности – от протестантских Швеции и Голландии до католических Австрии и Испании (в этом английская политика следовала заветам Ришелье).

В политических кругах Лондона не было сомнения в том, что нельзя допустить возникновения ситуации, при которой может быть нарушено европейское равновесие. Но по поводу условий вмешательства Англии в дела Европы существовало расхождение между двумя крупнейшими партиями, представленными в парламенте. Виги (либералы) доказывали, что вступать в войну следует лишь тогда, когда угроза безопасности стране станет несомненной и лишь на такой срок, который потребуется для устранения этой угрозы. Тори (консерваторы) придерживались иного мнения: не надо ждать, пока равновесие сил будет непоправимо разрушено, а предотвратить это заблаговременным вторжением на континент для поддержки антифранцузской коалиции. Виги считали участие в альянсе оправданным только на военное время. Тори же настаивали на сохранении союзнических обязательств и после окончания войны, чтобы закрепить восстановленное равновесие сил.

Ожесточенные внутрипарламентские баталии, естественно, не помогали объединению усилий нации, в особенности, когда партии действовали в своих собственных узкокорыстных интересах. Но характерный для нации-государства политический плюрализм не только не помешал, но в конечном итоге способствовал выработке решений, опиравшихся на достаточно широкую общественную поддержку. Англия

⁶ Albert Sorel. Europe Under the Old Regime. Los Angeles, 1974, p. 10.

вступила в европейскую войну (1683-1719) с осознанием четко поставленной цели – не позволить французскому «королю-солнцу» верховодить в Европе и угрожать островному государству. И к такому исходу как раз и привела война. Европа вернулась к равновесию сил. Континентальные державы восстановили баланс интересов между собой и Англией.

Война консолидировала нацию-государство. Более определенно обозначились возможности и пределы королевской власти. Возрос политический авторитет вигов и тори. Ускорились вхождение в правящие круги наряду с аристократией также банкиров, торговой и промышленной буржуазии. Весомую роль начало играть общественное мнение. В целом заметно усилилось влияние расширившегося сектора неправительственных сил на формирование политики в отношении как Европы, так и возникавшей в различных частях мира Британской империи. Как политикообразующие факторы теснее сблизилась национальные и государственные интересы страны.

В своем многотомном исследовании «История англоговорящих народов» Уинстон Черчилль с удовлетворением констатировал, что конец XVII и начало XVIII веков были самыми удачными для Англии. «Союз и величие острова упрочились. Способность Франции доминировать в Европе утрачена, и только Наполеону суждено будет восстановить ее ...Британское национальное могущество внушительно возросло ...».⁷

Не слишком надежное европейское равновесие в общем все же продержалось до очередного потрясения – Французской революции. Низвержение королевской власти и переход к республиканскому правлению сопровождалось взлетом национального самосознания. Высшими интересами страны новые правители и народные массы провозгласили идеи свободы, равенства и братства. Антироялизм распространился и на отношения с монархическими государствами. Франция вступила в войны с соседними странами, сначала, чтобы сберечь свои революционные завоевания, а затем, чтобы насадить свои порядки и господство во всей остальной Европе. Время покажет, насколько возродившийся экспансионизм сочетался с революционными переменами в стране, насколько гегемонистские государственные интересы совмещались с общенациональными. А пока сознание многих французов было затуманено угаром блистательных побед Наполеона. Он нанес сокрушительное поражение всем противникам, создал королевства-сателлиты на Рейне, в Италии, в Испании, низвел Пруссию до положения второразрядной державы, существенно ослабил Австрию, лишил Англию союзников и загнал ее в изоляцию. Структура равновесия рассыпалась. Наполеоновская Франция подошла вплотную к господству над всей Европой.

Последним препятствием на пути Наполеона к полному триумфу оставалась Россия, и он принял роковое решение силой подчинить ее своей воле, как это неизменно ему удавалось в войне против европейских государств. Но с вторжением в Россию все сложилось иначе. Против французской армии обернулись не только необъятные просторы и суровый климат страны, но – главное – непредсказуемая стойкость российской нации. В этом Наполеон кардинально просчитался. По своему национальному складу Россия не могла стать очередной жертвой победоносного завоевателя.

На протяжении многовековой истории Россия знала как периоды спокойствия, мирного плодотворного развития, так и времена разорительных иноземных вторжений, смуты, беспорядков, почти полной утраты государственности. Тем не менее, после каждого потрясения у России находились силы воспрянуть и нарастить могу-

⁷ Winston Churchill. A History of the English-Speaking Peoples. N.Y., 1957, Vol. 3, p. 100.

щество. Главная причина такой феноменальной непреодолимости - жизнестойкость российской нации. В трудный час взаимоусиливающее действие народного патриотизма и державного начала позволяли мобилизовать энергию нации на спасение отечества ценой любых жертв.

В то же время, Россия не стала нацией-государством. Государственный интерес в ней исторически доминировал над общественным, приоритет безоговорочно отдавался могуществу российской державы при почти полном пренебрежении к нуждам и чаяниям народа. Становление единой нации происходило под верховенством царской власти, абсолютизм которой не сменялся ни законом, ни служивым дворянством (способным, впрочем, устраивать дворцовые перевороты). Крепостная крестьянская масса оставалась пассивной, изредка выражая недовольство в бунтах, которые неизменно жестоко подавлялись. Среднего сословия почти не существовало. Духовенство занимало под властью подчиненное положение. И все же складывалась многоэтническая общность россиян, служившая опорой государственности, особенно после реформ Петра I. Внешняя политика целиком была царской прерогативой. Самодержцы определяли государственные интересы страны, не прислушиваясь к настроениям в народе. По своей прихоти они распоряжались судьбами и жизнями подданных, объявляя войну и заключая мир.

К концу XVIII – началу XIX столетий российские монархи по уровню имперскости не уступали ведущим суверенам Европы. Вступив в хитросплетения тогдашней дипломатии, они с такой же легкостью входили в союзы и коалиции, с какой и выходили из них, когда считали это выгодным для себя и для государства. Не предпринимая ничего, чтобы обновить архаичные порядки в собственной стране, они советовали усовершенствовать систему взаимоотношений европейских государств с учетом интересов их народов. Екатерина II убеждала западных правителей: «Примите за правила ваших действий и ваших постановлений благо народа и справедливость, которая с ним неразлучна. Вы не имеете и не должны иметь иных интересов... Что касается внешних дел, то мир гораздо скорее даст нам равновесие, нежели случайности войны, всегда разрушительной».⁸

В пору своего увлечения либеральными проектами (которым не суждено было осуществиться дома) Александр I в 1804 г. обратился к британскому премьер-министру Уильяму Питту-младшему, непримиримому противнику Наполеона, с предложением: призвать все нации реформировать свое государственное устройство в целях ликвидации феодализма и введения конституционного правления. Реформированные государства далее должны были бы, по его мысли, отказаться от применения силы, а споры друг с другом передавать на третейский суд. Питт, остро нуждавшийся в поддержке России против Наполеона, тем не менее, отклонил предложение Александра I как не соответствующее интересам Англии и всей Европы. Премьер-министр сослался на убеждение британского народа в том, что угрозу для себя он видит не во внутреннем устройстве европейских стран, а в нарушении равновесия между ними. Касаясь политического переустройства Европы, он высказал идею создания постоянного альянса Великобритании, Пруссии, Австрии и России, направленного против наполеоновского экспансионизма.

Предложенная российским императором схема была заведомо невыполнима. Наполеоновские войны привели в смятение всю Европу, и не было никакой возможности установить порядок во взаимоотношениях государств до тех пор, пока над ними нависала угроза французской гегемонии. Да и не время было для их внутреннего переустройства. А все-таки в инициативе Александра I просматривалось, пусть и в

⁸ Екатерина II. Памятник моему самолюбию. М., 2003, с. 69.

максималистском варианте, предначертание грядущего мирного урегулирования, к которому стремились изнуренные войнами страны и народы.

Оставляя в стороне несбыточные мечтания Александра I о благом состоянии России, нельзя не признать, что в годину грозной опасности он думал не только о славе устроителя европейских порядков, но и почувствовал веление общенациональной озабоченности судьбой России. Война 1812 года не была просто еще одной в череде многих других. Она явилась подлинно Отечественной, от исхода которой зависело само существование страны. Это был один из редких моментов в российской истории, когда вся нация – с самого верха до самого низа – жила общими интересами выживания и обеспечения безопасности будущего.

Патриарх российской историографии Сергей Михайлович Соловьев так охарактеризовал внешнеполитическое целеполагание молодого государя: «... Александр по свойствам своей личной природы, воспитания и положения явился на поприще с требованиями соглашения, примирения, и здесь высказался деятель времени, ибо время требовало покоя, отдохновения после борьбы, возможности разобратся в развалинах и материалах, нагроможденных сильным движением».⁹

После поражения Наполеона в России и утраты всех его завоеваний Александр I, встретившись в Вене с государственными деятелями Великобритании, Австрии, Пруссии и постнаполеоновской Франции, приступил к сложному дипломатическому процессу «уравновешивания» интересов европейских стран, дабы исключить впредь возникновение нового гегемона в Европе. Добиться этой цели оказалось невозможно на основе общности внутреннего устройства государств, не поддающегося унификации. Зато удалось договориться об установлении общего баланса сил посредством политико-территориального переустройства Европы, подкрепленного общностью моральных (консервативных) ценностей. Равновесие теперь могло быть нарушено лишь усилиями такой мощи, сконцентрировать которую оказалось бы крайне затруднительно силами одной державы.

Венский конгресс, вопреки множеству межгосударственных разногласий, выполнил свою главную задачу – восстановление европейского равновесия. Решение далось ценой закрепления монархического статус-кво и сдерживания либеральных течений, но континент был избавлен от всеобщей войны на целое столетие вперед (на самый продолжительный период мира за всю его историю). Можно спорить, в какой степени оказались удовлетворены территориальные и иные претензии отдельных участников конгресса. Но несомненно, что мирное урегулирование в целом отвечало национальным интересам всех стран Европы, в том числе и Франции, истощенной наполеоновскими войнами. Бесспорно также, что учреждение «европейского концерта» подняло на более высокую ступень формирующую роль национальных интересов во внешнеполитическом процессе ряда государств (естественно, в рамках допустимого внутренним устройством каждого из них).

Установленный Венским конгрессом порядок, хотя и обеспечил на продолжительное время относительное спокойствие в Европе, не смог остановить развитие конфликтогенных процессов, предвещавших нарушение восстановленного равновесия. Внутри каждой из ведущих европейских держав и в их взаимоотношениях назревали предпосылки грядущих столкновений геополитических интересов.

Самой неустойчивой и уязвимой оказалась империя-анахронизм, наследница сошедшей с исторической арены Священной Римской империи – Австрия. Изнутри ее имперские устои размывались либеральными течениями и набиравшими силу национализмом и сепаратизмом от Венгрии и Чехии до Северной Италии и Балкан. Извне ей грозили потенциальные соперники – Пруссия, Россия и Франция, а Вели-

⁹ С.М.Соловьев. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1996, кн. XVII, с. 703.

кобритания в зависимости от обстановки то предлагала поддержку, то занимала положение стороннего наблюдателя.

Продлить существование дряхлой лоскутной империи было невозможно, опираясь на ее национальный потенциал, ибо к тому времени он был почти полностью исчерпан, а частные и местные интересы не поддавались соединению в единое целое. Сохранять хрупкое статус-кво оставалось лишь средствами гибкой политики, руководить которой довелось князю Меттерниху. Характерными чертами его деятельности были трезвость политических оценок и виртуозный прагматизм дипломатической практики: «Почти не приверженные к абстрактным идеям, мы принимаем вещи как они есть и пытаемся изо всех сил защитить себя от превратного представления о реальности».¹⁰ Избегая коллизий и используя несовпадение интересов и стиля поведения ведущих европейских держав, Меттерних придерживался тактики деидеологизированного лавирования, которую он сам описал следующим образом: «Австрия рассматривает все, делая в первую очередь упор на сущность. Россия превыше всего нуждается в форме. Британия желает сущности вне всякой формы... И нашей задачей становится сведение воедино невероятности претензий Британии с образом действия России».¹¹

Искусная дипломатия Меттерниха позволила Австрии в течение целого поколения удерживать свои позиции в системе европейского равновесия. Но неизбежный закат империи был лишь отсрочен. Внутренние неурядицы усугублялись столкновением ее геополитических интересов с Пруссией (на германском пространстве), с Францией (на Севере Италии) и с Россией (на Балканах). Становилось все очевидней, что отсутствие национальной консолидации нельзя бесконечно компенсировать внешнеполитическим маневрированием.

По-иному реализовывались во внешней политике национальные и государственные интересы Пруссии и других германских королевств и княжеств под руководством канцлера Бисмарка. В отличие от имперской Австрии, Германия вышла из Средневековья в состоянии феодальной раздробленности. Более трехсот средних, малых и карликовых государств погрязли в нескончаемых междоусобицах, каждый суверен помышлял о своих собственных выгодах, либо противился поглощению более сильными соперниками, либо сам добивался расширения своих границ. Извечное стремление немцев к единству наталкивалось на местнические интересы правителей, держащихся за свои троны и владения. Объединению Германии мешало отсутствие конституционных и парламентских институтов.

Венский конгресс укрупнил германские государства примерно до тридцати, но совсем не в целях объединения страны на национальной основе, а как раз наоборот – для того, чтобы предотвратить самостоятельное возникновение единой германской державы, способной нарушить европейское равновесие. Оставшихся у власти монархов свели в децентрализованную Германскую конфедерацию, которая замышлялась как слишком слабая, чтобы угрожать соседям, но достаточно сильная, чтобы противостоять экспансии со стороны Франции и служить противовесом военной мощи Пруссии и легитимному престижу Австрии.

Объединение Германии все же произошло. Вопреки венским установлениям и не дожидаясь либерализации внутреннего устройства германских государств, заветную мечту немцев о единстве осуществил министр-президент и министр иностранных дел Пруссии Отто фон Бисмарк, применивший на практике свою «Реальполитик». Новая концепция по сути не отличалась от французской «резон д'эта». Она предписывала гибкое и прагматичное проведение политики, исходящей из реальной обстановки, опирающейся на преобладающую силу без оглядки на идеологию и

¹⁰ Wilhelm Oncken. Oesterrich und Preussen im Befreiungskriege. Berlin, 1880. B I, S. 439.

¹¹ Hans Schmalz, Versuche einer Gesamteuropaeschen Organization, 1815-1820. Bern, 1940, S.66

служащей исключительно национальным и государственным интересам Пруссии, а затем и объединенной Германии.

Бисмарк считал исторически обоснованной претензию Пруссии на господствующее положение внутри Германии и на руководящую роль в достижении германского единства. По его убеждению, добиться этих целей можно было используя только внушительную мощь Пруссии, а не универсальные ценности и либеральные институты: «Пруссия стала великой не благодаря либерализму и вольнодумству, но посредством деятельности ряда могущественных, решительных и мудрых правителей, которые аккуратно собирали военные и финансовые ресурсы государства и держали их в руках, с тем чтобы бросить их с беспощадной смелостью на чашу весов европейской политики, как только для этого представлялась благоприятная возможность».¹²

Автор «Реальполитик» полагал, что Пруссия способна отстоять свои интересы в одностороннем порядке и может быть консервативной у себя дома, не привязывая себя в области внешней политики ни к Австрии, ни к какой-либо иной консервативной державе, чтобы справиться с внутренними неурядицами. Как заметил Генри Киссинджер, «Бисмарк, напротив, решился создавать союзы и завязывать отношения с кем угодно, чтобы Пруссия всегда оказывалась ближе к любой из соперничающих сторон, чем они сами – друг к другу. В таком случае позиция кажущейся изоляции позволяла Пруссии манипулировать обязательствами других держав и продавать свою поддержку тому, кто даст большую цену».¹³

Такая политика, по мнению Бисмарка, была выгодна для Пруссии, поскольку ее интересы фокусировались на Германии, тогда как внимание других держав отвлекалось на иные регионы (Великобритания – на заморские колонии, Франция – на Северную Италию, Австрия – на Балканы, Россия – на Восточную Европу, Азию и Османскую империю). В обстановке европейского равновесия у Пруссии по германскому вопросу не было расхождений с другими державами, за исключением Австрии, с которой конфликтные отношения до поры до времени развивались подспудно.

Все это благоприятствовало свободному маневрированию прусской внешней политики. Бисмарк откровенно изложил смысл своей дипломатии: «Нынешняя ситуация вынуждает нас не связывать себя обязательствами, опережая прочие державы. Мы не в состоянии формировать отношения великих держав друг с другом по собственной воле, но мы можем сохранить свободу действий, используя к собственной выгоде те отношения, которые уже сложились... Наши отношения с Австрией, Британией и Россией не несут в себе никаких препятствий для сближения с любой из этих держав. Лишь наши отношения с Францией требуют пристального внимания, так что мы должны особенно тщательно все продумать, - а уже тогда вступать в отношения с Францией так же легко, как и с другими державами...».¹⁴

Намек на возможное сближение с Францией, по всей видимости, предназначался для оказания нажима на Австрию, главного соперника Пруссии в борьбе за верховенство в Германии. Прежде всего с этой точки зрения Бисмарк рассматривал войну Австрии с Францией и Пьемонтом (1859 г.): «Нынешняя ситуация вновь предлагает нам огромную выгоду, ибо если мы предоставим войне между Австрией и Францией разыграться во всю мощь, то сможем двинуть нашу армию на юг, положив в ранцы пограничные столбы, чтобы воткнуть их в землю только тогда, когда мы

¹² Otto von Bismarck. Die Gessammelten Werke. Berlin, 1924. B I, S. 375.

¹³ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1998, с. 106.

¹⁴ Otto von Bismarck. Ibid., B II, S. 139.

дойдем до Констанцкого озера или, по крайней мере, до тех пределов, где протестантская конфессия перестает быть преобладающей».¹⁵

Ничем себя не связывая в выборе партнеров, Бисмарк манипулировал готовностью вступить в союз с любой державой в зависимости от обстановки и исключительно в государственных интересах Пруссии. Однако он не упускал из виду главную цель – Австрию. Как только Пруссии удалось накопить достаточно сил, оставаясь в стороне от европейских баталий, настал момент для решающего удара.

Хотя прусско-австрийский союз в течение более чем одного поколения служил важным звеном в «европейском концерте», Бисмарк решил разорвать его, так как, по его выражению, «Германия слишком мала для нас двоих ... и пока мы распахиваем одно и то же поле, Австрия является единственным государством, за счет которого мы можем постоянно получать выгоду, а также в пользу которого мы можем нести постоянные убытки».¹⁶ Война Пруссии с Австрией (1866 г.) устранила ее как главное препятствие к объединению Германии, а заодно и развеяла иллюзии Франции относительно ее гегемонии в Европе. А затем пришла очередь и Франции: война Пруссии против нее (1870 г.) расчистила путь к германскому объединению.

Объединенная Германия, вскоре провозгласившая себя империей, явилась результатом триумфального успеха бисмаркской «Реальполитик», а не выражения народной воли, не воплощения принципов национального самоопределения, конституционности и демократии. Легитимность покоилась на консервативной власти Пруссии. Оказавшись в лоне административно созданного сверхгосударства, немцы не сразу ощутили себя единой нацией, способной влиять на выработку государственной политики. Скорее наоборот, государственная политика дала первоначальные импульсы формированию национального самосознания, причем в духе собственного толкования интересов объединенной страны.

Рейхсканцлер Бисмарк оставил в наследство созданной им Германии свою «Реальполитик», которая несла в себе семена как дальнейших успехов, так и грядущих катастроф. Поскольку сердцевину бисмаркской политики составляла сила, применение ее требовало осмотрительности и самодисциплины. А это по плечу лишь такому изощренному государственному деятелю высокого ранга, каковым был Бисмарк. Как только Германия обрела границы, которые он считал необходимыми для ее безопасного существования, его внешняя политика стала более умеренной и сдержанной. Возраставшая германская мощь обратилась главным образом внутрь страны, а не за ее пределы. Это отвечало национальным интересам Германии и интересам стабильности в Европе.

Если бы в послебисмаркский период такой разумный курс продолжался, он способствовал бы демократическому развитию Германии и превращению ее в нацию-государство, способную внести весомый вклад в прогресс цивилизации. Но судьба, как известно, распорядилась иначе. Преемники Бисмарка – кайзеровские и нацистские – обратили его политику не на благо, а во зло своему народу и всему мировому сообществу.

После Венского конгресса в течение сорока лет Россия была ключевым компонентом в системе поддержания равновесия на континенте в интересах консервативных европейских монархий. Поскольку цари у себя дома пользовались непрерываемой легитимностью, они не терпели проявлений республиканизма и либерализма за границей, считая их аморальными и требующими решительного подавления. В этих целях (а заодно и для расширения своего влияния) Николай I не останавливался перед применением силы, за что получил репутацию «жандарма Европы».

¹⁵ Ibid., B. XIV, s. 517.

¹⁶ Ibid., B. II, S. 139.

Выдвинувшись на ведущие (но не доминирующие) позиции в Центральной Европе, Российская империя продолжала раздвигать свои пределы, которых она достигла, получив выход к Балтийскому и Черному морям. При этом первоначально преследовалась цель обезопасить себя, но незаметно она переросла в стремление расширить пространство своего господства. Интересами безопасности стали оправдывать экспансию ради экспансии. Маститый историк Василий Осипович Ключевский так описал процесс расширения российской территории: «Во внешней политике по отношению к Турции и к Польше господствовала одна простая цель, которую можно обозначить словами: “территориальное урезывание враждебного соседа с целью округления собственных границ”. У врагов просто отнимали смежные земли, чтобы исправить собственные пределы...».¹⁷

Острые российской внешней политики обратилось в сторону Балкан с их славянским, православным населением, стремившимся освободиться от турецкого ига. Этническое и религиозное родство с балканскими народами побуждало Россию действовать против Турции, добиваясь создания славянских государств под своим покровительством и контроля над Босфором и Дарданеллами. Продолжалось продвижение России и на других направлениях – к Средней Азии, Персии, Афганистану, Индии, Китаю. Все это не могло не разжигать соперничества с другими державами, стремившимися не допустить установления российского влияния над регионами, которые они считали сферами своих интересов. На такой конфликтной почве вспыхнула Крымская война, в итоге которой Россия была вынуждена отказаться от далеко идущих притязаний.

Если появление объединенной Германии расстроило «европейский концерт», то умаление роли России как одной из главных опор венского порядка вконец разрушило равновесие на континенте. В Европе началось опасное обострение противоречий, возникновение блоков, враждебное противостояние, назревание всеобщего силового столкновения. Втягивание России в европейские, а затем и всемирные коллизии не сулило ей выгод, а лишь подрывало ее национальные и государственные интересы и дезориентировало внешнюю политику. В «восточном вопросе» Россия натолкнулась на противодействие всех западных держав, которые лишили ее плодов победы в войне за освобождение Болгарии, помешали ей обосноваться на Балканах и дойти до Константинополя и проливов. Неудача постигла ее и на востоке, где она потерпела унизительное поражение от Японии, выступавшей при поддержке европейских держав.

Тем не менее, инерция имперской политики продолжала подталкивать Россию на дальнейшие попытки расширить зоны своего влияния. В результате все больший ущерб наносился ее престижу не только как ведущей державы, но и великой нации. Констатируя «прогрессивный паралич русского национального самосознания», В.О.Ключевский в дневниковых записях с горечью отмечал: «После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и русская интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится; теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство, и его интеллигенция ровно никуда не годятся».¹⁸

Глубокие сдвиги в расстановке сил держав, определявших в XIX веке европейскую (а тогда все еще по сути мировую) политику, не выявили пока единственного лидера, который бы бесспорно возвысился над всеми остальными субъектами международных отношений в Европе (а тем более во всем мире). Взаимные подозрения и ожесточенное соперничество «всех против всех» похоронили систему равновесия, но к концу столетия столкновения разнонаправленных национальных и го-

¹⁷ В.О.Ключевский. Сочинения в девяти томах. М., 1989, т. X, с. 180.

¹⁸ Там же, т. IX, сс. 331, 332.

сударственных интересов создавали ту вязкую международную среду, в которой еще затруднялся рывок какой-либо одной державы к гегемонии. К тому же, хотя число потенциальных претендентов на верховенство существенно сократилось главным образом за счет тех, кто традиционно добивался его, «новички» пока еще только набирали силу.

Франция так и не смогла оправиться после взлета и падения Наполеона и фактически утратила способность добиваться превосходства на континенте. Австро-Венгрия смирилась с потерей легитимного наследства Священной Римской империи и вступила в необратимую фазу деградации. Россия испытала ряд поражений и сужение своих внешнеполитических возможностей. Германия занялась обустройством своего объединенного государства и накоплением могущества для последующего имперского возвышения.

Особое место в европейских и всемирных делах к концу XIX века заняла викторианская Великобритания. Но ее вряд ли можно назвать «гегемоном». Промышленная революция, гигантское расширение внешней торговли и колоссальная Британская империя, казалось бы, позволяли этой державе подняться на вершину превосходства в Европе и во всем мире. Однако этого было недостаточно, чтобы править миром. Требовался мощнейший силовой компонент, обращенный вовне – во все концы земного шара, компонент крайне обременительный и истощающий, но не гарантирующий достижения гегемонии. Британцы были вполне удовлетворены своим международным положением, дающим им возможность извлекать выгоды из своих торгово-экономических и внешнеполитических преимуществ, что отвечало их национальным интересам. При этом происходила оптимизация соотношения военных и невоенных усилий Великобритании и формирование приоритетов ее внешней политики по отношению к Европе и остальному миру.

Определение британского внешнеполитического курса, пожалуй, наиболее отчетливо выражало суть функционирования нации-государства. Островное положение и отъединенность от нестабильности на континенте, возрастающее экономическое могущество и ресурсы колониальной империи, надежная защищенность под прикрытием королевского военно-морского флота – все это позволяло Лондону уверенно действовать, исходя прежде всего из рациональных соображений, не обремененных сковывающими обязательствами и не зависящих от изменения международной обстановки. Придерживаясь «блестящей изоляции», Великобритания по своему выбору могла решать, насколько и когда целесообразно вмешиваться в конфликтные ситуации в Европе. Такой же принцип применялся ко всем внеевропейским регионам. Уверенная в своей безопасности, Великобритания не рисковала участвовать в крупномасштабных войнах, предпочитая добиваться своих целей дипломатическими средствами, извлекая пользу из противоречий между своими соперниками.

В этом заключались, применительно к внешней политике, государственные – они же во многом и национальные – интересы Великобритании. Их смысл так пояснил премьер-министр Пальмерстон: «Когда мне задают вопрос ... что именно зовется политикой, единственный ответ таков: мы намереваемся придерживаться того, что может показаться наилучшим в каждой конкретной ситуации, и делать руководящим принципом интересы нашей страны».¹⁹ Более точного разъяснения не требовалось. Официальная внешняя политика строилась на проверенном традициями и опытом понимании британскими лидерами потребностей страны, настолько адекватном, что в каждом конкретном случае принятия решения можно было ожидать

¹⁹ Harold Temperley and Lillian M. Penson. Foundation of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902). Cambridge. 1938, p. 88.

широкой общественной поддержки. Британцы верили словам Пальмерстона : «Наши интересы вечны, и наш долг этим интересам следовать».²⁰

На основе совпадений базовых интересов и доверия народа к лидерам сложился общенациональный консенсус по принципиальным вопросам внешней политики. Как выразился Черчилль, «широкие массы населения могли спокойно заниматься своими повседневными делами и предоставить политику тем, кто знал ее досконально и уверенно проводил в жизнь».²¹

Полной гармонии во внешнеполитическом процессе, естественно, не было. Различные слои общества не во всем соглашались друг с другом. Да и в руководстве, несмотря на преемственность главных политических целей, существовали расхождения во мнениях, порой весьма резкие. Так случилось, например, с крупными государственными деятелями – премьер-министрами Гладстоном и Дизраэли. Первый настаивал на том, чтобы ориентирами британской политики служили христианская благопристойность и уважение к правам человека, а цель ее в том, чтобы «обеспечить вечное единство между европейскими державами».²² Второй же призывал британцев к тому, чтобы их страна стала «имперской страной, - где их сыновья, когда они поднимутся, дойдут до самых больших высот и стяжут не только уважение своих соотечественников, но и безоговорочное почтение всего остального мира».²³

Плюрализм позиций, конечно, усложнял формирование внешней политики, но он не выходил за рамки национальных интересов, а в конечном итоге обогащал ее содержание, повышал эффективность и приспособляемость к изменяющейся обстановке. Девятнадцатый век был апогеем британского влияния. Когда же на смену ему пришла пора распада Империи и уменьшения удельного веса Великобритании в мировых делах, она продемонстрировала живучесть и сбалансированную адаптацию своей внешней политики к сократившемуся национальному потенциалу и к глубоким переменам во внешнем мире.

К концу XIX столетия стало очевидно: на роль гегемона не годится никто из ранее претендовавших на нее. Горизонты международной жизни расширялись, и на авансцену начали выдвигаться новые игроки, наиболее значительными из которых были Соединенные Штаты Америки.

Сразу после возникновения на Американском континенте молодая республика ушла в изоляцию, отгородилась от политических бурь и кровопролитных войн Европы. Жизненно важными потребностями американцев были мир и спокойствие, возможность заниматься своими делами, строить новую жизнь в условиях свободы. В этом заключалась суть их отношения к миру, отделенному от них двумя океанами. По определению Генри Киссинджера, «в ранние годы существования республики американская внешняя политика была на деле тщательно продуманным выражением американских национальных интересов, сводившихся просто-напросто к тому, чтобы надежно обеспечить защиту собственной независимости».²⁴

«Отцы-основатели» выражали волю американского народа, когда категорически исключали возможность вступления Соединенных Штатов в любые союзнические отношения с европейскими державами. Если в Европе союзы создавались для предотвращения войны (или для победы в ней), то в Америке, удаленной от очагов нестабильности и конфликтов, внешняя политика с самого начала ориентировалась

²⁰ Asa Briggs. The Age of Improvement 1783-1867. L. 1959., p. 352.

²¹ Winston S.Churchill. A History of the English-Speaking Peoples. N.Y. 1957. Vol. IV, Book XII, pp. 385-386.

²² Carsten Holbraad. The Concert of Europe. L., 1970, p. 146.

²³ Joel H.Wiener, ed., Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire, 1689- 1971. L., 1972, Vol. 3, p. 2500.

²⁴ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 21.

на то, чтобы любой ценой избежать втягивания в чужие раздоры, не отвечающие интересам народа, только что обретшего свободу и самостоятельность.

Первый президент суверенного американского государства Джордж Вашингтон предупреждал об опасностях участия страны в альянсах – «ловушках» ради достижения какой бы то ни было цели. Было бы неразумным, считал он, «впутывать себя посредством искусственных связей в обычные хитросплетения европейской политики или в обычные комбинации или коллизии, проистекающие из внутриевропейских дружественных или враждебных отношений. Наша отъединенность и пребывание в отдалении требуют от нас и позволяют нам следовать иным курсом».²⁵

Встав на путь превращения в нацию-государство, Соединенные Штаты во взаимоотношениях с бывшей английской метрополией и иными державами по другую сторону Атлантики прибегли к политике, которая в наше время именуется неприсоединением и нейтралитетом. В рамках этой политики молодое государство, свободное от зарубежных обязательств, открыло для себя выгоды дипломатического маневрирования между европейскими державами, способными угрожать его интересам, прежде всего между Англией и Францией.

Созвучие такой политики национальному самосознанию американцев усиливалось тем, что они воспринимали уникальное географическое положение своей страны как знак божественного провидения, а ее внешнюю политику как выражение исключительности собственных моральных качеств. Американские политики отвергали европейские представления о том, что моральность поведения государства должна оцениваться по критериям, отличным от морального поведения человека. Томас Джефферсон полагал, что существует «одна и та же система этики для людей и для наций: быть благодарными, быть верными всем взятым на себя обязательствам при любых обстоятельствах, быть открытым и великодушным, что в конечном счете в равной степени послужит интересам и тех и других».²⁶ Отвращение к циничным и эгоистическим интересам европейских правителей испытывали как в верхах, так и во всех других слоях американского общества. Непрекращающиеся войны в Европе объясняли несовершенством европейских государственных институтов, по природе своей враждебных свободе и человеческому достоинству. Томас Пейн писал: «Поскольку война есть система управления старой конструкции, вражда, которую нации испытывают друг к другу, является непосредственным порождением политики собственных правительств и следствием их подстрекательства, чтобы сохранить дух системы ... Человек не является врагом человека, а лишь становится таковым вследствие фальши системы управления».²⁷

Тогда же появилась специфически американская концепция: мир зависит прежде всего от повсеместного распространения демократии. А особая ответственность за насаждение повсюду демократических ценностей, по убеждению большинства народа и почти всей элиты Соединенных Штатов, лежит на их, Богом избранной стране, и в этом состоит ее исключительность как исполнителя миротворческой миссии.

Правда, когда речь заходила о методах реализации этой концепции, мнения расходились. Одни считали, что надо разворачивать активную международную деятельность, а другие советовали полагаться на силу собственного примера. Поначалу преобладало суждение о том, чтобы дать нарождающейся американской нации возможность доказать всему миру преимущества демократии, развивая и совершенствуя ее у себя дома. Томас Джефферсон говорил, что Америка «действует в интересах всего человечества, ... ибо обстоятельства, в которых отказано другим, но кото-

²⁵ Senate Document № 3, 102 nd Congress, 1st Session, Washington, D.C., 1991, p. 24.

²⁶ Paul Leicester (ed.). The Writings of Jefferson. N.Y., 1892-1899, Vol. V, p. 153.

²⁷ Thomas Paine. Rights of Man. N.Y., 1974, p. 147.

рые дарованы нам, налагают на нас обязанность показать, что такое на самом деле та степень свободы и самоуправления, которой общество осмеливается наделить своих отдельных членов».²⁸ (Придет время, уже в следующем столетии, когда верх возьмет «активистское» толкование демократических ценностей с осложнениями для американской внешней политики и для международных отношений в целом).

Расхождение принципов морали и целесообразности, осуждаемое американцами вовне, отнюдь не противоречило политической практике внутри страны. Если войны в Европе считались аморальными, то как вполне естественная воспринималась далеко не мирная территориальная экспансия Соединенных Штатов в глубь и в ширь Американского континента. Более того, первоначально считавшаяся внутренним делом экспансия вскоре приобрела внешнеполитическое измерение.

Джеймс Монро оправдывал расширение пределов Соединенных Штатов как необходимое для обретения статуса великой державы: «Всем должно быть очевидно, что чем дальше осуществляется экспансия, при условии, что она остается в справедливых пределах, тем большей станет свобода действий обоих правительств (штатов и федерального), тем более совершенной станет их безопасность; и во всех прочих отношениях более благоприятными станут ее последствия для американского народа. Размеры территории, в зависимости от того, велики они или малы, в значительной степени характеризуют нацию. Они свидетельствуют о величине ее ресурсов, численности населения и говорят о ее физических силах. Короче говоря, они создают разницу между великой и малой державой».²⁹

Подобная, хотя морально и не безупречная, концепция, по всей видимости, не смущала «средних американцев», особенно тех, кто осваивал новые земли, вытесняя с них коренное индейское население. Но вот следующий шаг по пути экспансии – провозглашение «доктрины Монро» встретил не столь единодушное согласие. С одной стороны, доктрина объявила недопустимым вмешательство Европы в американские дела, что бесспорно отвечало национальным интересам Соединенных Штатов. С другой стороны, понятие «американские дела» оказалось весьма расплывчатым, охватив со временем все пространство Западного полушария.

Запретив Европе вторгаться в эти пределы, Америка развязала себе руки для беспрепятственной экспансии во всех странах континента. Расширение торговли и сфер влияния, присоединение новых территорий в Западном полушарии – все это (включая силовые акции) в конечном счете вело Соединенные Штаты к превращению в великую державу. Но цена продвижения к этой цели оказывалась не во всем приемлемой с точки зрения интересов разных групп и слоев американского общества.

Взаимосвязь национальных интересов и внешней политики Соединенных Штатов в XIX веке нельзя оценить в полном объеме, если не учесть одно важное обстоятельство. Дело в том, что внешняя политика тогда занимала в жизни американского общества гораздо менее заметное место, чем в главных европейских странах. Международные дела не затрагивали глубинные интересы американской нации. Защищенные от внешних угроз Соединенные Штаты сосредоточились на собственном внутреннем развитии. А в нем было немало противоречивого. На фоне неуклонного роста назревал кризис государственной и общественной системы. Рабство стояло, без сомнения, в центре разногласий между Севером и Югом. Но наряду с ним в тугой узел сплелись экономические, политические, социальные и иные проблемы, разрешить которые компромиссами и соглашениями было невозможно. Страна оказа-

²⁸ Robert W. Tucker and David C. Hendrickson. *Empire of Liberty: The Statecraft of Thomas Jefferson*. N.Y., 1990, p. 11.

²⁹ William A. Williams (ed.) *The Shaping of American Diplomacy*. Chicago, 1956, Vol. 1, p. 122.

лась на пороге братоубийственной войны. На карту были поставлены целостность и будущее самой американской нации.

Гражданская война (1861-1865) явилась эпохальным переломом в истории Соединенных Штатов, а выдающийся лидер нации – президент Авраам Линкольн стал центральной фигурой в сознании американского народа. Во время национального кризиса все действия и помыслы великого президента были обращены на то, чтобы спасти ценности и принципы республики, зафиксированные в Декларации независимости и Конституции, воплотивших основные черты американской демократии.

Провозглашенная Линкольном Декларация от 1 января 1863 г. освободила около трех миллионов негров-рабов и коренным образом изменила общественную систему Юга. Но Декларация имела также и внешнеполитическую направленность. Она лишала Англию и Францию возможности оказать военную поддержку южанам. Поскольку теперь речь шла о войне «за» или «против» рабства, общественность в обеих европейских странах, которые уничтожили рабство в своих колониях, однозначно встала на сторону северян.

Добившись победы в гражданской войне, Линкольн укрепил единство нации, а на ее основе упрочил федеративный союз штатов. Неслучайно поэтому он апеллировал к «мистическим звукам памяти» американского народа, которые «усилят звуки Союза».³⁰ Никто другой, кроме Линкольна, не был бы в состоянии совершить такой подвиг поистине исторической значимости. Под его водительством Соединенные Штаты закрепили демократию как прочную опору для внутренней и внешней политики, обрели уверенность в будущем на основе согласия внутри страны и с международным сообществом. Знаменательны в этом смысле заключительные слова речи Линкольна при вступлении во второе президентство (за месяц с небольшим до его трагической гибели от руки убийцы): «Без зла к кому-либо и с любовью в ближнем для всех, твердо стоя на праве, данном нам Богом, будем же и дальше стремиться к тому, чтобы довести до конца начатое нами дело... сделать все, что может дать и сохранить справедливый и длительный мир у нас самих и со всеми нациями».³¹

Внутренние потрясения задержали выход Америки на мировую арену в качестве великой державы. На протяжении большей части XIX века она оставалась в стороне от главного течения международной жизни. Но после гражданской войны начался стремительный рост американской экономики.

К 1885 г. Соединенные Штаты обогнали Великобританию, тогда крупнейшую индустриальную державу мира, по объему производимой продукции. К концу столетия страна потребляла больше энергии, чем Германия, Франция, Австро-Венгрия, Россия, Япония и Италия вместе взятые. С окончания гражданской войны и до начала следующего столетия добыча угля в Америке выросла на 800%, длина железнодорожной сети - на 567%, производство пшеницы - на 256%. Благодаря иммиграции численность населения удвоилась. Процесс роста ускорился.³²

Гигантское приращение могущества ставило лидеров Соединенных Штатов перед искушением поскорее воспользоваться им для радикального повышения своего международного статуса. Однако к тому времени механизмы и процедуры формирования внешней политики, присущие нации-государству, достигли уже такого высокого уровня, на котором ощутимо сдерживалось имперское нетерпение. Конгресс по-прежнему отдавал абсолютный приоритет внутренним проблемам, сохраняя армию малочисленной, флот слабым (вплоть до 1890 г. американская армия занимала четырнадцатое место в мире, после Болгарии, а американский флот был меньше

³⁰ John Gabriel Hunt (ed.) The Essential Abraham Lincoln. N.Y., 1993, p. 222.

³¹ Ibid., p. 331.

³² Paul Kennedy. The Rise and Fall of Great Powers. N.Y., 1987, pp. 201, 242-249.

итальянского). Тем не менее началось неодолимое движение – превращение внутренней мощи в важный фактор международной политики. В двадцатом столетии Соединенные Штаты предстали перед миром как держава первой величины, что обусловило переоценку и переориентацию ее национальных интересов и их проекцию на американскую внешнюю политику.

В целом изложенное в Главе первой – это предыстория парадигмы национальные интересы – внешняя политика. На протяжении примерно трех столетий, разрозненно и разновременнo, зарождались и вызревали ее институциональные и функциональные элементы. И только к исходу XIX века они начали складываться в единое целое, количественные накопления стали переходить в новое качество. Страновые трансформации вышли на мировое пространство. В рамках складывавшейся в то время глобальной системы международных отношений наметились контуры взаимосвязей и взаимообусловленности национальных интересов и внешней политики, присущие в той или иной мере государствам всего мирового сообщества.

Двадцатый век стал поистине переломным как во всемирной истории, так и в сфере международной политики. Он принес колоссальное расширение диапазона действия внутренних и международных факторов, формирующих внешнюю политику государств, чрезвычайно усложнил процесс выработки и принятия внешнеполитических решений, резко усилил участие в нем различных политических и общественных сил, наделил поистине могущественным влиянием средства массовой информации.

Основоположник отечественной науки о международных отношениях академик Николай Иноземцев писал: «XX век характеризуется огромным ускорением по сравнению со всеми предыдущими периодами истории всех сторон общественного развития... XX век принес глубочайшие социальные перемены, открыл совершенно новые возможности в приобщении сотен и сотен миллионов людей к активной общественной жизни, культуре, достижениям мировой цивилизации... XX век отличается и в том отношении, что он показал гораздо более глубокую, чем когда-либо в прошлом, связь внутренних процессов, происходящих в тех или иных странах, с процессами общемировыми, с развитием мировой экономики и политики, возросшую взаимосвязь и взаимообусловленность различных сторон развития человечества».³³

На фоне бурных событий XX столетия усилившаяся политикообразующая функция национальных интересов, - содержание которых также претерпевало существенные изменения, - проявлялась неодинаково и асинхронно. Наиболее полно и интенсивно она дала о себе знать в крупных развитых странах. Но можно констатировать, что в общем итоге появились универсальные тенденции, побуждающие государства оценивать и реализовывать во внешней политике свои потребности не просто под углом зрения узких, традиционно понимаемых национальных интересов, а в широком контексте современного исторического развития. Безальтернативность этих императивных тенденций подчеркивал исследователь-международник профессор Даниил Проэктор: «Проводить политику, отвечающую этим главным тенденциям, и означает вести курс, который соответствует возрастающей роли народов, потребностям развития экономики, науки, техники. Только та политика имеет будущее, которая отражает подлинные интересы народов, не противопоставляет одно государство остальным, а исходит из согласования и взаимопонимания, не прибегает к военной силе во имя несправедливых целей, несмотря на ее громадный материальный рост. Всякое иное политическое творчество не способно разрешать проблемы современности. Оно входит в противоречие с объективной действительностью».³⁴

Внешняя политика Советского Союза по самой своей природе не могла вписаться и не вписалась в магистральное направление современной истории. Отрицая

³³ Глобальные проблемы современности (отв. ред. академик Н.Н.Иноземцев) М., 1981, сс. 3-4.

³⁴ Д.М.Проэктор. Мировые войны и судьбы человечества. М., 1986, с.9.

даже возможность существования национальных интересов страны, кремлевские вожди по своему произволу решали, что нужно или не нужно ведомому ими советскому народу. Близко соприкасавшийся с внешнеполитическим процессом того времени академик Георгий Арбатов писал: «Существовавшая политическая надстройка загоняла в очень узкие рамки политическое творчество. Для выявления и анализа меняющихся реальностей, интересов и мнений различных социальных слоев и групп, мобилизации интеллектуального потенциала, необходимого для своевременного решения возникавших проблем и успешного развития общества, эта политическая надстройка просто не была приспособлена. Тем более что доминирующим, подавляющим все остальное стремлением тех, кто определял политику, все больше становилось не решение проблем, а глухая оборона от перемен, сохранение любой ценой существующего статус-кво».³⁵

Положение принципиально изменилось с появлением новой России. Отошли в прошлое идеологизированные (директивные) представления о том, что наше государство не подпадает под действие объективных закономерностей всемирного развития, в том числе в области формирования внешней политики. Теперь наш внешнеполитический процесс, несмотря на те или иные сбои, стал выстраиваться по тем же общим законам, которые современная реальность диктует всем государствам без исключения. Занимавший высокие государственные посты академик Евгений Примаков свидетельствует: «Не сегодня изобретена и не мы авторы формулы, которой руководствовались и продолжает руководствоваться преобладающее число государств: нет постоянных противников, но существуют постоянные национальные интересы. В советский период мы часто отступали от этой жизненно важной истины, и в результате в таких случаях национальные интересы нашего государства приносились в жертву борьбе с “постоянными противниками” или поддержке “постоянных союзников”».³⁶

Прошрое столетие и начало нынешнего дают богатейший материал для конкретного анализа и теоретических обобщений по избранной проблематике. В свете прошедшего и настоящего – и, конечно, под углом зрения собственных интересов России – следует рассмотреть в возможно большей полноте, многоплановости, многозначности и в широком контексте международного развития сложный комплекс формирования внешней политики на основе национальных интересов.

³⁵ Г.А. Арбатов. Затянувшееся выздоровление. Свидетельство современника. М., 1991, с. 254.

³⁶ Евгений Примаков. Годы в большой политике. М., 1999, с. 212.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Достигнув высокой степени взаимообусловленности, национальные интересы и внешняя политика вошли в двадцатый век как достаточно сформировавшаяся система со свойственными ей институциональными и функциональными характеристиками и закономерностями, общими для всех развитых стран. Возрастающее влияние на содержание и направленность международной деятельности государства, в комплексе с другими факторами, начала оказывать универсальная парадигма политико-образования – тандем национальных интересов и внешней политики. Разумеется, взаимодействие этих двух категорий происходило и раньше. Но только с двадцатого столетия оно приобрело системный характер и стало императивом мирового развития.

В рамках общих объективных закономерностей парадигмы проявляются первичность национальных интересов и вторичность внешней политики, притом, однако, что в каждой стране и на разных этапах складывается собственная модель их сочетания, их прямых и обратных связей. Столь же разнообразен состав национальных интересов, которые в конкретном государстве и на соответствующем этапе проецируются на его внешнеполитический процесс. Тем не менее, существует набор базовых интересов, жизненно важный для каждой нации. В их число, по заключению авторитетных отечественных и зарубежных теоретиков и практиков внутренних и международных процессов, входят следующие: 1) безопасность страны от военных и иных угроз извне, 2) политическая и социальная стабильность общества и государства и 3) благополучное материальное и духовное состояние народа.

Инвариантность «триады» отнюдь не абсолютна. Обычно употребляемое применительно к национальным интересам определение «вечные» достаточно условно. Они действительно гораздо устойчивее, чем государственные, в том числе внешнеполитические, интересы, которые в большей степени подвержены конъюнктурным переменам. И все же, национальные интересы – это конкретно-историческая категория, в которую изменяющаяся действительность вносит свои коррективы.

На фоне высокого внешнеполитического динамизма замедленная эволюция национальных интересов мало заметна. Но зато происходящие в них сдвиги имеют более основательное и длительное действие. Отсюда – необходимость раннего выявления и учета изменений, даже на первый взгляд малозначительных, в национальных интересах изучаемой страны.

Именно такого метода придерживались, например, авторы доклада «Безопасность Запада», который опубликовали в 1981 г. директора четырех исследовательских центров: Карл Кайзер, Исследовательский институт Немецкого общества внешней политики (Бонн); Уинстон Лорд, Совет по международным отношениям (Нью-Йорк); Тьерри де Монбриаль, Французский институт международных отношений (Париж) и Дейвид Уотт, Королевский институт международных отношений (Лондон). В докладе, посвященном усложнению трансатлантических отношений, рассмотрению вызывающих его краткосрочных причин предшествует анализ «исторических и культурных факторов», затрагивающих «глубинные социальные сдвиги в Америке и Европе». С американской стороны отмечено смещение внешнеполитических интересов с европейской ориентации на более глобальную в результате ослабления влияния политических и деловых элит Восточного побережья в пользу их конкурентов в Калифорнии и на Юге, слабо знакомых с Европой и меньше заинтересованных в развитии связей с нею. Кроме того, обращено внимание на усиление националистических настроений в толще американского народа как реакции на ущерб престижу США в мире после Второй мировой войны. С европейской стороны констатировался

антиамериканский настрой молодой части политических элит, стремление к самоутверждению в международных делах. В качестве устойчивой тенденции назывался внешнеполитический евроцентризм как следствие неуклонного углубления интеграции и сближения национальных интересов стран Старого Света.³⁷

Самого пристального изучения требует динамика национальных интересов тех стран, в которых происходят глубокие изменения социальной и политической структуры. В первую очередь это касается нашей страны, претерпевшей в XX веке поистине радикальные перемены (об этом – в Главах пятой и седьмой).

В зависимости от внутренних и внешних условий «триада» национальных интересов в разных странах находит неодинаковое по интенсивности выражение и не во всем совпадающую приоритетность ее компонентов. Но все страновые различия обычно не выходят за контуры общей закономерности. Иначе и быть не может. Ведь речь идет не обо всех национальных интересах, а лишь о тех, которые через внешнюю политику призваны обеспечивать фундаментальные условия для существования и развития страны и народа. Это – ключевые, жизненной важности интересы. А в их пределах свобода выбора довольно ограничена. Можно, конечно, позволить себе уделять меньше внимания внешним делам и погрузиться в обустройство собственной страны. Однако только до той критической черты, за которой либо внешняя среда, либо острейшие внутренние потребности, либо то и другое вместе вынудят позаботиться об обеспечении базовых интересов нации или хотя бы элементарных интересов действующего от ее имени вовне государства. Когда встает вопрос о выживании, все прочие соображения отходят на задний план.

Известный американский историк и дипломат Джордж Кеннан сформулировал такую аксиому: «Интересы нации, которыми надлежит руководствоваться правительству, ...не подлежат оценке с точки зрения морали. Они определяются самим фактом наличия национального государства и статусом национального суверенитета, которым они пользуется. Они являются непременными потребностями существования нации, а потому не могут квалифицироваться ни как «хорошие», ни как «плохие». Их можно было бы рассматривать в свете философской отстраненности. Но правительство суверенного государства не может выносить подобные суждения ... правительство не нуждается в каком-либо моральном оправдании, равно как не должно оно принимать моральное осуждение за свои действия во имя этих интересов».³⁸

Суть высказанной аксиомы – абсолютный суверенитет национальных интересов. Действительно, не требуется доказательств того, что в современном мире интересы нации стоят превыше всех иных категорий международного общения. В той же мере суверенны действия государства во имя национальных интересов. Но здесь необходима существенная оговорка. Аксиома теряет смысл, если за подлинные интересы нации выдаются своекорыстные и наносящие ущерб другим нациям замыслы правящих элит, которые формулируют и проводят внешнюю политику. Такого рода подмена понятий, ставшая привычной в современной международной практике, прослеживается на всем протяжении настоящего исследования и учитывается в качестве неременной поправки при анализе конкретных проявлений парадигмы национальные интересы – внешняя политика (в частности, для выявления в ряде случаев соотношения действительных национальных интересов и противоречащих им внешнеполитических расчетов).

³⁷ Karl Kaiser, Winston Lord, Thierry de Montbrial, David Watt. Western Security. A Report Prepared by the Directors of Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft fuer Auswaertige Politik (Bonn), Council on Foreign Relations (New York), Institut Francais des Relations Internationales (Paris), Royal Institute of International Affairs (London). N.Y., L., pp. 11-12.

³⁸ George F. Kennan. At a Century's Ending. N.Y., 1966, p. 270.

Верховенство в международных делах национальных интересов как ключевой закономерности рассматриваемой парадигмы сочетается с другой ее закономерностью – иерархией приоритетов внутри упомянутой «триады». При разнообразии в частностях, главное и первое место в ней занимает безопасность. Два других компонента – внутренняя стабильность и благосостояние, чрезвычайно важные сами по себе и в комплексе с безопасностью, в отличие от нее сказываются на международных делах не столько напрямую, сколько опосредованно, лишь в конечном итоге, тогда как политика безопасности решает центральную проблему войны и мира. Недавно президент Джон Кеннеди заметил: «Внутренняя политика может нанести нам поражение; внешняя политика может нас убить».³⁹ Действительно, нельзя обеспечить национальные интересы внутри страны, если она не защищена от угроз извне. Так было во время «холодной войны», так остается и теперь, когда миру угрожают распространение ядерного оружия, международный терроризм и множество иных, во многом еще не осознанных опасностей.

Пренебрегать интересами собственной безопасности губительно не только для самой допускающей это страны, но и для всего международного сообщества. Нельзя не согласиться с маститым американским историком Артуром Шлезингером: «Ни одна нация, отказавшаяся считать самосохранение стержнем своей политики, не может выжить. И ни у какой нации нет основания рассчитывать, что на нее могут положиться в международных делах, если она действует вопреки собственным национальным интересам. Без компаса национальных интересов не бывать ни порядку, ни предсказуемости в международных отношениях».⁴⁰

Бесспорно, подлинные потребности безопасности нации – самые надежные указатели разумной внешней политики государства. Но, как уже говорилось, национальные интересы воплощаются во внешнюю политику в комбинации с иными, частными интересами, а то и просто не учитываются. Под флагом «национальной безопасности» зачастую действуют не только ради защиты собственной страны, но и для ущемления интересов соперников и конкурентов, для установления контроля над чужими территориями и народами.

В то же время вряд ли достоверна картина нынешнего мира, которую создают исследователи школы «политического реализма». Они механистически переносят закономерности выражения национальных интересов внутри страны на мировую арену, без важных скидок на принципиальное различие внутренних и международных процессов. Классик «политического реализма» Ганс Моргентау и его последователи считают: «... вся политическая жизнь нации, особенно демократической нации, с самого низкого до самого высокого уровня – это непрекращающаяся борьба за власть... люди стремятся сохранить или установить свою власть над другими людьми... Сущность международной политики идентична политике внутренней. Обе являются борьбой за власть...».⁴¹

Оставляя в стороне сопоставление «политического реализма» с марксистским учением о классовой борьбе, достаточно сказать, что при всем их видимом сходстве ни то, ни другое не охватывает многофакторности внутреннего и международного развития современности. И уж никак не способны они раскрыть сложное содержание закономерностей взаимодействия национальных интересов (кстати, крайне упрощенно ими понимаемых) и внешней политики (зауженной, в их представлении, до борьбы за власть).

³⁹ Quoted in Arthur M. Schlesinger, Jr. The Imperial Presidency. Boston, 1973. p. 401.

⁴⁰ Arthur M. Schlesinger, Jr. The Cycles of American History, Boston, 1986, p. 76.

⁴¹ Hans. J. Morgenthau. A Realist Theory of International Politics. In Arms and Foreign Policy in the Nuclear Age (Ed. by Milton Rakove). N.Y., L., 1972, pp. 30-31.

Оптимально продуктивным исследовательским методом в рассматриваемой проблематике представляется освобожденный от идеологических пристрастий анализ реальных тенденций, определяющих общие закономерности развития внешнеполитического процесса на основе национальных интересов. Происходящая на страновом, региональном и глобальном уровнях трансформация, обусловленная эпохальными переменами в жизни человеческого общества за последнее столетие, знаменуется переходом в качественно более высокую фазу управления международной деятельностью, приближения ее к подлинным общенациональным и общечивилизационным потребностям.

Как и в общественном развитии в целом, политическое творчество проходит не только через сближение интересов, но и через их столкновение, преодоление стереотипов прошлого и возникновение новых противоречий. Но все же главный вектор перемен складывается в направлении консолидации общих политикообразующих закономерностей.

Одной из них, и весьма характерной, является возрастающая многофакторность внешнеполитического процесса. Закономерность эта диктуется, во-первых, мощным воздействием обновляющейся внутренней и внешней среды и, во-вторых, значительным расширением круга прямых и косвенных участников формирования внешней политики.

Современный контекст, в котором происходит внешнеполитическое творчество, разительно отличается от существовавшего еще недавно, скажем, сразу после Второй мировой войны. В наше время интересы нации и государства каждой развитой страны отражают гигантский рост и дифференциацию ее внутреннего потенциала, а во внешнем мире вышли далеко за пределы традиционной дипломатии, отношений с другими странами и международными организациями. Сегодня внешняя политика имеет дело с проблемами не только чрезвычайно усложнившейся собственной и международной безопасности, но также обостряющейся конкуренции и взаимовыгодного сотрудничества в глобальных торговых, технологических, энергетических, финансовых, информационных, экологических, культурных и многих других пространствах.

Если раньше иностранными делами ведала узкая группа чиновников под эгидой высшего государственного руководства, то теперь во внешнеполитический процесс вовлекается широкий спектр органов законодательной и исполнительной власти, включая силовые и разведывательные, а также политические партии, военно-промышленный комплекс, деловые круги, средства массовой информации, академические и экспертные сообщества, общественные движения и организации.

Многофакторность расширяет диапазон и усиливает проекцию национальных интересов на внешнюю политику, уравнивает ее посредством сдержек и противовесов, а главное – обогащает ее содержание и повышает эффективность. Не обходится и без издержек. Исходящие из самых разных источников идеи и предложения зачастую не соотносятся с формальными требованиями, предъявляемыми к такой специфической области деятельности, каковой является внешняя политика. Многие из общепринятого внутри страны не годятся для продвижения за границу и должны быть введены в соответствующий формат, приемлемый в международном общении. Это не просто, но политический опыт и профессиональный подход в общем позволяют справиться с этой задачей. Значительно сложнее другое – несовпадение с общими интересами нации частных интересов самых разных, особенно влиятельных групп.

Расхождение интересов во все времена было свойственно каждому обществу. Но только на нынешней стадии развития нации-государства этот феномен приобрел системный характер и превратился в закономерность формирования политики. Речь

идет о наличии эгоистических интересов, противоречащих интересам нации в целом и осложняющих выработку и осуществление внешней политики. Такие интересы мешают бескорыстно служить своему государству, вредят его имиджу, подрывают эффективность действий на международной арене.

С горечью вспоминал о своей дипломатической службе Джордж Кеннан: «... функция американской карьерной дипломатии сопряжена с определенными противоречиями. Сотрудника дипломатической службы учат и поощряют верить в то, что он служит национальным интересам – то есть, интересам страны в целом – в ее отношениях с внешним миром. Но он обнаруживает, однако, что работает на людей, для которых главный интерес заключается не в этом. Для них главное – это внутренняя политика, а интересы, которые они преследуют в данной области, не просто часто, а обычно противоречат требованиям разумной национальной дипломатии. Степень эгоцентризма участников американской внешнеполитической борьбы такова, что возможность действовать – то есть, обычно выступать с заявлениями – в сфере иностранных дел превращается для них всего лишь в средство произвести тот или иной эффект на политической сцене внутри страны».⁴²

Как к неизбежной неурядице развитого общества относится к разнообразию интересов бывший государственный секретарь Дин Раск: «... вторжение внутренней политики в нашу внешнюю политику – это неизбежное следствие демократии. По большей части внешнеполитических вопросов члены Конгресса голосуют за то, что они считают национальными интересами. Но по некоторым вопросам необходимость переизбрания заставляет их обращать больше внимания на этническую политику и вкусы избирателей... Все это входит в нормальную политическую игру, которая порой достигает большой остроты... сенаторы и члены палаты представителей перетягивают канат между национальными интересами и интересами их избирателей».⁴³

Столкновение интересов – неперенная черта политического ландшафта Вашингтона. Хорошо изучивший нравы американской бюрократии журналист Хедрик Смит пишет: «Междоусобная борьба глубоко укоренилась в нашей правительственной системе. Большинство стычек – это микрокосм внутривластных игр. Они вписываются в формат бюрократических межплеменных войн – институциональных конфликтов, разжигаемых тщеславием, эгоистическими интересами, лояльностью и завистью крупных чиновничьих кланов, защищающих свои местнические позиции и прибегающих как к хитрости, так и к красноречию, дабы взять верх в политической борьбе».⁴⁴

Кремлевское руководство не признавало в Советском Союзе какого-либо иного интереса, кроме предписанного партией и правительством -государственного. Но в реальной жизни нельзя было не ощущать, что у народа, в разных его составляющих и в целом, есть свои интересы, так или иначе отличные от указанных властью. В официальной же пропаганде и политике, тем более внешней, несовпадение интересов начисто игнорировалось. Со счетов списывались чаяния не только «социально чуждых» слоев, но и всей массы «трудящихся». Граждане были полностью устранены от управления государством, лишены возможности участвовать в обсуждении, не говоря уже о решении вопросов, от которых зависела судьба их страны. Таков был жесткий стиль тоталитарного режима. С помощью идеологической обработки и репрессий насаждалась иллюзия единодушия и отсутствия противоречий. Возникавшие проблемы и трудности замалчивались, все делалось для того, чтобы поддерживать видимость монолитности и незыблемости установленного порядка.

⁴² George F. Kennan. Memoirs 1950-1963, N.Y., 1972, pp. 319-320.

⁴³ Dean Rusk. A Secretary of State's Memoirs. L., 1991, pp. 478-479, 481.

⁴⁴ Hedrick Smith. The Power Game. How Washington Works. N.Y., 1988, p. 569.

Академик Арбатов вспоминал: «Большой мощный аппарат власти – государственной и партийной – был ... поставлен на службу предотвращения перемен, сохранения неподвижности, застоя. В результате в этот период выработался совершенно определенный политический стиль – крайне осторожный, замедленный, ориентированный не столько на решение проблем, как на то, чтобы не нарушить собственного равновесия. Социальных и национальных проблем, экологических угроз, упадка образования и здравоохранения, бедственного положения значительной части членов общества – всех этих проблем как бы не существовало, их заменяли элементарными пропагандистскими стереотипами вроде «новой социальной общности – советского народа».⁴⁵

Возникновение и существование советской модели социализма было насилем над объективными законами общественного развития. Недопущение политического плюрализма, в том числе и при формировании внешней политики, – это неотъемлемый компонент того волюнтаристского порядка, который низвел нацию до положения инструмента достижения непосильных и нереальных целей вопреки ее настоящим нуждам и жизненно важным интересам. Логика противоестественного курса ускоряла неизбежный самораспад нежизнеспособной системы.

Наперекор историческим закономерностям двигалась нацистская Германия. «Нация», как ее понимал и как ею оперировал Гитлер, это циничное извращение самой сути понятия. Воспользовавшись настроениями неудовлетворенности и реваншизма в немецком народе после поражения Германии в Первой мировой войне, он установил в стране тоталитарную диктатуру, а национальные интересы подчинил своим человеконенавистническим идеям и агрессивным планам. Невероятно, но немецкая нация, славная своим культурным наследием, пошла за фюрером вопреки здравому смыслу и элементарным соображениям самосохранения. Подействовала, несомненно, атмосфера запугивания и страха. Но не только, скорее даже не столько. Немцы поверили в лозунг: «Один народ, один рейх, один фюрер!».

Профессор Даниил Проэктор, глубоко изучивший проблему нацизма, пришел к таким выводам: «Гитлер широко использовал свою безусловную способность активизировать большие массы людей. Играя на их коллективной психологии и на возможности манипуляции лозунгами о наличии «врагов нации» внутри ее самой, он поставил на службу пропаганде технические приемы коммерческой рекламы... Он размывал психику людей, делал ее более восприимчивой, а затем сосредоточивал ее на ограниченном числе лозунгов, которые повторял непрестанно, повсюду и постоянно: 1) «уничтожение марксизма»; 2) разрыв Версальского договора; 3) завоевание России; 4) гарантия «социальной безопасности» внутри; 5) восстановление «национального престижа» Германии и всех немцев».⁴⁶

Центральной темой гитлеровской «Майн кампф» была доктрина «народ и раса», рассчитанная на самые темные, низменные инстинкты человека. «Высшая», арийская раса наделялась правом добиваться самоутверждения путем истребления «низших» рас и завоевания обширного «жизненного пространства», прежде всего на востоке. Из этих ядовитых зерен нацистами выращивалось «народное общество». В нем, по определению германского историка Г.А.Якобсена, исключалось всякое разномыслие и «...понималось, что все немцы должны носить одинаковые пиджаки, ездить в одинаковых автомобилях...отдавать одинаковые приветствия, а главное – должны одинаково думать, верить и действовать».⁴⁷

⁴⁵ Г.А.Арбатов. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.) Свидетельство современника. М., 1991, сс. 254-255.

⁴⁶ Д.М.Проэктор. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, сс. 37-38.

⁴⁷ 100 Jahre Deutsche Geschichte. Muenchen, 1979, S. 213.

Ведомые Гитлером нацисты сделали насилие идолом своего поколения и уверовали в собственное всемогущество и вседозволенность. «Сплочение нации» достигалось репрессиями и пропагандой. Внешняя политика, подконтрольная только фюреру, сначала служила целям дезинформации, обмана и прикрытия агрессивных замыслов, а в военные годы вообще потеряла смысл. Начали с войны, ею же рассчитывали все победно завершить. «Национальными интересами» объявили поражение и истребление чужих народов, а итог оказался бедствием для самой немецкой нации. Чудовищная по масштабам и жестокости военная авантюра привела Германию к национальной катастрофе.

Наибольший ущерб формированию внешней политики на основе национальных интересов нанес тоталитаризм, прямой – в странах, находившихся под его пятой, косвенный – в глобальном масштабе (об этом – в Главе шестой). Но кроме того были – и остаются – другие обстоятельства, осложняющие многофакторное политикообразование. Одно из них заключается в том, что внешняя политика представляет собой специфическую и во многом закрытую сферу деятельности государства. Она в значительной степени дистанцирована не только от общественности, но и от государственного аппарата в целом. В условиях бесконтрольности у чиновников появляется соблазн работать на самих себя, нимало не заботясь об интересах нации и государства. Академик Александр Яковлев, умудренный опытом работы на внешнеполитическом поприще, заметил: «Дипломатия – сложная игра, и каждый в ней ищет партнеров, союзников, чтобы переиграть соперников. Такова извечная традиция, которая, к сожалению, живет до сих пор. Она антинародна, но старательно служит интересам властвующих элит и ордам мирового чиновничества». При этом, по убеждению академика, решающими не считаются не только национальные, но и государственные интересы: «У номенклатуры – свои интересы и надежды, далекие от государственных».⁴⁸

Закономерным следствием нарастания многофакторности внешнеполитического процесса явилось уменьшение в нем удельного веса профессионалов-дипломатов. Решение ключевых (а нередко и менее значительных) международных вопросов переместилось на высший политический уровень, где и происходит увязка их с национальными и государственными интересами на фоне безбрежного многообразия событий и фактов, зачастую имеющих преходящее, сиюминутное значение. Информация и аналитические оценки широким потоком поступают не столько из дипломатических источников, сколько от разведывательных служб, транснациональных корпораций, банков и, конечно же, от мощных медийных средств, контролирующих глобальное информационное пространство и поставляющих новостные материалы в колоссальном объеме и в реальном времени.

Сокращение роли профессиональной дипломатии связано, разумеется, не только с многофакторностью современной внешней политики. Сказывается также централизация власти в ведущих государствах. Особенно это затронуло страны с авторитарным и тоталитарным режимом, в которых дипломатов низвели до положения обслуживающего персонала при верховных руководителях.

Придя к власти в России, большевики превратили дипломатическую службу в рупор своей революционной пропаганды за границей. К дипломатам, как к старорежимным, так и к выдвиженцам, относились с недоверием, не подпускали к выработке политических решений. Профессиональный дипломат, народный комиссар иностранных дел Г.В.Чичерин в своей последней записке (1930 г.) жаловался: «... мое выступление в Политбюро в пользу какого-нибудь мнения было скорее всего основанием для обратного решения («неревolutionного»). Не понимаю, если мне не

⁴⁸ Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, сс. 234, 679.

доверяли, почему не хотели использовать на другой работе? Теперь уже поздно, я точно игрушка, сломанная неосторожным ребенком».⁴⁹

О следующем наркоме иностранных дел М.М.Литвинове ближайший соратник Сталина Молотов отзывался так: «Он, конечно, дипломат неплохой, но духовно стоял на другой позиции, довольно оппортунистической, очень сочувствовал Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и, конечно, не мог пользоваться нашим полным доверием. В конце жизни он политически разложился». Молотов дал и общую оценку работе советских дипломатов: «Роль наших дипломатов была ограничена сознательно, потому что опытных дипломатов у нас не было ... наша дипломатия 30-40-50-х годов была очень централизована, послы были только исполнителями определенных указаний. Эта дипломатия в наших условиях была необходима».⁵⁰

Такое отношение к дипломатии продолжалось и в послесталинский период. Ветеран советской дипломатии, четверть века прослуживший послом СССР в Вашингтоне, Анатолий Добрынин с горечью отмечал, что размещение наших ядерных ракет на Кубе (октябрь 1962 г.) держалось «в глубокой тайне не только от общественности, но и от всей дипломатической службы СССР. Даже я, посол СССР в США, и постоянный представитель СССР при ООН Зорин были в полном неведении на этот счет. Более того, у нас была инструкция общего порядка: на все возможные расспросы о ракетах отвечать, что на Кубу поставляем только «оборонительное оружие», не вдаваясь ни в какие детали... Москва умышленно в целях сохранения тайны не только не информировала меня о таком драматическом развитии событий, как поставка ядерных ракет на Кубу, но и фактически сделала своего посла невольным орудием обмана...».⁵¹

В таких ненормальных условиях советские представители за рубежом чувствовали себя неуверенно, не могли в полной мере выполнять возложенные на них ответственные обязанности. Сложилась практика перестраховочных донесений в Москву, дабы избежать наказания или отзыва на родину за неудачно составленную информацию. Бывший посол СССР в Великобритании и других странах Виктор Попов свидетельствует: «Одна из ошибок, может быть даже пороков, некоторых дипломатов - сообщение такой информации и такого анализа событий, которые не только не раздражали бы правительство, но даже ласкали бы его слух. Делается это обычно так: отрицательные факты опускаются или смягчаются, а какие-то позитивные оценки выпячиваются на первый план. Это самый опасный путь, и часто такая информация может сослужить плохую службу правительству».⁵²

Профессиональную неудовлетворенность и недостаточную востребованность ощущают также западные дипломаты, предупреждающие об опасностях недооценки знаний, опыта и методов работы специалистов, посвятивших себя изучению страны пребывания. Известный английский дипломат, автор классического труда «Дипломатия» Гарольд Никольсон писал: «... профессиональный дипломат, потративший свою жизнь на изучение положения и психологии других стран, избегает делать обобщения на основании наспех собранных фактов».⁵³ Посол Франции в Лондоне Жюль Камбон считал: «Правительство всегда будет нуждаться в том, чтобы иметь в чужих странах своих представителей, людей опытных и авторитетных, для наблюдения и объяснения того, что там происходит. Роль дипломатии еще не окончательно

⁴⁹ Вестник МИД РФ. 1995, № 6, с. 100.

⁵⁰ Цит. По Ф.Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 98.

⁵¹ Анатолий Добрынин. Сугубо достоверно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М., 1996, с. 62.

⁵² В.И.Попов. Современная дипломатия. Теория и практика. М., 2004, с.106.

⁵³ Гарольд Никольсон. Дипломатия. М., 1941, с. 61.

но сыграна... Новые времена потребуют новых интеллектуальных усилий, чтобы лучше судить о будущем».⁵⁴

Политическая практика Запада в этом отношении не слишком далеко ушла от образа действий Востока. Конечно, многое зависит от калибра и авторитета личности дипломата, но даже в наиболее развитых демократических странах нередко случаи, когда его намеренно отстраняют от внешнеполитического процесса. Достаточно вспомнить вопиющий пример публичного игнорирования государственного секретаря США Джорджа Шульца – решение по острейшему внешнеполитическому вопросу было принято без его участия советниками президента Рейгана, а ему на телевидении пришлось признать, что он не имеет возможности высказать точку зрения администрации.⁵⁵

Важная составляющая многофакторности внешнеполитического процесса – воздействие мощного глобального потока массовой информации. В определенных пределах внешняя политика самодостаточна, но закономерности медийного эффекта заставляют ее реагировать на окружающую виртуальную, во многом имиджевую среду. С точки зрения государственных интересов в такой пестрой среде можно найти выгодные для пропаганды моменты (хотя в фокус массового восприятия чаще всего попадают неблагоприятные для того или иного государства факты). Что же касается образа нации, то на многоцветном всемирном имиджевом фоне он неизбежно тускнеет, подлинные национальные интересы предстают в упрощенном и даже искаженном свете. Такая проекция затрудняет осуществление внешней политики, а нередко осложняет и процесс ее формирования.

В контексте многофакторности велика роль лидера нации. Именно нации, а не только государства. Раньше, когда над страной нависала смертельная угроза, обычно от иноземных вторжений, находились монархи или военачальники, которым удавалось правильно уловить глубинные национальные чувства, возглавить патриотический порыв и обратить его на пользу государству (не забывая при этом о собственном престиже). Но как только беда отступала, общенародный подъем спадал и политика возвращалась в прежнее рутинное русло, далекое от подлинных национальных интересов и целиком подвластное правителям. В новейшее время, особенно в ходе глобальных противостояний и противоборств, на верховного руководителя ложится колоссальная ответственность – мобилизовать все силы нации и государства во имя выживания и надежной безопасности. Однако импульс национального лидерства не иссякает после победы. Только в демократической стране этот импульс продолжает питать процесс дальнейшего расширения базы политикообразования, а в тоталитарной его используют для консервации установленного режима и ужесточения контроля над политикой. Стоит в этой связи вспомнить об Антигитлеровской коалиции Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Советского Союза и о том вкладе, который их руководители внесли в разгром общего врага объединенными усилиями своих наций и государств.

Выдающимся лидером американской нации был президент Франклин Делано Рузвельт, отличавшийся редким сочетанием твердости в отстаивании национальных и государственных интересов США и последовательности в сохранении демократических ценностей. Вопреки засилью изоляционизма в стране он во внешней политике дальновидно и искусно проводил курс на активное участие Соединенных Штатов в борьбе против агрессивного тоталитаризма. Рузвельт умел не только прислушиваться к настроениям сограждан, но и убеждать их в правильности избранного им пути, находил нужный момент для принятия решений, отвечающих интересам нации в целом.

⁵⁴ Жюль Камбон. Дипломат. М., 1945, с. 71.

⁵⁵ George P. Shultz. Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State. N.Y., 1993, pp. 822-823.

Его биограф Джеймс Мак-Грегор Бэрнс подметил: «Он казался чрезмерно чувствительным как к позиции конгресса, так и к общественному мнению, он изучал результаты опросов общественности намного более систематически, чем об этом знали в то время... Своими замечательными речами он заслужил репутацию бесстрашного лидера, но он тратил намного больше времени на увертки и перепалки в повседневных политических баталиях, чем на мобилизацию страны в поддержку судьбоносных решений». Однако при всем при том, как свидетельствует Бэрнс, Рузвельту удавалось «продвигаться то на узком, то на широком фронте, пробиваться на одном направлении, отступать на другом, притормаживать на третьем, но бесстрашно ринуться вперед только тогда, когда наметился сдвиг в его сторону, и вот тогда нанести стремительный удар, например, произнести речь – с тем, чтобы придать ускорение в нужном ему направлении движения прессы и общественного мнения, конгресса, его собственной администрации, народов и правительств за рубежом. И всего этого он мог достигать только с позиции власти, с поста президента».⁵⁶

В девятнадцатом веке французский историк и политический деятель Алексис де Токвиль, посетив Америку, восхищался ее демократическим экспериментом, но выразил и опасение: «Внешняя политика едва ли требует тех качеств, которые свойственны демократии... Демократия лишь с огромным трудом может справляться с практическим осуществлением важных мероприятий, настойчиво следовать намеченным курсом и добиваться претворения его в жизнь вопреки всем препятствиям».⁵⁷

С тех пор многое переменилось в Америке и в мире. Демократия показала себя способной уверенно и успешно (порой даже в нарушение собственных принципов) выступать на международном поприще и прежде всего потому, что в ее внешней политике в наиболее полной мере выразились национальные и государственные интересы применительно к внутренней и мировой обстановке. Убедительно подтверждает это президентство Франклина Рузвельта.

Когда на Соединенные Штаты надвигалась военная угроза, Рузвельт обратился (29 декабря 1940 г.) к согражданам с призывом отстоять «американскую цивилизацию». «Если говорить откровенно и по существу, нам угрожает опасность, и к ней мы должны готовиться... ни одна страна не может умиротворить нацистов. Оттого что вы будете поглаживать тигра, он не превратится в котенка... Мы утверждаем, что страна может достигнуть мира с нацистами только ценой полной капитуляции... Мы не признаем поражения. У нас есть все основания для надежды. Да, это надежда на мир, но также и на то, что нам удастся защитить цивилизацию, а в будущем обеспечить ее дальнейший прогресс... Я глубоко убежден, что американский народ полон решимости, как никогда, напрячь силы, ...чтобы дать отпор угрозе, нависшей над нашей верой в демократию... Как президент Соединенных Штатов я призываю к общегосударственным усилиям по обеспечению обороны. Я призываю к этому во имя нашей страны, которую мы любим и чтим и которой с гордостью служим. Я обращаюсь с этим призывом к моим соотечественникам, будучи совершенно уверен, что наше общее дело увенчается полным успехом».⁵⁸

Призыв был услышан. Услышан потому, что война уже бушевала в Европе и подбиралась к Америке. Но еще и потому, что грозная обстановка подтвердила предостережения Рузвельта, который на протяжении предвоенных лет вел американский народ к осознанию собственных жизненно важных интересов и необходимости защищать их общими силами. Изоляционистская самоуспокоенность отступала, вера в президента укреплялась. Когда Соединенные Штаты оказались под ударами

⁵⁶ James MacGregor Burns. Roosevelt: The Soldier of Freedom. 1940-1945. N.Y., 1970, p. 607.

⁵⁷ Alexis de Tocqueville. Democracy in America. N.Y., 1945, Vol. 1, pp. 234-235.

⁵⁸ Франклин Рузвельт. Беседы у камина. М., 2003, сс. 208, 210, 216.

агрессоров, американская нация – во главе со своим лидером – решительно включилась в величайшую за всю историю битву за выживание, собственное и других народов.

Вровень с Рузвельтом во Второй мировой войне стоял другой лидер демократии – Уинстон Черчилль. Во многом отличавшийся по складу характера от американского президента, британский премьер-министр также был государственным деятелем национального и мирового масштаба. Едва ли не единственный в своей стране предвестник грядущих потрясений, он в напряженный предвоенный период не находился во власти и поэтому, в отличие от Рузвельта, не мог убедить нацию в неотложности противодействия нацистской угрозе.

Но когда война разразилась, Черчилль с готовностью взял на себя всю тяжесть руководства и вдохнул в британцев уверенность в победе. Обращаясь к парламенту (13 мая 1940 г.), он сказал: «Вы спрашиваете: в чем наша политика? Я отвечаю: вести войну на море, на суше и в воздухе, всей нашей мощью и всеми силами, данными нам Богом, вести войну против чудовищной тирании, не имеющей себе равной в мрачном, скорбном каталоге человеческих преступлений. Вот – наша политика. Вы спрашиваете: в чем наша цель? Я отвечу одним словом: Победа – победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, как бы долог и труден ни был путь к ней; ибо без победы не выжить... Я убежден, что мы не дадим нашему делу погибнуть! Сегодня я считаю себя вправе потребовать поддержки от всех вас, и я говорю: итак, вместе двинемся вперед, объединив наши усилия».⁵⁹

Сосредоточив в своих руках на время войны всю полноту руководства, Черчилль ни в чем не отступил от традиций британской демократии. Для него интересы государства и Британской империи были неотделимы от интересов нации, даже в тех случаях, когда они не во всем соответствовали общим стратегическим замыслам союзников. Черчилль был честолобив, но при этом публично относился к своему высокому положению со свойственным британцам соленым юмором: «Когда оказываешься на самом верху, многое упрощается. Признанному лидеру остается лишь верить в то, что он поступает наилучшим образом или хотя бы решает так поступать. Если он наделает ошибок, их следует скрыть. Если он спит, его нельзя без надобности тревожить. Если он ни на что не годится, его следует разрубить на куски. Правда, эту крайнюю меру не стоит применять каждый день и уж никак не в первые дни после его избрания».⁶⁰

Избиратели отсрочили применение «крайней меры» на пять военных лет. Но сразу же после капитуляции Германии, во время Потсдамской конференции, на всеобщих выборах в Великобритании Черчилль потерпел неожиданное для многих поражение. По освященным традицией правилам демократии, даже победа в войне ради спасения нации не позволила победителю автоматически продолжить пребывание на посту главы правительства. Оправданно или неоправданно, но интересы внутренней политики взяли верх над интересами политики внешней. Вопреки амбициям Черчилль ни дня не задержался во власти, поскольку, как он считал, малейшая отсрочка могла вызвать разногласия и повредить национальным интересам. Он немедленно ушел в отставку, поблагодарив британский народ за «твердую, непоколебимую поддержку», которую он оказал лидеру в годы суровых испытаний.⁶¹

«В демократической стране игра между лидерами и публикой всегда носит сложный характер», – заметил Генри Киссинджер. «Лидер, приспосабливающийся в период потрясений к опыту народа, может приобрести временную популярность ценой осуждения в будущем, поскольку требованиями будущего он в этом случае пре-

⁵⁹ Winston S. Churchill. The Second World War. L., 1951, Vol. II, p. 24.

⁶⁰ Ibid., p 15.

⁶¹ Ibid., Vol. VI, pp. 583-584.

небрегает. Если же лидер значительно опережает свое общество, то становится непонимаем. Великий лидер должен быть педагогом, заполняющим пропасть между своими предвидениями и обыденностью. Но он должен также быть готов двигаться в одиночку, чтобы общество затем последовало по избранному им пути.

Каждому великому лидеру обязательно присуща доля хитрости, позволяющая иногда для вида упрощать характер цели, иногда сужать рамки поставленной задачи. Но главное в лидере – воплощает ли он истинные ценности своего общества и сущность его чаяний».⁶²

Этими качествами были щедро наделены Рузвельт и Черчилль. Каждый из них верил в свой народ и брал на себя тяжесть принятия решений, отвечающих интересам государства и нации.

Гораздо труднее оценить лидерство Сталина. Как продолжатель дела Ленина он возглавил строительство социализма на развалинах Российской империи. При этом он сделал упор на создание сильного централизованного государства, в перспективе собственной империи (первоначально в надежде на использование в этих целях революционных настроений в зарубежных странах, но вскоре в расчете на установление советского контроля военно-политическими или открыто силовыми методами). Сталин подверг огосударствлению общество и все сферы его деятельности, а в конечном счете также коммунистическую партию, подчинил себе партийный и государственный, в том числе репрессивный, аппарат, насадил тоталитарный режим, сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране, превратился в ничем не ограниченного диктатора, именуемого «вождем всех времен и народов».

В такой лидероцентристской системе не было места для волеизъявления народа, полностью отчужденного от участия в управлении государством. Немыслима была демократическая выработка политики, как внутренней, так и внешней, на основе взаимопроникновения разных интересов. Признавался единственный интерес – государственный, и только в том смысле, в каком его понимал Сталин. Он же единолично направлял формирование политики в целом и внешней политики в частности. Внешнеполитический процесс, каким он известен в демократических странах, просто не существовал. Иностранцами делами, под строгим контролем вождя, занимались в своем узком кругу чиновники-исполнители. «Посторонних» в этот наглухо закрытый мирок не допускали.

Сталинский диктат осуществлялся в обстановке непроницаемой тайны. Как подметил историк и публицист Рой Медведев, «Система власти в Советском Союзе была лишена всякой прозрачности даже для самых высших ее представителей, она была прозрачна только для одного Сталина, и это обстоятельство не в меньшей степени, чем террор и культ личности, обеспечивало всю полноту его власти».⁶³

Вождь пролетариата видел себя наследником царей. Из записки старого большевика Чагина писатель Эдуард Радзинский приводит слова Сталина на ужине у Кирова: «Учтите, веками народ России был под царем, русский народ царист, русский народ привык, чтобы во главе был кто-то один».⁶⁴ Отождествляя себя с государством, обществом, партией, Сталин меньше всего – вопреки пропагандистским мифам – заботился о положении и судьбах советских людей. Как пишет историк генерал Дмитрий Волкогонов, «... всю жизнь он был бесчувственным. Для него люди – “масса”, огромная и бесформенная. Страдания и горе “массы”, по мысли “вождя”, – суровая необходимость, и только. Он считал естественным, что великие цели требуют великих жертв. Сталин всегда думал, - и здесь он был не одинок, - что верность

⁶² Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, р. 343.

⁶³ Жорес Медведев, Рой Медведев. Неизвестный Сталин. М., 2001, с. 128.

⁶⁴ Эдуард Радзинский. Сталин. М., 1997, с. 356.

революционному радикализму означает и беспощадность на пути к намеченным вершинам».⁶⁵

Был ли Сталин правоверным революционером, верил ли безоговорочно в неизбежность установления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, считал ли классовую борьбу стержнем политики, особенно международной? Судя по всему, в чем-то да, главным образом в силу догматического склада ума. А еще потому, что нельзя свести идеологию до сугубо декоративной ее функции, не сохранив веру хотя бы в какие-то ее глубоко укоренившиеся в мозгу стереотипы. Но такая самозаидеологизированность оплачивалась высокой ценой ошибочных оценок и действий. Гротескное видение капитализма в тисках его общего, терминального кризиса искажало представление о реальных процессах в мире. Вольно или невольно, действительное заслонялось желаемым.

Тем не менее, холодное, расчетливое мироощущение Сталина, вне всякого сомнения, не подменялось идеологическими догмами. Как лидер своей нации и созданной им послевоенной империи он вел их не к несбыточному «торжеству коммунизма», а к вполне осязаемому расширению собственного тоталитарного геополитического пространства. Декларируя верность марксизму-ленинизму, Сталин не считал реальной самостоятельную «коммунизацию» стран Запада. Как писал известный американский советолог Маршалл Шульман, вождь пришел к твердому убеждению в том, что «ни одна из коммунистических партий не сможет прийти к власти в результате вызревания революционной настроенности своего собственного класса. На успех можно надеяться только в случае вмешательства Красной Армии».⁶⁶ В этом с циничной откровенностью признался сам Сталин в беседе с югославским коммунистом Джиласом: «Кто захватывает территорию, тот и устанавливает на ней собственную социальную систему. Каждый устанавливает собственную систему настолько, насколько далеко продвинется его армия. По-иному и быть не может».⁶⁷

Метаморфоза внешнеполитических установок вождя была замечена проницательными наблюдателями на Западе, где в общем преобладало убеждение в неизменности первоначальной направленности советской политики на революционное переустройство мира. Джордж Кеннан не соглашался с утверждением, будто советский руководитель «фанатично привержен идее скорейшего осуществления мировой революции». По его мнению, такое утверждение вводит в заблуждение, ибо не учитывает различия между «желаемым в идеале и необходимым или возможным в настоящий момент».⁶⁸

Правда, Сталин любил поиграть жупелом «классовой солидарности» в качестве средства отпугивания потенциальных врагов. Он заявлял, что «рабочий класс ударит в спину агрессорам...».⁶⁹ Но поскольку западные демократии, при всей их классовой антипатии к Советскому Союзу, не собирались нападать на него, предупреждения были беспредметны. Как, впрочем, и применительно к вероятным агрессорам – Германии и Японии, добившимся высокой степени национального единства на волне шовинизма. Влияние же такого пропагандистского приема на советское население было двояким: некоторое самоуспокоение в предвоенный период и горькое прозрение после нападения Германии на СССР.

В грозовой предвоенной обстановке советских людей сбивало с толку внешнеполитическое маневрирование Сталина – от попыток создать систему коллективной безопасности вместе с западными демократиями до сближения с нацистской

⁶⁵ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. М., 1996, к. 2, с. 443.

⁶⁶ Marshall D. Shulman. Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge, Mass., 1963, p. 265.

⁶⁷ Milovan Djilas. Conversations with Stalin. N.Y., 1972, p. 114.

⁶⁸ George Kennan. The Nuclear Delusion. N.Y., 1983, pp. 148-149.

⁶⁹ XVII съезд ВКП (б.). Стенографический отчет. М., 1934, с. 12.

Германией. В 1939-1941 г.г. Сталин втянулся в политическую игру с Гитлером. Пакт о ненападении Молотова - Риббентропа и секретные протоколы к нему, Договор о дружбе и границе, раздел сфер контроля в Восточной Европе, поставки советских стратегических материалов в Германию, пропагандистская поддержка ее военных успехов – все это поставило СССР на одну сторону с агрессором, способствовало развязыванию Второй мировой войны (см. Главу пятую).

Введенный в заблуждение советский народ с беспокойством ожидал дальнейшего развития событий, не имея никакой возможности выразить свою озабоченность, но в массе своей все еще веря в прозорливость и мудрость вождя. Впрочем, Сталин, как и его партнер – фюрер, меньше всего считались с настроениями в собственном народе. Недаром во время визита Молотова в Берлин (1940 г.) Гитлер сказал, что у кормила власти в Германии и России стоят «люди, обладающие достаточным авторитетом, чтобы заставить свои страны развиваться в нужном направлении».⁷⁰

Перед надвигавшимся грандиозным штормом Сталин вел советский государственный корабль неуверенным и рискованным курсом. Расчеты на «дружбу» с нацистской Германией не оправдались. Как выразился Дмитрий Волкогонов, «фактически в большой политической игре Гитлер перехитрил Сталина».⁷¹ Мощный удар гитлеровской военной машины обрушился на Советский Союз.

И вот тогда, в час смертельной опасности, Сталин, несмотря на приверженность тоталитарному правлению, нашел в себе силы, чтобы по сути признать, что есть интересы не только государства, но и всей нации, интересы спасения от реальной угрозы уничтожения. В речи 3 июля 1941 г. он, впервые обратившись к советским людям как к «братьям и сестрам», призвал их защищать прежде всего не социальный строй, не политический режим, а «свою свободу, свою честь, свою Родину – в нашей отечественной войне с германским фашизмом».⁷² Речь сыграла так необходимую тогда мобилизующую роль, дала пусть и упрощенные, но достаточно убедительные ответы на мучительные вопросы, возникавшие в народе по поводу «дружеских» советско-нацистских отношений. Со всей определенностью было сказано о разбойничьей сущности нацизма и о необходимости бороться с ним до победного конца.

Освободительный характер войны против агрессивного блока «оси» предопределил поистине надклассовый, надидеологический, можно сказать, общечеловеческий смысл антигитлеровской коалиции. На такой основе произошло совпадение национальных интересов стран, разделенных, как ранее представлялось, непреодолимыми социальными, экономическими и политическими различиями. Оставив в стороне (по крайней мере, на время войны) свои эгоцентрические помыслы, Сталин заявил: «Именно эта общность коренных интересов ведет к укреплению боевого союза СССР, Англии и США в ходе войны».⁷³ В Великую Отечественную войну Сталин возглавлял страну, получившую мощный моральный и политический импульс от слияния национальных и государственных интересов. Этот решающий фактор придал силы и стойкость армии и народу, позволил победить в титанической схватке со смертельным врагом.

Но после войны все возвратилось на круги своя. Наметившееся в военные годы усиление национального самосознания обеспокоило Сталина. В нем он увидел угрозу созданному им тоталитарному режиму и собственной безраздельной власти. И он поступил так, как только и мог поступить диктатор: для закрепления безогово-

⁷⁰ Allan Bullock. Hitler and Stalin. Parallel Lives. N.Y. 1992, p. 688.

⁷¹ Дмитрий Волкогонов, цит. соч, кн. 2, с. 149.

⁷² И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, с. 16.

⁷³ Там же, с. 122.

рочного авторитета присвоил себе славу единоличного победителя, а главное – вновь «завинтил гайки» в стране, заплатившей за победу невиданно высокую цену и заслужившей облегчения тяжкого бремени тоталитаризма. Но диктатор не оставался бы собой, не консервируя и не ужесточая свой режим. Страна погрузилась в привычное беспросветное состояние, в котором государственные интересы подавляли насущные потребности нации. В нарушение объективных исторических закономерностей тоталитарные идеологические и политические рычаги власти лишали общество возможности проявлять самостоятельную активность, вели страну к застою, а аномальную систему к неизбежному распаду (подробнее об этом в Главе пятой).

Крупнейшие лидеры прошлого века – Рузвельт, Черчилль и Сталин оставили глубокий след в истории своих стран и всего мира. След столь же различный, сколь различны Запад и Восток. Но в свете рассматриваемой закономерности есть одна общая тенденция, которая намного усиливала их ведущую роль дома и за рубежом. Это – общенациональная поддержка в час смертельной опасности. Другое дело – ради каких целей, кроме достижения победы в войне, использовали эту поддержку: либо для дальнейшего развития демократического общества и расширения его участия в политическом процессе, либо для закрепления тоталитарных порядков и недопущения народа к управлению государством.

Взаимодействие национальных интересов с внешней политикой в немалой степени зависит от уровня развитости государственности. Закономерности современных внутренних и международных процессов опровергают суждение, будто сильное государство и его правительство сковывают развитие нации и ее политико-образующие функции. Конечно, важно иметь в виду, какова природа государства и его руководства.

Касаясь бывшего Советского Союза, академик Александр Яковлев выразился с предельной жесткостью: «... сталинское государство считалось сильным – ракеты, ядерное оружие, репрессии. Но обанкротилось вчистую, ибо обрекло людей на нищенство, а страну – на отсталость, хотя “вожди” все время твердили, что советское государство – это организация, которая, как некий животворящий механизм, нацелена на производство общественного блага, и что оно прочнее любой скалы, а оказалось гнилым орехом».⁷⁴

Выстроенное по тоталитарной модели государство неизбежно отражает в политике ее сущность и служит интересам сохранения установленного режима. Академик Георгий Арбатов, анализируя внутренне устройство СССР, пришел к выводу о том, что действовавшие в нем «политические механизмы больше приспособлены для того, чтобы захватывать и удерживать власть – власть, чем бы это ни прикрывалось и ни оправдывалось, узкой группы людей, - нежели для того, чтобы управлять на общую пользу делами государства, решать появляющиеся проблемы».⁷⁵

Было бы упрощением считать, что в странах развитой демократии государство во внутренней и внешней политике всегда и во всем выражает интересы нации в целом, а не отдельных ее групп и слоев. Как уже отмечалось, формирование общенациональной политики затрудняется наличием частных интересов самого разного характера (к тому же нередко ошибочные решения и действия, в конечном итоге невыгодные никому). Кроме того, во имя демократии – как справа, так и слева – высказывается требование ограничить роль правительства в жизни общества. Такая озабоченность вполне оправдана, если в поведении правительства просматриваются мотивы, далекие от национальных интересов и грозящие ущербом демократическим порядкам. Тем не менее, с несомненной закономерностью сильное государство – на прочной демократической основе – показало себя не просто совместимым с нацио-

⁷⁴ Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, с. 669.

⁷⁵ Г.А.Арбатов. Затянувшееся выздоровление. Свидетельство современника. М., 1991, сс. 253-254.

нальными интересами, но и способным служить эффективным инструментом их воплощения в реальную политику.

В свое время Франклин Рузвельт говорил, что в Соединенных Штатах есть силы, требующие, чтобы правительство не вмешивалось в решение современных проблем. На это президент решительно возражал: «... правительство постоянно несет ответственность за решение возникающих проблем, оно ни на год, ни на месяц, ни даже на один день не может сложить с себя этой ответственности на том основании, что кто-то утомлен или напуган быстрыми темпами современной жизни ... новые явления общественной жизни во всем мире требуют новых подходов..., эти новые подходы можно принять и успешно провести в жизнь в нашей стране при существующей форме правления, если мы используем правительство как инструмент для обеспечения взаимодействия различных общественных сил. Мы верим в то, что сможем решить наши проблемы, прилагая для этого постоянные усилия в рамках демократии, не допуская ни фашизма, ни коммунизма».⁷⁶

Укрепление государственности стало императивом возрождения России и непременным условием воплощения ее национальных интересов в практическую политику. При неодинаковом отношении в разных политических и общественных кругах страны к конкретным формам централизации власти, можно констатировать широкое согласие в пользу построения сильного государства – естественно, строго в конституционных рамках. В этом видится гарантия стабильности внутри страны и укрепления ее международных позиций. Академик Евгений Примаков убежден: «Сильное государство нужно России не только для того, чтобы создать необходимые условия для продвижения стратегического курса, которым пошла страна, но и для того, чтобы обезопасить его от попыток повернуть вспять».⁷⁷

Могущество государства зиждется на силе. Но что представляет собой сила в современных условиях? Только лишь военный потенциал, гигантски возросший в эпоху стремительного научно-технического прогресса? Во все времена, и особенно теперь, военная сила сама по себе не была и не остается самодостаточной для обеспечения надежного внутреннего и международного положения страны - ее государства и тем более нации. Требуется комплекс не только военных, но и невоенных компонентов силы, то есть экономических, научных, технологических, информационных, энергетических, коммуникационных, экологических, а также относящихся к здравоохранению, образованию, социальному обеспечению, культуре, религии, политическим и гражданским структурам и ко многим другим составляющим стабильности, жизнеспособности, управляемости и эффективности общества и государства.

Соотношение военных и невоенных компонентов силы - свое для каждого государства и для каждого этапа его существования в зависимости от внутренних и внешних условий. Тем не менее, в наше время действуют объективные закономерности, имеющие всеобщее значение. Проявление этих закономерностей, естественно, тем полнее, чем значительней материальные возможности страны и чем выше ее военно-политический статус в мире. В наибольшей мере это относится к крупным державам, задающим тон в международных делах. Но с реальностями, возникающими в результате действия общих закономерностей, не может не считаться государство любого ранга, использующее в своей политике военный фактор.

В самом общем виде сущность закономерных изменений в современном понятии силы можно свести к следующему. Во-первых, революция в военном деле подняла до немыслимых ранее высот абсолютную ударную мощь вооруженных сил, оснащенных новейшими высокотехническими средствами связи, обнаружения, ориентации, управления и эффективного поражения целей в конфликтах любого профиля,

⁷⁶ Франклин Рузвельт. Беседы у камина. М., 2003, сс. 161, 165.

⁷⁷ Евгений Примаков. Мир без Росси? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009. с. 136.

сдерживаемых, однако, риском неконтролируемой эскалации к ядерной войне. Во-вторых, ослабление общенациональной поддержки и крутой рост стоимости развёртывания, содержания и, особенно, применения военной силы усугубляют тенденцию к относительному уменьшению ее роли в решении национальных и международных проблем. В-третьих, постепенно увеличивается значение невоенных, преимущественно политических, факторов силы, так называемой «мягкой силы», в расширяющемся диапазоне средств, не просто дополняющих военную силу, а самостоятельных, альтернативных.

Нынешняя метаморфоза силы в ее глобальном измерении по своей природе сходна с эволюцией «триады» национальных интересов. Собственно, исходные импульсы появились внутри стран еще в прошлом столетии во многом как реакция на две мировые войны. Порожденные национальными интересами закономерности ограничения силового начала в политике со временем вышли на международный уровень, преобразовались в закономерности всеобщего значения.

Аналогичные по основным признакам национальные и глобальные закономерности теперь активно взаимодействуют, стимулируют и усиливая друг друга. В них выражается общая объективная потребность переноса центра тяжести интересов как каждой нации, так и всего человечества, с силовых на созидательные параметры бытия. Реальность современного мира не позволяет осуществить всеобщую и полную «демилитаризацию» международной политики. Но уже началось необратимое продвижение к более сбалансированному сочетанию военных и невоенных средств политики, отвечающему настоятельным требованиям современности. Это веление времени ощущается и в рамках «триады» национальных интересов. В ней интересы безопасности все еще занимают верхнюю ступень иерархии приоритетов. Но неуклонно поднимается значимость двух других компонентов «триады» - интересов стабильности страны и благосостояния народа.

На необходимость пересмотра преобладающей роли силы в формировании государственной политики указывали еще накануне бурного двадцатого века мыслители, озабоченные будущим своих стран. В России Василий Осипович Ключевский увидел глубокое несоответствие ее политики национальным интересам. Отдавая должное «великим, гигантским деяниям» нашего народа, отмеченными «печатью борьбы за жизнь», историк-провидец высказал такую мысль: «Слава народу, который выдержал эту борьбу: поучительна история этой борьбы для будущих веков, но этим еще не завершается его призвание; надо еще подождать, пока он оправдает свое право на жизнь, столь мужественно завоеванное; надо подождать, было ли за чем огород городить, - и тогда, уже с благоговейным вниманием и надеждой, искать в глубине его народности, его духа той глубоко поучительной разумной сути, которая даст нам чудесные истины для будущего. Эта разумная суть развивается и обнаруживается сама для разумно ищущего глаза только тогда, когда народ, совершив с победой материальную борьбу за жизнь, начнет жить на счет свободных, разумных сил, запасется свободными, разумными интересами».⁷⁸

Однако путь к «свободным, разумным интересам» оказался мучительно долгим и трудным. Двадцатый век с его войнами, от локальных до мировых, и с противостояниями, от региональных до глобальных, отбросил человечество к временам неутолимой вражды, снабдив его при этом невиданными ранее средствами взаимного истребления. Национальный и международный рейтинг силы взлетел до высочайшей отметки. Государственные интересы, вместо сбалансированности, приобрели почти исключительно силовое содержание и вынудили национальные интересы выстраиваться по той же модели. Конфронтация внедрила в менталитет военно-

⁷⁸ В.О.Ключевский. Сочинения в девяти томах. М., 1990, т. IX, с. 285.

политического руководства обеих сторон стереотип безальтернативности силовых решений, независимо от связанного с этим ущерба жизненным интересам народов.

Как вспоминал Анатолий Добрынин, в период «холодной войны» в Советском Союзе «военные и руководители военной промышленности, которые одновременно являлись надежной опорой Брежнева в партии и правительстве, имели свободу доступа к нему и добивались одобрения своих проектов и планов в области военного строительства (особенно это относится к министру обороны Устинову), не будучи обремененными какими-либо знаниями или ответственностью в области внешнеполитических задач. А эти военные проекты не подвергались никакому серьезному обсуждению или гражданскому контролю вне стен Генерального секретаря или военных ведомств: ни в Верховном Совете, ни в правительстве, ни даже в Политбюро (где они упоминались в самой общей форме – в порядке информации) ...».⁷⁹

К поискам путей снижения силового уровня политикообразования стало возможно перейти только после распада двухполюсного военно-политического противостояния. Вместо разрушившейся советской системы безопасности начала складываться принципиально новая, российская. Ее главная цель – не просто нейтрализация угроз извне (и тем более не угрозы другим), а создание таких внутренних и внешних условий существования и развития страны, которые гарантировали бы ее социально-экономический прогресс, рост благосостояния народа, равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с мировым сообществом, активное участие в укреплении всеобщего мира. Российская безопасность служит защите прав и свобод личности, построению гражданского общества и правового государства. Официально признанным стало понятие «национальная безопасность» как производное от «национальных интересов». Безопасность России получила новое измерение в качестве органической составной части безопасности всего мирового сообщества.

Учитывая горький опыт изнурительной гонки вооружений, российское руководство начало соотносить цели собственной и международной безопасности с национальными (а не только государственными) интересами. Президент Владимир Путин (в 2006 г.) заявил: «... мы не должны повторять ошибки Советского Союза, ошибки эпохи «холодной войны» - ни в политике, ни в оборонной стратегии. Не должны решать вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы. Это тупиковый путь, ведущий к истощению ресурсов страны».⁸⁰ Последующее развитие событий в России и в мире не изменило в принципе это целеполагание применительно к нашим национальным интересам, хотя и внесло ряд существенных поправок в его практическую реализацию (см. Главу седьмую).

Переосмысление роли военной силы в собственной и международной политике, в разной степени и в разное время, распространилось на всех участников глобальной конфронтации, включая Соединенные Штаты. В отличие от СССР, располагавшего значительно меньшими ресурсами, США могли позволить себе массированные вложения в наращивание военной мощи, не опасаясь серьезного ущерба своей экономике (а заодно и рассчитывая на ускоренное истощение советского соперника). Но все это – до поры до времени. Рано или поздно бремя постоянно усиливавшейся гонки вооружений должно было ощутимо надавить и на Америку. К тому же, порог приемлемой дополнительной нагрузки на американское, как и вообще западное, общество намного ниже, чем на советских людей, отличавшихся долготерпением.

Перспектива ослабления внутренней базы США и Запада в целом, а вследствие этого и их позиций в противостоянии Востоку, вызывала глубокую озабоченность у проницательных политиков. Предупреждая против «самонадеянности силы», сенатор Уильям Фулбрайт доказывал, что «...эффективность внешней политики зависит

⁷⁹ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, с. 493.

⁸⁰ Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию 10 мая 2006.

от силы страны, а сама эта сила меньше зависит от действий за границей, нежели от развития, использования и обновления собственных ресурсов нации, как материальных, так и человеческих... В сущности, внешнюю политику нельзя отделять от внутренней. Эффективность внешней политики обеспечивается в конечном итоге здоровым обществом дома».⁸¹ В ходе изнурительной конфронтации обострившиеся споры о «цене силы» затронули и руководящие круги США и их союзников, в столкновении различных интересов постепенно укреплялись позиции сторонников разумного ограничения бесперспективной, разорительной и опасной гонки вооружений (см. Главу шестую).

Немаловажным компонентом понятия силы являются морально-политические факторы, определяемые не столько пропагандистскими усилиями государства, сколько настроением общества, всей нации. В этом смысле трудно сопоставлять стороны, противостоявшие друг другу в «холодной войне». Ожесточенная идеологическая борьба сама по себе не обеспечивала внешнеполитических преимуществ. Однако, несомненно, выигрыш давало соединение идеологических и материальных инструментов силовой политики. Ученый-международник Дмитрий Томашевский отмечал: «... значение морально-политических факторов, их эффективности, воздействие на соотношение сил многократно усиливается, когда они опираются на материальную базу. Как правило, чем прочнее эта база, тем эффективнее внешняя политика, тем выше авторитет и возможности государства на международной арене».⁸²

Главная закономерность воплощения национальных интересов во внешнюю политику обуславливается уровнем демократического развития страны. Чем выше и устойчивее этот уровень, тем полнее и надежнее отражение подлинных потребностей нации в международной деятельности государства. Как прежде, так и теперь – это аксиома. Однако приложима она к естественно развивающимся процессам внутри страны и никоим образом не может быть привнесена извне.

Демократия – многообразна. При универсальности ее базовых ценностей, в разных странах она различается по степени зрелости, национальной окраске и многим другим сугубо индивидуальным признакам. Кроме того, существуют самые разные интерпретации понятия демократии; некоторые по смыслу прямо противоположны ее сути. Как заметил Джордж Кеннан, «под определением “демократия” ухитряются скрываться различные проявления глупости и несправедливости... Есть тирания большинства и меньшинства. При этом первая форма едва ли менее одиозна, чем вторая».⁸³

Немалый вред международным делам, - а в порядке «рикошета» и собственным национальным интересам, - наносят попытки навязать чужим странам свои модели демократии. В самом недавнем прошлом к этому прибегла администрация Джорджа Буша-младшего в американской внешней политике, обращенной к странам Ближнего Востока. Но опыт, в который уже раз, показал неэффективность, а во многом и контрпродуктивность «экспорта демократии». Предлагаемые рецепты не только отвергаются народом и элитами суверенных государств, но зачастую и осложняют продвижение демократических реформ, исходящих из национальных источников.

Закономерность нашей эпохи – усиление формирующего влияния международной среды на внешнюю политику государств. Каждая нация с ее государственно оформленной политикой не может так или иначе не откликаться на глубокие сдвиги в структуре международных отношений и императивные вызовы современных глобальных проблем. Но внешняя среда не только настоятельно требует ответов, но и предлагает богатейший исторический опыт, накопленный человечеством дорогой

⁸¹ Senator J. William Fulbright. The Arrogance of Power. N.Y., 1966, p. 134.

⁸² Д.Г.Томашевский. Ленинские идеи и современные международные отношения. М., 1971, с. 73.

⁸³ George F. Kennan. Morality and Foreign Policy. Foreign Affairs. Winter 1985/86, p. 209.

ценой преодоления противоречий и поисков взаимной выгоды от соединения усилий самых разных участников международного общения.

И все-таки, сколь ни важны всемирные, общечеловеческие интересы, ключевым ориентиром формирования внешней политики были и остаются национальные интересы. Смена идеологий и формаций не меняет этого фундаментального положения. Франклин Рузвельту принадлежит афоризм: «Какова бы ни была идеология в данной стране, ее национальные интересы неизменны».⁸⁴

История XX века подтверждает эту истину. Отступление от нее, вольное или невольное, ничто не может оправдать. Ответственность же за игнорирование или произвольное истолкование национальных интересов в угоду идеологическим, политическим и иным целям колоссально возросла. Руководство, сосредоточенное на обеспечении собственных (но выдаваемых за всеобщие) интересов, приходит и уходит, но его просчеты и преступления дорого оплачиваются всей нацией.

Чемберлен и Даладье в интересах умиротворения агрессора пошли с ним на мюнхенский сговор, в результате чего Францию постиг полный крах, а Англия оказалась на волосок от гибели.

Гитлер и его союзники по агрессии в целях завоевания господства над всем остальным миром развязали невиданную по масштабам и жестокости тотальную войну, а в итоге потерпели сокрушительное поражение и национальную катастрофу.

Обуреваемый имперскими амбициями Сталин затеял политическую игру с Гитлером, в которой интересы народов служили лишь разменной монетой, но вместо выигрыша получил войну по самому тяжелому и кровавому сценарию, стоившему советскому народу десятки миллионов жизней и разорения полстраны.

Послесталинское руководство, не считаясь с жизненными потребностями народа, втянулось в изнурительную и опасную конфронтацию со странами развитой демократии и тем самым ускорило распад «реального социализма», изначально несовместимого с объективными законами социально-экономического развития.

Дорого заплатили за вьетнамскую войну Соединенные Штаты. По оценке Генри Киссинджера, «война, в которую мы вступили при широкой общественной поддержке и которая обернулась разочаровывающим тупиком, постепенно лишившим нас доверия народа, ... превратилась в национальный кошмар и нанесла удар по всей нашей внешней политике послевоенного периода».⁸⁵

«Вьетнамский синдром», однако, не стал постоянным сдерживающим фактором в американской политике. При президенте Рейгане вновь подняли голову «ястребы» - неоконсерваторы, оказавшие сильнейший нажим на внешнюю политику и военную стратегию США. Начавшееся было свертывание конфронтации застопорилось, снова повеяли ветры «холодной войны». Но возврата к прошлому накалу напряженности не произошло. Горбачев и Рейган продолжили переговоры и добились оздоровления международной обстановки и улучшения советско-американских отношений. Этому способствовал позитивный настрой большинства населения в Советском Союзе и Соединенных Штатах.

И опять-таки «прививка» против рецидивов конфронтации действовала не слишком долго. При президенте Буше-младшем вновь активизировались неоконсерваторы, более того, они сблизились с правыми республиканцами. Во внешней политике США обострились силовые тенденции. На волне вполне оправданного антитерроризма произошла вооруженная акция против Ирака с нечетко сформулированными целями (2003 г.). После устранения режима Саддама Хусейна американские войска увязли в затяжных боевых действиях против местных сил сопротивления. Америка оказалась фактически в длительной, кровавой и бесперспективной войне, не

⁸⁴ Цит. по Великие мысли великих людей. Антология афоризма. М., 2001, т. 3, с. 531.

⁸⁵ Henry Kissinger. White House Years. Boston, 1979, p. 64.

отвечающей ее национальным интересам. В глубинах американского общества начал складываться «иракский синдром». Выход из тупиковой ситуации обозначился с приходом в Белый дом Барака Обамы, обещавшего избирателям вывести американские войска из Ирака.

В целом же, несмотря на перепады и срывы, процесс воплощения национальных интересов во внешнюю политику государств уже дал вполне ощутимые результаты. Хотя в силу своей специфики и традиции внешняя политика все еще заметно обособлена от главного течения жизни общества и остается под контролем государства, она вышла из былой замкнутости и подчиненности скорее частным, чем общим интересам. Наступившие перемены глубже затронули те страны, где и без того высок уровень демократии, но их эффект, пусть и ограниченный, весьма важен для обществ, которые находятся в начальных фазах демократизации. Так или иначе, закономерности политикообразования приобрели всеобщий характер.

Артур Шлезингер констатирует: «К двадцатому веку профессиональная монополия бесповоротно разрушилась. Эра правительства как единственного деятеля в иностранных делах, умозрительно прикидывавшего стоимость и выгоды политики, подошла к концу... Творцы политики ... теперь должны прислушиваться к соперникам-бюрократам внутри исполнительной власти; к скептикам в законодательной власти, к прессе; к группам как идеологического, так и неординарного толка; к национальному и международному общественному мнению. Расширение экономической взаимозависимости государств и распространение идеи об ответственности правительств за состояние экономики увеличили число групп, претендующих на право определять национальные интересы в международных делах».⁸⁶

Происходит более тесное переплетение внешнеполитической тематики с самыми разными аспектами внутристрановой деятельности общества и государства. Национальные интересы все чаще определяют политику, имеющую «двойное назначение», - как для внешнего мира, так и для внутреннего положения в стране. Британский политолог Уильям Уоллес, основательно изучивший современный внешнеполитический процесс, пришел к такому заключению: «...ни одно правительство не может себе позволить не замечать внутристрановой контекст внешней политики. Общественное мнение в стране, порой проявляющее повышенный интерес и усиливающее свое давление, ничуть не менее важно, чем международная среда, ибо оно определяет пределы возможного для внешней политики, оказывает правительству поддержку или лишает его такой поддержки. Широкая общественность может сравнительно слабо интересоваться теми или иными внешнеполитическими вопросами и быть недостаточно вовлечена в их решение... Но правительства должны постоянно помнить, насколько важно иметь общественное мнение на своей стороне, разъяснять смысл существенных изменений в политике, дабы избежать возбуждения оппозиции или возникновения впечатления о неопределенности или замешательстве на вершине власти».⁸⁷

Наметившиеся закономерности, естественно, не воплотятся в политику сами собой, без преодоления множества противоречий и препятствий. Фундаментальные интересы, сулящие благо для всей нации в будущем, гораздо труднее продвигать на политическую авансцену, чем соображения сиюминутной выгоды тех, кто контролирует процесс формирования внешней политики. Нужна целеустремленная политическая воля, опирающаяся на объединение действий самых разных сил, которые добиваются не просто успеха в схватках сегодняшнего дня, а видят долговременную перспективу достижения общего блага. Президент Джон Кеннеди говорил: «Я иногда думаю, что мы чрезмерно поглощены круговоротом повседневных событий. Газет-

⁸⁶ Arthur M. Schlesinger, Jr. The Cycles of American History. Boston, 1986, p. 78.

⁸⁷ William Wallace. The Foreign Policy Process in Britain. L. 1975, p. 88.

ные заголовки и экраны телевизоров дают нам лишь ближнее видение... Между тем ... великие движения истории, а не преходящие эксперименты, формируют наше будущее... Каждый президент – это президент не только всех ныне живущих, но и в полном смысле всех тех, кому еще предстоит жить».⁸⁸

Трудности на пути сочетания внешней политики с национальными интересами, с которыми сталкиваются в странах Запада, по вполне очевидным причинам многократно усиливаются для современной России. Прежде чем в полной мере вписаться в закономерность этого процесса, ей предстоит основательно перестроить свою внутреннюю структуру. Как выразился академик Александр Яковлев, «... пора нам перевернуть пирамиду власти и порядок подотчетности общегосударственного характера. Не Государство – Общество – Человек, а Человек – Общество – Государство. Вот тогда все и встанет на свои места».⁸⁹

Грандиозность такой задачи поистине исторической важности не позволяет надеяться на ее скорейшее решение. Но каждый шаг на пути к этой конечной цели открывает возможности как для уточнения наших национальных интересов, так и для воплощения их в нашу внешнюю политику (об этом – в Главе седьмой).

⁸⁸ Cit. in Theodore C.Sorensen. Kennedy. N.Y., 1965, p. 301.

⁸⁹ Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003б сс. 685-686.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛИЗМ

Как уже отмечалось в предыдущей главе, общие закономерности формирования современной внешней политики проявляются в конкретной форме, обусловленной уникальными особенностями каждой страны. Отсюда – разнообразие внешнеполитических процессов, которое, как правило, не выходит за рамки политикообразования, отражающего национальные интересы. Но история – да и наше время – знают немало случаев вольного или невольного отклонения от этой модели, когда национальные интересы приносятся в жертву политическим и иным целям, что неизбежно приводит к негативным последствиям в первую очередь для самих инициаторов такого курса и для всего мирового сообщества. При этом едва ли не самым вредоносным симулятором политики, идущей вразрез с потребностями общества и с нормами международного общения, всегда было такое уродливое проявление самобытности нации, как национализм.

В своем страновом воплощении универсальные закономерности приобретают облик, соответствующий специфическим параметрам нации и государства. Такая метаморфоза, хотя иногда и может в чем-то ограничивать функционирование внешнеполитического процесса, в целом несомненно благотворна для него, поскольку означает расширение и обогащение социальной и политической базы, на которую он опирается. Одновременно общие закономерности обретают ту необходимую для практической международной политики реальную структуру, которую создают такие сугубо национальные параметры, как размеры и геополитическое положение страны, ее экономический, научно-технологический, интеллектуальный, военный и иной потенциал, устойчивость внутреннего устройства и предсказуемость внешнеполитического курса, материальное положение и духовный настрой народа, уровень социальной и политической культуры, образования, здравоохранения, влияние исторического наследия, религии, традиций, национального самосознания и многого другого.

Особняком стоит в этой связи вопрос о формационном контексте. Феодальный строй жестко сковывал развитие национального начала в определении внешней политики. Качественный скачок произошел с появлением капитализма, когда начали складываться нации-государства и возникла глобальная система международных отношений. Новая формация располагала к усилению влияния национальных интересов на формирование внешней политики. Однако гигантское расширение возможностей было использовано разными странами и в разные периоды не только на благо, но и во вред национальным и международным интересам. Капиталистическая система не удержала Германию, Италию, Японию и некоторые другие страны от скачивания к диктатуре и агрессии, что привело ко Второй мировой войне, а в конечном итоге ввергло их в национальную катастрофу.

Что касается социалистической формации, то первый предпринятый в России эксперимент по ее созданию не дал ожидавшихся результатов. В теории предполагалось, что она должна основываться на народовластии, но на практике социализм большевистской модели отстранил народ от управления государством, в том числе и от участия во внешнеполитическом процессе (об этом – в Главе пятой).

Под углом зрения рассматриваемой проблематики разграничительная линия в последнее столетие проходила не столько между формациями, сколько между демократией и тоталитаризмом (подробнее об этом – в Главе шестой). Вообще, к тематике, затрагивающей внешнюю политику и международные отношения, весьма ограниченно применимы представления о классах и классовой борьбе, особенно в их идеологизированных стереотипах. То же самое относится к исходному объекту

настоящего исследования – национальным интересам, являющимся по сути своей надклассовыми.

Классовые интересы, как правило, напрямую не проецируются на мировую арену. Какие бы противоречия ни разделяли общество, государство как субъект международных отношений выступает (с большей или меньшей легитимностью) в качестве выразителя интересов нации в целом. Именно из национального источника государство черпает эффективность и авторитет внешней политики. Нация же обретает силу в результате наращивания собственного межклассового потенциала и осознания своей значимости во внешнем мире.

Убедительно подтверждает это положение многовековая история России. Уникальная как по складу национального мироощущения, так и по преемственности внешнеполитического курса вопреки смене формаций. Несостоятельны попытки загнать ее в прокрустово ложе классовой догмы. Перед нашим народом издавна стоял – и продолжает стоять – мучительный вопрос: какого мы рода-племени и каково наше место во внешнем мире. Так было и при царском режиме, и при советской власти, а сегодня историческое наследие для нас не просто национальное достояние, но и ориентир в поисках оптимального направления международной деятельности новой России. Василий Осипович Ключевский заметил: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что уходя, не умело убрать своих последствий».⁹⁰

История не была милостивой к огромной стране, раскинувшейся на необъятных просторах в стороне от обжитых районов цивилизации и с трудом одолевавшей путь к национальной и государственной целостности. Россия подвергалась непрекращавшимся нападениям с востока, юга и запада. Перед ней не распахивались двери в сообщество более развитых стран. Потребовалось долгое время для накопления сил, самоорганизации и ощущения себя единой нацией, чтобы выйти во внешний мир. Сергей Михайлович Соловьев писал: «Россия, хотя и позднее других частей Европы, выступила, однако, на широкую историческую сцену, вошла в общую жизнь европейских народов, а, главное, вошла в нее с могущественным влиянием...».⁹¹

«Могущественное влияние» было бы немыслимо, если бы строилось только на самодержавной воле царей. Нужна была опора на окрепший национальный потенциал страны, общий для верхов и низов, несмотря на глубокие противоречия между ними в архаичном обществе. В XVII – XVIII вв. началось сближение России с Европой. Петр I и Екатерина II заложили основы имперского – но и национального – величия страны и ввели ее в круг международных отношений того времени, причем на равных с другими европейскими державами. Эту мысль с присущим ему изяществом высказал историк Николай Михайлович Карамзин: «Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее, ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского, станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благодарной гордостью... Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы слишком *смирены* в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут».⁹²

Недостаточное уважение (а то и просто неуважение) к «народному своему достоинству» – горькая правда. Этим пороком страдали и правители, и послушный

⁹⁰ В.О.Ключевский. Сочинения в девяти томах. М., 1990, т. IX, с. 365.

⁹¹ С.М.Соловьев. Сочинения. М., 1966, кн. 17, с. 708.

⁹² Н.М.Карамзин. Избранное. М., 1990, с. 390.

им народ, хотя по причинам во многом различным, но в одном общей – из-за неуверенности в собственных силах. При всем имперском блеске Государства Российского, как при дворе, так и в недрах народных ощущалась некая раздвоенность, подтачивавшая основы внешней (и внутренней) политики. С одной стороны, стремление быть частью внешнего мира, с другой – приверженность своему собственному укладу.

Парадоксальное сплетение в российском национальном самосознании противоположных начал дало повод на Западе назвать этот феномен «загадочным». На самом деле в исторической (да отчасти и современной) ментальности нашего народа в этом смысле ничего таинственного нет. Никто с такой пронзительной ясностью не определил истоки нашей «загадочности», как Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: «Всегда эта страна представляла собой грудь, о которую разбивались удары истории. Выжила она и удельную поножовщину, и татарщину, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительское озорство и закрепощение. Все выстрадала, за всем тем осталась загадочною, не выбрав самостоятельных форм общежития».⁹³ Вот и разгадка: первопричина российской раздвоенности – в трудном внутреннем развитии страны. Россия не сумела обустроить саму себя, а потому и не приобрела прочной основы ни для своей внешней политики, ни для устойчивой позиции в мире. Быть всегда и во всем вровень с развитыми державами мешали ей застарелая отсталость и внутренняя неустойчивость. Она остро нуждалась в демократическом переустройстве, но деспотизм власти и несправие народа губили едва начинавшиеся реформы. Усугублялось противоречие между потребностью в модернизации и неспособностью преодолеть инерцию архаичного бытия и заскорузлого сознания.

А все же к началу XX века, несмотря на препоны, царская Россия заметно продвинулась вперед, нарастила свой потенциал, начала выбираться на столбовую дорожку реформ и прогресса. В международных делах она деятельно участвовала в решении ключевых проблем мировой политики. Внутри страны наметилась активизация различных групп и слоев населения, их стремление к политическому творчеству. Но в октябре 1917 г. произошел катастрофический обвал – обрушились вековые национальные устои политического и социального устройства России. Оборвались ее устоявшиеся связи с внешним миром. Национальные интересы перечеркнула идеологизированная советская политика, ввергнувшая страну в противостояние наиболее развитой части мирового сообщества. По-существу, возникли такие особенности замкнутой в своем пространстве страны, которые подменили собой действие общих закономерностей политикообразования (подробнее об этом в Главе пятой).

Монопольное влияние на внешнеполитический процесс национальных особенностей, созданных тоталитарным режимом, было характерно для Германии, Италии, Японии и других стран агрессивного блока. По мере обострения мировой обстановки и нарастания военной угрозы в этих странах урезались даже формальные атрибуты народного волеизъявления, вместо которого действовала официальная пропаганда, взвинчивавшая шовинистические настроения и добивавшаяся одобрения широкими слоями населения воинственного внешнеполитического курса (об этом – в Главе шестой).

Если же говорить о магистральном направлении развития политикообразования в двадцатом веке, то на нем отмечалось, при всех перепадах внутренней и международной обстановки, более четкое проявление тех страновых особенностей, которые отражают национальные интересы. Эта эволюция происходила и в межвоен-

⁹³ М.Е.Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1988, т. 7, с. 183.

ный период, и в годы Второй мировой и «холодной войны». Самые разные страны, причем не только склонные к нейтралитету и неприсоединению, но и участники глобального размежевания, стремились найти способы усиления своей национальной безопасности, будь то в рамках или вне военных союзов.

Открыто и недвусмысленно в защиту национальной самобытности Франции высказался генерал де Голль: «Для великого государства нетерпимо оставлять собственную судьбу на усмотрение иного государства, принимающего решения и осуществляющего действия, каким бы дружественным оно ни было ...». ⁹⁴ Это заявление, обращенное против безусловного лидерства США в НАТО, реализовалось в выходе Франции из военных структур блока.

Подстраховкой интересов национальной безопасности были озабочены и другие союзники Соединенных Штатов, в том числе и такая из наиболее лояльных, как Австралия. Начальник штаба австралийских сил обороны адмирал Энтони Синнот разграничивал уровни риска для сверхдержавы (США) и державы среднего ранга (Австралии) с точки зрения их национальных интересов. Адмирал не исключал возможность возникновения ситуаций, в которых сильнейший союзник «может быть готов оказать менее сильному союзнику косвенную поддержку, но не пожелает втягиваться непосредственно в военные действия». ⁹⁵

Особенности внешнеполитической позиции Финляндии четко сформулировал президент Мауно Койвисто: «Положение и политику Финляндии можно понять только если помнить о том состоянии, в котором она находилась на заключительных этапах Второй мировой войны. Ее народ выразил страстное желание и выказал необходимую способность жить в независимости. Страна выжила в послевоенный период благодаря государственной мудрости президентов Паасикиви и Кекконена. И это произошло в результате правильной оценки наших национальных интересов и геополитического положения. Решающим фактором при этом было принятие новой политики по отношению к Советскому Союзу. Только учитывая жизненные интересы безопасности нашего соседа, Финляндия смогла обеспечить свои собственные основные интересы, суверенитет и независимость... Финский народ по существу един в своей поддержке нашей внешней политики...». ⁹⁶

Для оценки национальных особенностей внешнеполитического процесса необходимо адекватное представление о том, какие группы элиты и общественности способны вносить и вносят в него свой вклад, в той или иной мере выражающий не только их собственные, но и национальные интересы. В этом отношении западные демократии существенно отличались от советского государства и нацистского рейха.

Тоталитарное единообразие исключало отражение в политике каких бы то ни было иных интересов, кроме предписанных руководством (фактически единолично Сталиным и Гитлером). Формирование внешней политики Москвы и Берлина находилось вне обсуждения и критики, а на выходе во внешний мир воспринималось как единственно возможное на государственном уровне. С одной стороны, это вносило определенность в отношения с другими государствами, но с другой – сохраняло таинственность вокруг намерений лидеров, не считавшихся с настроениями и чаяниями своих народов.

Суждения советских и нацистских руководителей о демократических странах, помимо идеологической зашоренности, страдали от переоценки разъединяющих и недооценки объединяющих тенденций в их внешнеполитическом процессе, роли и

⁹⁴ Major Addresses, Statements and Press Conferences of General Charles de Gaulle, May 19, 1958 – Jan. 31, 1964. N.Y. French Embassy, Press and Information Division, 1964, p. 124.

⁹⁵ Admiral Sir Anthony Synnot. The Determinates of Defence Policy for a Medium Military Power, in New Directions in Strategic Thinking (Ed. By Robert O'Neill and D.M.Horner). Sydney, 1981, p. 282.

⁹⁶ Mauno Koivisto. Landmarks. Finland in the World. Helsinki, 1985, pp. 20, 23.

весомости различных групп и деятелей, оказывающих на него свое влияние. В качестве примера можно сослаться на высказывание А.А.Громыко об американских коммунистах как о «подлинных патриотах» своего отечества, несмотря на их безусловную zaangażированность на интересы Советского Союза, а не Соединенных Штатов. Совершенно очевидна пропагандистская окраска такой характеристики, однако несомненно и то, что глава советского внешнеполитического ведомства принимал желаемое за действительное, утверждая, будто «это люди, которые трезво оценивают положение как внутри страны, так и на международной арене, как внутреннюю, так и внешнюю политику своей страны».⁹⁷

Впрочем, таково было отношение в Москве ко всем зарубежным идеологическим единоверцам, независимо от их реального влияния в собственных странах. Советская пропаганда выдавала их за представителей нарастающего «мирового революционного процесса», идущего поверх национальных особенностей. В тех же редких случаях, когда та или иная компартия набирала заметный политический вес в своих странах (как это было во Франции и Италии), КПСС, - а точнее, советское государство – лишали их своего одобрения и материальной поддержки, если они допускали крен в сторону национальных интересов (например, «еврокоммунизм»).

В целом картина внешнего мира, как она виделась из Кремля через призму «классовой политики», представляла собой причудливое смешение реального с воображаемым, причем в постоянно менявшихся пропорциях. Преобладали то трезвые оценки, то искаженные догмами представления. Идеологическое мифотворчество, предназначенное для внедрения в сознание народа, не могло не деформировать мировосприятия самих его авторов. Сложнейшие мировые процессы представлялись им в урезанном формате борьбы двух общественных систем, а расстановку сил классовых противников определяли произвольно, в зависимости от собственных текущих внешнеполитических и пропагандистских задач. Практика международных дел и государственные интересы СССР заставляли принимать решения, зачастую далекие от идеологических предубеждений (хотя «классовость» сохранялась в качестве официального декораума). Но укоренившиеся догматические стереотипы мешали увидеть мир в его подлинном свете, разглядеть национальные особенности зарубежных стран.

Большой вред советской внешней политике, довоенной и послевоенной, нанесли кремлевские указания относительно «капиталистического лагеря». Исходившие из этого источника угрозы Советскому Союзу расценивались то как совокупные, то со стороны либо тоталитарных, либо демократических государств. Внутри каждой капиталистической страны главным и решающим фактором, определяющим империалистическую политику, считался «монополистический капитал». Действительность же была гораздо многозначней, проявляясь, в частности, в национальном разнообразии стран.

Если взять США, главного антагониста СССР в глобальном противостоянии, то трудно выделить одну элитарную группу, которая в полной мере выражает национальные интересы и диктует направление американской внешней политики. Конечно, монополии являются весьма солидным актором внешнеполитического процесса. Но свое влияние они оказывают не по всем, а лишь по тем вопросам, которые затрагивают их интересы. Курс внешней политики Соединенных Штатов определяет комбинация высших эшелонов власти, политической верхушки, военно-промышленного комплекса во взаимодействии с деловыми и общественными кругами.

Американский историк Уильям Лангер свидетельствует: «Интересы бизнеса в одном случае могут заставить его считать выгодным приобретение территории за

⁹⁷ А.А.Громыко. Памятное. М., 1988. Книга вторая, с. 293.

границей, но в другом случае могут и не заставить. А вот военные и чиновничьи кланы почти всегда заинтересованы в этом».⁹⁸ Такая схема, несомненно, упрощает процесс формирования внешней политики США, но она намного ближе к истине, чем стереотипная формула о «всесилии монополий». То же самое можно сказать и об утверждении Артура Шлезингера: «Интересы государства, а не динамика капитализма подтолкнули Америку на путь расширения своего влияния в мире... Политические и стратегические мотивы, национальное могущество и национальная безопасность живут своей жизнью, независимо от идеологии и собственности. В мире существуют другие вещи, кроме зарубежных рынков».⁹⁹

Творцы советской внешней политики, не стесненные настроениями в народе, в порядке «зеркального отражения» не принимали всерьез общественное мнение в демократических странах как фактор политикообразования. И в этом – одна из причин их просчетов. Общественность, широкие слои населения в США, западноевропейских и других зарубежных странах, конечно, не играют доминирующей роли во внешнеполитическом процессе, но постоянно создают, по крайней мере, психологический фон, на котором этот процесс протекает. Временами общественное давление становится настолько интенсивным, что правительство не может не считаться с ним, особенно когда затрагиваются вопросы, чувствительные для национального достоинства или ущемляющие жизненные интересы народа (в обстановке критической напряженности, на пике «холодной войны» Советский Союз фактически признал силу зарубежной общественности, когда организовал в ее среде движение сторонников мира в качестве противовеса американской ядерной угрозе).

Объективности ради стоит отметить, что и в самих демократически развитых странах правительства не склонны откликаться на каждое требование общественности. Когда же общественное мнение не противоречит официальной политике, не упускается выгодная пропагандистская возможность сослаться на «глас народа». А в кризисные моменты, вроде тех, что Америка переживала из-за войны во Вьетнаме и Уотергейта, правительство было вынуждено приблизить внешнеполитический процесс к острым национальным потребностям страны.

Бывший государственный секретарь США Сайрус Вэнс признал, что эти драматические события «наложили свой отпечаток на поведение конгресса и американского народа. Конгресс выразил решимость играть более значительную роль в формировании и осуществлении внешней политики. Это может повлиять на ведение международных дел. Впредь исполнительная власть уже не сможет формулировать свою внешнюю политику без более тесных консультаций с конгрессом и без его поддержки. Правительству также придется больше доверять американскому народу, если оно надеется завоевать его столь необходимое одобрение».¹⁰⁰ По убеждению Джорджа Кеннана, в этих целях нужна глубокая перестройка американского общества с тем, «чтобы оно имело максимальный контроль над собственными ресурсами и максимальную способность использовать их, когда они требуются для обеспечения национальных интересов и интересов всеобщего мира».¹⁰¹

Некоторые уроки из политического кризиса были извлечены, и в более спокойной обстановке наблюдалась большая согласованность функций разных участников американского внешнеполитического процесса. Но исторически сложившаяся особенность этого процесса в целом не претерпела существенных изменений. Стоило вновь обостриться обстановке (например, накануне войны в Ираке), как решающее слово, определившее действия США, было сказано президентом и его ад-

⁹⁸ William L. Langer. Farewell to Empire. Foreign Affairs, Oct. 1962, p. 120.

⁹⁹ Arthur M. Schlesinger, Jr. The Cycles of American History. Boston, 1986, p. 149.

¹⁰⁰ Cyrus Vance. Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy. N.Y., 1983, p. 27.

¹⁰¹ George Kennan. At the Century's Ending. N.Y., 1996, p. 279.

министрацией без должного учета настроений и мнений широкого спектра американской общественности.

В демократических странах участие общественности в формировании национальной политики – ее неотъемлемое право. Однако, независимо от того, в какой мере это право осуществляется на практике, весьма важно, какова направленность деятельности тех или иных общественных сил, насколько она соответствует национальным интересам. Бывает так, что выступление наиболее активных общественных, неправительственных групп, не обязательно выражающих интересы большинства населения, создают такую психологическую обстановку, в которой принимаются внешнеполитические решения, заведомо противоречащие интересам нации в целом. Заблуждаются не только политики, но и – гораздо чаще – рядовые граждане. Причины этого феномена очевидны. И те, и другие движимы разнообразными, порой эгоистическими, интересами, предубеждениями, мировоззрениями, но вторые меньше, чем первые, осведомлены в сложностях внешней политики и международных отношений, больше подвержены эмоциям и склонны к упрощенному видению проблем и способов их решения.

Активизацию участия общественности во внешнеполитическом процессе стимулирует информационная революция. Сегодня широкое освещение происходящих в мире событий перестает быть национальной особенностью наиболее развитых стран и привилегированной части населения, современные технологии делают информацию общедоступной. Но прогресс далеко не однозначен. Несомненно огромное позитивное значение приобщения миллиардов людей к восприятию национальных и глобальных реальностей. Вместе с тем безбрежное обилие фактов и комментариев формирует не только самостоятельные оценки и суждения, но и в гораздо большей степени, зависимость от готовой информации, которая в силу специфики нынешних средств и способов ее презентации не может быть во всем безусловно объективной. Массмедиа превратились в мощную самодовлеющую индустрию, нацеленную на получение собственной выгоды от удовлетворения запросов (не столько политического, сколько бытового свойства) массовых аудиторий. К тому же, в глобальный медийный поток вливаются коммерческая реклама, официальная и корпоративная пропаганда и многое другое, что заведомо мало пригодно в качестве информационного оснащения общественности, добивающейся более полного выражения национальных интересов во внешней политике.

Если говорить о тенденциозности, наносящей ощутимый вред адекватному восприятию национальных особенностей стран, то бесспорно на первом месте в этом смысле всегда была государственная пропаганда. В ходе конфронтации и гонки вооружений советская и американская сверхдержавы подвергали массированной пропагандистской «обработке» население своих и других стран, запугивая их тем, что противная сторона грозит развязать «горячую войну». Алармистская пропаганда сопровождала все этапы противостояния, даже тогда, когда достигнутый стратегический паритет исключил возможность победы в ядерном конфликте. Нагнетание военной тревоги происходило и во второй половине восьмидесятых годов, то есть уже после заключения соглашений между СССР и США об ограничении стратегических вооружений. Борьба за геополитическое преобладание в разных регионах мира продолжалась, но при всей остроте обстановки ставкой никак не могло быть национальное самосохранение ни того, ни другого антагониста. Тем не менее, официальные и неофициальные пропагандисты старались создать впечатление, будто противная сторона угрожает миру всеобщей катастрофой (чего, кстати, не наблюдалось в момент кубинского ракетного кризиса 1962 года, когда сверхдержавы действительно оказались на волосок от столкновения, губительного для них самих и всего человечества).

Стоит вспомнить о заявлениях на государственном уровне, призванных задать тревожный настрой у американцев и советских людей перед надвигающейся (воображаемой!) смертельной схваткой.

Публикация Министерства обороны США «Советская военная угроза», 1986 г.: «Соединенные Штаты, вместе с нашими союзниками и друзьями, должны поддерживать военную мощь, требуемую для сдерживания и, в случае необходимости, отражения советской агрессии в отношении наших жизненно важных интересов...».¹⁰²

Публикация Министерства Обороны СССР «Откуда исходит угроза миру», 1987 г.: «... реальную угрозу миру представляют военная мощь США, практические действия правящих кругов США и реакционных сил других стран НАТО по дальнейшему наращиванию военных приготовлений, по разворачиванию гонки вооружений на Западе, их попытки распространить ее на космос, вынашиваемые в стенах Пентагона сценарии ядерных и обычных, всеобщих и локальных войн».¹⁰³

Ради достижения политических целей в ход пускались средства массового устрашения и тотальной психологической мобилизации. При этом не заботились о том, какой ущерб этим наносится собственным национальным интересам и всей мировой обстановке. Против такого мощного нажима устоять трудно, если руководство преподносит свою силовую политику как единственное средство решения проблемы жизни или смерти нации.

В 1979 г. во время рассмотрения в комиссиях конгресса США вопроса о ратификации соглашения об ограничении стратегических вооружений, по свидетельству журнала «Тайм», «... выступившие на слушаниях эксперты и сенаторы выражали крайнюю обеспокоенность состоянием военной мощи нации ... они убеждают все большее число граждан в том, что Соединенные Штаты не могут позволить себе откладывать жесткие и дорогостоящие решения по укреплению обороны, если они намерены оставаться сверхдержавой. В результате, складывается консенсус в пользу усиления военной мощи Соединенных Штатов, что представлялось невозможным несколько лет тому назад».¹⁰⁴

Вряд ли в то время в американском обществе действительно складывался консенсус в пользу дальнейшего ужесточения милитаристского курса правительства. Во всяком случае, последующие события показали: чем дальше, тем глубже становилось размежевание мнений «ястребов» и «голубей». И все же значительная часть, если не большинство, населения, ощущала угрозу, независимо от степени ее реальности, и откликалась на нее в духе традиционного американского патриотизма («права или не права – это моя страна»). Это помогало американской политике пользоваться достаточно осязаемой поддержкой в народе и тем самым подтверждать свою трактовку национальных интересов страны.

В Советском Союзе, где не существовало публичного (а по большей части и закрытого) обсуждения внешней политики, руководству не приходилось сталкиваться с разнообразием мнений. Была презумпция единодушного одобрения любых решений партии и правительства. Засилье пропаганды, отсутствие гласности, атмосфера страха и репрессий – все это сводило выработку внешней политики к монополии узкой номенклатурной группы. Но при всем этом нельзя сбрасывать со счетов и патриотические чувства советских людей, которые верили в существование внешней (а многие и внутренней) угрозы и доверяли верховной власти, взявшей на себя ответственность за безопасность страны. Придет время горьких разочарований, когда остро ощутится пагубность советской политики, не оправдавшей чаяний народа и не

¹⁰² Soviet Military Power. Department of Defense, Washington, D.C., 1986, p. 156.

¹⁰³ Откуда исходит угроза миру. МО СССР, М., 1987, с. 108.

¹⁰⁴ TIME, Oct. 29, 1979, p. 24.

обеспечившей его жизненных интересов. Но в пору «холодной войны», как и Отечественной войны, таковы были национальные особенности нашего государства, и альтернативы им не существовало.

Свободные от пропагандистской окраски, объективные оценки национальных особенностей Советского Союза, запретные для отечественных специалистов, трудно давались и зарубежным ученым. Им мешали не только идеологическая и политическая предвзятость, но и недостаточно глубокое знание чужой страны, отгороженной «железным занавесом» от остального мира. Так, маститый британский историк Арнольд Тойнби считал главной национальной особенностью России, а затем и Советского Союза, извечную обремененность «византизмом», то есть, мировоззрением, позволяющим «сохранять неизменным традиционно негативное отношение к Западу...».¹⁰⁵ Инерционность неприязни к чужеземцам присуща многим нациям, но она не обязательно составляет главную и единственную особенность каждой из них – во всяком случае не только России. Пережитки ее недоброжелательности к Западу (как, впрочем, и Запада к России) сохраняются в силу не столько живучести стародавних фобий, сколько остроты противоречий недавнего прошлого и настоящего.

Завершая рассмотрение национальных особенностей, стоит задаться вопросом: способны ли они, даже при наиболее благоприятном стечении обстоятельств, обеспечить полное воплощение национальных интересов во внешней политике? Можно ли на практике добиться гармонизации двух этих понятий?

Интересны в этой связи размышления Артура Шлезингера: «Национальные интересы – это не плод воображения. Но и ... не панацея для решения всех проблем. В практических делах мы бесконечно спорим о том, что предписывают национальные интересы в каждой конкретной ситуации... История, конечно, подтвердит суждения реалистов; но кто мог бы *доказать* в момент принятия решения, в чем действительно заключаются национальные интересы? И было ли так, что государственные деятели когда-либо думали, что они и в самом деле выражают национальные интересы своих стран? Не только правительственные ведомства, но также корпорации, профсоюзы, внутренние и внешние лоббисты всегда представляют свои узкогрупповые озабоченности как национальные интересы. Понятие национальных интересов ... опасно растяжимо. Не давая ясного ответа на каждый сложный внешнеполитический вопрос, национальные интересы оказываются субъективными, двусмысленными и подверженными злонамеренным толкованиям».¹⁰⁶

Уязвимость национальных интересов очевидна. И это один из убедительных доводов в пользу их защиты от тех, кто манипулирует ими себе на пользу и во вред нации (а в конечном счете и международному сообществу). Но это лишь одно измерение поставленного вопроса. Другое, и не менее важное, заключается в самой специфике перенесения национальных интересов в сферу внешней политики. Процесс этот происходит не по линейной шкале – «больше или меньше», а через сложное, многоступенчатое опосредование, создающее новое качество политики. Даже если представить, что нация выдвинула бы на политическую авансцену в полном объеме все свои базовые интересы, они не смогли бы служить практическими инструментами деятельности государства на международной арене. Национальные интересы – это ориентиры, а не директивные указания для решения конкретных внешнеполитических задач. Для «перевода» национальных интересов на язык внешней политики требуются целенаправленные усилия государства, его специализированных структур и механизмов (об этом – в Главе четвертой).

Перспективное развитие политики, немислимое без ориентации на национальные интересы, в свою очередь предполагает свободный обмен мнениями,

¹⁰⁵ А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. Спб., 1996, с. 109.

¹⁰⁶ Arthur M. Schlesinger, Jr. The Cycles of American History. Boston, 1986, p. 76.

столкновение и сотрудничество разных правительственных и неправительственных сил. Однако недопустимо, чтобы внутристрановые разногласия подрывали целостность государственной политики, создавали впечатление разногласия и неуправляемости, тем самым сбивая с толку внешний мир и затрудняя реализацию собственных интересов.

Выражая волю нации, внешняя политика не может служить рупором и исполнителем многообразных частных интересов и требований. Внешнеполитический процесс призван интегрировать общие и групповые интересы в единую платформу, на которой правительство способно представлять государство как единственно легитимного субъекта международных отношений.

Президент Джон Кеннеди считал, что «правительство, в отличие от нации, должно говорить одним голосом». Он решительно отвергал идеи, которые подсказывались ему оппонентами, - отказаться от политизированного отношения к мнениям представителей различных направлений общественного мышления, встать над политическими разногласиями и выступать лишь в роли символа единства нации. Кеннеди был убежден: «... ответственность Президента Соединенных Штатов ... заключается в том, чтобы иметь программу действий и бороться за ее реализацию... Я не думаю, что в нынешнее, крайне напряженное и опасное время президентам ... можно ограничиваться церемониальной ролью, декоративно исполнять свою должность, когда его страна и весь мир нуждаются в энергии, действиях и вере в прогресс настолько, насколько мы способны».¹⁰⁷

Активный подход власти к формированию внешнеполитического курса – неременное условие для государства, играющего значимую роль в международных отношениях. И это не противоречит реализации национальных интересов. Наоборот, только при многостороннем политическом взаимодействии, при целеустремленных усилиях правительства возможно добиться оптимального сочетания базовых и специфических интересов нации в практической международной деятельности государства.

В реальной жизни баланс национальных особенностей и общих закономерностей формирования внешней политики с интересами различных групп и нации в целом складывается далеко не просто. Помимо вполне объяснимых политических и иных противоречий, здесь неизбежно сказываются разноформатность и разнонаправленность факторов, определяющих внешнеполитический курс страны. Между ними был и будет определенный «зазор». Его допустимый размер (равно как и последствия вызываемого им дисбаланса) зависит от конкретной внутренней и международной обстановки. Но ясно одно: любой отрыв внешней политики от национальных интересов, а тем более подчинение ее частным интересам, вредит государству, ограничивает его международные возможности. Не исключен и крайний случай, когда национальное своеобразие облекается в форму национализма. Тогда попираются подлинные интересы нации, а государству грозят непредсказуемые беды внутри страны и во внешнем мире.

Национализм представляет собой едва ли не самый главный из дестабилизирующих и деструктивных факторов, которые вторгаются во внешнеполитический процесс, искажают смысл и направленность национальных интересов. Национализм, произрастающий из темных глубин народного самосознания, создает мощное морально-психологическое течение. Будучи востребован правящими верхами, он набирает огромную силу, деформирует внутреннюю и внешнюю политику страны.

Истоки национализма восходят к седой древности. С времен межплеменных отношений люди настороженно воспринимали все чужестранное, инородное, отвер-

¹⁰⁷ Theodore C.Sorensen. Kennedy. N.Y., 1965, pp. 328, 353-354.

гали его из-за несоответствия собственному укладу, возлагали на него вину за свои неурядицы. Вражда и войны были причиной и следствием неприязни к соседям, перераставшей в ксенофобию. Внутреннюю неустроенность и несвободу начали списывать на злокозненность внешнего мира, на подрывные действия иностранцев.

Изначальная форма национализма, реактивная и пассивная, становится поистине разрушительной, когда она приобретает очертания доминирующей идеологии и целенаправленной политики. Национальное, а в экстремальном выражении расовое, превосходство, противопоставление собственной нации другим, восприятие их как смертельных врагов и объекта порабощения и уничтожения, подчинение демократических, да и общечеловеческих ценностей своим эгоистическим инстинктам и вожделениям – таковы составляющие наиболее опасной разновидности тоталитарной государственной доктрины. Встав на путь откровенного национализма, трудно остановиться. Недавняя история знает, куда неудержимо влечет националистическая одержимость. Возведя национализм в ранг государственной идеологии и политики, нацистская Германия и ее союзники по «оси» ввергли свои народы и народы других стран в пучину неслыханных бедствий, разрушений и смерти. А конечным итогом стало сокрушительное поражение агрессивного национализма.

К сожалению, на этом национализм не пресекся. Пусть более низкого профиля и ограниченного влияния на внешнюю политику, он тем не менее продолжает жить своей собственной жизнью. За последние полвека поистине эпохальных перемен в мире усилилось стремление к международному сотрудничеству, но также и к национальной обособленности, принимающей в некоторых странах националистический смысл. Как и раньше, нынешние политически активные националисты маскируются под патриотов, но их сторонники в массе своей искренне считают себя таковыми. А правящая бюрократия нередко использует в своих интересах националистический настрой немалой части населения, выдавая его за требования нации в целом.

В наше время ни одно из сколько-нибудь значимых государств не может позволить себе превратить национализм в стержень своей внешней политики. Но многие политики считают допустимым и выгодным поманипулировать им ради достижения сиюминутных и даже долговременных целей. Между тем, какие бы попытки «дозировать» национализм ни предпринимались, они неизбежно увеличивают риск скатывания к пагубной практике прошлого.

Национализм таит в себе беду для всех, в том числе для самого его носителя, будь то народ или государство. Даже после прихода демократического режима менталитет людей надолго остается отравленным националистическим дурманом. А обострения международной обстановки и внутренние невзгоды провоцируют рецидивы не до конца излеченного недуга.

В современном мире налицо реальные возможности искоренения национализма, в первую очередь наиболее разрушительных его разновидностей. В этом объективно заинтересовано подавляющее большинство человечества. Однако в каждой стране складываются свои особые условия, как благоприятствующие, так и препятствующие преодолению национализма. Немалое значение при этом имеет историческое наследие.

В таком контексте полезно обратиться к истокам возникновения национализма во внешнеполитическом процессе конкретных стран, например, царской России. Опыт ее, конечно, нельзя признать типичным для многих других государств, но в нем просматриваются главные черты данной универсальной проблемы.

С правления Петра I Россия пошла по раздвоенной колее. Она вела активную внешнюю политику, но изнутри ее устои разъедала язва вековой отсталости, излечить которую было трудно в условиях несвободы. Народ безмолвствовал, а лучшие умы предавались мечтам – одни о духовном слиянии с передовыми нациями, другие

о сосредоточении на собственной самобытности, что пока еще не называлось национализмом, но по сути дела было его предтечей. Трагический исход восстания декабристов создал новые препоны на пути раскрепощения страны и, говоря словами Чаадаева, «присоединения России к человечеству». Кто знает, улыбнись судьба декабристам, и российской раздвоенности мог бы наступить конец. Россия могла бы стать и свободной, и европейской. Возможно, не возникла бы тогда мистическая идея об избранности русского народа, не было бы и имперского национализма. Так или иначе, ядовитые зерна этого убийственного (и самоубийственного!) наваждения были брошены на российскую почву уже в последекабристскую эпоху. Расправившись с истинными патриотами и радетелями о судьбах России, Николай I приступил к насаждению казенного патриотизма, замешанного на ненависти к свободе как в собственной стране, так и в Европе. «При Николае патриотизм превратился в что-то кнутовое, полицейское..., - сокрушался Герцен. – Для того чтоб отрезаться от Европы, от просвещения, от революции, пугавшей его с 14 декабря, Николай, со своей стороны, поднял хоругвь православия, самодержавия и народности...».¹⁰⁸

Государственная идеология православия, самодержавия и народности служила оправданием и прикрытием двух взаимосвязанных компонентов российской политики – ужесточения деспотического режима в стране и пресечения нежелательного влияния из Европы и вообще извне. Однако было бы упрощением все сводить к этой «охранительной» функции официальной формулы, долженствовавшей выразить суть национальной идеи. Как внутри России, так и в ее международных делах эта формула ассоциировалась с гораздо более широким набором политических целей. При всей своей казенной прямолинейности идеологическая концепция не была искусственным бюрократическим нововведением. Она вытекала из российского традиционализма и использовала его для упрочения целостности и стабильности нации.

То же самое можно сказать и об официально культивировавшемся патриотизме. По внешним признакам он импонировал народному самосознанию, отличавшемуся расплывчатым представлением о собственной стране и ее месте в мире. Салтыков-Щедрин иронизировал: «О России говорили, что это государство пространное и могущественное, но идея об отечестве, как о чем-то кровном, живущем одной жизнью и дышащим одним дыханием с каждым из сынов своих, едва ли была достаточно ясна. Скорее всего смешивали любовь к отечеству с выполнением распоряжений правительства и даже просто начальства».¹⁰⁹

Нечеткость самосознания и мироощущения усугубляла раздвоенность отношения России к Европе. С одной стороны, отторжение от нее и ее порядков, с другой же стороны, желание навязать ей собственное влияние и даже господство.

Наиболее рельефно такая раздвоенность проявлялась в идейном течении славянофильства. О нем и его борении с западничеством сказано достаточно, однако преимущественно об аргументах в защиту уникальной самобытности России, исторические пути которой будто бы расходились с Европой. При этом в тени остается другой аспект славянофильства – обоснование не только российской исключительности, но и превосходства, якобы дающее духовное, моральное и политическое право на главенство по отношению ко всем иным народам и государствам. Основоположник славянофильства А.С.Хомяков доказывал: «История призывает Россию встать впереди всемирного просвещения, - история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал».¹¹⁰ Славянофилы истово верили в особое предназначение России, безоговорочно полагали, что она призвана не только уберечь себя от

¹⁰⁸ А.И.Герцен. Былое и думы. М., 1983, ч. 4, сс. 128-129.

¹⁰⁹ М.Е.Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1988, т. 10, с. 385.

¹¹⁰ А.С.Хомяков. Сочинения. М., 1990, т. 1, с. 174.

европейского «гниения», но и выполнить предписанную ей свыше историческую миссию в Европе и во всем мире.

Под сенью славянофильства пышным цветом расцвела идея о «третьем Риме». Возвращаясь к истокам соблазнительного замысла, православный мыслитель протоиерей В.В.Зеньковский писал: «С падением Ватикана, с особой силой стала утверждаться идея “странствующего царства”: первые два Рима (Рим и Константинополь) пали, где же третий, новый? Русская мысль твердо и уверенно признала третьим Римом Москву, ибо только в России и хранилась, по сознанию русских людей, в чистоте христианская вера... К этому присоединилось положение: “четвертому Риму не быть”». ¹¹¹

Геополитические контуры мечтаний о «третьем Риме» сформулировал представитель самодержавности николаевского режима профессор М.Р.Погодин: «Россия! Что за чудное явление на позорище мира!. Россия – поселение из 60 миллионов. А если мы прибавим к этому еще 30 миллионов братьев-славян, рассыпанных по всей Европе и приложим к нашему? Мысль останавливается, дух захватывает!. Не в наших ли руках политическая судьба Европы и следственно мира, если только мы захотим решить ее? Русский государь теперь ближе Карла V и Наполеона к их мечте об универсальной империи». ¹¹²

Более тонко обосновывал идеологию «нововизантизма» автор бессмертных строк «Умом Россию не понять...» - Федор Иванович Тютчев. В своих геополитических трактатах он выражал глубокую убежденность в том, что власть новой Византии над Европой – это не претензия, и тем более не каприз России, а ее прямой долг перед человечеством, ее священная обязанность. «Россия защищает не собственные интересы, а великий принцип власти... Но если власть окажется неспособной к дальнейшему существованию, Россия будет обязана во имя того же принципа взять власть в свои руки...». ¹¹³

В исторической ретроспективе головокружительные прожекты славянофилов могут показаться не более чем романтическими фантазиями. А между тем в свое время они увлекали немалую часть интеллектуальной элиты, создавали патристический настрой в народе. Вольно или невольно они подталкивали развитие в российской внешней политике экспансионистских тенденций. И все-таки в нагнетании настроений национальной исключительности и национального превосходства проявлялась скорее слабость, чем сила, попытка восполнить неуверенность в прочности внутренних устоев самоутверждением вовне.

Конечно, в оценке российской раздвоенности важно соблюдать меру. Внешняя политика царизма, несмотря на колебания и срывы, в целом была достаточно прагматична, соотносила свои действия с имевшимися внутренними и внешними реалиями. При всех утопиях сверхпатриотов, политическая практика при Александре II и Александре III отличалась достаточной сдержанностью. Тем не менее неодолимое желание «навести порядок» дома и за границей не оставляло правителей России, да и многих их подданных. Имперский национализм усиливался.

Нельзя сказать, что в стране не было проницательных умов, способных поставить верный диагноз прогрессирующей национальной болезни. Решительно высказался против втягивания России в борьбу за утверждение господства над чужими народами и государствами выдающийся философ Владимир Сергеевич Соловьев, сын знаменитого историка С.М.Соловьева. В прошлом приверженец славянофильства, он порвал с ним, когда стало ясно, что из абстрактного противопоставления Востока Западу вырастает государственная идеология экспансионизма. Более того,

¹¹¹ В.В.Зеньковский. История русской философии. Л., 1991. т. 1, ч. 1, с. 47.

¹¹² М.Р.Погодин. Сочинения. М., б.г., т. 4, сс.2-4.

¹¹³ Литературное наследство. М., 1989, т. 97, ч. 2, с. 291.

вырисовывалась и конкретная внешнеполитическая линия – «поворот на Константинополь».

Осуждая амбициозные притязания на Константинополь, Владимир Соловьев спрашивал: «Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию? В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных. Нет! Не этой России, какой ее видим теперь, России, одержимой слепым национализмом и необузданным обскурантизмом, не ей овладеть когда-либо вторым Римом и положить конец роковому восточному вопросу».¹¹⁴

Но истинный гражданский подвиг Владимира Соловьева неизмеримо масштабнее и значительней протеста против непосредственных проявлений имперской воинственности. В российской истории ему суждено было сыграть роль монументальную и драматическую. Он не только указал на «константинопольский» симптом российской болезни, но и смело вскрыл ее глубокие национальные – по сути националистические – истоки, с беспощадностью провидца предсказав ее неминуемые губительные последствия. Он четко сформулировал главную причину злосчастия России: она издавна была не в ладах сама с собой, а потому и со всем миром. Отсюда – и желание уйти в себя, отгородиться от внешней среды, и попытки убедить себя в своей особой самобытности и в своем превосходстве над всеми остальными, и стремление заставить всех – словом и силой – примириться с самопровозглашенным правом повелевать другими.

В этом видел Соловьев суть недуга России – именно ее недуга, а не самой России, которую он глубоко любил, в которую он беззаветно верил и которой желал только добра. «Для народа, имеющего такие великие природные и исторические задатки, как русский, - писал он, - совсем не естественно обращаться на самого себя, замыкаться в себе, настаивать на своем национальном я, и еще хуже – навязываться другим, - это значит отказаться от истинного величия и достоинства, отречься от себя и от своего исторического призвания».¹¹⁵

Среди правителей России Владимир Соловьев выделял тех, кто в наибольшей степени выражал лучшие черты русского народного характера в государственной политике: «Остававшийся всецело русским, несмотря на свое поклонение Европе, Петр Великий и ставшая всецело русской, несмотря на свой природный европеизм, Екатерина II оставили нашему отечеству один завет. Их образ и их исторические дела говорят России: будь верна себе, своей национальной особенностью и в силу ее будь универсальна».¹¹⁶

Владимир Соловьев провел четкое разграничение между «требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше...».¹¹⁷ Столь же убедительно подчеркивал он «великую разницу между народностью, как положительной силой в живых членах единого человечества, и национализмом, как началом отделения частей от целого, - началом, отрицающим человечество и губящим самую народность. Только понимая и принимая это различие, можно выйти из темной и удушливой сферы национального самодовольства на открытый и светлый путь национального самосознания».¹¹⁸

Постигнув глубину и опасность российского недуга, Соловьев пророчески предсказал неизбежность деградации и распада нации, в случае если не произойдет

¹¹⁴ В.С.Соловьев. Сочинения в двух томах. М., 1989, т. 2, с. 226.

¹¹⁵ Там же, т. 2, с. 605.

¹¹⁶ Там же, с. 604.

¹¹⁷ Там же, т. 1, с. 444.

¹¹⁸ Там же, с. 604.

своевременного ее исцеления. Вот его грозное предостережение: «Национальное самосознание есть великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение...».¹¹⁹

Но мало кто услышал его, мало кто поддержал и в конце XIX в., и в наступившем XX в., на пороге которого Владимир Сергеевич трагически рано ушел из жизни...

Тем временем в правящих кругах России продолжали брать верх заботы не об обустройстве все еще отсталой страны, а помыслы о славе военных побед и расширении границ империи. Российское общество отравлял псевдопатриотизм.

Можно ли было тогда остановить раскручивавшийся маховик самоубийственного национализма? Можно ли было вместо внешней экспансии сосредоточиться на решении острейших внутрироссийских проблем? Можно и нужно, считал мудрый государственный муж Петр Аркадьевич Столыпин, потребовавший: «Дайте мне двадцать лет мира, и я реформирую Россию». Не дали! Слишком глубоко погрязла страна в имперской агрессивности, чтобы уберечься от роковой военной авантюры и краха государства, которое ради националистического тщеславия пренебрегло национальными интересами.

Советская власть подвергла Россию радикальным преобразованиям. В числе их – использование новых форм национализма в пропагандистских и внешнеполитических целях (подробнее об этом – в Главе пятой).

Двадцатый век был свидетелем взлетов и падений национализма. Но еще рано говорить не только о его кончине, но даже о начале его необратимого угасания. Какими бы эпохальными ни были перемены в современном мире, национализм показывает феноменальную живучесть, приспособляемость к новым условиям, многообразие проявлений, изощренность в оказании давления на политику. И дело не только в укорененности и инерционности этого негативного фактора. Национализм предлагает себя в качестве простого (и популярного!) средства для ответа на множество вызовов нашего времени. Сказывается и попустительство некоторых политических элит. Публично отмежевываясь от экстремистских проявлений национализма, они на практике не прочь поиграть на нем к своей выгоде, не слишком заботясь об ущербе интересам государства и нации.

Существование национализма поддерживается также близкими ему по духу тенденциями, противоречащими национальным интересам. Речь идет прежде всего о милитаризме, имперской воинственности, этнической и религиозной нетерпимости. Каждая из этих тенденций в отдельности и все они вместе щедро подпитывают национализм, а в соединении с ним создают сильное давление на общественное мнение и непосредственно на внешнеполитический процесс. В зависимости от политической ориентации и степени устойчивости правительство может поддаваться столь мощному нажиму, а в критических ситуациях даже переходить на националистические позиции.

Профессор Даниил Проэктор подметил, что национализм обычно проявляется как неосознанный процесс, а «бессознательное порой влияет на работу сознания... Во время крайней психологической напряженности “бессознательная активность” способна даже доминировать над сознательным началом», чем пользуются в своих корыстных интересах застрельщики экспансионистской силовой политики. «Милитаристская пропаганда всегда включала такие элементы, как шовинизм, расизм, концепции “внешней угрозы”, военного превосходства, нападки на государственных лидеров и т.п.».¹²⁰

¹¹⁹ Там же, с. 282.

¹²⁰ Д.М.Проэктор. Мировые войны и судьбы человечества. М., 1986, сс. 26, 28.

Известный социолог Джозеф Шумпетер считает, что национализм разделяется и стимулируется теми политиками, которые находятся в плену менталитета классической имперскости прошлого, преследовавшей цели «экспансии ради экспансии, войны ради войны, господства ради господства. Империалисты – это люди, которые, унаследовав код риска и доблести, не смогли найти себе прочной опоры в современном обществе... Рациональный и осмотрительный характер капитализма может со временем изжить анахронизм воинствующих группировок, но каждая силовая вылазка, даже неимпериалистическая по замыслу, ведет к их оживлению».¹²¹

Питательной средой и излюбленным объектом для разжигания ненависти всегда были – и поныне остаются – конфликты на этнической и конфессиональной почве, эти мины замедленного действия под государственными и национальными интересами. Прошлые и настоящие изобилуют примерами соединения национализма с такими взрывоопасными проблемами, что требует от правительств решительных мер по обузданию непредсказуемых разрушительных сил.

Что касается нынешней России, то она отказалась от былой государственной политики антисемитизма. Однако, как отмечал публицист и дипломат Александр Бовин, «...остается впечатление половинчатости, какой-то “стеснительности”, когда речь идет о необходимости официального осуждения антисемитизма... Тема антисемитизма в России... постоянно служила (и до сих пор служит) источником недоверия к России, к намерениям и политике российских властей».¹²²

Послевоенная Америка почувствовала себя на крутом подъеме, сильнее и могущественнее всех в мире. И этим воспользовались к своей выгоде националистические группировки. Им представилось, что можно ужесточить и без того жесткий внешнеполитический курс страны, чтобы заставить все государства и народы безоговорочно признать американское превосходство. В этих целях они апеллировали к той части населения, которая симпатизировала их шовинистическим взглядам, рассчитывая заполучить активных сторонников для оказания давления на конгресс и исполнительную власть.

Президент Джон Кеннеди, по свидетельству его ближайшего советника Теодора Соренсена, был серьезно обеспокоен нарастанием этой экстремистской тенденции, чреватой непредсказуемыми последствиями для американской внешней политики. Однажды он резко выразился на этот счет: «Меня не привлекают возможности, на которые рассчитывают многочисленные поборники популистских идей... Я не думаю, что какому-либо демократу удастся прокатиться верхом на этом тигре. Что касается меня, то я верю в необходимость сотрудничества великих держав ради спасения человечества».¹²³

Одним из самых, если не самым опасным очагом национализма в Европе была Германия, сначала кайзеровская, а в апогее своего радикализма – гитлеровская. Крах «третьего рейха» в итоге Второй мировой войны расчистил почву для коренных демократических перемен в стране. Денацификация выкорчевала корни бывшей нацистской партии. Немецкий народ в массе своей избавился от националистического дурмана. Реваншистские элементы маргинализированы. Воссоединение двух Германий оздоровило психологический климат нации, укрепило ее позиции в сотрудничестве с демократиями мира. Реликты национализма, конечно, сохранились, но их влияние на внешнеполитический процесс Федеративной Республики едва ли более заметно, чем в других развитых странах Запада. Аналогичную трансформацию прошла бывшая союзница Германии – Япония, с тем, однако, отличием, что национали-

¹²¹ Josef A. Shumpeter. The Sociology of Imperialism, in Imperialism and Social Choices. N.Y., 1951, pp/ 18, 25, 65.

¹²² Александр Бовин. 5 лет среди евреев и мидовцев. М., 2002, сс. 115-116.

¹²³ Theodore C. Sorensen. Kennedy. N.Y., 1965, p. 332.

стические настроения ощутимо сказываются на некоторых аспектах ее внешней политики, прежде всего по вопросу о «северных территориях».

После Второй мировой войны в новом свете предстала внешняя политика европейских стран-победительниц по отношению к национализму. Англия и Франция, расставшись со своими колониями и добившись повышения своего международного престижа в лоне европейской интеграции, отмежевались от прежних понятий национального превосходства, высоко подняли планку политкорректности внутри общества и в отношениях со странами иного этнического и религиозного уклада. В то же время сохранилась и усилилась опора внешней политики на естественное чувство гордости народа за свое отечество.

Шарль де Голль, справившись с бурным всплеском национализма во Франции в связи с войной в Алжире, взял курс на самостоятельный международный статус страны, отдалился от американского лидера Запада, вышел из военных структур Североатлантического союза. Президент Франции встретил шквал критики, обвинявшей его в национализме, что он категорически отверг. В разговоре со своим советником де Голль сказал: «Франция вновь становится на то место в мире, которое она занимала в лучшие периоды своей истории». Пейрефит спросил: «А не кажется ли Вам, что нас обвинят в национализме?». Де Голль ответил: «Националисты – это те, кто ставит собственную нацию превыше всех остальных, а истинные патриоты – это те, кто любит свое отечество, уважая при этом другие нации. Мы – истинные патриоты! И так у каждой нации! Миссия Франции – поддерживать истинных патриотов во всех странах!».¹²⁴

Маргарет Тэтчер во внешней политике опиралась на устойчивые традиции британской нации с явным имперским акцентом. В напряженных международных ситуациях, например, в конфликте из-за Фолклендских островов (1982 г.), ей удавалось получить поддержку большинства населения. Премьер-министр подчеркивала «глубокую позитивную социальную ценность нации, вокруг традиций и символизма которой людей со сталкивающимися интересами можно поощрять к сотрудничеству и вкладу в общее благо. Национальное сознание дает нам тот главный психологический якорь, который позволяет выстоять против ошеломляющих бурь перемен, и то самоопределение, которое вселяет в нас чувство уверенного существования». Вместе с тем «железная леди» решительно осуждала проявление национализма, будь то в Северной Ирландии или в других частях Великобритании, предупреждала, что «ксенофобские предрассудки могут привести к концлагерям, пыткам и этническим чисткам».¹²⁵

Тенденция последнего столетия указывает на возрастающую несовместимость национализма с внешней политикой развитых и большинства других стран. Но в противовес этому множатся разнообразные факторы, националистические по сути и по форме воздействия на политикообразование. Инерционный в силу укоренившихся предрассудков и аллергичный к изменениям во внешнем мире, национализм не лишился и других не менее важных внутренних источников своей живучести. Снизу – это эмоциональный выход неудовлетворенности немалой части населения своим положением. Сверху – это соблазн воспользоваться доступным и действенным средством в политической игре. Поэтому заражение внешней политики вирусом национализма представляется – даже без экстремальных его проявлений – неизбежным на протяжении еще весьма длительного времени.

¹²⁴ Alain Peyrefitte. C'était de Gaulle. Paris, 1997, tome 2, p. 104.

¹²⁵ Margaret Thatcher. The Path to Power. N.Y., 1995, p. 522.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРИНЦИПЫ И ПРАГМАТИЗМ

Проекция национальных интересов на внешнюю политику преломляется через многоступенчатое опосредование, конечный результат которого выражается в категориях, присущих сфере международных отношений. Происходит, как уже отмечалось (в Главе третьей), своего рода «перевод» с языка национальных интересов на язык внешней политики. Без этого невозможно реализовать потребности нации в деятельности государства, представляющего ее на международной арене. Но тут ко многим другим объективным и субъективным неопределенностям формирования внешней политики добавляется еще одна, причем многозначная и многоплановая.

В теоретическом и практическом смысле политикообразование требует уточнения и конкретизации. Насколько внешнеполитическая форма соответствует содержанию национальных интересов, иными словами, насколько точен «перевод»? Да и один ли это язык, на который делается «перевод», или несколько языков, а может быть, смешение языков? Мало того, в какой мере стабильны этот язык или эти языки?

Все это далеко не праздные вопросы. От них зависят уровень и адекватность отражения национальных интересов во внешней политике. Но не только. В порядке обратной связи неточный (тем более произвольный и заведомо искаженный) «перевод» может ставить под сомнение суть оригинала и тем самым причинять ущерб интересам нации.

Ни на один из этих вопросов нет ответа, одинакового для всех государств, что усугубляет неопределенность не только в страновом внешнеполитическом процессе, но и во всемирном геополитическом пространстве. Многообразие форм и уровней политикообразования на основе национальных интересов поистине необъятно. Тем не менее, логика международного развития диктует поляризацию как расхождений, так и совпадений позиций по ключевым проблемам формирования собственной внешней политики и политики мировой. Пороговым в этом смысле было образование на рубеже XIX и XX веков глобальной системы международных отношений.

В сложившейся системе взаимосвязей государства, озабоченные обеспечением своих национальных интересов в новых условиях, оказались перед кардинальной дилеммой: либо приводить возникающие международные реалии в соответствие с универсальными (и обязательно общепризнанными и не противоречащими национальным интересам) принципами, либо прагматически приспособливаться (не отказываясь от приоритета собственных интересов) к изменяющейся мировой обстановке с ее возрастающими угрозами и расширяющимися благоприятными возможностями.

Выбор между принципами и прагматизмом не требует целиком принять одно и полностью отринуть другое. Взаимоисключение нереально. Даже если пойти на него, осуществить его на практике не позволит ни внутреннее положение, ни внешняя обстановка. И все же сущностная поляризация двух этих подходов очевидна, а синтез их элементов требует государственной мудрости.

Принципы и прагматизм всегда трудно сочетались, нередко вступали в острое противоречие, углубляли расхождение между национальными и государственными интересами. Так было в пору становления наций-государств, когда средневековое феодально-теократическое целеположение вытеснялось «резон д'эта» и «Реальполитик», которые со временем стали доминирующей практикой в международных отношениях (см. Главу первую). Пришествие современной эпохи, однако, выявило недостаточную эффективность и рискованность преимущественно, а тем более исключительно, прагматического подхода к чрезвычайно усложнившемуся и неконтроли-

руемому развитию событий на мировой арене. Засилье эгоистических интересов увеличившегося числа активных участников конкурентной борьбы и геополитических игр подрывало и без того хрупкое равновесие сил, дезорганизовывало международные дела, подталкивало мир к невиданным ранее коллизиям и катастрофам.

Апофеоз противоречий и военные потрясения всемирного масштаба заставили задуматься о выработке и принятии принципов, призванных нормализовать и упорядочить международное общение. Чтобы быть действенными, такие принципы, естественно, требуют всеобщего признания, а это возможно лишь при условии, что они отражают интересы не отдельных государств, а всего международного сообщества. Объективно – это императив современности. Но на практике неизбежны расхождения между государствами разного международного статуса и неодинаковой внешнеполитической ориентации. Договориться об общепризнанных ориентирах международной жизни трудно по многим причинам. Правила поведения, предлагаемые на мировой арене, вызывают подозрения (нередко вполне оправданные) в том, что они выгодны одним и невыгодны другим. Мешает веками установившаяся привычка ставить собственные утилитаристские интересы превыше соображений общего блага. Переосмысление новых реалий тормозится настроенностью правящих элит и государственных механизмов на узкий практицизм в международных делах в ущерб широкому и перспективному видению обстановки. Наконец, осложняет дело встроенность внешнеполитического процесса во внутривнутриполитическую борьбу.

Возрождению принципов как органических составляющих практики международных дел нашего времени предшествовали интенсивные концептуальные поиски. Споры (как правило, в контексте политических внутренних и внешних противоречий) шли не только о приоритетах внешнеполитических ориентиров, но и о сути обсуждаемых принципов. Надвигавшиеся эпохальные перемены потребовали коренного обновления устоявшихся представлений о способах и возможностях регулирования хаотичного и непредсказуемого развития международной жизни. Смятение умов порождало самые разные, подчас диаметрально противоположные, суждения, пессимистический цинизм и оптимистические утопии.

Граф фон Хюбнер, австрийский посол в Париже в пятидесятых годах девятнадцатого века, пришел к заключению о том, что «дни принципов миновали».¹²⁶ Обобщение весьма широкое. Только строится оно на горьком опыте Австрии, традиционно придерживавшейся постулатов Священной Римской империи, которые к тому времени действительно ушли в прошлое. Дни таких принципов безвозвратно минули, на смену им выдвинулись новые, не скованные узкокорыстными средневековыми интересами, а созвучные многообразию сегодняшнего бытия.

Столь же нереальна другая крайность – отождествление предлагаемых принципов международного общения с высшими духовными и моральными ценностями. Идеи о том, что государства следует судить по тем же самым этическим нормам, которые являются критерием поведения отдельных личностей, и что национальные интересы любой страны должны подчиняться универсальной системе законов, высказывались либерально мыслящими политиками и учеными еще задолго до появления первых признаков кризиса сугубо прагматического подхода к международным делам. Но призыв к абсолютизации моральных принципов громко и отчетливо прозвучал на высоком политическом уровне в начале восьмидесятых годов позапрошлого века из страны, издавна исповедующей классический прагматизм, - из Великобритании.

Во время парламентских выборов 1880 г., пожалуй, единственных за всю британскую историю посвященных почти целиком внешней политике, кандидат либера-

¹²⁶ Josef Alexander, Graf von Huebner. Neun Jahre der Errinerungen eines oesterreichischen Botschaft in Paris unter den zweiten Kaiserreich: 1851-1859. Berlin, 1904, V., I, S 109.

лов Гладстон противопоставил своему сопернику консерватору Дизраэли, приверженцу имперских традиций, свою философию идеального мироустройства. Гладстон отверг принципы равновесия сил и национальных интересов и провозгласил путеводным маяком британской внешней политики христианскую мораль. Он полагал, что открыл глобальную тенденцию к мирным переменам под бдительным контролем мирового общественного мнения.

Обращаясь к избирателям, Гладстон провозгласил: «Помните, что Тот Кто объединил вас всех, создав разумными существами из плоти и крови, соединил вас также узами взаимной любви, не ограничивающимися пределами христианской цивилизации...».¹²⁷ «Определенно то, что в умы людей постепенно вселяется новый закон поведения наций, который уже входит в обиход, распространяясь по всему миру; закон, признающий независимость, с негодованием взирающий на агрессию, поощряющий мирное, а не кровавое разрешение споров, имеющий целью усовершенствования постоянного, а не временного характера; и, что самое главное, признающий в качестве наиболее полномочного верховного суда всеобщий приговор цивилизованного человечества».¹²⁸

Неординарные воззрения Гладстона оказались невостребованными. Хотя он и победил на выборах, политическая элита и значительная часть населения страны были не готовы принять его внешнеполитическую концепцию, призванную сменить в международных отношениях укоренившуюся прагматическую доминанту на благие пожелания всеобщей гармонии под эгидой божественного провидения, высокой морали и всеобщего общественного мнения. Приход Гладстона мало что изменил в традиционной имперской политике Великобритании. Как выразился Черчилль, «Нагорная проповедь – это последнее слово в христианской этике... Но не этим руководствуются министры, берущие на себя ответственность за управление государством».¹²⁹

Поколение спустя лобовое столкновение двух соперничающих концепций произошло на вершине государственной власти в США при президентах республиканце Теодоре Рузвельте и демократе Вудро Вильсоне. Тогда Америка, накопившая внушительную мощь, преодолела свою замкнутость и начала выдвигаться на авансцену мировой политики. Оба президента видели будущие Соединенные Штаты в роли великой державы, которой предстоит решающим образом повлиять на мировое переустройство. Но при этом они резко и непримиримо расходились в методах достижения целей, соответствующих национальным интересам страны. По сути, разногласия сводились к кардинальной проблеме выбора: что должно лежать в основе американской внешней политики – принципы или прагматизм?

Ожесточенность публичного спора между Рузвельтом и Вильсоном, непривычная для умудренных многовековым опытом европейских государственных мужей, можно отнести отчасти на счет того, что американские политики впервые выступали в мало еще знакомой им роли участников больших игр на международной сцене. Но более чем очевидно сильное воздействие на них внутривнутриполитических факторов. Для вовлечения страны в активную политику за рубежом надо было убедить рядовых американцев отказаться от изоляционистского настроя, который издавна определял их отношение к внешнему миру. Требовалось доказать, что предлагаемые внешнеполитические курсы – будь то на основе принципов или прагматизма – отвечают не узкопартийным, а общенациональным интересам. При этом аргументы в пользу того или другого выбора, чтобы звучать убедительно, нуждались в доходчивом оформ-

¹²⁷ Cit. in A.N.Wilson. Eminent Victorians. N.Y., 1989, p. 112.

¹²⁸ Cit. in Carsten Holbraad. The Concert of Europe. A Study in German and British International Theory, 1815-1914. L., 1970, p. 166.

¹²⁹ Winston Churchill. The Second World War. Vol. I, The Gathering Storm. L., 1950, p 287.

лении, свойственном привычному американскому мышлению с его уникальной комбинацией идеализма и практицизма. К тому же, концептуальный спор велся по жестким правилам внутриполитической борьбы.

Будучи специфически американским по форме, спор о принципах и прагматизме внешней политики по своему содержанию вышел далеко за пределы Соединенных Штатов. Контрастность позиций, свобода от дипломатических условностей и академической отвлеченности – все это привлекало внимание политиков и общественности в Европе и других частях света. Но главное в том, что открытая и яркая презентация дискутируемой темы затронула назревшую проблему не только национального, но и международного значения. Исходивший из Америки импульс стимулировал коллективные поиски оптимального сочетания принципов и прагматизма, необходимого для построения универсальной системы регулирования международных процессов.

Внедряя в американскую внешнюю политику новую концепцию, - впервые совпадающую с прагматической европейской, - взял на себя Теодор Рузвельт. Он стал первым президентом, убежденным в том, что национальные интересы Америки обязывают ее распространять свое влияние не только на Западное полушарие, но и на весь земной шар, поскольку она уже накопила такую мощь, которая сама по себе превращает ее в державу мирового ранга.

Как и его предшественники, Рузвельт считал, что внешнеполитический курс США должен благотворно воздействовать на остальной мир. Однако, в отличие от них, он полагал, что истинные интересы Америки не сводятся просто к обеспечению собственной неприкосновенности, а заключаются в превращении ее в такого же субъекта международных отношений, как и все другие государства. Забыв о своих претензиях на исключительность в качестве уникального воплощения добродетелей, Америка в случае столкновения ее интересов с интересами других стран имеет право воспользоваться собственной мощью, чтобы переломить ситуацию в свою пользу.

Для начала Рузвельт придал «доктрине Монро» еще более широкое, откровенно интервенционистское толкование, сближающее ее с империалистическими доктринами Старого Света. Вслед за войной с Испанией (еще при президенте Мак-Кинли) развернулась силовая дипломатия США в Центральной и Южной Америке, произошли прямые вторжения во внутренние дела Гаити, Колумбии, Доминиканской Республики, Кубы. Рузвельтовская политика «большой дубинки» в Западном полушарии явилась предтечей новой роли США как мирового жандарма. В послании Конгрессу 1902 г. президент заявил: «Во все большей и большей степени рост взаимозависимости и усложнение международных политических и экономических отношений заставляют все цивилизованные державы с упорядоченной системой правления настаивать на надлежащем поддержании полицейского порядка в мире».¹³⁰

Внешнеполитический курс США Рузвельт определял исключительно в терминах национальных интересов, как он сам понимал их, то есть в сугубо прагматическом смысле, отвергая любые моральные соображения как бесполезные иллюзии. Правда, он разделял точку зрения своих соотечественников, что Америка – это луч надежды для всего мира. Но он был убежден, что это свое предназначение она способна исполнить только посредством силы, а не убеждения. Рузвельт не принимал сложившегося в американском мышлении представления о добре и зле в отношениях с внешним миром. Он презрительно отзывался о международном праве и проектах разоружения: «Поскольку пока что не существует и намека на возможность создания каких-либо международных сил..., которые могли бы эффективно пресекать

¹³⁰ Cit. in John Morton Blum. The Republican Roosevelt. Cambridge, Mass. 1967, p. 127.

непредвиденные действия, то при таких обстоятельствах было бы и глупо, и преступно для великой и свободной нации лишать себя сил защищать собственные права, а в исключительных случаях выступать в защиту прав других. Ничто не может породить большей несправедливости ..., чем преднамеренное превращение свободных и просвещенных народов ... в бессильные, оставляя вооруженными все виды варварства и деспотизма».¹³¹

В мире, регулируемом равновесием сил, единственно рациональным порядком международных отношений, по убеждению Рузвельта, должно служить распределение сфер влияния между великими державами, одной из которых, потенциально самой сильной, суждено стать Соединенным Штатам. С таких геополитических позиций он оценивал расстановку сил в Азии, где приложил руку к восстановлению равновесия после поражения России в войне с Японией. В Европе Рузвельт считал равновесие саморегулирующимся. В начале Первой мировой войны (когда президентом был уже Вильсон), он спокойно воспринял вторжение Германии в нейтральную Бельгию, но вскоре пересмотрел свою оценку и призвал вступить в войну, чтобы предотвратить возникновение прямой угрозы интересам безопасности Америки.

Беспредметно рассуждать о том, что было бы, если бы у кормила власти оставался Рузвельт (после двух сроков пребывания в Белом доме он в 1908 г. уступил место республиканцу Тафту, а в 1912 г. в итоге раскола в собственной партии выставил свою кандидатуру на выборах от прогрессивной партии против Тафта и демократа Вильсона, который и одержал победу). Однако ясно одно: внешнеполитическое кредо Рузвельта в грозовой обстановке перед Первой мировой войной не получило поддержки в недрах американской нации. Ее коренные интересы не проявились в той интерпретации, которую им приписывал президент-прагматик.

В письме английскому писателю Редъярду Кипплингу Рузвельт признался, как трудно вовлечь американцев в европейскую войну, прибегая к доводам силовой политики: «Если бы я попытался пропагандировать то, во что верю сам, для нашего народа это показалось бы бессмысленным, ибо он бы за мной не пошел. Наш народ близорук и не понимает международных проблем. Ваш народ тоже был близорук, но не до такой степени, как наш, и не в этих вопросах... Вследствие ширины океана наш народ верит, что ему нечего бояться в связи с нынешней схваткой и что на нем не лежит никакой ответственности за происходящее».¹³²

Классический прагматизм не смог преодолеть врожденный американский изоляционизм. И дело здесь не столько в близорукости народа, сколько в прагматической дальнорукости президента, увидевшего геополитические очертания будущего мироустройства (во многом воображаемого), но не разглядевшего с близкого расстояния недвусмысленные признаки неблагоприятной для его замыслов психологической обстановки в собственной стране. Он недооценил силу инерционности национального самосознания, которое сформировалось в понимании того, что Америке ниспослана свыше моральная и физическая исключительность, позволяющая ей процветать в условиях свободы, независимости и защищенности двумя океанами от угроз и потрясений беспокойного внешнего мира. Американцы уверовали в мудрость, преподанную им отцами-основателями нации и их последователями: не вовлекаться в чужие конфликты, не вступать в союзы и войны между иностранными государствами. Поэтому рационалистически обоснованный призыв Рузвельта к обретению Соединенными Штатами великодержавного статуса через скорейшее вступление в войну за восстановление равновесия сил в Европе не встретил отклика у

¹³¹ Ibid., p. 137.

¹³² Cit. in Robert Endicott Osgood. *Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations*. Chicago, 1953, p. 137.

большинства его сограждан, не желавших жертвовать жизнями во имя чуждых им интересов.

Успеха удалось добиться президенту Вудро Вильсону, который верно угадал глубинные настроения в американском народе. Для него вхождение Америки в мировую политику носило мессианский характер: она, как ему представлялось, была обязана не просто соучаствовать в поддержании равновесия сил, но распространять свои высокоморальные ценности по всему миру. Отвергая силовую политику, он обратился к тем чувствам американцев, которые выражали исключительность национальных идеалов. Шаг за шагом президент-проповедник вел изоляционистскую страну к пониманию ее глобального предназначения, выходящего за узкопрагматические пределы, и возвышению над собственными эгоистическими интересами. Конечная цель внешней политики оставалась прежней – превращение Соединенных Штатов в могущественнейшую державу, в том числе и посредством участия во всемирной схватке. Но мотивация теперь облекалась в сугубо альтруистическую форму. Вильсон убеждал соотечественников в том, что Соединенные Штаты не ищут за рубежом никаких выгод, а наведение в мире порядка необходимо ради торжества универсальных (в основном по сути американских) принципов международного общежития.

В своем первом послании «О положении страны» 1913 г. президент изложил то, что впоследствии стало именоваться «вильсонизмом». Всеобщность права, а не равновесие сил, доверие наций друг к другу, а не национальное самоутверждение любой ценой, обязательный арбитраж международных споров, а не применение силы – вот принципы, которые Вильсон провозгласил в качестве опоры справедливого и безопасного мирового порядка: «Существует лишь одна-единственная мерка, применимая к определению разногласий между Соединенными Штатами и другими нациями, и она двудеина - это наша собственная честь и наши обязательства по поддержанию мира во всем мире. И такого рода проверка может быть с легкостью применена как к вступлению в новые договорные обязательства, так и к толкованию уже на себя принятых».¹³³

Подчеркивая уникальность моральных принципов американской нации, Вильсон настаивал на том, что США не имеют права монополизировать это свое достояние, а обязаны поделиться им с другими народами. В числе таких принципов он выделил неприемлемость агрессии и вывел из нее беспрецедентную доктрину, гласящую, что безопасность Америки неотделима от безопасности всего человечества и, как следствие этого, - ее обязанность противостоять агрессии в любой части земного шара.

В 1915 году Вильсон заявил: «... Поскольку мы требуем для себя возможность развиваться без вмешательства извне и беспрепятственно распоряжаться нашими собственными жизнями на основе принципов права и свободы, мы отвергаем, независимо от источника, любую агрессию, ибо не являемся ее приверженцами... Мы не ограничиваем нашу горячую приверженность принципам личной свободы и беспрепятственного национального развития лишь теми событиями и переменами в международных делах, которые имеют отношение исключительно к нам. Мы испытываем это всегда, когда имеется народ, пытающийся пройти по трудному пути независимости и справедливости».¹³⁴

Под флагом альтруистических и высоконравственных принципов, в прагматическом смысле куда более интервенционистских, чем самые смелые расчеты Рузвельта, Вильсон ввел Америку в круговорот мировой политики. При широкой политической и общественной поддержке он объявил войну Германии (правда, на ее за-

¹³³ The Papers of Woodrow Wilson (Arthur S. Link, ed.). Princeton, N.J., 1966. Vol. 29, p. 4.

¹³⁴ Ibid., Vol. 35, p. 297.

вершающем этапе, в 1917 году). Послал американские войска в Европу и на правах равного (но потенциально сильнейшего) партнера разделил плоды победы с европейскими державами.

В послевоенных условиях, однако, вильсонианство дало осечку, причем как вовне, так и внутри Соединенных Штатов. Сказалась его однобокость: принципы могли придать целенаправленность прагматическим действиям, но не выполнять вместо них присущие им функции, не подменять собою традиционные внешнеполитические механизмы и методы, какими бы устаревшими они ни представлялись президенту-моралисту. Игнорируя объективные факторы национального и международного развития, вильсонианство взамен им предлагало набор идеалов, способных служить ориентирами, но не инструментами политики. Если раньше прагматизм страдал от отсутствия принципов, то теперь вильсонианские принципы, отринувшие прагматизм, обрекли себя на практическую нереализуемость.

«Четырнадцать принципов» Вильсона (1918 г.) предусматривали универсальные правила международного общения, включая свободу судоходства и торговли, воспользоваться которыми в полной мере могла лишь сильная и окрепшая в итоге войны Америка. В области международной безопасности не предлагалось никаких гарантий, кроме опоры на авторитет мирового общественного мнения. В обессиленной войной Европе не нашлось сторонников столь радикального отхода от укоренившейся прагматической политики балансирования национальных интересов и силовых потенциалов. Кроме того, европейцы почувствовали появление на мировой арене набирающего силу американского конкурента. Тем не менее, они поддержали вильсоновский проект создания первой универсальной международной организации – Лиги наций, рассчитывая извлечь пользу из взаимодействия друг с другом и с Соединенными Штатами.

В самой же Америке идея Лиги наций не получила поддержки. Сенат отказался ратифицировать Версальский мирный договор и его составную часть – Устав Лиги наций. Свое решающее слово снова сказал американский изоляционизм. Если раньше он помешал Рузвельту подготовить страну к вступлению в Первую мировую войну, то теперь лишил Вильсона возможности ввести США в систему послевоенного международного переустройства.

Так путем опосредования – через изоляционизм – национальные интересы сыграли роль своего рода модератора резких перепадов внешней политики. Разумеется, американский пример едва ли может претендовать на универсальность. При всей его явной типичности, он характерен главным образом для Соединенных Штатов, да и то в переломные моменты их истории. Международные отношения прошлого и начала нынешнего столетия открывают широкий диапазон различных вариантов взаимодействия национальных интересов и внешней политики (об этом подробнее в Главах шестой и седьмой). Но и в таком расширенном контексте американский опыт представляет интерес для сопоставления его с другими моделями политикоформирования.

Вильсонианство наложило заметный – хотя и не однозначный – отпечаток на соотношение принципов и прагматизма во внешней политике США. Непреходящей значимостью вильсонианских идей является то, что они пережили первоначальную яростную критику за их практическую неприменимость, а со временем прочно вошли в американское внешнеполитическое мышление. В последующие десятилетия каждый раз, когда Америка подходила к принятию судьбоносных решений, она неизменно обращалась к вильсонианскому наследию как к одному из важнейших ориентиров в поисках ответов на вызовы современности.

Провальное завершение администрации Вильсона, потерявшего доверие американского народа и не добившегося осуществления своих амбициозных замы-

слов, не только нанесло удар по репутации прежде популярного и успешного президента, но и дискредитировало (хотя не похоронило) сформулированные им принципы. На какое-то время их списали со счетов. В результате американская внешняя политика лишилась не просто вильсоновского, а всякого вообще целеполагания, оказалась во власти рутинного изоляционистского прагматизма. Высвободиться из-под него постепенно удалось лишь при президентстве Франклина Рузвельта.

Немалый вред внешней политике США нанесло манипулирование символикой вильсоновства, лишенной его сущностного содержания. Разменной монетой американской дипломатии стал тезис о приоритете справедливости, а не заинтересованность при решении каждого международного вопроса. Любой конфликт преподносился в терминах высокой морали, а миссия Соединенных Штатов - как созидателя справедливого мирового порядка. Спекулируя на обнаруженных Вильсоном особенностях национального самосознания американцев, чиновники внешнеполитического ведомства США приспособили их для оправдания своих узкопрагматических целей. Моральное неприятие мироустройства они переместили в плоскость идеологической и геополитической нетерпимости. При такой произвольной интерпретации, по признанию Генри Киссинджера, «в вильсоновстве воплотилась главная трагедия Америки на мировой арене: американская идеология является, так сказать, революционной, в то время как у себя в стране американцы считают себя удовлетворенными статус-кво. Следуя тенденции превращать проблемы внешней политики в схватку между добром и злом, американцы, как правило, чувствуют себя не в своей тарелке, когда приходится иметь дело с компромиссом, точно так же, как если бы речь шла о частичном или неопределенном решении».¹³⁵

Появление на исторической арене такого неординарного лидера, каким был Вудро Вильсон, стало позитивным для Соединенных Штатов и для всего мирового сообщества. Если бы в 1912 году Теодор Рузвельт был вновь избран президентом, нетрудно предположить, что он бы обосновывал вступление Америки в мировую войну такой же трактовкой ее национальных интересов, какая не отличалась бы от типичной для ведущих европейских держав, приверженных традиционным геополитическим канонам. О нем вспоминали бы как о президенте, который свою политику «большой дубинки», вначале применявшуюся в Западном полушарии, распространил на Европу и все глобальное пространство. В историю дипломатии вошел бы еще один, американский образец однотипной прагматической, имперской политики. Вильсоновство же, напротив, необычно по своей многогранности и многоадресности. В нем наряду с моральным осуждением несправедливости, деспотизма и агрессии есть и призыв к жесткости ради достижения поставленных целей. Но главное – это принципы, указывающие направление внешней политики, позволяющие ей адаптироваться к требованиям национальных интересов и современного международного развития. Идеи Вильсона приобретают особую значимость в эпоху трансформации системы международных отношений. Его вера в императивность смены принципа равновесия сил принципом всеобщего согласия созвучна главным тенденциям современности.

Накануне вступления США в Первую мировую войну президент Вильсон сказал: «Вопрос, на котором зиждется будущий мир и международная политика, заключается в следующем: является ли нынешняя война сражением за справедливый и прочный мир или схваткой ради всего-навсего создания нового равновесия сил? Нужно не равновесие сил, а совокупность сил; не организованное соперничество, а организованный всеобщий мир».¹³⁶

¹³⁵ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 43.

¹³⁶ The Papers of Woodrow Wilson (Arthur S.Link, ed.) Princeton, N.J., 1966, Vol. 40, pp. 536-537.

Понятия «совокупность сил» и «организованный всеобщий мир» знаменовали собой появление новой концепции, которая в наше время называется коллективной безопасностью. Убеденный в том, что все нации в конечном счете заинтересованы в прочном мире, Вильсон призывал к моральному консенсусу миролюбивых сил: «Нынешний век ... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей, где вопросы будут звучать только так: «Это правильно?», «Это справедливо?», «Это действительно в интересах человечества?».¹³⁷

Для воплощения в жизнь новых принципов международного общения Вильсон впервые выдвинул идею создания универсального института – Лиги наций, ставшей прообразом Организации Объединенных Наций. Под эгидой этой всемирной организации, по его мысли, политика силы должна отступать перед силой морали. Вильсон заявлял: «... Посредством данного инструмента мы ставим себя в зависимость в первую очередь и главнейшим образом от одной великой силы, а именно, от моральной силы мирового общественного мнения – от очищающего, и разъясняющего, и принуждающего воздействия гласности ... силы тьмы должны погибнуть под всепроникающим светом единодушного осуждения их в мировом масштабе».¹³⁸

Вильсонизм, при всем его идеализме и уязвимости с точки зрения прагматизма, несомненно, внесло принципиально важный вклад в формирование внешней политики. Конечно, практика современных международных дел не согласуется с исходным постулатом Вильсона относительно абсолютного приоритета морали при определении принципов внешней политики, национальной и мировой. Но бесспорна его заслуга в том, что он привлек внимание к чрезвычайно важной политикообразующей функции моральных ценностей. Ему удалось доказать не только то, что прагматизм без принципов слеп, но и то, что принципы без морали бесплодны.

В то же время, если непереносимое включение моральных категорий во внешнеполитическое целеполагание уже не вызывает серьезных возражений, то нет единого мнения о том, какая мораль должна сыграть центральную роль в этом процессе. Совершенно очевидно, что речь идет о морали не личной, а общественной. Но опять-таки неясно, какая общественная мораль? Довлеющая в самой нации или приближающаяся к мировым стандартам? И есть ли оптимальный баланс между тем и другим измерением морального компонента принципов внешней политики? Возможно ли достигнуть доминирующей роли морали в международных делах?

Исторически сложилось так, что моральные нормы, способные осязаемо влиять на внешнюю политику, возникали и развивались внутри общества. Несомненно также и влияние извне, хотя оно обычно воспринималось в национальном самосознании как нечто отвлеченное, если не чужеродное по духу, мало пригодное для собственных практических нужд. Доморощенная мораль, даже не слишком отличная по сути от общераспространенной, как правило, тяготела к самодостаточности и самооправданию собственного поведения. Нередко высоконравственно звучащие принципы оказывались на службе у низменных политических побуждений и деяний. Вместо облагораживания политики, они на деле прикрывали и подпитывали национальный эгоизм.

В противовес этой пагубной тенденции взаимозависимость современного мира порождает практику, опирающуюся на общечивилизационные интересы и общечеловеческую мораль. Потенциально эта тенденция способна вывести мир к принятию таких принципов общежития, которые отвечали бы интересам всего международного сообщества без ущерба и только к выгоде для каждой отдельной нации. Но вполне понятно, что продвижение к этой цели требует длительного времени и ко-

¹³⁷ Ibid., Vol. 59, pp. 608-609.

¹³⁸ Ibid., Vol. 55, p. 175.

лоссальных совместных усилий. А пока на внешнюю политику и международные отношения по-прежнему гораздо сильнее воздействуют национальные, а не всеобщие моральные категории. Но современность заставляет нации переоценивать свои моральные стандарты, соотнося их с общемировыми.

В свете нынешнего и ожидаемого международного развития стоит сопоставить реальные возможности влияния на эволюцию внешнеполитических принципов различных моральных категорий. При этом главным мерилom соответствия морали требованиям современности надо принять то, насколько она сопрягается одновременно с интересами, с одной стороны, отдельных наций, а с другой – их совокупности во всемирном масштабе.

Наивысший моральный уровень – вера в Бога. Поэтому она, казалось бы, может занять доминирующее место во внешнеполитическом целеполагании. Впрочем, такое место ей принадлежало в прошлом (хотя чаще по форме, чем по существу). Помимо других, вполне светских, в частности династических, мотиваций это объяснялось не столько моральным авторитетом церкви, сколько жесткостью теократической власти. Так было, например, в Священной Римской империи в пору ее могущества в Средние века.

В современных условиях религия уже не имеет весомой политикоформирующей функции. Как ни высока нравственность вероучений, они не могут дать конкретных ответов на специфические запросы внешней политики, не в состоянии сформулировать ее принципы и задачи, которые были бы морально общепризнанными. При нынешней сложной глобальной конфигурации различных религиозных верований трудно (если вообще возможно) найти общий знаменатель моральных норм в качестве универсальных внешнеполитических принципов. Для этого требуется такое единство многих, в том числе враждующих друг с другом конфессий, которого нет сегодня и в обозримом будущем не предвидится. Ведь даже экуменическому движению никак не удастся преодолеть разобщенность в пределах одного, христианского мира. Тем более пока нереально многоконфессиональное согласие во всемирном масштабе.

В отсутствие универсальной преемственности религии как моральной доминанты современных международных отношений религиозную окраску получают принципы внешней политики некоторых государств. В экстремальных случаях такое внешне благопристойное облачение оказывается в кричащем противоречии с аморальной сущностью самой политики. Достаточно вспомнить, как нацистская Германия цинично осеяла свою неприкрытую агрессию и массовое истребление людей божественным благословением («С нами Бог!»). Или то, как нынешние мусульмане-террористы сопровождают свои преступления против человечества прославлением ислама («Аллах велик!»). Но и умеренные варианты использования той или иной религиозной темы, хотя и могут получить одобрение и поддержку внутри страны, в сфере международного общения не сулят успеха. Скорее, наоборот: при нынешней повышенной чувствительности к нарушениям (действительным или мнимым) политкорректности и толерантности любое проявление превосходства собственной веры вызывает резкое осуждение со стороны адептов других конфессий.

Не приносит добра международным отношениям подмена моральных категорий идеологией в качестве принципа внешней политики. Идеология в той или иной мере неизбежно присутствует в государственной политике. Но весьма важно, насколько она определяет содержание и направленность внешнеполитических принципов. Если идеология перевешивает все другие компоненты политикоформирования, государство, даже при укреплении взаимосвязей с идеологически однородными союзниками, ставит себя в положение, которое противопоставляет его всему ос-

тальному миру. Во взаимоотношениях же с идеологическими антагонистами это усугубляет политическую и силовую конфронтацию.

Наиболее наглядный пример – советская внешняя политика. С самого начала ее принципы строились на отвержении таких традиционных (объявленных «социально чуждыми») категорий, как нация, национальные интересы, общечеловеческая мораль. Их заменили идеологизированными понятиями – диктатурой пролетариата (по сути номенклатуры), социалистическими (потенциально тоталитарными) государственными интересами, революционной совестью (отрицающей общепринятую мораль). Впервые появилось уникальное государственное образование, оказавшееся в оппозиции всему остальному миру и стремящееся к его революционному преобразованию по собственной идеологеме. Время заставило советских вождей отойти от изначальной абсолютизации коммунистических догм как директивы для внешнеполитической деятельности государства и изыскивать разновидности собственного прагматизма во взаимосвязях с внешним миром (подробнее об этом – в Главе пятой).

Тем не менее, идеологическая подоплека советской («классовой») внешней политики еще долго давала о себе знать, вплоть до самого распада СССР. Причем не только в пропагандистском формате, но так или иначе при принятии решений для реализации в практической политике. На завершающих этапах существования Советского Союза в стилистике идеологического оформления внешней политики мало что осталось от былой лобовой подачи архиреволюционных лозунгов, появились тщательно отполированные тезисы в духе общепризнанных банальных истин (мир во всем мире, международное сотрудничество, прекращение гонки вооружений и т.п.). И все же из-за каждой внешне общеприемлемой формулировки проглядывала неизменная идеологическая нетерпимость.

В 1984 г. вышел в четвертом (последнем) издании «Дипломатический словарь» под редакцией МИД СССР во главе с министром иностранных дел, членом Политбюро ЦК КПСС А.А.Громыко. Статья, посвященная советской внешней политике, трактует ее как носящую «классовый характер», «неразрывно связанную с внутренней политикой государства» и «обусловленную природой общественного строя государства». Основные принципы советской внешней политики выводятся в статье из «социалистического характера государства» и определяются как «выражающие интересы советского народа».

Эти принципы, в приоритетном порядке, направлены на «обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, защиту государственных интересов Советского Союза, укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс». Только вслед за этим перечнем первоочередных задач назывались «предотвращение агрессивных войн, достижение всеобщего и полного разоружения, последовательное осуществление мирного сосуществования государств с различным социальным строем». Но к этому сразу же добавлялась многозначительная оговорка о сочетании «интересов трудящихся нашей страны с их интернациональными обязанностями и задачами» (явная отсылка к интервенции СССР в Афганистане и странах Африки).¹³⁹

Добиваться ослабления международной напряженности, ограничения и сокращения вооружений при такой идеологической нагрузке было намного труднее, чем если бы спорные вопросы решались только на основе их геополитической значимости. Однако этому мешала, по свидетельству Анатолия Добрынина, «излишняя заидеологизированность нашей внешней политики. Это проявлялось, в частности, в

¹³⁹ Дипломатический словарь. Четвертое переработанное и дополненное издание. М., 1984, т. 1, сс. 207-209.

нашем идеологическом противостоянии, в нашей бездумной вовлеченности в далекие от нас региональные конфликты во имя выполнения “интернационального долга” в отношении других народов, что сопровождалось растущими подспудными великодержавными устремлениями советского руководства и было чревато неизбежными – и, к сожалению, ненужными – осложнениями в отношениях с США».¹⁴⁰

Отголоски давно изжившей себя коминтерновской идеи «мировой революции» находили свое выражение не просто в форме обязательного пропагандистского декорума советской внешней политики, они продолжали держать кремлевских лидеров (в общем-то, вынужденных действовать по правилам прагматизма) в сковывающих рамках заскорузлых догматических представлений о реальностях современности. Как отметил Анатолий Добрынин, «идеологический плен брежневского поколения усугублялся изоляцией от внешнего мира, которая была тяжелым наследием Сталина. Явление “зеркального отражения” - перенос советского опыта и понятий на американскую политику – еще одно следствие изоляции и нашей неосведомленности. Советское руководство и народ не понимали Америку... Явно недооценивалось влияние американского общественного мнения и внутренних факторов. Конечным итогом добровольной самоизоляции стали подозрительность и настороженность в отношении малоизвестного внешнего мира, особенно США. Последним приписывались в основном враждебные и экспансионистские намерения. Впрочем, американская сторона в той же степени, если не больше, страдала этим пороком».¹⁴¹

Идеологизация принципов внешней политики нанесла колоссальный вред Советскому Союзу, все глубже втягивая его в опасную, истощающую и бесперспективную конфронтацию с Соединенными Штатами. Конечно, не верится, что соображения морали, если бы они (вместо идеологии) присутствовали в политическом мышлении советских лидеров, смогли бы удержать их от безрассудств, вроде афганской авантюры или участия в африканских конфликтах. В конечном счете, тоталитарная сущность Системы все равно взяла бы верх. Но направляющая роль классовой идеологии не сдерживала, а лишь подталкивала советскую внешнюю политику к интервенционистским действиям, пагубным для страны и ее положения в мире.

Возвращаясь к вопросу о роли моральных категорий во внешнеполитическом целеполагании, надо сказать о том вреде, который наносит национальным (и в конечном итоге международным) интересам использование этих категорий в сугубо прагматических целях, для извлечения односторонней выгоды. Один из таких приемов заключается в манипуляции моральными принципами как средством утверждения своей безусловной правоты при любых столкновениях интересов с другими государствами. Исходя из презумпции собственной нравственной безупречности, нет ничего более удобного, чем в споре по сугубо практическим вопросам укорять соперника в моральных прегрешениях. Поскольку не существует четко сформулированного и общепризнанного универсального морального кодекса, легче всего представить в качестве образца свое понимание морали, ничуть не заботясь о том, что это может восприниматься как двойной стандарт, приемлемый для одной, но не обязательный для другой стороны.

В статье «Мораль и внешняя политика» Джордж Кеннан так изложил свои мысли на этот счет: «Когда мы говорим о применении моральных стандартов к внешней политике, мы не имеем в виду ее согласование с некими четкими и общепринятыми международными нормами. В случае, если политику и действия Соединенных Штатов следует привести в соответствие с нравственными критериями, это должны быть собственные американские стандарты, основанные на традиционных для этой страны принципах справедливости и правомерности. Когда другим не уда-

¹⁴⁰ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, с. 491.

¹⁴¹ Там же, с. 492.

ется следовать этим принципам, и это оказывает негативное влияние на американские интересы, а не просто расходится с нашими политическими предпочтениями, мы имеем право выражать недовольство, а в случае необходимости проводить акции противодействия. Единственное, что мы не можем делать – это предполагать, что наши моральные стандарты служат критериями и для других народов и апеллировать к ним как к поводу для недовольства».¹⁴²

Этот моральный постулат полностью применим к нашей внешней политике, как к прежней, царской и советской, так и к нынешней, российской. Много еще предстоит сделать, чтобы искоренить в нашем сознании вредоносные пережитки прошлого (да и новоприобретенного) чванства, отказаться от привычного априорного осуждения внешних недругов и от праведной убежденности в собственной непогрешимости. Все еще актуален призыв Булата Окуджавы: «Осудите сначала себя самого, /научитесь искусству такому,/ а уж после судите врага своего, и соседа по шару земному».¹⁴³

Если убежденность в своем нравственном превосходстве не укрепляет, а расшатывает устои внешней политики, то еще разрушительней для нее навязывать собственные этические нормы другим странам. Мессианство – наваждение для государств, руководители которых уверовали в их исключительность и на этом основании добиваются распространения своего влияния по всему свету.

Совершенно необычным в этом смысле было появление Советского Союза, провозгласившего себя единственным в мире государством с самым высокоразвитым социальным устройством и призванным установить такой же порядок под «диктатурой пролетариата» на всем земном шаре. Действительность заставила Москву со временем отказаться от откровенно революционного мессианства ввиду его малой эффективности (см. Главу пятую).

Переделать мир по своему аморальному образу и подобию намеревалась нацистская Германия и попыталась осуществить этот человеконенавистнический замысел, развязав чудовищную кровавую бойню. Планам построения всемирного концлагеря не суждено было сбыться. Бредовые идеи расового превосходства исчезли вместе с крахом нацизма в итоге Второй мировой войны.

Перед соблазном мессианства не устояли и некоторые демократические государства, особенно Соединенные Штаты. «Когда Америка вступила в большую политическую игру на мировой арене в двадцатом столетии, - констатирует Артур Шлезингер, - она сделала это с восторженной убежденностью в собственном предназначении как спасителя всего мира, причем уже не только своим примером, но и действиями».¹⁴⁴ Последствия мессианства для внешней политики США в итоге оказались негативными. Навязывание американских моральных стандартов отталкивало от Соединенных Штатов не только нейтральные и неприсоединившиеся страны, но и ближайших союзников и друзей. Едва ли не самым резким и откровенным в этой связи прозвучало (в 1984 г.) заявление главы ЕЭС Жака Делора, охарактеризовавшего миссионерскую деятельность американской администрации как «все более агрессивную и идеологизированную, держащую в одной руке библию, а в другой – револьвер».¹⁴⁵

В современном, полном противоречий мире нельзя ожидать скорейшего появления универсального морального консенсуса, тем более посредством мессианства и другими методами подталкивания процессов международного развития. К сожалению, в практической политике пока невозможно во всем соответствовать строгим (но

¹⁴² George Kennan. Morality and Foreign Policy. Foreign Affairs, Winter, 1985/86, p. 208.

¹⁴³ Булат Окуджава. Стихотворения. Спб., 2001, с. 585.

¹⁴⁴ Arthur M. Schlesinger, Jr. The Cycles of American History. Boston, 1986, p. 54.

¹⁴⁵ The New York Times, Dec. 20, 1984.

четко не сформулированным и не общепризнанным) этическим нормам. Поэтому-то так удобна банальная сентенция: выбирать приходится не между плохим и хорошим, а между плохим и еще худшим. В этом ищут оправдания те творцы внешней политики, которые и не пытаются добиться максимума возможного, а делают лишь то, что не требует усилий, не задумываются о невысоком качестве конечного результата. Прав Даниил Проэктор, саркастически заметивший, что «делать» плохую политику всегда легче, чем хорошую. «Надо только уметь ни с кем не соглашаться, считать себя умнее других, не вникать ни в чьи интересы и позиции, не утруждать себя поисками согласия».¹⁴⁶

Означает ли это, что мир обречен и дальше жить под знаком «плохой» политики? Конечно, нет! «Плохая» политика – это голый, беспринципный прагматизм, а он становится все менее надежным, менее эффективным и менее безопасным способом обеспечения насущных потребностей национального и международного развития. Как своего рода «технология» внешней политики прагматизм в наше время и в обозримом будущем необходим. Однако, разумеется, только при условии, что общецивилизационную направленность ему придают моральные, точнее морально-идейные и морально-политические принципы. А они становятся все более востребованными, во-первых, национальными (а в конечном счете и государственными) интересами если не всех, то огромного большинства стран, а во-вторых, глобальными интересами взаимодействия современного мира. В этом залог того, что внешняя политика должна постепенно улучшаться и со временем стать «хорошей».

Принципы внешней политики могут опираться на всемирное правовое пространство, на международное право, на права человека. Возникшая на основе совпадающих интересов суверенных субъектов международных отношений глобальная система соглашений и обычаев определяет правила поведения государств на мировой арене. Права человека, которые раньше оказывали влияние на формирование внешней политики только в собственной стране, да и то весьма ограниченное, теперь превращаются в важный фактор развития международных отношений. Универсальность согласованных правовых норм ставит их выше идеологических и политических принципов различных государств, сближает их национальные интересы.

Внешнеполитическое целеполагание может органически вписываться в основные принципы международного права, получать от него конструктивные импульсы, всемерно поддерживать и укреплять его, содействовать его дальнейшему совершенствованию на благо человечества. Прогрессивному развитию принципов внешней политики способствует характер главных функций международного права. Регуляторная функция фиксирует права и обязанности государств по конкретным вопросам международных отношений. Охранительная функция служит обеспечению защиты интересов каждого государства и международного сообщества в целом, придает стабильность и предсказуемость мировой обстановке.

Основные принципы международного права представляют собой концентрированное выражение и обобщение согласия субъектов международных отношений в подходах к решению кардинальных проблем современности, прежде всего укрепления всеобщего мира и развития международного сотрудничества. Большинство таких общепризнанных положений сформулированы в Уставе ООН (1945 г.), развиты и закреплены в Декларации о принципах международных отношений (1970 г.) и в ряде других межгосударственных актов. В число основных принципов международного права входят такие, как неприменение силы в международных отношениях; мирное разрешение международных споров; невмешательство во внутренние дела любого

¹⁴⁶ Д.М.Проэктор. Мировые войны и судьбы человечества. М., 1986, с. 21.

государства; суверенное равенство государств; добросовестное выполнение договорных обязательств и др.

Принципы и нормы международного права, оказывающие влияние на внешнюю политику государств, сами испытывают на себе воздействие со стороны международных отношений – как сотрудничества, так и соперничества, согласия и конфликтов. Поэтому международные правовые критерии нередко оказываются объектом взаимоисключающих толкований и используются в качестве аргументов в пользу той или другой стороны в спорных вопросах.

Как единая правовая система международное право в одинаковой мере служит всем нациям и государствам – большим и малым, относящимся к той или иной общественной формации и внешнеполитической ориентации. Государства же, в соответствии со своими интересами, по-разному относятся к международному праву. Тоталитарные державы ни в грош не ставили его, нагло попирая элементарные общепризнанные нормы поведения в межгосударственных отношениях, откровенную агрессию даже не пытались оправдать хотя бы какими-нибудь ссылками на международное право. Демократические страны, придающие в дипломатии и пропаганде большое значение международно-правовым нормам, далеко не всегда следуют им в практической политике. Наиболее типичны в этом отношении Соединенные Штаты, своим поведением за рубежом часто пренебрегающие правилами, которые международное право предписывает всем государствам. Сенатор Патрик Мойнихэн в этой связи с сожалением заметил: «Чего нам недостает теперь, так это понимания того, что в наших интересах укреплять законность в международных делах».¹⁴⁷

Советская внешняя политика обычно прибегала к международному праву в тех случаях, когда, по суждению кремлевских лидеров, происходило его нарушение со стороны их оппонентов в международных спорах. Что же касается соблюдения общепризнанных норм самим Советским Союзом, то оно мало отличалось от негативной практики его зарубежных соперников. Но была и своя особенность – выборочный подход к применению международного права. Фактически из сферы его действия изымалось «социалистическое содружество», а на входившие в него страны распространялись особые правила взаимоотношений, именовавшихся «социалистическим интернационализмом». Это служило обоснованием прямого вмешательства СССР во внутренние дела «братских стран», вплоть до вооруженного вторжения, как это было предпринято в отношении Венгрии и Чехословакии. Ввод советских войск в Афганистан, не входящий в пространство под контролем СССР, осуществлялся при полном игнорировании международно-правовых ограничений (и собственных законодательных, в том числе конституционных основ внешней политики) во имя выполнения «интернационального долга», коминтерновский смысл которого, к тому времени порядком подзабытый, официально не расшифровывался (см. Главу пятую).

Важным компонентом внешнеполитического целеполагания в наше время становятся права человека. Традиционно эти права, в силу их демократической сущности, генерировались скорее национальными, чем государственными интересами. В этом проявлялось извечное расхождение между народом и властью. Именно на национальном уровне нарастали требования расширения базы политикоформирования. А на государственном уровне преобладало стремление ограничить доступ к политикообразующему процессу ради сохранения стабильности власти. Кроме того, государство как выразитель интересов нации во внешнем мире опасалось ослабления своих международных позиций, признавая наличие расхождений в собственной стране.

¹⁴⁷ Daniel Patrick Moynihan. Loyalties. N.Y., 1984, p. 94.

До середины двадцатого века права человека не фигурировали в качестве заметной темы ни во внешнеполитическом процессе государств, ни тем более в международных отношениях. На авансцену внутренней и международной жизни права человека выдвинулись как составляющая общей тенденции к демократизации в послевоенный период. Права человека получили признание во внутреннем законодательстве демократических стран, стали оказывать ощутимое влияние на формирование их внешней политики и впервые вышли на мировую арену как непереносимые критерии международных отношений.

В 1948 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав человека, провозгласившую цели, к которым должны стремиться все народы и государства. На основе Декларации, носившей рекомендательный характер, ГА ООН выработала юридически обязательные для государств-участников международные соглашения – Пакты о правах человека 1966 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах предусматривает широкий набор прав и свобод личности для реализации внутри каждого государства. Международный пакт о гражданских и политических правах утверждает принципы демократии и всеобщего мира, отказ от пропаганды войны, национальной, расовой или религиозной ненависти.

Принятие важных международных актов о правах человека должно было смягчить климат глобальной конфронтации. Вместо этого противостоящие стороны превратили вопрос о правах человека в предмет острой идеологической борьбы. США и их союзники обрушили на СССР шквал обвинений в несоблюдении прав человека. Чувствуя свою уязвимость, советское руководство перешло в ожесточенное пропагандистское контрнаступление, которое не переубедило мировое общественное мнение, а внутри страны дискредитировало само понятие прав человека, - объективно необходимых для общества, - отождествив его с «враждебной провокацией».

С американской стороны имело место неоправданно широкое манипулирование правами человека как удобным средством нажима на советского антагониста. Особенно наглядно это проявилось при администрации Джимми Картера. В своих мемуарах бывший президент вспоминает: «Если бы наша политика в поддержку прав человека была бы намного более серьезным вопросом советско-американских отношений, я все равно не был бы склонен идти на уступки Советам. Имеются фундаментальные философские расхождения относительно свободы личности, и нам невыгодно скрывать это. Уважение прав человека является самым весомым преимуществом свободной и демократической нации в мировой борьбе за влияние, и мы должны использовать это оружие настолько эффективно, насколько это возможно».¹⁴⁸

Как любой крен в сторону одного из принципов внешней политики, чрезмерный упор на права человека еще больше осложнил не только отношения с СССР, но и достижение целей, поставленных самими США. Бывший (при президенте Картере) госсекретарь Сайрус Вэнс признал, что выдвигание вопроса о правах человека на уровень «главного национального интереса» обернулось для Соединенных Штатов ощутимыми политическими потерями: «Проводя политику в защиту прав человека, мы должны понимать, в чем заключаются ограничения наших возможностей и нашей мудрости. Мы можем нанести поражение самим себе либо попытками жестко навязать наши ценности другим, либо принятием доктрины практического противодействия. В тех случаях, когда мы решаем действовать, мы должны видеть перед собой широкий диапазон различных методов – от дипломатии во всем ее многообразии, от

¹⁴⁸ Jimmy Carter. Keeping Faith. Memoirs of a President. L., 1982, pp. 149-150.

громких публичных заявлений до отказа от предоставления помощи. Где возможно, нам следует использовать позитивные средства поощрения и убеждения. Мы должны оказывать всемерную поддержку странам, в которых она требуется во имя улучшения положения человека, и действовать в согласии с другими странами в международных организациях. Наконец, решая, выступать ли нам и каким образом в защиту прав человека, следует руководствоваться обоснованным и тщательно продуманным суждением. Никакие механические формулы автоматически не дадут желаемого результата».¹⁴⁹

Международно-правовые аспекты внешнеполитического целеполагания приобрели возросшее значение в постконфронтационные времена. С одной стороны, они получили ощутимую весомость в формировании принципов внешней политики. С другой же стороны, они не утратили, а скорее усилили свою привлекательность как инструмента достижения государствами разнообразных прагматических целей.

Изменение соотношения принципов и прагматизма во внешней политике – процесс эволюционный, не терпящий скоропалительных решений и крутых поворотов. Это объясняется гораздо большей укорененностью национальных интересов по сравнению с государственными, которые быстрее реагируют на происходящие или назревающие перемены внутри страны и в мире. Сказывается также и то обстоятельство, что формирование общенационального консенсуса требует больше усилий и времени, чем принятие внешнеполитических решений, отражающих интересы не обязательно нации в целом, а преимущественно стоящей у власти элиты. Многое при этом зависит от личности лидера, возглавляющего государство и претендующего на представительство всей нации.

Затруднительно найти главную, единственную причину притягательности личности человека, оказавшегося на вершине власти в тот или иной исторический период. Общественное мнение в национальном масштабе в своих предпочтениях иной раз складывается самым непредсказуемым образом. Британский исследователь мировой политики Питер Кальвокоресси в этой связи сопоставляет отношение американцев к Франклину Рузвельту и Гарри Трумэну: «Трумэн очень сильно отличался от Рузвельта и осознавал эту разницу. Американец, занимающий высокий пост, но при этом не являющийся фигурой мирового масштаба, человек, уважаемый за свои качества, которому свойственны скорее простота и прямота, чем изысканность, а политическая решимость заменяет политическую утонченность, типичный американец, приверженный некому набору элементарных принципов и идеологических постулатов; менее типичный Рузвельт, как правило, предпочитал образ мышления прагматика, Трумэн в итоге проводил политику как бы по предписанному, а не по чуткой реакции на происходящее; Рузвельт был озабочен проблемой отношений между двумя великими державами, для Трумэна же главным был конфликт между коммунизмом и еще более расплывчатым понятием “антикоммунизм”».¹⁵⁰

Учитывая множество других факторов, влияющих на формирование общественного мнения, Кальвокоресси не пытался из этого сопоставления делать обобщающие выводы. Действительно, оценить по достоинству политикоформирующую роль личности лидера можно лишь в широком контексте национальных и международных процессов в каждый конкретный момент истории. Особенно заметна эта роль в условиях критической напряженности. Тогда от лидера требуется способность выразить общенациональную волю и преобразовать ее в катализатор перемен, отвечающих интересам как государства, так и нации. Такие требования предъявляются к любому государственному руководителю, какими бы личными качествами он ни обладал.

¹⁴⁹ Cyrus Vance. *Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy*. N.Y., 1983, p. 436.

¹⁵⁰ Питер Кальвокоресси. *Мировая политика после 1945 года*. М., 2000, кн. 1, с. 37.

Посредственности не по силам соответствовать императивам чрезвычайной обстановки, в лучшем случае возможно лишь рутинное выполнение должностных обязанностей. Удача же сопутствует государству и нации, когда у руля власти в трудных обстоятельствах находится человек, одаренный талантом волевого руководителя, обладающий чутьем национального настроения, времени и политики, способный находить и принимать смелые и необходимые решения. Закономерно или случайно, но такой тип лидера оказывается востребованным и выдвигается на авансцену событий в пору тревог и потрясений.

Лев Толстой в «Войне и мире» назвал такого лидера «историческим лицом». Для него – это был Кутузов: «... трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была направлена к одной цели. Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волей всего народа. Еще труднее найти другой пример в истории, где бы цель, которую поставило себе историческое лицо, была бы так совершенно достигнута, как та цель, к достижению которой была направлена вся деятельность Кутузова в 1812 году».¹⁵¹

К исходу двадцатого столетия, когда мир вступал в постконфронтационную эпоху, «историческими лицами» с полным основанием можно считать Рональда Рейгана, Маргарет Тэтчер и Михаила Горбачева. Неординарные государственные руководители, наделенные яркой индивидуальностью и обостренным ощущением назревших потребностей во внутренней и международной жизни, они внесли весомый вклад в перемены в собственных странах и в мире. Им удалось правильно угадать чаяния и интересы своих народов и по мере возможности воплотить их в политическое целеполагание, отвечавшее велению того беспокойного и противоречивого времени. При них во внешней политике и международных отношениях начали вырабатываться концепции и модели соотношения принципов и прагматизма, сопрягающихся национальных и общецивилизационных интересов.

Избрание Рональда Рейгана президентом США в 1980 г. явилось своеобразной реакцией американского общества на психологический кризис, вызванный утратой динамизма экономики и такими политическими потрясениями, как поражение во Вьетнаме и Уотергейт. Избиратели надеялись на возрождение традиционной исключительности Америки.

Поначалу новый президент, при достаточной популярности в стране, не проявил способностей, необходимых для выполнения ожидаемой от него миссии. «Рейганомика» не оживляла экономическую ситуацию. Республиканский неоконсерватизм не получил всеобщего одобрения. По международной тематике президент высказывал банальные истины об опасности советской угрозы, о божественном предназначении Америки, но был явно не в состоянии сформулировать главные принципы своей политики. К тому же допускал одну ошибку за другой, показал себя слабым администратором. Складывалось впечатление, что он станет еще одним в ряду ничем не примечательных, заурядных хозяев Белого дома.

Но со временем Рейган предстал перед согражданами и всем миром в совершенно ином образе. Несмотря на все свои очевидные изъяны, он доказал, что точно угадывает дух американской нации. Традиционное представление об ее исключительности в рейгановской трактовке получило значение направляющего принципа внешней политики Соединенных Штатов. Рейган сумел возродить в американском национальном сознании уверенность в силе вильсонских (хотя и не названных) идеалов, поставив их выше прагматических интересов и расчетов. А в практических внешнеполитических делах ему инстинктивно – и по удачному стечению обстоя-

¹⁵¹ Л.Н.Толстой. Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1984 т. VI, с. 192.

тельств – удалось добиться оптимального сплава моральных принципов и эффективного прагматизма.

Воинственная риторика Рейгана в первый срок его президентства («империя зла» и прочее), казалось, предвещала лишь неизбежное дальнейшее взвинчивание идеологической и геополитической конфронтации. Об этом же говорили и решения по резкому повышению силового, особенно ядерного, противостояния, к тому времени уже достигшего взаимосковывающего паритета. Рейгановские программы масштабного наращивания американского ударного потенциала (развертывание межконтинентальных ракет МХ, ракет средней дальности в Европе, разработка противоракетной системы «звездных войн» и др.) нельзя было истолковать иначе, как ставку либо на достижение стратегического превосходства над СССР, либо на окончательное истощение его в усиливающейся гонке вооружений. К этому добавлялись меры по предоставлению американской материальной помощи «врагам советского врага» в региональных конфликтах.

Представлялось немыслимым, что на такой волне идеологического и милитаристского экстремизма Рейгану удастся построить внешнюю политику, которая бы удержала американскую нацию от втягивания в острейшую фазу конфронтации, чреватую катастрофой для нее самой и для всех остальных, как врагов, так и союзников, друзей и нейтралов. Трудно представить, как бы поступил в такой ситуации на месте Рейгана какой-либо другой президент, не рискуя вызвать мощное протестное движение в стране или сверхреакцию Советского Союза. Он же, в силу собственных убеждений и под давлением суровых реальностей, избежал опасной несбалансированности американской внешней политики. Не обладая ни знаниями, ни опытом, Рейган сделал единственно разумный выбор, который отвечал кровным интересам Америки и всего мира.

Генри Киссинджер считает, что «президент при самой что ни на есть неглубокой академической подготовке сумел разработать внешнюю политику исключительной содержательности и целенаправленности. Да, у Рейгана, возможно, было всего лишь несколько основных идей, но они оказались стержневыми внешнеполитическими проблемами того времени. Это доказывает, что ключевыми качествами руководителя является чувство выбора направления и крепость собственных убеждений... Рейган выдвинул внешнеполитическую доктрину, в величайшей степени взаимоувязанную и обладающую значительной интеллектуальной мощью. Он обладал исключительным интуитивным настроением на глубинные источники американской мотивации. Одновременно он осознавал изначальную хрупкость советской системы, а его пронизательность шла вразрез с мнением большинства экспертов, даже в его собственном консервативном лагере. Рейган обладал незаурядным талантом объединять американский народ».¹⁵²

Угадывая настроения американцев, Рейган ревностно отстаивал приверженность идеалам свободы и демократии, вплоть до провозглашения их лозунгами антикоммунистического «крестового похода». Но он не верил в фатальную неизбежность лобового столкновения двух идеологических антиподов. В его представлении, никакие национальные интересы не могут быть непримиримыми, а поэтому нет неразрешимых конфликтов между нациями, взаимопонимание между людьми – вещь нормальная, а напряженность представляет собой аберрацию, устранить которую способно проявление доброй воли. Приложив максимум усилий, чтобы нарастить и без того внушительную военную мощь Америки, Рейган остро сознавал неприемлемость ядерного Армагеддона. В своих мемуарах он писал: «Никто не способен “выиграть” ядерную войну. И все же, пока ядерное оружие существует, всегда будет на-

¹⁵² Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 697.

личествовать риск его применения, а как только первый ядерный заряд будут выпущен на свободу, кто знает, чем это кончится? И потому моей мечтой становится мир, свободный от ядерного оружия».¹⁵³

Понимание верховенства принципа здравого смысла и прагматических подходов к его реализации привела Рейгана к сбалансированной внешнеполитической доктрине, в которой сила представлялась необходимым условием для достижения главной цели – примирения и согласия. С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН (24 сентября 1984 г.) президент заявил: «Соединенные Штаты приветствуют многообразие мира и мирное соревнование. Мы не придерживаемся жесткости в идеологии. У нас есть принципы, и мы будем их отстаивать, но мы будем также добиваться дружбы и доброй воли ото всех, как старых, так и новых друзей. Это не в меньшей степени касается отношений моей страны с Советским Союзом... Мы не можем полагаться только на инстинкт самосохранения, чтобы защититься от войны. Сдерживание необходимо, но недостаточно. Америка восстановила свою военную мощь, мы укрепили свои союзы и отношения с друзьями. Мы готовы к конструктивным переговорам с Советским Союзом. Мы признаем, что нет разумной альтернативы переговорам по контролю над вооружениями и другим вопросам между двумя нашими нациями, располагающими способностью уничтожить цивилизацию в том виде, в каком мы ее знаем. Я верю, что эту точку зрения разделяет почти каждая страна мира, включая Советский Союз».¹⁵⁴

Рейгановская доктрина, соединяющая твердость с гибкостью, нашла широкую поддержку в американском народе. Откровенная конфронтационность стиля и решений, которая раньше углубила бы раскол в обществе, теперь, будучи связана единой конструктивностью подходов к прекращению противостояния, подняла престиж президента, помогла ему вступить в переговоры с Советским Союзом.

Лоренс Барретт, корреспондент журнала «Тайм» в Белом доме, так охарактеризовал роль Рейгана как «президента-активиста»: «Представление о нем, как о пассивной фигуре, как о тотеме для сил, которые он смутно воспринимал, не выдерживает критики. Слов нет, Рейган пришел в Белый дом с недостаточным опытом. Но он смог наметить необычайно четкое стратегическое направление. Ему пришлось, когда этого потребовала обстановка и когда оказались затронутыми его подлинные побуждения, продемонстрировать волю и энергию, которые напомнили сразу о двух Рузвельтах. Он без колебания использовал властную силу президентства и своей личности, чтобы добиться целей, к которым он так стремился».¹⁵⁵

Сбалансированная формула Рейгана позволила начать крупномасштабные переговоры с СССР о глубоком сокращении ядерных вооружений (правда, было и еще одно немаловажное обстоятельство, подтолкнувшее к снижению уровня конфронтации, а именно – высокая степень готовности Советского Союза как можно скорее приступить к переговорам вследствие перенапряжения сил в изнурительной гонке вооружений).

Диалог Рейган-Горбачев привел к прекращению «холодной войны» и сокращению ядерных потенциалов обеих сверхдержав в масштабах, намного превосходящих все прежние соглашения между ними. И на этот раз, в отличие от начальных стадий разрядки, внешнеполитические инициативы Рейгана поддержала широкая общественность страны, включая многих консерваторов. Хотя в американском сознании рейгановский курс оставался в терминах борьбы добра со злом, реальность свидетельствовала о том, что во взаимоотношениях СССР и США началось взаимо-

¹⁵³ Ronald Reagan. An American Life. N.Y., 1990, p. 550.

¹⁵⁴ Realism, Strength, Dialogue. Recent Presidential Addresses on US-Soviet Relations. Washington, D.C., 1985, p. 23.

¹⁵⁵ Laurence I. Barrett. Gambling with History. Reagan in the White House. N.Y., 1983, p. 9.

действие внешнеполитических принципов и прагматических решений в национальных интересах обеих стран и в интересах всеобщего мира.

Маргарет Тэтчер в 1979 году стала первой в британской истории женщиной премьер-министром в период, когда страна переживала вялое экономическое развитие, обострение социальных противоречий, особенно между правительством и профсоюзами, утрату доверия в народе к лейбористской партии, ослабление международных позиций Великобритании. «Железная леди», как ее называли дома и за границей, энергично взялась за модернизацию экономической и социально-политической жизни страны, за обновление консервативных канонов. Начались перемены в самом образе мышления и действий британцев под знаком «тэтчеризма».

Во внешнеполитической области Тэтчер с самого начала продемонстрировала стремление добиться для Великобритании достойного места в мире, во взаимоотношениях Восток-Запад, в международных отношениях в целом. В этих целях она определила долговременные приоритетные направления активизации британской политики в отношениях с США, СССР и Западной Европой и на каждом из взаимосвязанных направлений поставила конкретные, во многом неординарные задачи для практического решения повседневных проблем.

Прежде всего, Тэтчер отмежевывалась от укоренившихся, в том числе и в консервативной партии, классических постулатов бисмарковской «Реальполитик», предписывающих при формировании внешней политики не руководствоваться ничем, кроме собственных национальных интересов. В современных условиях, по ее убеждению, такой узкопрагматический подход просто нереален и контрпродуктивен, так как он не отвечает на острые вопросы нашего времени, а именно: «Как нам определять наши жизненные интересы? Каким наиболее эффективным образом их реализовать после того, как мы их идентифицируем? Включают ли они понятия свободы и демократии в других странах? Как убедить своих сограждан или правительства других стран в необходимости присоединиться к осуществлению избранного курса? В какой мере структура международного порядка также является своего рода национальным интересом? И если это так, то на какие жертвы мы готовы идти, чтобы поддержать их? На эти и подобные вопросы нельзя ответить, не обращаясь к принципам».¹⁵⁶

Маргарет Тэтчер сформулировала пять основных принципов внешней политики консервативной партии. Во-первых, коллективная безопасность может быть обеспечена одной сильнейшей державой (США) или прочным союзом, чтобы отразить вызовы со стороны других держав. Во-вторых, внешняя политика должна поддерживать равновесие сил на региональном уровне. В-третьих, нации, нациигосударства и национальный суверенитет представляют собой основу для устойчивой международной системы. В-четвертых, последовательное распространение свободы, демократии и прав человека по всему миру. И наконец, в-пятых, все предыдущие четыре принципа действенны, только если они опираются на мощную оборону.¹⁵⁷

Внешнеполитическое измерение тэтчеризма не означало абсолютизацию каждого из «пяти принципов» и всех их вместе. В зависимости от изменения обстановки происходили подвижки в шкале их приоритетов, менялся стиль их презентации. Вместе с тем не был списан со счетов и прагматизм не только как инструмент реализации принципов, но и в качестве относительно самостоятельного средства политики. Автор «пяти принципов» признала, что они не заменяют здравый смысл, особенно в непредвиденных критических ситуациях: «В конце концов, существует то, что я называю законом Тэтчер: “Как бы хорошо вы ни подготовились к будущему,

¹⁵⁶ Margaret Thatcher. The Path to Power. N.Y., 1995, p. 518.

¹⁵⁷ Ibid., pp. 518-537.

неожиданное обязательно случается". И тогда то, как вы с этим справитесь, конечно, будет подлинной проверкой». ¹⁵⁸

На завершающих этапах «холодной войны» Тэтчер в тандеме с Рейнагом проводила бескомпромиссную линию против советской сверхдержавы, прибегая к «мегафонной дипломатии». Но еще до прихода к власти Горбачева (о котором она после встречи в Англии сказала, что с ним «можно иметь дело» ¹⁵⁹), «железная леди» начала сбавлять тон в отношении Советского Союза. По свидетельству ее ближайшего сподвижника Джеффри Хау, будучи одним из тех немногих лидеров, которым в критически обострившейся обстановке пришлось бы «нажимать кнопку», она остро осознала всю меру ответственности в связи с такой роковой возможностью. ¹⁶⁰

Маргарет Тэтчер ревностно участвовала в западной политике конфронтации и гонки вооружений, но так же, как Рейган, рассчитывала на мирное разрешение глобального конфликта. Когда разрядка начала обретать вполне реальные очертания, она (не без ложной скромности) отметила, что наряду с ведущей ролью американского лидера Североатлантического союза «... нельзя не отдать должное также надежным европейским союзникам Америки, которые выстояли перед лицом советского нажима и советских угроз и обеспечили твердую оборону Запада, в особенности Гельмуту Шмидту, Гельмуту Колю, Франсуа Миттерану и ..., но скромность не позволяет». ¹⁶¹

В сложной и опасной обстановке конца двадцатого столетия Тэтчер выступила одним из инициаторов перехода мира от противостояния к сотрудничеству. В ее внешнеполитической деятельности «пять пунктов» органически сочетались с прагматическим здравым смыслом.

Российский исследователь-международник Сергей Перегудов пришел к такому выводу: «... суть тэтчеризма в его наиболее успешной и эффективной форме состояла не в том, что это был "проект", в котором решающую роль играла идеология, и не в том, что это был прагматизм, питавшийся инстинктом, но и то и другое вместе взятое... и "инстинкт", и идеология, и придали тэтчеризму ту силу и выживаемость, которую он демонстрировал более десятка лет». ¹⁶²

«Историческое лицо» появилось и в Советском Союзе. После затяжной застойной полосы наступила пора больших перемен. На смену когорте одряхлевших лидеров пришел более молодой, неординарно мыслящий, полный энергии руководитель – Михаил Горбачев. Избранный внеочередным Пленумом ЦК КПСС (11 марта 1985 г.) новый Генеральный секретарь выступил инициатором глубоких преобразований, вошедших в историю как «перестройка».

Как бы ни противоречиво развивалась перестройка, «горбачевская эра» положила начало поискам жизненно необходимого выхода из давно назревшего системного кризиса страны и ее взаимоотношений с внешним миром. Разрядка изначально была не в состоянии сотворить чудо. И не только из-за грандиозности намечавшихся свершений и сопротивления неэффективной, но укоренившейся Системы. Обновление мыслилось (и осуществлялось) в категориях незыблемости основ того общественного устройства, которое показало свою фатальную несовместимость с главными закономерностями современного мирового развития.

И все же ретроспективный взгляд на перестройку не должен порождать чувство разочарования. Без нее внутреннее состояние и развитие страны, да и международных дел могло бы пойти по гораздо менее благоприятным, если не катастрофи-

¹⁵⁸ Ibid., 537.

¹⁵⁹ Margaret Thatcher . The Downing Street Years. L., 1993, p. 463.

¹⁶⁰ Cit. in Hugo Joung. One of Us. The Political Biography of Margaret Thatcher. L., 1989, p. 105.

¹⁶¹ Margaret Thatcher The Downing Street Years. L., 1983, p. 813.

¹⁶² С.П.Перегудов. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996, с. 298.

ческим сценариям. Перестройку нельзя списать со счетов как очередную советскую пропагандистскую кампанию или всплеск несбыточных мечтаний. Непреходящее, поистине историческое значение начавшихся преобразований заключалось в том, что они дали исходный импульс процессам демократизации и приобщения нации к общечивилизационному развитию.

В первую очередь благоприятное влияние перестройки проявилось в международной сфере. И опять-таки было бы иллюзией ожидать, что по мановению волшебной палочки в мире, расколотом на два враждующих лагеря, мгновенно воцарятся безмятежность и благоденствие. Тем не менее, открылась возможность принципиально решить центральную дилемму: продолжать тотальную конфронтацию, невзирая на возраставшие тяготы и опасности, или договориться о параллельном, неконфликтном, хотя и остро соревновательном, сосуществовании двух противоположных миров. С советской стороны Михаил Горбачев дал четкий ответ – в пользу свертывания двухполюсного противостояния.

Двойственность в вопросе о войне и мире, характерная для руководителей СССР, тогда еще давала о себе знать, поскольку наряду с прагматическими устремлениями к стабилизации обстановки в мире продолжали довлеть (правда, по большей части уже формально) традиционные идеологические догмы «классовости». Горбачев приступил к деидеологизации принципов советской внешней политики. Разумеется, деидеологизация не могла проводиться в полном объеме, ибо политика социалистического, в основе своей тоталитарного, государства немыслима без идеологической составляющей. И все же Горбачеву удалось совершить решительный отход, по меньшей мере, от той явно контрпродуктивной идеологизации, которая не вписывалась в реальную международную обстановку, а главное – вредила самому СССР.

В принятой на XXVII съезда КПСС (февраль 1986 г.) новой редакции Программы партии повторялась старая характеристика современной эпохи как переходной от капитализма к социализму и коммунизму. Но была дана и более сбалансированная оценка мирового развития: «В сочетании соревнования, противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества – реальная динамика современного развития. Именно так, через борьбу противоположностей, трудно, в известной мере как бы на ощупь, складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир».¹⁶³ Съезд удалил из Программы определение мирного сосуществования как «специфической формы классовой борьбы» и сделал вывод об отсутствии в ядерный век причинно-следственной связи между войной и революцией. Из Программы исключили формулировку о неизбежности гибели империализма в случае развязывания им новой мировой войны.

Несомненная заслуга Горбачева – сформулированное им «новое политическое мышление», которое существенно изменило подход к целеполаганию советского государства во внутренних и международных делах. Не отказываясь от традиционных постулатов о классовой разнородности мира и неизбежности исторического соревнования социализма с капитализмом, Горбачев обосновал новаторское положение: «... теперь, с появлением оружия массового – всеобщего! – истребления, появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене: это угроза всеобщего уничтожения. Впервые возник реальный, а не умозрительный, сегодняшний, а не отдаленный, общечеловеческий интерес – отвести от цивилизации катастрофу...». И далее: «Экономическое, политическое, идеологическое соревнование между социалистическими и капиталистическими странами неизбеж-

¹⁶³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 21.

но. Но его можно и нужно удерживать в рамках мирного соперничества, обязательно предполагающего сотрудничество. Судить о достоинствах той или иной системы должна история. Она все рассудит. Пусть каждый народ разбирается, какой строй лучше, какая идеология лучше. Пусть это решит соревнование мирное, пусть каждая система докажет свою способность ответить на интересы и нужды человечества...». ¹⁶⁴

С трибуны ООН (7 января 1988 г). Горбачев призвал государства и народы «совместно искать путь к верховенству общечеловеческой идеи над бесчисленным множеством центробежных сил, к сохранению жизнеспособности цивилизации, возможно, единственной во Вселенной». ¹⁶⁵

Касаясь новой философии мира, академик Евгений Примаков поставил такой ключевой вопрос: «...если “очистить” отношения между государствами двух различных систем от идеологии, то какими все-таки мотивами они должны руководствоваться в подходах друг к другу? Новое политическое мышление предлагает исходить из необходимости признавать и учитывать в конкретных действиях баланс интересов, иными словами, выявлять интересы всех государств, вступающих в те или иные отношения между собой, искать “поля” совпадения этих интересов». ¹⁶⁶

Это положение относилось в первую очередь к взаимоотношениям СССР и США, в которых – с позиций «нового мышления» - следовало исключать представление о том, что выигрыш одной стороны обязательно означает проигрыш другой, и согласиться в том, что сверхдержавы могут и выигрывать, и проигрывать лишь вместе. Но не только они, а и все другие государства мирового сообщества. И в этом плане формулировалось понимание мирного сосуществования в качестве общего знаменателя интересов как национальных, так и международных. Из области двухполюсных отношений мирное сосуществование переносилось в глобальное геополитическое пространство, становилось универсальным принципом внешней политики и международных отношений.

В результате провозглашения «нового мышления», вполне понятно, полной смены вех в политике не могло произойти ни со стороны советской, ни со стороны американской сверхдержавы. За ними все еще тянулся шлейф конфронтационных установок. Но «новое мышление» несло в себе и вполне определенный идеологический заряд, теперь уже с иным смысловым знаком: вместо классового антагонизма – общечеловеческие ценности. В этом заключалась как сила, так и слабость новых идеологических подходов. Сила – в том, что они как ориентиры для продвижения к прочному миру и сотрудничеству были созвучны реалиям современности. Слабость – в том, что возведенные в абсолют, они оказывались малоприспособленными в практической внешнеполитической деятельности в сложном и противоречивом мире. Механическое приложение общих принципов к конкретным ситуациям, требовавшим трезвого прагматического подхода, нередко приводило советскую дипломатию горбачевского периода к промахам и неудачам. Конечно, дело было не только в этом. Издержки были неизбежны, поскольку приходилось поскорее свернуть конфронтацию, которая привела СССР почти к полному истощению сил и ресурсов, и наспех разгребать завалы нерешенных проблем, накопившихся за долгие годы «холодной войны».

И все-таки в целом, по своим конечным результатам «новое мышление» сыграло позитивную роль в прекращении опасной конфронтации, помогло пробить бре-

¹⁶⁴ М.С.Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, сс. 150, 151-152.

¹⁶⁵ М.С.Горбачев. Выступление в Организации Объединенных Наций. М., 1988, с. 12.

¹⁶⁶ Е.М.Примаков. Новое внешнеполитическое мышление – насущная необходимость. Новая философия мира и внешнеполитическая деятельность КПСС. М., 1989, с. 32.

ши в железном занавесе вражды, разделявшем две системы, перестроить принципы советской внешней политики на основе признания всеобщей заинтересованности в поддержании глобального равновесия. Именно это наполнило реальным и взаимоприемлемым содержанием мирное сосуществование, доселе не воспринимавшееся Западом всерьез в качестве надежной базы для развития конструктивных международных отношений. Горбачевское идейное наследие впоследствии внесло свой вклад в формирование российской внешней политики с ее новым соотношением принципов и прагматизма (см. Главу седьмую).

ГЛАВА ПЯТАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРСТВО

25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 г. в результате революционного переворота на политической карте мира возникло государство новой, социалистической формации – Советская Россия. На следующий день после прихода к власти партии большевиков Второй всероссийский съезд советов принял декрет о мире, в котором призвал правительства и народы всех стран повсеместно прекратить военные действия, немедленно заключить перемирие и начать открытые переговоры о справедливом мире без аннексий и контрибуций на основе безусловной реализации принципа самоопределения наций. Декрет поставил задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, успешного доведения до конца дела мира и вместе с тем освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого расизма и всякой эксплуатации.¹⁶⁷

Гуманистические цели, провозглашенные новой властью России, не нашли поддержки со стороны держав, продолжавших Первую мировую войну. Более того, молодая советская республика сразу же оказалась в опасности. На нее двинулись полчища германских захватчиков. Истощенная войной, дезорганизованная сменой социального строя, лишенная средств самообороны, Россия вынужденно пошла на подписание тяжелейшего и унижительного Брестского мирного договора. Наступившая столь необходимая передышка использовалась для скорейшего создания собственной армии и налаживания контактов с зарубежными революционными движениями.

В такой внешнеполитической ориентации нового субъекта международных отношений, несмотря на ее революционно-лозунговое оформление, не просматривалось ничего необычного. Отчетливо проступали два традиционных побуждения. Во-первых, укрепить свое внутреннее положение и обезопасить себя в чуждом и враждебном окружении. Во-вторых, попытаться опереться на дружественные силы вовне. Так, собственно, поступало любое новое государство на разных исторических этапах, независимо от внутреннего устройства.

Но вскоре стало ясно: возникновение Советской России отличается от всего ранее происходившего принципиальным своеобразием. Впервые в истории всему миру противопоставило себя государство новой общественной формации. неизбежно возникла проблема его совместимости с внешней международно-политической средой. Уживется ли в ней столь чужеродное государственное образование? Не окажется ли радикализм его внутренних преобразований дезорганизующим фактором в сложившейся системе международных отношений? Возможно ли перерастание российской революции во всемирную?

История дала на все эти вопросы убедительные ответы. Но только к исходу XX века, а на протяжении трех его четвертей «проклятая неизвестность» отягощала умы теоретиков и практиков международных отношений и внешней политики. Сегодня очевидно, что и надежды одних на революционное изменение мироустройства, и страхи других перед лицом такой угрозы преувеличивались сверх всякой разумной меры. Однако в 1917 г. и в течение долгих последующих десятилетий многое выглядело совсем не так, как в наше время.

Весь период между двумя мировыми войнами был отмечен противоречивым становлением советской внешней политики в не менее противоречивом контексте международных отношений. Трансформировались реальные и концептуальные параметры государственного и международного политикоформирования, как в общем

¹⁶⁷ См. Системная история международных отношений, 1918-2000. Документы. М., 2000, т. 2, 1910-1940 гг., сс. 10-12.

плане, так и в специфической парадигме: национальные интересы – внешняя политика. При этом наиболее глубокие перемены произошли в международной деятельности советского государства, оказавшегося в совершенно иной системе соотношения этих двух традиционных категорий, каждая из которых к тому же подверглась существенному пересмотру в теории и практике кремлевских лидеров.

Прежде всего, это затронуло исходные мотивации внешнеполитического формирования – национальные интересы. Большевики «ликвидировали» эту категорию вместе с самим понятием нации, которую низвели до уровня узкоэтнического. Конечно, отменить волюнтаристским актом реальность нации и ее интересов невозможно. Несмотря на запреты и гонения, российская нация продолжала подспудно существовать, оставалась важным ресурсом государства, который в мирных условиях не был востребован, но к которому пришлось прибегнуть в годину грозной опасности для страны – в Великую Отечественную войну (см. Главу вторую).

Вместе с тем, бесспорно, что потенциал российской нации при советской власти был существенно ослаблен. И это – прямое следствие большевистского тотального огосударствления всех областей жизни и деятельности народа и страны.

Основы исторически сложившейся нации размывала социальная политика советской власти, разделявшая население на «пролетариев» и «непролетариев». В стране с относительно малочисленным классом рабочих и с подавляющим крестьянским большинством «диктатура пролетариата» (на деле партийная номенклатура во главе с вождем) порождала глубокий раскол в обществе. Провозглашенная «смычка» города и деревни, с самого начала нереальная, потеряла всякий смысл с раскулачиванием и коллективизацией. Ощущение принадлежности к единой нации заглушалось административно-территориальным делением страны по этническому принципу и граждан по национальности. Не способствовало общенациональному сплочению привилегированное положение членов партии и фактическое бесправие беспартийных, не говоря уже о «лишенцах» и миллионах репрессированных. Наконец, воинствующее безбожие, запрет на религию и церковь лишили нацию одной из ее главных опор.

Итак, национальные интересы списали со счетов, а на их место поставили государственные интересы как единственный источник формирования внешней политики. Иного и не могло быть, поскольку монополия власти (диктатуры!) советского социализма реализовывалась исключительно в той государственной форме, которая изначально предрасполагала к авторитаризму и тоталитаризму. В новой системе координат не было места для каких-либо иных интересов, кроме директивно предписанных государственных. Содержание и направленность этих интересов определялись, вполне понятно, не демократическим путем, не волеизъявлением народа. Да и участие самого государственного аппарата в политикоформировании сводилось лишь к беспрекословному выполнению указаний высшего партийного руководства. Ленин признал: внутри страны сложилась «самая настоящая “олигархия”». Ни один важный политический и организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии». ¹⁶⁸ Вождь считал, что «поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществить только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса». ¹⁶⁹

Как показала практика, круг выразителей интересов класса, входивших в «авангард», последовательно сужался, пока не замкнулся на нескольких партийных лидерах, а с 30-х годов от имени «класса-гегемона» выступал лишь один непрерываемый диктатор – Сталин. Именно он и только он деспотически правил страной и

¹⁶⁸ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, сс. 30-31.

¹⁶⁹ Там же, т. 42, с. 204.

принимал все решения, как правило, даже без видимости соблюдения правовых норм. Он выстроил централизованную вертикаль власти партии-государства (вместо нации-государства), включив в нее все общественные силы в качестве «приводных ремней», а отдельную человеческую личность низвел до положения «винтика» в гигантской тоталитарной машине.

В целях укрепления своего единовластия Сталин вытравлял из сознания советских людей любое воспоминание о российской нации, вместо нее навязывал идеологему «монолитного общества», целиком и полностью находившегося под его контролем. Пропагандистской обработкой, запретами и цензурой, нагнетанием страха и массовыми репрессиями ему удалось получить в свое распоряжение советский народ, судьбой которого он не интересовался и интересы которого произвольно трактовал для обоснования своей политики.

Историк Дмитрий Волкогонов писал: «Сталинизм максимально использовал увлечение русских революционеров радикализмом, когда во имя идеи считалось оправданным приносить в жертву все – историю, культуру, традиции, жизни людей. Обожествление застывшего идеала в конечном счете обернулось пренебрежением потребностями конкретных людей конкретного времени».¹⁷⁰

В целях укрепления тоталитарного сталинского режима советские люди подвергались «коллективизации совести», которая перечеркивала привычные представления о свободе совести человека и вообще моральных ценностях, веками накопленных нацией. Как выразился писатель Эдвард Радзинский, Сталин строил для себя «страну коллективов»: «Все – коллективно. Коллектив на работе и дома ... Личная ответственность умерла – есть коллективная: “так велела партия”, “так велела страна”... Коллективная совесть помогала людям радоваться жизни в дни жесточайшего террора. И горе тому, у кого пробудилась личная совесть».¹⁷¹

Прирученная и послушная коллективная совесть помогала не только терпеть тоталитарный гнет, но и безоговорочно одобрять любые решения, которые принимались партией и правительством по указке вождя якобы в интересах народа. Также не вызывало возражений и официальное отождествление интересов народа с интересами классовыми, хотя большевистские лидеры и не помышляли об интересах класса рабочих, не говоря уже об огромном большинстве населения страны. Во внешней политике они руководствовались в первую очередь своей догмой классовой борьбы, которая превращала народ и государство в заложников идеологической утопии и узкопрагматических целей.

Но дело не только в весьма сомнительной легитимности советской внешней политики с точки зрения ее соответствия хотя и непризнанным, но фактически существовавшим национальным интересам. Деструктивен сам перенос классовой борьбы из внутриобщественной сферы в международную. Пока классовость, даже в самой радикальной форме, обращена внутрь общества и государства, она непосредственно не угрожает международной стабильности. Но как только она выходит на мировую арену, возникает острое противоречие между государствами с противоположным социальным устройством. Советское руководство в отношениях с внешним миром всегда исходило из классовой несовместимости социализма и капитализма, верило в историческую предопределенность революционной смены старой формации новой во всемирном масштабе. В соответствии с марксистско-ленинским учением эта установка советской внешней политики стала именоваться «интернационализмом».

Деструктивность догматической идеологизации внешней политики, оторванной от интересов российской нации, стала очевидной с самого возникновения социали-

¹⁷⁰ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. М., 1996, кн. 2, с. 523.

¹⁷¹ Эдвард Радзинский. М., 1997, сс. 416-417.

стического государства и неизменно проявлялась на всем протяжении его существования. В то же время приверженность утопической догме неизбежно наносила ущерб реальным государственным интересам самого Советского Союза, хотя и не привела к полному отказу от взаимовыгодных, особенно экономических, жизненно необходимых связей с внешним миром. Реальность заставила иметь, пусть и сдерживаемые идеологическим антагонизмом, деловые отношения Страны Советов с классовыми противниками. А различия между ними определялись чаще всего не классовой несовместимостью, а несовпадением конкретных интересов государств, независимо от их социального устройства.

И все же главное содержание и магистральная направленность советской внешней политики, вначале полностью, а затем во многом, строились не на коренных национальных интересах страны, а на том идеологическом фундаменте, который заложили, придя к неограниченной власти, большевики. Под лозунгом «интернационализма» они декларировали начало новой исторической эпохи раскола мира на два антагонистических лагеря, превращения первого социалистического государства в оплот мировой революции, установления диктатуры пролетариата на всей планете.

Основу внешнеполитического курса Советской республики Ленин определил как «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*»¹⁷². В свете революционного учения он видел Советскую Россию в роли главного застрельщика и активного участника всемирного движения угнетенных масс за ниспровержение капитализма. Самопровозглашенный вождь российского и международного пролетариата, стоявший во главе советского правительства, указывал: «На долю российского пролетариата выпала честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения».¹⁷³ Подчеркивая «всемирный характер классовой борьбы»,¹⁷⁴ Ленин разъяснял, что монополистический капитал – это «сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их».¹⁷⁵

Обращаясь к уже довольно отдаленному прошлому, нельзя не сделать скидок на архирадикальную лозунговую стилистику того взбудораженного времени. Пламенные призывы к беспощадной классовой борьбе не соотносились ни с международной реальностью, ни с жизненно важными потребностями российского народа. В обстановке революционной эйфории трудно было разглядеть сущность происходивших бурных перемен, трезво оценить направление их дальнейшего развития. Но бесспорно и другое: в первые послеоктябрьские годы восприятие обстановки у советских руководителей затуманивалось утопическими догматами коммунистической веры. Страстно желаемое они принимали за неуклонно наступающую действительность.

Неожиданно оказавшись у власти, новые правители России не имели практического опыта управления государством и конкретных планов его развития на перспективу. Как не вспомнить саркастические наставления булгаковского Воланда: «... для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок».¹⁷⁶ Но никакого плана управления разоренной страной не было у большевиков, поглощенных утопической идеей «мировой революции». Вместо конкретных мер по улучшению бедственного положения народа,

¹⁷² В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 304.

¹⁷³ Там же, т. 31, с. 341.

¹⁷⁴ Там же, т. 41, с. 163.

¹⁷⁵ Там же, т. 40, с. 43.

¹⁷⁶ М.А. Булгаков. Собр. Соч. в пяти томах. М., 1990, т. 5, с. 14.

провозглашались пропагандистские призывы к мобилизации его на обострение классовой борьбы внутри страны и по всему свету, на разжигание всемирного революционного пожара.

«Нет нужды подробно говорить, - считал академик Александр Яковлев, - что эта установка противоречила жизненным интересам народа России, измученного империалистической и гражданской войнами. Да и практические действия, направленные на то, чтобы раздуть очаги революции в Европе и других местах, провалились. Однако произвол утопии оказался выше живой действительности».¹⁷⁷

Подмена реальности утопией всегда пагубна, но особенно тогда, когда диктатуру над страной устанавливают революционеры-догматики, уверовавшие в необходимость безжалостно использовать ее в качестве «запала» всемирного революционного взрыва, условия для которого, по их оценке, уже достаточно созрели. В атмосфере лихорадочного нетерпения, предупреждал Ленин, особо «страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины».¹⁷⁸ Но именно он сам первый создавал иллюзии и самообманы. Чего стоит хотя бы его предсказание в апреле 1919 г.: «Теперь только несколько месяцев отделяют нас от победы над капиталистами во всем мире».¹⁷⁹

Искаженное видение хода истории, особенно в ее переломные моменты, вполне объяснимо, когда объективности взгляда мешает догматическое представление о мировом развитии. Однако беда не столько в тенденциозности и неопытности творцов политики новой формации, сколько в ее четко выраженной антинациональной, тоталитарной сущности. Скорейшее достижение всемирного триумфа «диктатуры пролетариата» - это не просто пропагандистский лозунг, а реальное содержание целенаправленных действий первого в мире социалистического государства, в обнаженной форме проявившееся при его возникновении и дававшие о себе знать в течение последующих десятилетий его существования. Устремленность к мировой гегемонии заставляла верить в мифы, подменившие адекватное представление о насущных нуждах российского народа, его подлинных интересах и о месте страны в окружающем мире согласно ее положению и реальным возможностям как одного из субъектов международных отношений.

Советская власть смогла подчинить себе народ собственной страны. Но по самой своей противоестественной, не соответствующей с объективными закономерностями исторического развития сути, она не могла создать социальный, экономический и политический порядок, способный удовлетворить элементарные общественные потребности и обеспечить прогрессивное национальное и государственное развитие на перспективу в соответствии с императивами демократии и свободного рынка.

Даже на пространстве, контролируемом лидерами «пролетарской диктатуры», у них не было шансов удержаться у власти, если только постоянно не нагнетать классовую ненависть к внутренним и внешним врагам. Неспособные к конструктивному обустройству собственной страны, они стремились интернационализировать классовое противоборство. Пророческие слова вложил Андрей Платонов в уста одного из персонажей романа «Чевенгур» : «На оседлости коммунизм никак не состоит: нет ему ни врага, ни радости».¹⁸⁰

Ставка на насилие, нацеленная на революционное переустройство мира, дорого обошлась в первую очередь самой Советской России. Страну охватил вихрь разрушения и уничтожения, в котором смешались жестокие меры подавления сверху

¹⁷⁷ Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, с. 233.

¹⁷⁸ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 487.

¹⁷⁹ Там же, т. 38, с. 295.

¹⁸⁰ Андрей Платонов. Впрок. Проза. М., 1990, с. 202.

и необузданная анархия снизу. На поверхность вышли самые темные, стихийные силы, до поры до времени сдерживавшиеся царским режимом. Насилие революционное переплелось с насилием антисоциальным, откровенно враждебным национальным и всяким другим общественным интересам. С болью в сердце за судьбу Родины в ее «окаянные дни» Иван Бунин писал: «Русская вакханалия превзошла все до нее бывшие – и весьма изумила и огорчила даже тех, кто много лет звал на Стенькин Утес, - послушать “то, что думал Степан”. Странное изумление! Степан не мог думать о социальном. Степан был “прирожденный”, - как раз из той злодейской породы, с которой, может быть, и в самом деле предстоит новая долголетняя война».¹⁸¹

Как ни горестно это признавать, Советская Россия, претендовавшая на роль первооткрывателя новой эры в истории человечества, предстала перед цивилизованным миром в крайне неприглядном образе. Вполне понятно, что появление чужеродного общественного строя, воинственного ниспровергателя традиционных устоев мирового бытия, не могло вызвать симпатии благоустроенного и добропорядочного Запада. Классовая неприязнь объяснима, но имидж советского государства – наследника российской нации – демонизировался сверх всякой меры, отождествлялся с безобразными проявлениями дикости, насилия и произвола.

Политико-идеологическое отчуждение Страны Советов от остального мира вызывалось не только классовой (взаимной!) нетерпимостью, но и неприятием ею элементарных принципов и норм международной жизни. Архиреволюционный нигилизм советская власть проявила к общепризнанным международно-правовым нормам отношений между государствами. Советская делегация на мирной конференции в Брест-Литовске заявила (10 февраля 1918 г.): «Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия, в ожидании того дня, когда трудящиеся классы всех стран установят свои собственные нормы международного сожительства и дружеского сотрудничества народов».¹⁸²

Отменив старые законы и порядки в собственной стране, большевики не сочли нужным признавать установившиеся правила поведения государств на международной арене, куда они попытались перенести приемы ничем не ограниченной революционной борьбы. Упорядоченные межгосударственные отношения они объявили «буржуазным предрассудком», а управление международными делами потребовали передать в руки «трудящихся классов всех стран». Сложившуюся систему международных отношений руководители революционной внешней политики считали потерявшей смысл в преддверии ожидавшейся ими скорой победы новой формации во всем мире.

Ключевая идея «интернационализма» сводилась к разжиганию революций, аналогичных российской, в странах Запада и Востока и установлению в них диктатуры пролетариата. Решающий прорыв вслед за Россией, по логике кремлевских стратегов, должен был произойти в Европе. «Всю же надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию», - откровенно заявлял Троцкий.¹⁸³

Рассчитывая на цепную реакцию революций за рубежом, теоретики и практики большевизма не ограничивались пассивным ожиданием. Принимались вполне конкретные меры, выделялись, несмотря на бедственное положение собственного народа, немалые средства на разжигание «мирового революционного пожара». Соз-

¹⁸¹ И.А Бунин. Окаянные дни. М., 1991, с. 120.

¹⁸² Системная история международных отношений. Документы. 1918-2000. М., 2000, т. 2, 1910-1940 гг., с. 12.

¹⁸³ Системная история международных отношений, 1918-2000. Документы. М., 2000, т. 2, с. 15.

данный в Москве (март 1919 г.) Коминтерн использовался для разработки единой революционной стратегии всех компартий, через его каналы направлялись за рубеж материальная помощь и пропагандистские материалы в целях подготовки восстаний и захвата власти в капиталистических странах.

Более того, обосновывались правомерность и необходимость прямого вооруженного вмешательства советского государства для насаждения повсюду коммунистических режимов. В докладе IV конгрессу Коминтерна (ноябрь 1922 г.) Бухарин сказал: «Мы должны установить в программе, что каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию. В “Коммунистическом Манифесте” сказано, что пролетариат должен завоевать весь мир, но ведь этого не сделать же движением пальца. Тут необходимы штыки и винтовки. Да, распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции. На этом основывается право красной интервенции при таких особых условиях, когда она только чисто технически облегчает осуществление социализма».¹⁸⁴

Историческая правда требует некоторых уточнений. Цитируемые выше откровения были характерны для «левых коммунистов», с которыми в партии велась ожесточенная борьба. Но при всех тактических расхождениях (и сугубо внутривнутрипартийных дразгах), в стратегическом отношении внешнеполитическая линия РКП (б) в первые советские годы была по сути столь же радикальна. Достаточно вспомнить о красной интервенции (закончившейся провалом) советских войск в Польшу в 1920 г. под лозунгами свержения там буржуазной власти и продвижения революции в Германию.

Несмотря на крайнюю идеологизированность публиковавшихся партийных документов, в них все же преобладали достаточно обтекаемые формулировки, когда дело касалось конкретных вопросов текущей и планируемой политики. Из этого, естественно, не следует, что принципиальные внешнеполитические решения не принимались. Просто с первых шагов большевистского правления такие (а со временем все, даже малозначительные) решения сохранялись в глубокой тайне. Тоталитаризм не был бы самим собой, не скрывая он своих истинных намерений как от внешних врагов, так и от собственного народа.

В марте 1919 г. VII съезд РКП (б) принял резолюцию «О войне и мире», которую решено было не публиковать, а все члены партии были обязаны хранить ее в тайне. Причины засекречивания резолюции очевидны: революционная политика партийной верхушки ставила на карту судьбы страны и народа, у которого не спросили согласия и намеренно игнорировали его кровные интересы. В резолюции говорилось: «...первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне... Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию... В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран».¹⁸⁵

Существовало также секретное дополнение к резолюции, наделявшее Центральный Комитет РКП(б) (а не высшие органы советской власти!) исключительными

¹⁸⁴ Там же, с. 93.

¹⁸⁵ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953, ч. 1, сс. 404-405.

полномочиями – принимать решения по вопросу о войне и мире. Не считаясь с настроениями и мнениями огромного большинства граждан страны и даже рядовых членов партии, ЦК присвоил себе право по собственному усмотрению «во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно и объявить им войну».¹⁸⁶

Превращение собственной страны в «запал» всемирного революционного взрыва – этот чудовищный замысел большевиков, как бы тщательно он ни скрывался, вызывал глубокую обеспокоенность в широчайших массах российского населения. Хотя эти «пережитки» национального самосознания не останавливали проведение большевиками намеченного курса, им пришлось ужесточить репрессивные меры против большинства несогласных. Провозгласивший начало «эры всемирной пролетарской, коммунистической революции» VII съезд РКП (б) поставил «конкретные задачи пролетарской диктатуры применительно к России, главной особенностью которой является численное преобладание мелкобуржуазных слоев населения».¹⁸⁷

Нетрудно представить, какие еще бедствия обрушились бы на народ нашей и других стран, будь у большевистских лидеров достаточно сил, чтобы широко развернуть «красную интервенцию» и одолеть «буржуазные государства». Ни о национальных интересах, ни о формировании на их основе внешней политики (да и о самой внешней политике как средстве общения между суверенными государствами, а не инструменте контроля центра коммунистической системы над ее периферией) тогда не могло бы быть и речи на расширенном геополитическом пространстве под «диктатурой пролетариата».

К счастью, чем грандиозней размах заведомо неосуществимых прожектов, тем сокрушительнее их банкротство. Утопичность устрашающего революционного наскока на неподатливую мировую реальность выявилась со всей убедительностью довольно скоро. Пламя революции из Советской России не перекидывалось на внешний мир, «пролетарии всех стран» не спешили соединяться и восставать. Революционные вспышки в Германии и Венгрии быстро угасли. Пожар мировой революции никак не разгорался.

А тем временем ярый радикализм советской политики натолкнулся на столь же непримиримую позицию мирового капитализма, всерьез напуганного выходом классовой борьбы на международную арену. Братоубийственная гражданская война усугубилась иностранной интервенцией. Угасла надежда на скорую мировую революцию. Страну засосал водоворот красного и белого террора, разорения и разрухи, голода и эпидемий. Судьба советской власти повисла на волоске.

Когда стало предельно ясно, что мировая революция, если вообще когда-нибудь произойдет, то никак не в ближайшее время, наступило отрезвление у энтузиастов срочной переделки мира по своему подобию. На Четырнадцатой конференции РКП (б) пришлось признать, что ввиду отсутствия «конкретного исторического опыта» партия допустила «известные просчеты» - «Было время (1918 г.), когда все мы ожидали победы пролетарской революции в Германии и некоторых других странах в течение нескольких месяцев или даже недель». Однако «на деле оказалось, что... ход развития мировой революции пошел гораздо медленнее».¹⁸⁸

Лидеры большевистской России были вынуждены вырабатывать более гибкий внешнеполитический курс, сообразовываться с неблагоприятной для них действительностью. Ленин констатировал: «Положение, которое мы сейчас переживаем, межумочное, наша революция существует в окружении капиталистических стран. Пока мы в таком межумочном положении, мы вынуждены искать чрезвычайно слож-

¹⁸⁶ Там же, с. 405.

¹⁸⁷ Там же, с. 413.

¹⁸⁸ Там же, ч. 2, с. 47.

ных форм взаимоотношений».¹⁸⁹ С повестки дня советской политики была фактически снята задача немедленного установления мировой гегемонии под эгидой «пролетарского интернационализма». Ленин выдвинул идею «мирного сожительства»¹⁹⁰, или мирного сосуществования с капиталистическими государствами.

О мирном сосуществовании много сказано и написано. Здесь хотелось бы выделить лишь те аспекты этой концепции, которые свидетельствуют об эволюции интересов и внешнеполитических целей Советского Союза в контексте его внутреннего положения и международной обстановки. Мирное сосуществование знаменовало собой отход советской внешней политики от первоначального безусловного подчинения революционной догме, приспособление ее к неблагоприятным (а в чем-то и выгодным) для нее, но реально существовавшим условиям международной жизни. Изменить их одномоментно в свою пользу было невозможно, равно как и продолжать лобовое наступление на мировой капитализм, обладавший подавляющим превосходством сил и ресурсов. Когда нетерпеливо ожидавшаяся в Кремле «мировая революция» оказалась лишь плодом идеологического воображения, пришлось отказаться от попыток разжечь ее, которые оборачивались ужесточением изоляции советского государства в кольце враждебного капиталистического окружения.

При несомненной догматической зашоренности, большевистские лидеры не могли не считаться с катастрофическим состоянием собственной страны, истерзанной войнами, беспорядками, разрухой. Передышка была жизненно необходима. Этого настоятельно требовали национальные интересы, но о них новые правители вряд ли задумывались. А вот о государственных (точнее, о своих властных) интересах пришлось позаботиться. Вопрос стоял ребром: либо продолжать добиваться иллюзорной «мировой революции», либо спасти собственную страну. Единственно разумным выбором явилось мирное сосуществование, разумным для молодого социалистического государства, разумным – не по умыслу власти, а объективно – для российской нации. Какой бы ни была новая модель советской внешней политики, ее не воинственная, а мирная ориентация сулила, по крайней мере, хотя бы относительное облегчение тягот и бедствий пострадавшего народа.

Не столько по расчету, сколько в силу обстоятельств, отношение Советского Союза к внешнему миру становилось менее идеологизированным, а «классовость» превращалась все больше в пропагандистское оформление его практических целей на международной арене. Этому способствовало также осознание советскими лидерами того факта, что, вопреки их утверждению о жестком классовом расколе мира, действительность была намного разнообразней, в ней существовали не только антагонистическая несовместимость, но, поверх идеологических расхождений, и обширные области совпадения деловых интересов. Советскому полюсу противостоял отнюдь не монолитный капиталистический полюс, классовое единство которого не мешало тем или иным входившим в него государствам иметь взаимовыгодные связи с социалистическим антиподом. Поэтому мирное сосуществование не только укрепляло безопасность Советского Союза, но и открывало возможности экономических и иных деловых отношений с развитыми странами, имеющими иное классовое устройство. Пусть и в условиях непрекращающейся идеологической борьбы, советская внешняя политика начала принимать в международных делах правила игры, исключая навязывание своих порядков другой стороне. Точно подметил эту тенденцию ученый-международник Дмитрий Томашевский: «Само понятие мирного сосуществования государств с *различным* социальным строем исходит из сохранения

¹⁸⁹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 29.

¹⁹⁰ Там же, т. 40, с. 145.

этого различия, предполагает отказ от попыток вмешательства во внутренние дела другой страны».¹⁹¹

Невмешательство во внутренние дела друг друга как один из основных принципов международных отношений никогда не подвергался сомнению (хотя на практике сплошь да рядом нарушался). На сей раз возник вопрос: насколько этот общепризнанный принцип применим к взаимоотношениям государств с противоположным социальным строем. Вопрос обоюдоострый. Возможность поддержания нормальных, тем более взаимовыгодных, межгосударственных отношений зависела от способности и готовности обеих сторон – социализма и капитализма – ставить совпадающие интересы выше классовых. Судьба мирного сосуществования определялась не абстрактной разнотипностью государств, а ее конкретной проекцией на международные дела через внешнюю политику этих государств.

Но внедрение мирного сосуществования в межсистемные отношения осложнялось, помимо внешних факторов, также и внутренней противоречивостью самой этой концепции. Дело в том, что советские лидеры относились к мирному сосуществованию как к вынужденному, временному отступлению перед превосходящими силами классового противника. По их замыслам, новая внешнеполитическая концепция предусматривала не прекращение, а лишь видоизменение формы классовой борьбы на мировой арене.

Говоря о мирном сосуществовании, Ленин разъяснял: «Форма борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частых и временных, причин, но *сущность* борьбы, ее классовое *содержание* прямо-таки *не может* измениться, пока существуют классы».¹⁹² Он не скрывал, что расценивал мирное сосуществование как необходимое условие для накопления сил и решительного броска в борьбе за ликвидацию мирового капитализма. По его словам, «...как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».¹⁹³ Троцкий утверждал, что «для революционного класса недопустимы сделки с империалистами...».¹⁹⁴ Ему вторил Бухарин: «...мирного сожительства между нами, - между Советской республикой и международным капитализмом, - быть не может...», «единственная в смысле возможности и необходимости перспектива – война против международного капитализма».¹⁹⁵ С особым догматическим упорством следовал установкам на классовую непримиримость Сталин, причем не только по отношению к империалистам, но и к социал-демократам, которых он клеймил как «реформаторов», «предателей», виновных в спаде революционной борьбы в мире, и требовал дать им «смертельный бой».¹⁹⁶

Мирное сосуществование представляло собой, таким образом, «симбиоз» двух разнонаправленных линий: одной – на сожительство с мировым капитализмом, другой – на ниспровержение этой общественной формации. В советской внешней политике отныне стали переплетаться и сталкиваться по существу взаимоисключающие тенденции, направленные как к деловому сотрудничеству с капиталистическими государствами, так и к продолжению классовой борьбы с ними под флагом «интернационализма». Аналогичную амбивалентность проявляла и политика западных держав по отношению к Советскому Союзу, в ней перемежались импульсы притяжения и отталкивания.

¹⁹¹ Д.Г.Томашевский. Ленинские идеи и современные международные отношения. М., 1971, с. 160.

¹⁹² В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т. 27, с. 372.

¹⁹³ В.И.Ленин. Соч., 3-е изд., т. 26, с. 500.

¹⁹⁴ VII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 71.

¹⁹⁵ Там же, сс. 29, 35.

¹⁹⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 109, лл. 32-33.

В итоге сложения двух внешнеполитических подходов создавалась неоднозначная картина взаимоотношений социалистического государства с капиталистическим окружением. Тон в них задавала взаимная классовая вражда, находившая выход в столкновении коммунистической и буржуазной идеологий. Но чем дальше от октября 1917 г., тем меньше поведенческая модель советской внешней политики оказывалась отличной от общепризнанных международных стандартов. Реальность диктовала единые для всех правила игры. И ставками в ней, как всегда, были насущные, если не обязательно осознанные национальные, то в любом случае так или иначе определяемые государственные интересы, а не идеологические догмы. Это открывало возможности для нахождения точек соприкосновения экономических и политических интересов государств противоположных общественных систем. Действуя в этом направлении, советская дипломатия (при встречном движении со стороны Запада) сумела проложить пути к заключению Лондонского торгового соглашения с Великобританией (1921 г.), Рапальского договора с Германией (1922 г.), Римского договора о торговле и мореплавании с Италией (1924 г.), Парижского договора о ненападении с Францией (1932 г.) и соглашений с рядом других капиталистических государств.

Выгоды для советской (и для противоположной, капиталистической) стороны могли бы оказаться гораздо более внушительными, если бы не атмосфера взаимного недоверия. На Западе подозревали, что кремлевские лидеры подходили к реализации принципов мирного сосуществования в практической политике со своих прежних догматических позиций. Новая концепция расценивалась лишь как тактический прием в противостоянии враждебному окружению, средство притупления его бдительности, а стратегической установкой оставалась непримиримая классовая борьба с мировым капитализмом.

По мере затухания революционных вспышек и стабилизации капитализма все очевидней становилась несостоятельность приоритетности заявки социалистического государства на радикальное переустройство мира по собственной модели. Но «интернационализм» сохранялся в качестве непререкаемой доктрины, правда, все больше для внутреннего идеологического потребления, хотя от случая к случаю также и для пропагандистского сопровождения конкретных внешнеполитических действий Советского Союза. Живучесть «интернационализма» подкреплялась теоретическими новациями Сталина.

Положения (сами по себе далеко не бесспорные) ленинского анализа империализма как высшей стадии развития капитализма Сталин предельно упростил и предсказал неизбежную гибель капиталистической формации в итоге ее «общего кризиса». Вождь внес свои коррективы в иерархию противоречий современного мира. Противостояние социализм-капитализм он формально оставил как «главное противоречие» исторической эпохи, а межимпериалистическим противоречиям придал решающее значение в международных отношениях, прежде всего в вопросе о войне и мире. Что касается противоречия между Советским Союзом и капиталистическим миром, то, по интерпретации Сталина, оно «вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков».¹⁹⁷ Такая сталинская установка ориентировала советскую внешнюю политику не просто на обострение межимпериалистических противоречий, а на стимулирование перерастания их в новую мировую войну. Причем в таком ее варианте, который бы позволил Советскому Союзу как можно дольше не вступать в нее, выжидать взаимного истощения воюющих сторон и появления благоприятных условий для расширения сферы своего влияния и контроля.

¹⁹⁷ И.В.Сталин. Соч., т. 12, с. 255.

Такого рода стратегические замыслы активизировали всемерное наращивание советского военного потенциала не только в оборонительных, но в перспективе и в наступательных целях. А это неизбежно взваливало дополнительные тяготы на народ, вело к дальнейшему ужесточению тоталитарного режима, в условиях которого ему и так приходилось испытывать на себе непрерывные конвульсии социализма в ходе коллективизации и индустриализации, массовых сталинских репрессий, подавления инакомыслия, свобод и прав человека. Но даже если не говорить о национальных интересах, приносимых в жертву волюнтаристским замыслам вождя, государственные интересы страны по его указаниям выстраивались, как впоследствии выяснилось, на весьма шаткой концептуальной и прогностической основе.

«Общий кризис», который, по предсказанию Сталина, должен был погубить капитализм, в действительности поразили социализм в его советском воплощении и на исходе XX века привел к его распаду. В условиях тоталитарного режима никто не осмеливался подвергнуть сомнению, а тем более критике сталинские предначертания, которые были приравнены к бесспорным истинам. А тем временем в Советском Союзе многообразные трудности складывались в системный кризис, который в конечном итоге приобрел необратимый характер и вызвал дезинтеграцию социалистического строя.

Тема «общего кризиса капитализма» вполне понятна в стране, строившей социализм во враждебном капиталистическом окружении. Большевицкие лидеры ощущали свою уязвимость и вследствие кризисного состояния экономики, и вследствие слабости международных позиций советской республики. Неблагополучие страны они объясняли кознями внешних (и внутренних) врагов. Отсюда – проклятия в их адрес и страстное желание, чтобы на них обрушились всяческие напасти и беды. Трудно сказать, в какой мере это могло приободрить советский народ, но подобная пропаганда в чем-то оборачивалась опасностью для самих ее авторов – поверить в правдоподобие ими же изобретенного мифа. Пусть не во всем, но отчасти все-таки поверить в «общий кризис капитализма» и понести за это дополнительные потери в практической политике, и без того небезупречной.

Холодное, расчетливое мироощущение Сталина, вернее всего, не ограничивалось идеологическими стереотипами. Тем не менее, измышления, возводимые в ранг непререкаемой догмы, не могли не оплачиваться дорогой ценой неадекватных оценок и ошибочных решений. Намеренно гротескное изображение скатывающегося в пропасть капитализма искажало видение соотношения реальных международных и внутренних процессов. Вольно или невольно, действительное заслонялось желаемым, складывалась умозрительная схема мира, благоприятная для осуществления рискованных замыслов вождя.

Кризисы имманентны капитализму. Вопрос только в том, интегрировались ли они в целостную, всеохватывающую систему, предопределяющую неизбежный, скорый и окончательный крах капиталистической формации во всемирном масштабе? Ответ на этот вопрос может дать лишь время, причем длительное, а не тот относительно краткий срок, на который рассчитывал Сталин. Так или иначе, вплоть до наших дней капитализм, несмотря на срывы и потрясения, показал, что он располагает немалыми и все увеличивающимися ресурсами не только для выживания, но и для дальнейшего развития. Кризисы, несомненно, сдерживают это развитие, но в то же время они служат стимулами для обновления и совершенствования капиталистического строя.

Сталин был верен своим догматическим представлениям о мире капитализма. По его убеждению, «общий кризис» углублял и обострял межимпериалистические противоречия, что открывало возможности для продвижения Советского Союза к командным позициям в международной сфере. Более того, он считал, что межимпе-

риалистические противоречия действуют «практически сильнее», чем «противоречия между лагерем капитализма и социализма».¹⁹⁸ Из такого вывода, явно противоречащего тезису о примате классового противостояния, следовало смещение акцента советской политики с труднодостижимого (по сути недостижимого) революционного переустройства мира на извлечение реальных выгод из расхождений между империалистическими державами.

В свое время Ленин указывал, что «... надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами».¹⁹⁹ В таком указании Сталин едва ли нуждался. Прирожденный мастер интриг, поднаторевший в умении сталкивать лбами своих соперников, он возвел игру на межимпериалистических противоречиях в приоритетную задачу советской дипломатии.

Противоречия в империалистическом лагере действительно обострялись. Но не в такой степени, чтобы подтолкнуть его к полному развалу, и уж во всяком случае не такой, чтобы позволить СССР получить от этого осязаемые выгоды. Противоречия в стане классовых противников не устраняли их общего неприятия социализма вообще и его советской разновидности в особенности. Несмотря на остроту несовпадения тех или иных интересов империалистических держав, Советский Союз не мог надеяться на успех от вмешательства в чужие раздоры.

Попытки «вбивания клиньев» между империалистическими странами оборачивались для Москвы, как правило, результатами прямо противоположными желаемым – вместо разобщения потенциальных врагов происходило их сплочение. Случалось и так, что, рассчитывая использовать межимпериалистические противоречия к своей выгоде, советская сторона сама оказывалась «использованной» в чуждых ей интересах. Но поистине трагические последствия сталинская политика принесла нации и государству в канун Второй мировой войны, когда вождю пришлось выбирать, на сторону какой из двух готовых к решающей схватке империалистических группировок было выгоднее встать (об этом – в Главе шестой).

Как бы ни оценивать маневры Сталина на международной арене, бесспорным явился сдвиг приоритетов его внешней политики к концу 30-х годов. Ставка на «мировую революцию» была фактически снята с повестки дня советской внешнеполитической стратегии. Судя по всему, Сталин отдавал себе отчет в неподатливости сложившегося миропорядка (хотя его знания о нем были поверхностны и идеологизированны). Реальный мир никак не втискивался в прокрустово ложе учения о классовой борьбе. Сталин допускал грубые просчеты на почве догматизма, но ему никак нельзя отказать в прагматизме, причем изощренном, византийского толка.

Отдавая дань пропагандистскому тезису о неизбежности всемирного торжества коммунизма, вождь вместе с тем не считал реальной самостоятельную «коммунизацию» западных и других зарубежных стран. В сталинском «Кратком курсе» революция как таковая жестко противопоставлялась реформе: «Переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлен не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции. Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом».²⁰⁰ Что касается мировой революции, то о ней упоминалось только во введении и в самой общей формулировке – как «о победе коммунизма во всем мире». Ленинская теория социалистической революции объявлялась «новой, законченной», но сводилась по существу к победе социализма «в одной, отдельно взятой стране». Победа пролетарской революции во всем мире рассматривалась под углом

¹⁹⁸ В.И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 35.

¹⁹⁹ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т. 42, с. 56.

²⁰⁰ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938, с. 105.

зрения «кровного интереса» Советского Союза в деле отражения угрозы «иностранной капиталистической интервенции».²⁰¹

Сталин пришел к убеждению в неспособности зарубежных коммунистических партий придти к власти в своих странах революционным путем. Единственным средством «коммунизации» (точнее, «советизации») он считал силовое вмешательство Советского Союза в целях установления своего социального и политического порядка в других странах. В межвоенный период попытки такого вмешательства успеха не имели (в отношении Польши в 1920 г. и Финляндии в 1939-1940 гг.). Но потрясения Второй мировой войны открыли возможности для осуществления сталинских замыслов в Европе, Азии и других районах земного шара. С циничной откровенностью Сталин говорил своим единомышленникам, что «каждый устанавливает свою собственную социальную систему настолько, насколько далеко продвинется его армия» (см. Главу вторую).

Изменение реального содержания и направленности советской внешней политики не ускользнуло от внимания проницательных наблюдателей на Западе. Классовая аллергия к стране социализма начала уступать место более сбалансированной оценке ее возможностей достигнуть первоначально поставленных грандиозных целей революционного обновления мира. В этой связи Джордж Кеннан заметил: «Советское руководство, говорят нам, фанатично привержено идее скорейшего осуществления мировой революции. Так ли это? Отчасти, да. Но во всяком случае это утверждение вводит в заблуждение. Оно не учитывает различия между тем, что советские коммунисты полагают желаемым в идеале, и тем, что они считают необходимым и возможным добиться в настоящий момент».²⁰²

Действительно, осуществить мировую революцию единственному в мире социалистическому государству было, совершенно очевидно, не по силам. По показателям мощи и влияния СССР далеко отставал от своих классовых врагов, обладавших огромным совокупным экономическим и военным потенциалом и задававших тон в международной политике. Идеологическое и политическое противостояние Москвы капиталистическому окружению, вопреки официальной советской мифологии, вовсе не являлось в межвоенный период «осью» мировой политики. В международно-политическом отношении мир того времени оставался многополюсным, его поляризация по классовому признаку, о которой твердили советские идеологи, в реальной жизни не происходила. Притягательность советского полюса и его «интернационализма» оставалась чрезвычайно слабой. Главные роли в международных делах играли ведущие капиталистические державы. Ключевые проблемы международной безопасности они решали без участия Советского Союза и зачастую в ущерб его интересам, оттесняли его на обочину всемирных экономических и политических взаимосвязей.

Дипломатическая изоляция СССР в 30-х годах вызывалась уже не столько потенциальной революционностью его политики (как это принималось всерьез в 20-х годах), сколько все более явственно проступавшей в ней склонностью к геополитическому экспансионизму. На Западе начали ослабевать заведомо преувеличенные страхи по поводу «угрозы мировой революции», инспирируемой Советским Союзом. В нем, конечно, еще не видели возможного партнера, но все больше воспринимали как, хотя и неудобного, но приемлемого субъекта международных отношений. Какие бы яростные антисоветские кампании ни разворачивались в странах западной демократии, у их правящих кругов не было ни внятных планов, ни реальных возможностей для уничтожения государства с иным классовым устройством. Идеологическое и политическое дистанцирование капиталистических государств от страны социа-

²⁰¹ Там же, сс. 4, 162-163, 262.

²⁰² George Kennan. The Nuclear Delusion. N.Y., 1983, p. 148.

лизма не могло (и не преследовало цели) полностью отторгнуть ее от системы международных отношений. Советский Союз смог все же «вписаться» в эту глобальную систему. Теперь перед ним открывалась перспектива реализации принципов мирного сосуществования.

Казалось бы, наконец наступило время, когда советская внешняя политика, несмотря на ограничения внутреннего тоталитарного режима и неготовность многих зарубежных государств к равноправному сотрудничеству с ним, могла больше соответствовать официально игнорируемым, но подспудно существовавшим естественным национальным интересам страны. Да и государственным интересам, независимо от того, как и в каких целях формулировало их кремлевское руководство. Политика мирного сосуществования отвечала интересам международной стабильности и безопасности, что было жизненно необходимо для советского народа.

В той мере, в какой внешняя политика СССР следовала этим реалиям, ей удавалось добиваться позитивных результатов. В конце 1933 г. были установлены дипломатические отношения Советского Союза с Соединенными Штатами Америки. В 1934 г. наша страна вступила в Лигу наций. В мае 1935 г. был заключен договор между СССР и Францией о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно такой же договор был заключен с Чехословакией. В марте 1936 г. Советский Союз подписал договор о взаимной помощи с Монгольской Народной Республикой. В августе 1937 г. был заключен договор о взаимном ненападении между СССР и Китаем.

Нельзя, однако, не признать, что Советский Союз далеко не во всем использовал благоприятные возможности мирного сосуществования. Бесспорно, серьезная причина этого заключалась в противодействии враждебных внешних сил. Но не менее важным сдерживающим фактором было двойственное отношение к мирному сосуществованию самого большевистского руководства. Для него оно служило не заменой, а всего лишь тактическим дополнением к магистральной линии на утверждение в мире собственной доктрины «интернационализма». Как уже отмечалось (см. Главу четвертую), мирное сосуществование трактовалось как специфическая форма классовой борьбы. Каждый раз, когда принимались внешнеполитические решения, доминировали мотивации «интернационализма», а мирному сосуществованию отводилась подсобная роль, как правило, пропагандистского сопровождения практических мероприятий. В таком понимании концепция мирного сосуществования оставалась на всем протяжении правления большевиков, вплоть до завершающего, горбачевского периода, когда она была провозглашена – слишком поздно! – универсальным принципом советской внешней политики.

Итак, в чем же заключался реальный сдвиг в советской внешней политике в 30-е годы? Отчасти - в строго ограниченном применении принципов мирного сосуществования. Но в главном – это был пересмотр догмы «интернационализма», при сохранении ее идеологической оболочки, в сторону традиционного имперства. В целях упрочения своей диктатуры внутри страны Сталин взял курс на восстановление геополитического очертания бывшей Российской империи и существенное расширение пространства своего влияния и контроля во внешнем мире.

Возвращение к имперскому прошлому мотивировалось отнюдь не стремлением возродить попорченную большевистской диктатурой российскую нацию и руководствоваться в политике ее кровными интересами. Как раз наоборот: реанимация имперства была нацелена не на общенациональное согласие дома, а на ужесточение тоталитарного режима и насильственное насаждение своей власти вовне ценой закабаления народов других стран и еще больших жертв и лишений собственного бесправного, обездоленного народа. Не оправдывалась политика имперского экспансионизма и соображениями обеспечения безопасности страны, ибо она лишь под-

талкивала агрессоров на развязывание всемирной бойни. Академик РАЕН Юрий Афанасьев так оценил сдвиг в советской политике в канун Второй мировой войны: «Когда Сталин и его окружение сочли обстановку хотя бы минимально выгодной для осуществления своих планов, они сразу же приступили к их реализации – традиционные имперские цели России перевоплотились в революционные цели СССР. Ни к оборонительной, ни к освободительной войне эти цели отношения не имели».²⁰³

Ориентация на имперство осуществлялась под лозунгом «расширения зоны социализма». Вполне понятно, этот пропагандистский прием мог вызвать лишь усугубление враждебности к СССР за рубежом. Поэтому он предназначался для обработки населения внутри страны (хотя предотвратить утечки не удалось, и она использовалась западной пропагандой для дискредитации концепции мирного сосуществования). Вместо национальных интересов советским людям предлагалось защищать интересы экспансии социализма в его тоталитарном обличье.

Александр Бовин подметил, что этот пропагандистский трюк скрывал внутри одной подмены понятий еще и другую: «Сталин обманул людей, верящих в социализм. В центре его внимания находились не столько интересы социализма, сколько прежде всего интересы “державные”, требующие превращения России в могучее, способное выдержать натиск извне государство. Могут сказать: интересы “державные” не противоречат интересам социализма. Да, в принципе не противоречат. Чтобы выжить, мы должны были стать сильными. Люди понимали это и поддерживали политику Сталина. Но сталинское понимание “державности” возвышало Государство над гражданином, превращая суверенную личность в послушный, безропотный “винтик” огромной государственной машины. Что не имело ничего общего с интересами социализма. Ничего общего с интересами социализма не имели и личные интересы Сталина, требующие устранения всех, кто мог бы претендовать на равное с ним положение, возражать против подмены диктатуры класса диктатурой вождя, настаивать на собственных оценках и суждениях».²⁰⁴

Совершая крутой поворот советской политики к имперству, Сталин не опасался возникновения оппозиции внутри страны. Но его беспокоила возможность подрыва слепой веры в революционную догму, которая годами внедрялась в сознание советских людей и служила одной из главных идеологических опор большевистской диктатуры. Поэтому продолжалось пропагандистское нагнетание мифов «интернационализма», скрывавших от народа истинные цели сталинских замыслов.

Академик Александр Чубарьян констатирует: «Постоянный дуализм идеологии интернационализма и реальных интересов, характерный для советской теории и практики, как правило, разрешался в пользу Realpolitik. Но при этом, разумеется, разнообразные зигзаги в советской внешней политике всегда мотивировались общими соображениями борьбы с империализмом и буржуазной идеологией. Большевики никогда не посягали на “священные постулаты”, связанные с критикой империализма, а в 30-е годы и фашизма, как его главной ударной силы. Любые отклонения от этих принципиальных установок рассматривались как “ревизионистские” или “антипартийные”, и те, кто следовал этой “ревизии”, подвергались осуждениям или преследованиям».²⁰⁵

«Священные постулаты» большевистской мифологии всегда, а особенно в период их имперской инкарнации, охранялись с сугубой строгостью как неперемennые компоненты закрытого советского общества, страны, жившей в состоянии «осажден-

²⁰³ Ю.Н.Афанасьев. Переосмысливая уроки военной поры/ Другая война, 1939-1945. М., 1996, с. 27.

²⁰⁴ Александр Бовин. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма. /Иного не дано. М., 1988, с. 582.

²⁰⁵ Александр Чубарьян. Канун трагедии. Сталин и международный кризис (сентябрь 1939 – июнь 1941 года). М., 2008, сс. 228-229.

ной крепости». Но в осаду она попала не только из-за враждебного окружения. Изоляция народа от нежелательного влияния извне нужна была правящей партийной верхушке для сохранения своей безграничной власти. Прав Даниил Проэктор: «Капиталистическое окружение Советского Союза *было*, но вместо реальной оценки народу выдавалась пропаганда страха и ненависти в интересах поддержания тоталитарного порядка, оправдания драконовского режима».²⁰⁶

Имперская самоизоляция противоречила интересам советского народа, отгораживая его от взаимовыгодного и стимулирующего общения с развитыми странами мира и заставляя прозябать в замкнутом тоталитарном пространстве. Ущерб наносился и тем государственным интересам, которые определяло советское руководство. Если бы не имперские игры Сталина (причем «без козырей», т.е. необходимых ресурсов), можно было бы, если и не получить большого выигрыша, то хотя бы ограничить вред, который ощущался в «осажденной крепости» от изматывающего противостояния с превосходящими силами классовых врагов. Нельзя не согласиться с известным исследователем динамики соотношения сил великих держав Полом Кеннеди. Отмечая имевшиеся немалые возможности для упрочения позиций советского государства в межвоенный период, он пришел к заключению, что СССР далеко не использовал их и оказался «во многом изолированным от глобальной политико-экономической системы».²⁰⁷

Имперская направленность советской политики со всей очевидностью раскрылась в канун Второй мировой войны, когда между СССР и Германией были подписаны (23 августа 1939 г.) Договор о ненападении и секретные протоколы к нему. Международно-политические последствия этих недоброй памяти актов и их влияние на последующее развитие внешней политики Советского Союза требуют специального рассмотрения (в контексте настоящего исследования эта тема затрагивается в Главе шестой). Здесь же стоит остановиться на том, как советско-германские договоренности соотносились с интересами СССР.

Заключение советско-германского пакта Генри Киссинджер объяснил тем, что у Гитлера и Сталина на некоторое время возник «общий национальный интерес, заключающийся в прикарманивании “польского наследия”, который оказался выше идеологических разногласий».²⁰⁸ Такая оценка верна лишь отчасти. Раздел Польши, действительно, послужил непосредственным предметом сговора двух диктаторов, но для каждого из них он имел преходящее значение, был лишь первым шагом на пути к осуществлению значительно более широких стратегических замыслов. Для Гитлера – это начало полномасштабной агрессии, развязывания мировой войны с целью создания германской сверхимперии во главе с «арийской расой господ». Для Сталина – это путь к восстановлению границ бывшей Российской империи и выживание благоприятных условий в ходе Второй мировой войны, которые позволили бы максимально расширить его владычество во внешнем мире.

Да, в 1939 году интересы гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза на время совпали. Но какие интересы? Как бы их ни называли тогда в Берлине или в Москве, они не могли быть и не были национальными. Это были имперские государственные интересы, следуя которым Германия скатилась к национальной катастрофе в 1945 г, а Советский Союз усугубил свою социально-экономическую противоестественность и пришел к распаду в 1991 г.

Если же говорить о советском подходе к заключению и реализации пакта за подписями Молотова и Риббентропа, то имперская сущность сговора не оставляет ни малейшего сомнения (уже в то время пакт вызвал смятение в умах многих совет-

²⁰⁶ Д.М.Проэктор. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, с. 181.

²⁰⁷ Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987, p. 285.

²⁰⁸ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 303.

ских людей, а официальная пропаганда их намеренно дезориентировала). О каких национальных или хотя бы легитимных государственных интересах может идти речь, когда грубо нарушается (и без того номинальное) внутренне законодательство!

Секретные протоколы 1939-го и двух последующих годов не обсуждались ни в Верховном Совете, ни в правительстве. Они были изъяты из процедур ратификации, подписывались за спиной народа. Впоследствии, на протяжении всего советского периода, вплоть до горбачевской перестройки, их держали в глубокой тайне и отрицали сам факт их существования. Только требования гласности заставили признать наличие этих позорных документов и осудить их содержание на Съезде народных депутатов СССР (1989 г.) Но вынужденное обнародование секретных протоколов лишь подтвердило то, что и так было бесспорно: события развивались в точном соответствии со сценариями, расписанными в этих документах (они приводятся ниже в этой Главе).

Заключение договора о ненападении оправдывалось (и поныне оправдывается многими) заботой о безопасности советского народа, советского государства. Аргумент веский. В тревожной обстановке накануне Второй мировой войны Советский Союз обязан был всерьез подготовиться к отпору возможному агрессору. Но отнюдь не бесспорно, насколько этой цели мог послужить и действительно послужил договор 1939 г.

Как показало развертывание последующих этапов Второй мировой войны – и особенно Великой Отечественной войны – сталинская задумка перехитрить фюрера не оправдалась. Рассчитывая на затяжную войну Германии против Франции и Англии (по шаблону Первой мировой войны), Сталин не сумел использовать полученные по договору и секретным протоколам возможности: не улучшил свои стратегические позиции, не обеспечил должную обороноспособность страны, не укрепил Красную армию, ослабленную массовыми чистками высшего командного состава. Он полагал, что в его распоряжении для этого еще будет достаточно времени.

Молниеносные победы Гитлера на западе развязали ему руки для нападения на Советский Союз, что привело Сталина в состояние растерянности. Он не решался принять элементарные оборонительные меры из опасения «спровоцировать» потенциального агрессора. В результате, массированный удар гитлеровской Германии по Советскому Союзу произошел в максимально выгодных для нее условиях внезапности, отмобилизованности и боеготовности. Отсюда – катастрофически тяжелые потери Красной армии и гражданского населения на начальных стадиях войны, оккупация значительной части страны, а в конечном итоге – чрезмерно высокая цена победы над нацистскими захватчиками. За нее советскому народу пришлось заплатить намного большим числом жизней и размером разрушений, гораздо большим ущербом генофонду нации и в целом национальным ресурсам, чем этого потребовала бы война без «гениального» сталинского руководства.

Договор о ненападении отнюдь не исключал войну между подписавшими его державами. Он всего лишь откладывал ее до того момента, когда та или другая сторона сочтет обстановку и собственную готовность наиболее благоприятными для себя. В 1939 году такой момент не наступил ни для Германии, ни для СССР. Заключая пакт с Гитлером, Сталин, судя по последующим событиям, добивался в первую очередь не предотвращения нападения Германии, которая тогда еще не была готова к этому. Его главная цель заключалась в расширении советского пространства в границах бывшей Российской империи с перспективой дальнейшей экспансии в Европе и в Азии в зависимости от хода и исхода Второй мировой войны.

Можно ли считать эту цель соответствующей национальным интересам страны? В чем-то, да. Но только если бы расширение ограничивалось территориями, которые ранее принадлежали царской России. И еще чрезвычайно важно, какими

средствами эта цель достигается и каковы ее конечные результаты для нации и государства. Однако по планам Сталина – в основном осуществленным – ни одно из этих условий вовсе и не предполагалось соблюдать. Как сам замысел, так и способы его реализации определялись державными, имперскими устремлениями вождя, директивными указаниями, идущими вразрез с подлинными интересами народа и страны.

Подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении сопровождалось принятием секретных протоколов, скрытых от мировой общественности и собственных народов. Один из таких протоколов зафиксировал договоренность «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», причем полностью игнорировались интересы наций и государств этого региона, которых даже не поставили в известность о свершившейся закулисной сделке. Стороны условились относительно «территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва)» ... «Территориально-политическое переустройство» касалось также областей, входящих в состав Польского Государства, которые разделила «граница сфер интересов Германии и СССР» по линии рек Нарева, Висла и Сана. С советской стороны подчеркивался «интерес СССР к Бессарабии», а с немецкой заявлялось «о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». Стороны обязывались сохранять протокол «в строгом секрете».²⁰⁹

В соответствии с секретными протоколами СССР, во взаимодействии с Германией, приступил к «территориально-политическому переустройству» суверенных восточноевропейских государств, принеся их интересы в жертву собственной (и германской!) имперской политике. Началось с насильственного раздела Польши. Навстречу вторгшемуся с запада вермахту на территорию Речи Посполитой – без объявления войны – вступила Красная армия и, преодолев слабое сопротивление польских войск, заняла Западную Украину и Западную Белоруссию вплоть до советско-германской разграничительной линии. Вооруженная интервенция пропагандистски оформлялась (и звучала достаточно убедительно для многих советских людей) как освобождение братьев украинцев и белорусов от угнетения буржуазными польскими правителями.

Сбылась давняя мечта Сталина о ликвидации польского государства. Накануне перехода советскими войсками польской границы вождь вызвал к себе Г.Димитрова, генерального секретаря Коминтерна, который в первые дни Второй мировой войны призвал зарубежные компартии поддержать Польшу в ее сопротивлении нацистской агрессии. Сталин предложил отказаться от такой линии, охарактеризовав Польшу как фашистское государство, которое угнетает национальные меньшинства. Он сказал: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили бы социалистическую систему на новые территории и население».²¹⁰ Уже после ввода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию (17 сентября 1939 г.) Молотов публично заявил, что польское государство обанкротилось и фактически перестало существовать. Было также подписано (18 сентября 1939 г.) советско-германское коммюнике, в котором говорилось об общей задаче СССР и Германии в войне против Польши, которая «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования».²¹¹

²⁰⁹ Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 4 (62) 28 февраля 1990 г., с. 60.

²¹⁰ Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994, с. 11.

²¹¹ Внешняя политика СССР (1935-июнь 1941 г.) М., 1946, т. IV, сс. 446-447, 449.

Западная Украина и Западная Белоруссия были включены в состав Советского Союза и подверглись ускоренной советизации. Следующими были Бессарабия и Северная Буковина. Затем пришла очередь Прибалтийских государств. Литва, Латвия и Эстония сначала были вынуждены согласиться с вводом советских войск на свою территорию в договорном порядке, но вскоре также были присоединены к СССР.

Сложнее обстояло дело с Финляндией, которая не поддавалась нажиму Москвы. Сталин начал войну против соседнего суверенного государства и заранее создал «правительство Финляндской Демократической Республики», чтобы силой посадить его в Хельсинки. Но «зимняя война» оказалась чрезвычайно трудной для Красной армии, которой удалось преодолеть сопротивление малочисленных финских войск лишь ценой больших потерь. СССР попал в международную изоляцию, был исключен из Лиги наций как агрессор. Не добившись убедительной победы, Советский Союз согласился на мирный договор с Финляндией, по которому ему отошел Карельский перешеек и ряд других территорий.²¹²

Введение СССР в границы бывшей царской империи не восстановило существовавшую ранее российскую нацию. Да и не нужна она была Сталину. Произошло лишь расширение геополитического и геостратегического пространства советского государства. Имперская сущность этой экспансии прикрывалась лозунгом «расширения зоны социализма». Но какого социализма? Тогда единственно возможного – сталинского, со всеми присущим ему характеристиками, несовместимыми с коренными интересами нации и государства.

Несоответствие имперской политики потребностям и возможностям страны не сдерживало ее упорного продвижения в международные дела. Если что-нибудь и препятствовало ей, то только внешние силы. Изнутри же не ощущалось ни несогласия, ни даже сомнения. В Докладе Отделения проблем мировой экономики и международных отношений Российской академии наук «Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции» (1994 г.) отмечалось: «Внутренние факторы в тот период играли не только второстепенную роль, но и вообще едва ли учитывались тогдашними творцами советской внешней политики. Отсутствие общественного мнения, невозможность публичной критики действий правительства, наличие казавшихся неограниченными ресурсов, возможность мобилизовать их полностью на нужды внешней экспансии – все это в условиях тоталитарного государства снимало проблему внутренних факторов или превращало все внутренние факторы в “положительные”. В действительности многое оказалось во все не столь надежным и благополучным, как это представлялось советскому руководству или как оно об этом заявляло».²¹³

Историческая бесперспективность имперской политики в последующие десятилетия советского правления проявлялась со все большей очевидностью, но горечь от крушения амбициозной самонадеянности в полной мере сказалась лишь на пороге распада СССР и его империи. Однако, как представлялось Сталину в 1939 году, удачная сделка с Гитлером открывала дорогу для ускоренного «освоения» новых владений Советского Союза. Он не опасался неблагоприятного действия ни внешних, ни тем более внутренних факторов, не считался с интересами местного населения. Москва устанавливала по советскому образцу тоталитарный порядок, принудительно проводила такие радикальные меры, как советизация органов управления, национализация частной собственности, коллективизация сельского хозяйства, ог-

²¹² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1948. Вып. 10, сс. 11-17.

²¹³ Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции. Доклад ОПМЭМО РАН. М., 1994, с. 23.

раничение гражданских прав и свобод личности. Особо болезненно ощущались репрессивные меры, этнические чистки, массовые депортации в Сибирь и на Север.

Трагическим символом уничтожения польского государства и подрыва основ польской нации явилось чудовищное злодеяние в Катыни – расстрел более 20 тысяч арестованных поляков, представлявших собой цвет военной и интеллектуальной элиты своей страны. Советское правительство долгие годы пыталось снять с себя ответственность за это преступление, сваливая вину на немецких оккупантов. Но в конце концов тайное стало явным: в Москве официально признали, что решение о массовой расправе над польскими узниками советских лагерей и тюрем было принято Политбюро ЦК ВКП (б) 5 марта 1940 г.²¹⁴

Аморальность и бесчеловечность сталинской политики проявились по отношению как к присоединенным народам, так и к своему собственному. Диктатор и его послушное окружение действовали в нарушение и международного права, и внутреннего советского законодательства. Рассмотрение дел и вынесение смертных приговоров иностранцам и советским гражданам производились в глубочайшей тайне органами НКВД без всякого следствия и определения состава преступлений. «Красный террор», необходимость которого большевики доказывали с самого своего прихода к власти, охватил старые и новые пространства их владычества.

Имперство, как и совмещенный с ним «интернационализм», в послевоенное время прочно утвердились в качестве ориентиров советской внешней политики, оттеснив мирное сосуществование на задний план. Мало завися от объективных национальных и государственных потребностей, они явились порождением субъективных – и далеко не бескорыстных – помыслов Сталина и советской номенклатуры, их устремления к сохранению и расширению своей диктаторской власти. Никакие успехи или поражения не заставили советское руководство отказаться от пагубного имперско-интернационалистского наваждения, пока история не вынесла свой суровый приговор тоталитарной системе.

²¹⁴ Вопросы истории, 1993. № 1, сс. 17, 20.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ

В XX веке на соотношение национальных интересов и внешней политики наиболее сильно воздействовал раскол мира на две противоположные системы. Какими были эти две системы? Какую роль они играли в решении судеб наций и государств, всего человечества?

По советской классовой идеологии двухполюсность мира определялась противоборством отжившего свой век капитализма в его высшей, терминальной стадии империализма и восходящего к всемирному верховенству социализма, а затем – коммунизма. В Программе КПСС сказано: «Империализм вступил в период заката и гибели. Неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины: его экономический и государственный строй, политику и идеологию. Империализм бесповоротно утратил власть над большинством человечества. Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества».²¹⁵

Ход и исход мировых процессов в прошлом столетии не соответствовали этому категорическому утверждению. Капиталистическая система крепла и обновлялась, а социалистическая система погружалась в глубокий кризис и распалась. Что же касается двухполюсного размежевания мира, то оно существовало лишь в идеологическом измерении, в противопоставлении коммунистических и буржуазных мировоззрений. Вышедший на мировую арену классовый антагонизм с советской стороны не имел сколько-нибудь прочной опоры на собственную мощь и на зарубежные революционные движения. Советский Союз не мог встать вровень с капиталистическим миром и решающим образом повлиять на создание реальной структурной дихотомии глобальных международных отношений. Одного антиимпериализма советской политики – и встречного антикоммунизма внешних классовых противников – было слишком мало для превращения идеологического конфликта в «стержень» чрезвычайно сложного организма мирового сообщества со всеми присущими ему более значимыми взаимосвязями соперничества и сотрудничества.

Классовая несхожесть Советского Союза с капиталистическим окружением ставила его в положение «особого» полюса в международных отношениях. Но подняться до уровня подлинно глобальной полюсности ему не позволяли сугубо материальные факторы. Соотношение сил на мировой арене было не в его пользу. Идеино-политическая претензия на ведущую роль не подкреплялась той необходимой гравитационной силой, без которой держава или полюс не имеют желаемого влияния в международных делах.

Американский международник-теоретик Кеннет Уолтс заметил: «... великие державы получают и удерживают свой статус превосходством не в одной лишь какой-нибудь отдельной области. Их статус зависит от того, насколько они отвечают требованиям сочетания таких параметров, как размер населения и территории, наличие ресурсов, экономический потенциал, военная мощь, политическая стабильность и компетентность. Советский Союз, как и царская Россия до него, был одной из великих держав, компенсировавшей экономические слабости политической дисциплиной, военной силой и обширным территориальным пространством. Однако статус великой державы невозможен без должного уровня экономической мощи».²¹⁶

Становлению глобальной классовой двухполюсности в период между двумя мировыми войнами препятствовали не только малые материальные потенции со-

²¹⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968, с. 25.

²¹⁶ Kenneth N. Waltz. The Emerging Structure of International Politics/International Security. 1993, Fall.

циалистического государства. У него не было союзников (если не считать Монголию и Туву). СССР представлял собой не классический полюс с главенствующей в нем великой державой и тяготеющими к нему сопредельными странами, а обособленное государство в обширном пространстве международно-политических центров.

Отсутствие союзников не заменялось поддержкой классово дружественных общественных сил зарубежья. Правда, считалось само собой разумеющимся, что с Советским Союзом, центром мирового пролетариата, солидарны трудящиеся всех капиталистических и колониальных стран. Считалось формально, без учета степени активности «народных масс», без их реальной причастности к политике. Просто исходили из безусловной готовности любого труженика в любом месте земного шара в любой нужный момент помочь далекой и неведомой Стране Советов. Симпатии к государству, провозгласившему намерение построить счастливую жизнь для простых людей, вполне объяснимы. Но сочувственные настроения нельзя было принимать как должное и данное раз и навсегда, независимо от неурядиц и нищеты, от ужесточения драконовского режима в СССР. Привлекательность социализма – не абстракция, а весьма конкретное политическое достояние, накопить которое трудно, а растратить легко.

А между тем, не только внутри страны, но и в международных делах Советскому Союзу все труднее было доказывать свою воображаемую классовую исключительность. Чем дальше от октября 1917 г., тем поведенческая модель советской внешней политики оказывалась все менее отличимой от капиталистических государств. Международные отношения диктовали общие для всех правила игры, ставками в которой были насущные интересы наций и государств, а не идеологические постулаты. Только соблюдая эти правила, можно было рассчитывать на получение осязаемых результатов. И будь Советский Союз действительно одной из опор двухполюсности, ему бы «причиталось» гораздо больше того, чего удалось добиться в период смутного межвоенного периода. Малая «полюсная» весомость резко сужала его возможности. Недаром авторы «Истории дипломатии» под редакцией академика В.П.Потемкина горестно резюмировали: «... советские проекты неизменно отклонялись дипломатией империалистических стран».²¹⁷ Вряд ли можно было ожидать чего-либо иного от «классовой» политики СССР при столкновении ее с позициями западных держав, в той или иной степени также «инфицированных» собственной «классовостью». В любом случае такое столкновение не могло бы ввиду резкой асимметрии потенциалов антагонистов вызвать возникновение глобальной двухполюсности структуры международных отношений в период между двумя мировыми войнами.

Что же касается послевоенной советско-американской двухполюсности, то классовость не составляла ее главного содержания. Хотя по коммунистической (вернее, советской) догме, социализм и капитализм несовместимы, их межгосударственные отношения в конкретно-исторических условиях, особенно в ядерную эпоху, отнюдь не исключали мирного сосуществования, а в перспективе даже конвергенции. Как показала действительность, погубила СССР приверженность не социализму, а его советскому воплощению, в конечном итоге несовместимому с национальными интересами страны и интересами мирового сообщества.

Итак, если не классовая, то какая иная подоплека была у центрального противоречия двадцатого века? Что раскололо мир на два враждующих лагеря?

Суть глобальной двухполюсности прошлого столетия определялась главным образом тем, что над цивилизационным развитием человечества нависла смертельная угроза, более того, угроза самим условиям продолжения естественного сущест-

²¹⁷ История дипломатии. 1919-1939 гг. (Под ред. акад. В.П.Потемкина). М., Л., 1945, с. 5.

воваания народов и стран всего мира. Источником беспрецедентной по масштабам и деструктивности угрозы были силы тоталитаризма, а противодействовали им - демократия и все свободолюбивые люди планеты. Водораздел глобальной политики накануне, во время Второй мировой войны и десятилетий после ее окончания пролегал не по линии капитализм - социализм, а между демократией и тоталитаризмом.

Механизмы насильственного насаждения господства и подчинения возникали на протяжении всей многовековой истории. Авторитарные режимы издавна преобладали в разных регионах мира, а с XVIII века они существовали уже бок о бок с демократическими моделями организации власти. Но лишь в XX в. появился тоталитаризм – во всех внутренних и внешних проявлениях антипод демократии и всякой независимости национального и международного развития.

Историческая уникальность возникшего феномена заключалось не просто в установлении жесточайшей диктатуры в территориально ограниченных пределах отдельных государств. Тоталитаризм стремился реализовать четко выраженную претензию на насильственную глобализацию своего безраздельного господства. Полностью поглотив общество в собственных странах, тоталитарные «сверхгосударства» вознамерились покорить другие нации и государства мира. И в этом – главная цель тоталитаризма, независимо от его классовой, идеологической и иной разновидности.

Германский нацизм, итальянский фашизм, японский милитаризм, советский социализм и все другие тоталитарные режимы XX века были одинаковы в своем категорическом неприятии сложившейся реальности и всепоглощающем стремлении силой переделать ее на свой лад, не считаясь ни с объективными закономерностями исторического процесса, ни с кровными интересами народов своих и чужих стран. Сходными у тоталитаризма всех мастей были не только гегемонистские цели, но и главное средство их достижения – безграничное насилие. Насилие в собственной стране, насилие в межвидовом соперничестве и уж, конечно, насилие против всего остального мира. Силы тоталитаризма не вписывались в естественное, многообразное развитие как у себя дома, так и за рубежом. Отвергая плюрализм, не подвластный их контролю, они добивались установления повсюду необходимого им централизованного единообразия. Неспособные к созиданию, они превратили государство в инструмент внутренних репрессий и внешней экспансии.

Необузданный деспотизм и ярая воинственность во все времена приносили много бед и горя людям самых разных стран. Но с появлением тоталитаризма гигантски выросла угроза массового истребления и порабощения народов в условиях, когда, по выражению британского историка Арнольда Тойнби, произошла «унификация мира».²¹⁸ Действительно, если раньше бедствия обрушивались лишь на те или иные страны, а другие оставались в стороне от потрясений, то при глобальной взаимосвязанности под ударом оказалось все человечество.

Обязанная своим возникновением позитивным процессам, глобальная система международных отношений оказалась полем для осуществления гегемонистских замыслов лидеров тоталитаризма. Путь к достижению мирового господства виделся им через уничтожение многополюсности, развертывание антагонистической двухполюсности и установление в мире собственной однополюсности. Такова была модель насильственного системного переустройства мира.

В отечественной историографии не прекращаются споры о том, какое содержание вкладывать в понятие «тоталитаризм». При широком разбросе мнений существует все же согласие в том, что касается типа тоталитарной власти, находящейся на противоположном от демократии полюсе и характеризующейся господством одной

²¹⁸ Арнольд Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. Спб., 1996, сс. 32, 52.

элиты во главе с харизматическим лидером, унитарной идеологией, монополией на информацию, репрессивным полицейским аппаратом, централизованной экономикой, подавлением демократических свобод и прав человека и т.д.

При всем этом меньше внимания уделяется анализу тех аспектов тоталитаризма, которые свидетельствуют об общей гегемонистской сущности всех тоталитарных режимов. Отчасти это можно, очевидно, объяснить тем, что не умолкают отголоски стереотипов советского времени, когда на любые рассуждения о тоталитаризме было наложено табу из-за боязни причисления к этой категории и СССР. Как выразился по этому поводу Джордж Оруэлл, «тоталитаризм требует постоянного изменения прошлого и, в конечном счете, неверия в существование объективной истины».²¹⁹

На Западе же подчеркивается не только генетическое сходство разновидностей тоталитаризма, но и их общая предрасположенность к силовой экспансии и расширению своего господства. Историческая бесспорность этих положений не вызывает сомнений (хотя к презентации их нередко примешиваются идеологические и политические мотивы). Рассматривая проблемы структурообразования международных отношений, Генри Киссинджер так оценил в этом контексте роль тоталитаризма: «... империи не заинтересованы в том, чтобы подлаживаться в своих действиях к международной системе, они претендуют на то, чтобы самим стать такой системой».²²⁰ Другой американский ученый Джеймс Розенау, касаясь структурной триады международных отношений, назвал в качестве ее компонентов многополюсность и двухполюсность, а третью составную часть – однополюсность охарактеризовал как «гегемонизм тоталитарного типа».²²¹

Тоталитаризм добивался полного растворения в мегагосударстве каждой личности, любого общественного образования, нации в целом, а в конечном итоге – всего мирового сообщества. Максимализация этатизма, т.е. идеи всемогущего и всеохватного государства, контролирующего не только собственную нацию, но и жестко структурированный однополюсный мир, - все это лежит в основе теории и практики любых разновидностей тоталитаризма, независимо от их идеологического оформления. В частности, налицо сущностное сходство нацистского и большевистского тоталитарных порядков.

Тоталитаризм немыслим без нагнетания массового психоза и культа вождя. В сочетании с репрессиями разнузданная демагогия и циничная спекуляция на низменных инстинктах превращают население не просто в покорную и податливую массу. Вовлеченные в круговорот насилия и ожесточения, люди становятся фанатичными соучастниками тоталитарных злодейств. Рабски послушная команде сверху, великая толпа безропотно и слепо следует за безнравственными и беспощадными вождями. Поэтому-то с таким отчаянием восклицала Марина Цветаева: «А Бог с вами!/ Будьте овцами!/ Ходите стадами, стаями/ Без мечты, без мысли собственной/ Вслед Гитлеру или Сталину/ Являйте из тел распластанных/ Звезду или свасти крюки».²²²

Природа тоталитаризма проявляла себя одинаково и в пределах национальных границ, и на международной арене. Выплескиваясь вовне, тоталитарная волна грозила сокрушить установившийся порядок межгосударственных отношений и, конечно, главных его гарантов – западные демократии. Исследователи Пенсильванского университета Даниэл Дойдни и Джон Айкенберри четко сформулировали смысл происходившего: «Большую часть двадцатого столетия главная политическая

²¹⁹ Суэта сует. Пятьсот лет английского афоризма. М., 1996, с. 337.

²²⁰ Henry Kissinger. Diplomacy. N.Y., 1994, p. 21.

²²¹ James N. Rosenau. Normative Challenges in a Turbulent World / Ethics and International Affairs. 1992, Vol. 6, p. 10.

²²² Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. Л., 1990, с. 653.

проблема заключалась в том, смогут ли либеральные демократические государства выстоять перед угрозой экспансионистского тоталитаризма».²²³

Как бы ни складывались последующие этапы двухполюсного противостояния, начало ему положил всемирный пожар, главным поджигателем которого был германский тоталитаризм. Возникновение Второй мировой войны не объяснить упрощенным стереотипом относительно «столкновения империалистических интересов». В действительности имела место более сложная система конфликтогенных факторов, во главе которой стояло неординарное, принципиально новое размежевание. Впервые в истории на мировой арене, поверх классовых и иных различий, появилось глобальное антагонистическое противоречие между силами тоталитаризма и силами демократии. Нацисты и их единоверцы вышли из капиталистической среды, но вследствие своей прирожденной тоталитарности стали смертельными врагами как советского социализма, так и демократического капитализма. Они устремились к сокрушению сложившегося мироустройства ради насаждения своей абсолютной гегемонии. Как никогда раньше, мир оказался перед альтернативой: либо сохранение созидательного многообразия, либо мертвящее единообразие под пятой тоталитаризма.

Противостояние демократия – тоталитаризм наложило глубокий отпечаток на соотношение национальных интересов и внешней политики. В зависимости от принадлежности к тому или другому полюсу существенно изменились характер и значимость национального источника политикообразования. Заметно преобразилась и обратная связь внешней политики с национальными интересами.

С демократической стороны, отпор тоталитарному натиску активизировал общенациональный ресурс политикоформирования, расширил внутреннюю базу международной деятельности государства, приблизил его практические задачи к подлинным потребностям нации. В то же время, оказывая мощную поддержку правящим кругам, общественность раскрывала перед ними более широкое поле для маневров, зачастую выходящих за пределы необходимого с точки зрения национальных интересов. В свою очередь эти интересы приобретали более радикальное толкование под влиянием антитоталитарной внешней политики.

С тоталитарной стороны, репрессивный и агрессивный режим все больше подавлял нацию, отравлял ее ядом национализма, ксенофобии и расизма, превращая в послушное орудие экспансионистских и гегемонистских устремлений. Здоровые национальные истоки политики истощались, ее формирование и осуществление полностью оказалось в руках амбициозных и безрассудных диктаторов. Национальное отрезвление наступило слишком поздно, когда агрессивные тоталитарные государства потерпели крах в результате поражения во Второй мировой войне. В послевоенное время бывшие страны «оси» вступили на путь демократического преобразования, отвечающего кровным интересам их народов.

С советской стороны, отношение к антагонизму демократия – тоталитаризм было противоречивым. В 1939-1941 гг. СССР, вопреки собственным национальным интересам, склонялся к сотрудничеству с Германией, однако с началом Отечественной войны присоединился к демократическим государствам в составе Антигитлеровской коалиции. После окончания Второй мировой войны Советский Союз в качестве тоталитарной сверхдержавы вступил в противостояние с демократической сверхдержавой – США и их союзниками. Новая конфигурация двухполюсности не изменила ее сущностного содержания – несовместимости демократии и тоталитаризма, что продолжало оказывать разнохарактерное влияние на национальные интересы и

²²³ Daniel Deudny and John Ikenberry. *Wither the West?* Boston, 1994, p. 41.

внешнюю политику участников конфронтации (подробнее об этом далее в настоящей главе).

Часть 1. Смертельная угроза и спасение цивилизации

Первые тревожные предвестники грядущих потрясений появились в 20-е годы. Тогда еще малоизвестный, но без меры амбициозный политик-экстремист, отставной ефрейтор Адольф Гитлер разразился бредовым сочинением «Майн кампф». Будущий фюрер поставил перед Германией ультраэкспансионистские задачи расширения «жизненного пространства» для немецкой нации путем завоевания чужих земель, уничтожения или порабощения целых народов. «Майн кампф» предначертала чудовищные планы неограниченного применения силы, развязывания истребительных войн, ликвидации «неполноценных» рас, подчинения Европы и других районов мира безраздельному господству арийской «высшей расы».

Проповедь расизма, шовинизма и агрессии, надругательство над моралью и нравственностью, глумление над человеческими ценностями и Божьими заповедями – все это поначалу многим представлялось полностью непригодным в качестве основы для государственной политики. Но по трагическому стечению обстоятельств именно так и произошло в новопровозглашенном «третьем рейхе». Ядовитые зерна зла и ненависти упали на восприимчивую почву национальной неудовлетворенности побежденной Германией. Нацизм начал внедряться в возбужденное общественное сознание.

Идеологическим обрамлением агрессивных замыслов Гитлера явилась концепция «национального самоопределения немцев», первоначально направленная на восстановление позиций, утраченных Германией по Версальскому договору, а, в конечном счете – на разрушение всей системы послевоенного урегулирования. Фюрер планировал сделать центром новой европейской структуры «стальное ядро нерушимо выкованного единства великой Германии», составляющей вместе с Австрией, Чехословакией и Западной Польшей непоколебимый блок ста миллионов – прочный фундамент господства над Европой. Восточная Польша, Балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия должны были объединиться в «восточный союз», но в союз подчиненных народов, без армии, собственной политики и своего независимого хозяйства.²²⁴

В первые же дни своего канцлерства (3 февраля 1933 г.) Гитлер собрал высший генералитет и изложил свою программу: «диктатура, подчинение политики и экономики подготовке войны, форсированное вооружение страны в последующие пять-шесть лет, завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация».²²⁵

Директивные гитлеровские установки внешней и военной политики государства – а заодно и всей немецкой нации – получили оформление в официальных документах «третьего рейха». В них без всяких риторических прикрас говорилось: «... речь идет о проблеме пространства. Германская народная масса насчитывает более 85 млн. человек, которые по количеству людей и целостности пространства для расселения в Европе представляют собой такое крепкое расовое ядро, равное которому нельзя встретить ни в какой другой стране, вследствие чего оно имеет право на большее жизненное пространство, чем другие народы... Германское будущее может быть определено исключительно путем решения вопроса о пространстве... Решение германского вопроса будет достигнуто лишь на пути силы...».²²⁶

²²⁴ H. Rausching. *Gespraeche mit Hitler*. Zuerich. 1940, S. 118.

²²⁵ K. Ganzer. *Das Reich als europaeische Ordnungsmacht*. Muenchen. 1979. S. 163.

²²⁶ Нюрнбергский процесс. М., 1957, т. 1, сс. 606-611.

Приказы по вермахту призывали солдат и офицеров «...уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции... Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которых требует все государство».²²⁷ «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».²²⁸

Для достижения господства «высшей расы» Гитлеру понадобилось не только развернуть и вооружить огромную армию, но и извратить сознание немецкого народа, внедрить в него культ силы, жестокости и поклонения воле единственного богочеловека – фюрера. Мощнейшая целенаправленная пропаганда, ориентированная больше на инстинкты, чем на разум, в соединении с атмосферой страха и террора, сделали свое дело. В короткие сроки основная масса немцев была обращена в нацистскую веру.

Коричневая чума расового безумия поразила миллионы людей в Германии. При этом, как отметили досконально исследовавшие механизм нацистской «империи смерти» Д.Мельников и Л.Черная, имело место не просто безумие. «Ибо слово “безумие”, своего рода умопомрачение, предполагает нечто стихийное, иррациональное. А расовое безумие нацистов было иного порядка: это была заранее продуманная, запланированная, “научно” обоснованная идеология, которую они неукоснительно проводили в жизнь. Программа, выгодная властью имущим, выгодная режиму, и в то же время хладнокровно, систематически насаждаемый бред, мания».²²⁹

Превратив немцев в обезумевшее стадо, Гитлер гнал их на убой ради достижения своих безумных целей, нимало не заботясь о будущем германской нации в случае краха военной авантюры. Это стало предельно ясно к концу войны, когда фюрер цинично заявил: «Если война проиграна, то народ также пропадет. Нет необходимости считаться с теми основами, которые нужны немецкому народу в его дальнейшей примитивнейшей жизни. Наоборот, лучше самим все уничтожить... Те, кто останутся после этой борьбы, будут лишь ничтожества, все лучшее погибнет».²³⁰

Но накануне великих потрясений самоуверенности и самонадеянности Гитлера не было границ. У него не возникало сомнений в том, что концентрированным усилием воли ему удастся добиться своих вождельных целей. Он был уверен в неодолимости «оси» Германии, Японии и Италии, в том, что их напор сметет хрупкую конструкцию многополюсного мироустройства и расчистит путь к высотам гегемонии.

Как и Германия, послевоенная Япония жила бедно, вспыхивали даже «рисовые бунты», стране не хватало сырья и энергоресурсов. Под лозунгом «экономической безопасности» правящая верхушка решилась на широчайшую имперскую экспансию и приступила к форсированному наращиванию военной мощи. Яркие националисты и милитаристы потребовали создать в Восточной Азии и на Тихом океане под эгидой Японии «сферу процветания» («восемь углов света под одной крышей»). По патерналистской традиции большинство населения последовало за сильными мира сего (к тому же, не без расчета поживиться в ходе захватнических войн). В вооруженные силы Японии влились массы призывников, воспитанных в духе беспрекословного подчинения командирам и железной дисциплине. Государство и нация под сенью императора настроились на беспощадную борьбу за подчинение своему господству стран и народов обширнейшего региона мира.²³¹

²²⁷ Там же, т. 7, с. 208.

²²⁸ Там же, т. 1, с. 221.

²²⁹ Д.Мельников и Л.Черная. Империя смерти. М., 1987, с. 133.

²³⁰ J.Fest. Hitler. Frankfurt a. M., Wien. 1973, S. 999.

²³¹ See J.W.Morley (ed.). Dilemmas of Growth in Prewar Japan. Princeton, N.J., 1971.

Серьезные внутренние трудности переживала Италия, в которой фашисты захватили власть еще в 20-е годы. Подавление демократии и «корпоративные» отношения труда и капитала не вывели итальянскую экономику из хронического застоя. Помпезное и гротескное диктаторство Муссолини не сплотило нацию, оппозиция назревала в деловых и политических кругах, среди чиновничества, в армии. Ради укрепления фашистского режима дуче бросил страну в рискованные военные авантюры в качестве младшего партнера Гитлера.²³²

Агрессивные силы тоталитаризма воспользовались обстановкой неустойчивости, возникшей вследствие «великой депрессии» начала 30- годов. Международную напряженность усилили агрессия Японии в Китае, захват Италией Абиссинии, германо-итальянское вмешательство в гражданскую войну в Испании. Многополюсная дипломатия показала себя мало пригодной для организации коллективного отпора нарушителям статус-кво. На этом и сыграли Гитлер и его союзники по агрессивному блоку, «вбивая клинья» между державами западной демократии, соблазняя их посулами «мирного урегулирования», запугивая поодиночке беззащитные малые страны.

Соотношение сил в предстоявшем двухполюсном противоборстве потенциально было в пользу демократических стран Европы и Америки. Они располагали решающим совокупным превосходством в экономике, их политика в целом соответствовала национальным интересам и магистральному развитию цивилизации. Но само по себе это не гарантировало победы над тоталитаризмом. Многие, если не все, зависело от своевременной и согласованной реализации преимуществ демократии.

Находившиеся на противоположном полюсе силы воинствующего тоталитаризма представляли собой средоточие целеустремленной, организованной военной мощи, мобилизовавшей для агрессии национальный ресурс, планомерно и эффективно подготовленной к внезапному броску на установившийся мировой порядок. Война была единственным способом существования тоталитарных режимов, а военные союзы – единственной формой взаимосвязи. Спайка в стане агрессоров обеспечивалась силой и авторитетом их вожака – нацистской Германии. Принадлежность к общему лагерю скреплялась взаимной поддержкой в ведущихся захватнических войнах в разных регионах мира. Безнаказанность агрессии порождала ощущение невозможности оказания ей серьезного объединенного противодействия.

Могли ли агрессивные силы тоталитаризма взять верх во всемирном противоборстве? Вполне могли! Могли, если бы силы демократии не преодолели изначальную пассивность, врожденную уступчивость, традиционную разобщенность, не мобилизовались бы, хотя и на грани грозившей катастрофы, для решительного отпора агрессии, как это сделал Советский Союз, поднявшийся на Отечественную войну против нацистских захватчиков.

Не будь коллективного противостояния тоталитарному натиску, человечество оказалось бы отброшенным к самым мрачным временам своей истории. Огромное большинство населения планеты подпало бы под диктатуру насилия, геноцида, бесправия и угнетения. Под пятой тоталитаризма поработанные нации лишились бы государственной независимости, самостоятельной экономической и политической деятельности, этнической и духовной идентификации. Люди в покоренных странах были бы низведены до положения рабов, классовые и иные различия между которыми стерлись бы в условиях общего лагерного прозябания.

Что уж говорить о внешней политике и международных отношениях под гнетом тоталитаризма! Они просто перестали бы существовать в их традиционном понимании. Вместо внешней политики – приказы из единого центра и их исполнение на

²³² See D. Mack Smith. Mussolini: A Biography. N.Y., 1982.

местах. Вместо отношений между суверенными государствами – в лучшем случае взаимосвязи по средневековой модели: сюзерен – вассал, а то и вовсе на манер древних деспотических империй: метрополия – провинции. Таким мог стать облик мира, если бы тоталитаризм одолел демократию.

Видели ли государственные мужи западных демократий надвигавшуюся неотвратимую угрозу? Оценили ли ее поистине глобальные размеры?

По всей очевидности, ясно не видели и в должной мере не оценили. Сказался консервативный склад менталитета тогдашних творцов западной политики, не способных к восприятию неординарных явлений на фоне привычного, установившегося порядка. Всплеск нацизма в Германии (как и установление фашистского режима в Италии и активизация ультрарадикальных групп в других странах Европы и Азии) не вызвал у них серьезной обеспокоенности. Крикливые призывы к ниспровержению сложившегося мироустройства воспринимались ими как неприятное, но не опасное проявление маргинального экстремизма в сложных послевоенных условиях. Полагали, что все уладится по мере стабилизации внутреннего положения стран, требующих пересмотра Версальских установлений. Рассчитывали на то, что нацистской Германии волей-неволей придется считаться со сковывающими правилами политической игры, которую вели демократические государства. Надеялись, что Гитлер должен войти в новый «европейский концерт» наряду со всеми остальными его участниками.

Как показало дальнейшее развитие событий, руководящие круги западной демократии глубоко заблуждались. Переоценив после 1917 г. опасность большевизма, в 30-х годах они недооценили опасность нацизма и тоталитаризма в целом. Но непростительная беспечность западных государственных деятелей объясняется не только ограниченностью и тенденциозностью их взглядов и убеждений. Были и более глубокие причины. По самой своей природе демократии не предрасположены к силовому противоборству, предпочитая ему политические решения с использованием своих преимуществ во всех областях созидательной деятельности. Преобладал общий настрой в пользу поддержания стабильного внутреннего и международного положения, нежелание идти на риск непредсказуемых потрясений.

Так было в предгрозовой обстановке кануна войны. Политика западных демократий по инерции следовала в привычном русле сдержанности и осмотрительности, как если бы взрывоопасная напряженность была всего лишь очередной преходящей фазой обострения противоречий, с какими часто приходилось сталкиваться раньше. Свободу маневра сковывал страх перед опасностью неудержимой эскалации конфликтности. Боязнь спровоцировать потенциальных нарушителей международного порядка диктовала чрезмерную осторожность по отношению к ним. Памятуя об ужасах Первой мировой войны, многие английские, французские и американские политики всячески стремились удержать свои страны от втягивания в новое кровавое побоище. Так же было настроено огромное большинство населения демократических стран. В тот критический момент мировой истории на демократическом полюсе складывался вполне объяснимый, но по сути самоубийственный консенсус в пользу непротивления грядущей агрессии. Такое преломление получали тогда национальные интересы в восприятии и правящих элит, и народных масс. Глубочайшее заблуждение!

Бесспорно, первейшим приоритетом интересов нации является обеспечение ее безопасности, причем предпочтительно мирными, а не военными средствами. Прежние столкновения интересов на международной арене удавалось разрешать либо политическими, либо силовыми методами, либо сочетанием тех и других. Но все это происходило в формате сохранения сложившейся системы международных

отношений, без разрушения ее основ, без абсолютного господства победителей и безусловного порабощения побежденных.

Двухполюсный антагонизм породил принципиально иную обстановку: конфликт приобрел новое качество, исключая мирное урегулирование. Беспрецедентность глобальной угрозы тоталитаризма не оставила демократии выбора между миром и войной. Сколько ни пытайся уладить дело миром, все равно окажешься перед альтернативой – либо капитуляция и рабство, либо война и шанс на сохранение свободы и независимости.

Эта жестокая истина открылась всем, когда разразилась Вторая мировая война. Но в ее преддверии было трудно доказать, сколь пагубны попытки «договориться» с тоталитаризмом и уклониться от смертельной схватки с ним. А ведь иллюзиям предавались не только государственные мужи, но и широчайшие слои населения Европы и Америки. Капитулянтская политика «умиротворения» агрессоров находила отклик в глубинах национального сознания.

Но не все западные политики пребывали в состоянии обреченности перед надвигавшейся нацистской угрозой. Были среди них и такие, кто вовремя распознал характер и масштабы беспрецедентной угрозы и активно выступал за оказание ей решительного противодействия.

Первым следует назвать Уинстона Черчилля. В выступлении перед коллегами-консерваторами в палате общин (март 1936 г.) он предупредил, что сверхвооруженная Германия, «ведомая кучкой торжествующих головорезов», собирается развязать войну, исходом которой будет «германизация Европы под нацистским контролем»... «Нас оттеснят от рычагов воздействия на ситуацию другие, злонамеренные силы, которые и определяют путь в будущее». Черчилль призвал к «сплочению всех сил Европы, чтобы сдержать, обуздать и, если потребуетя, сорвать установление германского господства».²³³ Однако, находясь в оппозиции, Черчилль не смог убедить тогдашних руководителей Великобритании пересмотреть политику «умиротворения».

Решительным противником агрессивных планов нацистской Германии выступал министр иностранных дел Франции Жан Луи Барту, инициатор создания «восточного пакта» как опоры системы коллективной безопасности в Европе. Но его идее не суждено было осуществиться. В октябре 1934 г. Барту был убит в Марселе вместе с югославским королем Александром I хорватскими наемниками германской разведки. Премьер-министр Даладье и министры иностранных дел Лаваль, Фландэн и Боннэ взяли курс на сговор с Гитлером.

В США осуждение захватнических замыслов агрессивных сил тоталитаризма высказал президент Франклин Рузвельт. В октябре 1937 г. в своей знаменитой речи «о карантине» он сказал: «Мир, свобода и безопасность девяноста процентов населения планеты оказываются под угрозой со стороны остальных десяти процентов, которые намереваются разрушить все устои международного порядка и закона». Президент предложил объявить «карантин», чтобы оградить человечество от чумы тоталитаризма.²³⁴ К сожалению, его призыв не нашел отклика в официальных кругах Лондона и Парижа. Да и в самой Америке он был заглушен хором изоляционистов, доминировавших на политической арене и в Конгрессе, где блокировались внешнеполитические инициативы Белого дома.

Политика западных демократий формировалась не подлинными национальными интересами, а такой их конъюнктурной интерпретацией, которая подгонялась под «умиротворение» тоталитаризма. По мере того, как раскручивался маховик нацистской экспансии, становилось все очевиднее, что расчеты на компромиссное уре-

²³³ Winston Churchill. The Second World War. L., 1950. Vol. 1: The Gathering Storm, p. 188.

²³⁴ See: James McGregor Burns. Roosevelt: The Lion and the Fox. 1882-1940. N.Y., 1956, p. 318.

гулирование не только беспочвенны, но и загоняют их инициаторов в положение заложников наглеющих агрессоров. Тем не менее, никто из власти имущих не пытался остановить дрейф к неминуемой трагедии.

«Умиротворители» надеялись на включение нацистской Германии в систему европейских взаимосвязей, призванных восстановить политическое равновесие на континенте. Было бы, конечно, упрощением считать, что английских и французских политиков не беспокоило наращивание военной мощи «третьего рейха» и расширение сферы его политического контроля. Несомненно, беспокоило. Именно это и подстегивало их на поиски дипломатических решений неразрешенных вопросов во взаимоотношениях с гитлеровской Германией. Только обезопасить свои страны они пытались не тем, чтобы общими усилиями воздвигнуть препоны гитлеровской агрессии, а тем, чтобы откупиться от нее ценой уступок за счет третьих сторон. Надеялись удовлетворить фюрера согласием на ограниченную германскую экспансию в Центральной Европе. Принимали его заверения в том, что присоединенные к Германии территории с немецкоговорящим населением – это завершающий акт национального объединения и что никаких других притязаний в Европе у него нет.

Особое место в политической игре «умиротворителей» и «умиротворяемого» занимала тема «антибольшевизма». Каждая сторона делала вид, что верит в возможность сближения позиций на основе общего идеологического неприятия советского государства. Гитлер не скрывал своей лютой ненависти к «большевизму» и как бы в награду за это требовал от западных демократий большей уступчивости, а они пытались ублажить его признанием его заслуг как спасителя Европы от «угрозы большевизма».

Характерна в этом смысле беседа между Гитлером и лордом Галифаксом (Оберзальцберг, 19 ноября 1937 г.). От имени британского правительства гость подчеркнул, что приветствует возможность достижения, путем личного объяснения с фюрером, лучшего взаимопонимания между Англией и Германией, что имело бы величайшее значение не только для обеих стран, но и для всей европейской цивилизации. Галифакс сказал, что «он и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но, что в результате уничтожения коммунизма в своей стране, он перекрыл последнему путь в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма. Английский премьер-министр придерживается мнения, что имеется реальная возможность найти решение путем открытого обмена мнениями».²³⁵ Галифакс далее высказал идею, предвосхитившую будущий сговор Англии, Франции, Германии и Италии: «После того, как в результате германско-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великие западноевропейские державы должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе».²³⁶

Гитлер ответил, что соглашение между четырьмя западноевропейскими державами ему «кажется очень легким, если речь идет только о доброй воле и о любезном отношении друг к другу... Всегда говорят, что, если не произойдет того или другого, то Европа пойдет навстречу катастрофе. Единственной катастрофой является большевизм... Лишь одна страна – Советская Россия – может в случае общего конфликта выиграть. Все другие в глубине души стоят за укрепление мира».²³⁷

Идейная общность на почве «антибольшевизма», несомненно, в чем-то сближала сговаривающиеся стороны, но уж никак не до такой степени, чтобы отставить в сторону свои глубокие противоречия и договориться о создании единого военно-

²³⁵ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1948, т. 1, с. 16.

²³⁶ Там же, с. 17.

²³⁷ Там же, сс. 18, 46, 48.

политического фронта против Советского Союза. Разумеется, для «умиротворителей», казалось бы, был выгоден другой вариант развития событий: лобовое столкновение двух тоталитарных держав – Германии и СССР, в котором они сами не участвовали бы, выжидая благоприятного момента для вмешательства в собственных интересах. Весьма вероятно, что при тогдашних настроениях в демократических странах такая политика получила бы поддержку в общественном мнении. Но даже самые рьяные противники «большевизма» не могли не задумываться о том, чем завершится война Германии против Советского Союза – победой или поражением. Ни первый, ни второй вариант не устраивал западные демократии, ибо в любом случае они лишились бы взаимосковывающего германо-советского антагонизма и оказались бы лицом к лицу с той или другой тоталитарной державой, развязавшей руки для агрессии уже против них.

В тот исторический момент главное в практической политике заключалось в другом. Тогда нацистский «антибольшевистский» сценарий был нереален. Германия еще не подготовилась к решающему броску на Советский Союз. Запад не мог «дать зеленый свет» германской агрессии. Только сам Гитлер и он один выбирал нужный момент для начала завоевания «жизненного пространства» на востоке. А момент этот мог наступить лишь тогда, когда у фюрера появилась бы уверенность в том, что, развязывая войну против СССР, он надежно застрахован со стороны Запада. Пока же такой страховки не было.

Гитлер не верил, что Запад ударит ему в спину сразу же после его нападения на Советский Союз. В случае же затяжной, взаимоистощающей германо-советской войны его страшила неизбежность выступления против него Англии и Франции при поддержке или даже прямом участии США. Поэтому был принят «план Барбаросса», предусматривавший молниеносный сокрушительный удар по Советскому Союзу и разгром его в кратчайший срок. И только после этого Германия могла обрушить всю свою мощь против Запада. Но такое решение Гитлер принял осенью 1940 г., то есть после поражения Франции и перехода Англии в глухую оборону, а в конце 30-х годов ему приходилось считаться с возможностью войны на два фронта.

В свете таких реалий «умиротворители» не рассчитывали на скорое нападение Германии на СССР. Добиться замирения с агрессором они намеревались за счет «сдачи» малых европейских стран. Об этом свидетельствует и содержание беседы между Гитлером и Галифаксом. Хотя тема «антибольшевизма» усиленно обыгрывалась обеими сторонами, но не она была тем предметом обсуждения, который затрагивал взаимные интересы. Она служила только удобным идеологическим фоном, на котором вырисовывались другие, сугубо практические и весьма конкретные, вопросы – об Австрии и Чехословакии. Гитлер прямо заявил, что с этими странами «было бы разумно произвести урегулирование».²³⁸ Галифакс предложил прямые переговоры по этим вопросам между представителями правительств Англии и Германии и добавил, что «подобные переговоры будут не только ценны по существу. Но они произведут большое впечатление на общественное мнение».²³⁹

Дальнейшие дипломатические англо-германские контакты действительно дали ожидаемый «умиротворителями» эффект: общественность западных демократий восприняла их как подтверждение надежды на предотвращение войны. К тому же иллюзия разрядки опасной напряженности подкреплялась исходящей из официальных кругов Лондона и Парижа аргументацией в пользу удовлетворения требований Гитлера исправить установленные Версальским договором границы Германии с тем, чтобы воссоединить в ее составе все немецкоговорящее население. Таким образом,

²³⁸ Там же, с. 40.

²³⁹ Там же, сс. 44-45.

вопрос о германском национальном самоопределении во внешней политике Англии и Франции превратился в удобное оправдание «умиротворения».

Аннексия Германией Австрии не вызвала решительного осуждения Англии и Франции, руководители которых надеялись, что Гитлер остановит свою экспансию, когда вернет всех этнических немцев в Фатерланд. Судьба Чехословакии – вернее, ее расчленение – теперь рассматривалась английской и французской дипломатией под углом зрения неизбежного завершения германского национального самоопределения.

Министр иностранных дел Франции Дельбос (считавший, что «надо уступать Германии, подкармливая ее в мирное время, чтобы избежать войны») фактически дезавуировал союзный договор с Чехословакией: «... Этот договор накладывает обязательства на Францию в том случае, если Чехословакия станет жертвой агрессии. Если же возникнет восстание среди немецкого населения, и оно будет поддержано вооруженной интервенцией Германии, то договор обязывает Францию лишь в той степени, какая будет определена в зависимости от тяжести фактов».²⁴⁰ Премьер-министр Великобритании Чемберлен также расценил как главную угрозу европейской безопасности возможность беспорядков среди немецкого меньшинства в Чехословакии и предложил в целях решения этого, а заодно и более широких вопросов, договориться с Германией: «Представляется желательным попытаться достигнуть какого-либо соглашения с Германией по Центральной Европе, каковы бы ни были цели Германии, даже если она захочет включить в свой состав кого-либо из соседей; можно будет на деле надеяться на отсрочку осуществления германских планов и даже на сдерживание рейха на такое время, в течение которого планы эти станут в долгосрочной перспективе непрактичными».²⁴¹

Судьба Чехословакии была предрешена соглашательской позицией Англии и Франции, руководители которых уповали на то, что она будет «последней жертвой», призванной удовлетворить Гитлера и убедить его воздержаться от дальнейшего расширения зоны нацистского контроля.²⁴² Фюрер всячески подыгрывал «умиротворителям». Шантажируя намерением прибегнуть к силе против Чехословакии, он в то же время публично клялся: «Это последнее территориальное требование, которое я выдвигаю в Европе. Но это требование, от которого я не отступлю... Мир или война!».²⁴³

29 сентября 1938 г. в Мюнхене свершилось то, что по логике «умиротворения» должно было свершиться. Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини поставили свои подписи под соглашением о расчленении Чехословакии. Правительство этого суверенного государства было ознакомлено с содержанием принятого документа лишь на следующий день после его подписания. Вошедшее в историю как символ позорного сговора, мюнхенское соглашение четырех главных европейских держав предписывало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области. Вслед за этим Чемберленом и Гитлером была подписана англо-германская декларация (30 сентября 1938 г.), по существу означавшая соглашение о ненападении между Великобританией и Германией. Затем аналогичную по содержанию франко-германскую декларацию подписали в Париже Боннэ и Риббентроп (6 декабря 1938 г.).²⁴⁴

Мюнхенский сговор явился кульминацией «умиротворения». Возникла обманчивая атмосфера успокоенности. Вернувшись из Мюнхена в Лондон, Чемберлен

²⁴⁰ Anthony Adamthwaite. *France and the Coming of the Second World War 1936-1939*. L. 1977, pp. 53, 68.

²⁴¹ Ibid., p. 69.

²⁴² Документы по истории мюнхенского сговора, 1937-1938. М., 1979, сс. 228, 229, 238-240, 284.

²⁴³ J.Fest. Hitler. Wien, 1937, S. 767.

²⁴⁴ Документы по истории мюнхенского сговора..., сс. 319-320, 334-335.

заявил, что он привез «мир на все времена».²⁴⁵ В наступившей эйфории «умиротворители» доказывали, что их политика успешна, поскольку она соответствует национальным интересам и общественному мнению демократических стран. И многие этому верили, принимая видимость мирного урегулирования за действительность, а мюнхенское соглашение – за гарантию безопасности, этого ключевого условия обеспечения жизненно важных интересов нации и государства. На время забылось, что «вечный» - на деле же эфемерный – мир был куплен ценой предательства национальных интересов Чехословакии, а в конечном счете и кровных интересов народов всего мира. Хотелось почувствовать себя на высоте того плато, на котором надолго должны были закрепиться мирные взаимоотношения государств, будто бы сложившиеся в итоге удовлетворения германских претензий.

В действительности все обстояло иначе. «Умиротворение» вывело международные дела вовсе не на плато, а на тот пик, за которым шел только крутой спуск вниз, к пропасти большой войны. Англия и Франция оказались уже не в состоянии идти на дальнейшие уступки Гитлеру, который после Мюнхена ужесточил свои требования, теперь уже выходящие за рамки этнического германского воссоединения. Более того, диктатор от шантажа и угроз перешел к неприкрытой агрессии. 15 марта 1939 г. вермахт оккупировал Чехию (с негерманским населением!), а Словакия была превращена в формально независимое государство, но по сути в сателлит Германии. Гитлер потребовал аннексии вольного города Данцига и литовского порта Мемеля, а главное – развернул яростную пропагандистскую кампанию против Польши, явно предшествовавшую нападению на нее. Дело шло к войне.

Мюнхен не остановил, а только подтолкнул скатывание Европы и мира к грандиозной военной схватке. Получив все, чего он хотел, Гитлер исчерпал ресурсы уступчивости Англии и Франции. Ему уже нельзя было дальше апеллировать к чувству вины у демократических стран из-за несправедливостей Версальского договора или ссылаться на незавершенность германского национального самоопределения. Эти его «последние» требования были удовлетворены. И теперь единственным средством достижения бредовых целей «Майн кампф» стала грубая сила, агрессия, война. Но здесь уже неизбежно обозначился предел, за которым даже политики и общественность демократических стран, больше всего боявшиеся войны, никак не могли дальше отступать перед натиском тоталитаризма.

Наступило горькое похмелье политики «умиротворения». Западные демократии вынуждены были признать суровую реальность неумолимо надвигающейся смертельной опасности. К сожалению, только тогда, когда агрессор уже набрал силы и укрепился в центре Европы, а благоприятные возможности сдерживания его были безвозвратно упущены. Теперь, в кризисных условиях, Англия и Франция, форсируя свои военные приготовления, в спешном порядке попытались создать единый фронт перед лицом нацистской угрозы. Увы, слишком поздно!

Провал «умиротворения» вызвал смятение в политических и общественных кругах демократических стран. От бурного восхваления творцов мюнхенского соглашения уже через несколько месяцев после его подписания общественность переметнулась к гневному их порицанию. Как едко подметил Генри Киссинджер, «демократическое общество никогда не прощает катастрофических поражений, даже если они проистекают вследствие исполнения сиюминутных желаний этого общества. Репутация Чемберлена рухнула, как только стало ясно, что он не обеспечил “мира на все времена”».²⁴⁶

После того, как Гитлер оккупировал Чехословакию, общественность Англии и других демократических стран не желала более терпеть никаких уступок агрессору.

²⁴⁵ K. Feiling. Life of Neville Chamberlain. L., 1946, p. 381.

²⁴⁶ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 283.

Общественное мнение, отражая на сей раз подлинные национальные и государственные интересы, превратилось в мощный психологический и моральный фактор решительного противодействия полюсу демократии полюсу тоталитаризма.

А как восприняло советское руководство выход Германии на тропу войны? На чью сторону склонялся СССР в надвигавшемся двухполюсном противоборстве? Или, может быть, пытался стать «третьим полюсом»?

Решения по этим острейшим вопросам глубоко затрагивали кровные интересы нации и государства. Но, как сложилось с самого начала при советской власти, формирование внешней (как и внутренней) политики происходило без учета потребностей и воли народа. Все решала правящая большевистская верхушка, а к 30-м годам единовластным вершителем судеб страны стал Сталин (см. Главу пятую). Таким образом, если и сопоставлять с коренными интересами Советского Союза цели и средства его внешней политики в напряженный предвоенный период, то речь может идти только о решениях, которые принимал лично Сталин и которые отражали его мировосприятие и его видение перспектив внутреннего и международного развития страны.

Сталин с самого начала настороженно отнесся к появлению нацизма и родственных ему ультрарадикальных течений, получивших в советской терминологии обобщенное наименование «фашизм». В нем он увидел концентрированное выражение антикоммунизма. Вместе с тем, для него не существовало принципиального различия между «фашизмом» и «буржуазными демократиями», которых, по исповедуемому им классовому учению, объединяла общая принадлежность к «империализму». Хотя нельзя не заметить, что Сталин, судя по многим его высказываниям, был более терпим к первому, чем ко вторым, очевидно, в силу родового сходства тоталитарных режимов СССР и Германии, а также ввиду общей неудовлетворенности своим положением в системе Версальского послевоенного устройства, одинаково ненавистного обеим странам. Разумеется, ссылаясь на публичные заявления Сталина, нельзя не делать скидок на явные пропагандистские упрощения и преувеличения, рассчитанные на советскую аудиторию. Тем не менее, его личные предпочтения и политические вкусы (а они определенно сказывались на принятии им решений) вырисовываются вполне отчетливо.

Сталин яростно обрушивался на «буржуазные демократии»: «Английский империализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций... Английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества...».²⁴⁷ Франция является «самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран мира».²⁴⁸

В то же время Сталин выказывал расположение к Германии: «Если уже говорить о нашей симпатии к какой-либо нации или, вернее, к большинству в какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам».²⁴⁹ Симпатии эти не исчезли с приходом к власти Гитлера. Творец советской политики не видел препятствий на пути развития нормальных и даже дружественных отношений с фашистским государством. Он говорил: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной... Если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это без колебаний».²⁵⁰

²⁴⁷ XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939. с. 49.

²⁴⁸ XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1931, с. 42.

²⁴⁹ И.В.Сталин. Сочинения. М., 1951, т. 13, с. 115.

²⁵⁰ XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1934, сс. 13-14.

Вряд ли можно возразить против того, чтобы поддерживать нормальные межгосударственные отношения. Странно другое: как можно было отнести нацистскую Германию и фашистскую Италию к категории государств, «не заинтересованных в нарушении мира» и располагающих поэтому к сближению с ними?

Рисуя политический портрет Сталина, историк Дмитрий Волкогонов обратил внимание на раздвоенность его отношения к Гитлеру: «С этим человеком ему придется бороться. В этом Сталин не сомневался. Но он, первое лицо в социалистическом государстве, в ком персонифицирована почти вся политическая власть и могущество, имеет дело с фюрером, который олицетворяет государство крайне милитаристского, буржуазного толка. Противоборство двух диктаторов? Или их союз?».²⁵¹

Исходившую от «третьего рейха» угрозу не видеть Сталин не мог. Но предпочитал умалчивать о ней. И объяснение этому, вероятно, кроется в его общей оценке тогдашней европейской и мировой обстановки. А какова была эта оценка? Сегодня, в свете исторической ретроспективы есть все основания констатировать, что она не соответствовала реальностям того времени и интересам Советского Союза.

Видение из Кремля международных дел кануна Второй мировой войны в одном существенном отношении мало отличалось от того, как их расценивали государственные деятели западных демократий. С Востока, равно как и с Запада не просматривалась та принципиально новая обстановка двухполюсного разлома мира, которая грозила самому существованию наций и государств, независимо от их внутреннего устройства или внешнеполитической ориентации. Надвигалась ранее неведомая эпоха, в которой рушились привычные устои международных отношений. Тоталитаризм в его самом агрессивном обличье уже запустил механизм насильственного превращения стран и народов мира в зону лагерного прозябания под пятой неограниченной деспотии. Начался отсчет времени того критического и, как вскоре выяснилось, очень короткого периода, когда еще можно было общими усилиями что-то предпринять, чтобы сдержать или хотя бы существенно смягчить всеразрушающий шквал. Но вместо этого политические лидеры в Лондоне, Париже и Москве продолжали мыслить в координатах привычного прошлого, принимать (или не принимать) решения, как если бы события развивались в русле устоявшихся правил игры.

Вдобавок к инерционности политического мышления, которую Сталин разделял с западными руководителями, у него имелась еще и собственная идеологическая доминанта, искажающая видение объективной действительности. Он оставался пленником догматического представления о «классовой борьбе», обязывающего видеть главный водораздел мира только по линии разграничения между социализмом и капитализмом. Сталин исключал возможность иного расклада мировых сил, в том числе и такого, при котором существованию и социализма, и капитализма может угрожать общая опасность.

Оценивая международную ситуацию, Сталин не конкретизировал источник военной угрозы Советскому Союзу, не называл главного носителя угрозы – гитлеровскую Германию. Он предпочитал оперировать примитивными формулами «классовости», предвещать обобщенный (и не применимый к реальной обстановке) вариант «войны буржуазии против СССР». Шаблонная трактовка темы войны и революции, несмотря на ее девальвацию за рубежом, все еще использовалась для внутреннего потребления в стране. В советском народе продолжали насаждать веру во всесилье пролетарской революционности, хотя сам Сталин мало верил в революционность рабочего класса на Западе (см. Главы вторую и пятую). Главную ставку он делал не на революцию, а на войну.

²⁵¹ Дмитрий Волкогонов. Сталин: Политический портрет в двух книгах. М., 1996. Кн. 2, с. 25.

А неизбежная война виделась Сталину через призму стереотипных представлений о «межимпериалистических противоречиях». Вопреки назревшей реальности двухполюсного противоборства наиболее агрессивных сил тоталитаризма и западных демократий, он продолжал рассматривать развитие центробежных сил в капиталистическом лагере по традиционной схеме, предвещавшей столкновения между теми или иными державами из-за передела мира по ленинской формуле: «по силе, по капиталу». В таком идеологизированном (и явно устаревшем!) контексте гитлеровская Германия по существу не отличалась от других «империалистов» – буржуазных демократий, а схватка между ними представлялась простым повторением модели Первой мировой войны. Такое видение геополитической расстановки сил позволяло наблюдать со стороны войну между двумя группировками классовых врагов и в нужный момент воспользоваться их взаимным истощением в своих экспансионистских интересах. Уже в марте 1939 г. Сталин поспешил объявить: «Новая империалистическая война стала фактом».²⁵²

В нервной обстановке кануна Второй мировой войны у Сталина, по всей видимости, не было четкого представления об иерархии потенциальных угроз Советскому Союзу. Антисоветская направленность идеологии уравнивала в его глазах все империалистические державы, но в геополитическом отношении он вполне определенно склонялся к сближению с Германией. Профессор Даниил Проэктор пришел к заключению о том, что «Сталин не оценил до конца, что несет фашизм для СССР... Сталин, по-видимому, в то время рассматривал внешнеполитические усилия Германии в обозримом будущем прежде всего как ревизию Версаля, а враждебные выпады в адрес СССР как средство нажима на Францию и Англию. Эта цель была для него понятна и объяснима, ибо Советская Россия тоже пострадала от несправедливостей Версаля, а выход из изоляции, созданной западными империалистами для Германии и России, виделся именно в сотрудничестве друг с другом. По-видимому, он верил в продолжение такого сотрудничества, какие бы повороты ни происходили».²⁵³

Мюнхенское соглашение Сталин встретил с присущей ему подозрительностью. За расчленением Чехословакии ему виделся только тайный сговор против СССР, причем как в Европе, так и в Азии. Примечательно, однако, что наибольшие опасения у него вызвали не сами агрессоры, а их англо-французские пособники. По его словам, Англия и Франция (а также США) «пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой» для того лишь, чтобы «столкнуть Германию и Японию с Советским Союзом».²⁵⁴

Что касается гитлеровской Германии, то, по утверждению Сталина, для ее столкновения с СССР не было причин. Провокационные же выступления на этот счет в прессе Англии, Франции и США, как он заявил, имели целью «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».²⁵⁵ Из разъяснений Сталина получалось, что главная угроза развязывания войны исходила от политики западных демократий.

Едва ли можно было грубее исказить картину происходивших событий, не просто смешав в одну кучу агрессивные и неагрессивные государства, но еще и переложив вину за опасное обострение обстановки с первых на вторых. Нацистский громил в таком свете выглядел чуть ли не послушным исполнителем злой воли западных классовых врагов, готовых втянуть его в конфликт с Советским Союзом «без

²⁵² XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 2.

²⁵³ Д.М.Проэктор. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, сс. 85-86.

²⁵⁴ XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 13.

²⁵⁵ Там же.

видимых на то оснований» (если, конечно, забыть о главной цели Гитлера – завоевать «жизненное пространство» на востоке). Облик гитлеровской Германии обрисовывался в приглушенных тонах. Если раньше Сталин считал, что «дело не в фашизме», то теперь он уже фактически исходил из того, что «дело не в агрессии».

Накануне Второй мировой войны произошел резкий поворот сталинского внешнеполитического курса. И в силу не столько идеологических догм, личных симпатий или антипатий, сколько сугубо геополитических расчетов на ближайшее и отдаленное будущее в предвидении благоприятных условий для широкой советской экспансии.

Как всегда, советский народ оставался в неведении о тех решениях, которые в глубокой тайне вождь принимал от его имени, не считаясь с его интересами и произвольно распоряжаясь его судьбами. В режиме полного отсутствия гласности не могло быть и речи о каких-либо обсуждениях на общественном (а по сути и на государственном) уровне любых внешнеполитических вопросов. Как всегда, все решал Сталин. Советские люди, в сознание которых годами внедрялась вера в мудрость и прозорливость вождя, в большинстве своем принимали каждое его слово за истину в последней инстанции, с готовностью обращали свой гнев против любого названного им внешнего (равно как и внутреннего) врага, поддерживали каждое мероприятие международной политики государства, в их представлении безупречного во всех отношениях.

А между тем директивные указания Сталина сбивали народ с толку, не позволяли увидеть истинные источники угрозы безопасности, насаждали иллюзии и самоуспокоенность. Все это подготовило ту психологическую почву, на которой гитлеровское нападение на Советский Союз произошло с ошеломляющей внезапностью и привело к колоссальным потерям на ранних стадиях войны. Но тогда, накануне войны Сталин решил идти на сближение с гитлеровской Германией, положив конец попыткам договориться с западными демократиями о создании коллективной безопасности в Европе. После Мюнхена для него уже не существовал альтернативный курс – на сотрудничество с Англией и Францией на антигитлеровской основе. Мюнхенский сговор в глазах Сталина стал последним убедительным доказательством англо-французского коварства и в то же время сильным побудителем собственного сговора с Гитлером. Хотя в Москве проходили переговоры (июнь-август 1939 г.) с представителями Великобритании и Франции о заключении договора о взаимопомощи и военной конвенции, но они были прерваны ввиду незаинтересованности сторон в достижении договоренности.

Большую политическую игру Сталин задумал давно, еще тогда, когда сам принимать участия в ней не мог. Но произвольно переставлял фигуры на воображаемой шахматной доске. Для него было неважно, кто против кого играет, кто кого переигрывает в этой игре «империалистов». Главное заключалось в ожидаемом эндшпиле – в войне. Вот тогда, к ее исходу, и придет его очередь вступить в игру.

Еще в 20-е годы Сталин высказал такую мысль: «Если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки – нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашу весов, *гирю*, которая могла бы перевесить».²⁵⁶ Незамысловатая и неоригинальная хитрость. В истории немало случаев ее удачного, как, впрочем, и неудачного применения на практике. Но в канун Второй мировой войны играть в такую игру было крайне рискованно. Первый ход должен был сделать Гитлер, а далее – неизвестность. Никто не мог резервировать за собой последний ход и спокойно выжидать, пока воюющие стороны истощат друг друга.

²⁵⁶ И.В.Сталин. Сочинения. Т. 7, с. 14.

Надвигавшаяся война по своему характеру в корне отличалась от всех предыдущих. Она обещала стремительно разрастаться – впервые по беспощадным правилам антагонистической двухполюсности, не оставлявшей никому из участников широкого поля для выбора и маневрирования. Иначе и быть не могло, ибо от исхода титанической схватки зависело не просто перераспределение ролей и мест соперничающих государств, как это было после Первой мировой войны. Теперь на карту ставились их жизнь или смерть. Эта потрясающая истина, однако, еще не открылась ни Сталину, ни лидерам западных демократий.

В то же время кремлевский стратег разворачивал свою политическую игру, не только не считаясь с интересами собственной страны, но и не подчиняясь жестким правилам двухполюсности. Втягиваясь во взаимодействие с Гитлером, он пытался получить и непосредственные, и долговременные выгоды (и, как вскоре выяснилось, недооценил шулерские способности партнера).

Примечательно, что, замышляя свой собственный сговор с агрессором, Сталин, по фрейдистской формуле, обвинил англо-французских империалистов в коварном намерении: «... не мешать Германии впутаться в войну с Советским Союзом, Японии – с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом... дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны... дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену с новыми силами... и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».²⁵⁷ Так, в перевернутом виде, отразилось политическое мышление самого автора задумки о «решающей гире».

Нельзя, разумеется, упрощать ситуацию. Советскому Союзу приходилось принимать решения в стремительно развивавшейся обстановке, перед лицом реальной угрозы со стороны нацистской Германии, да еще и милитаристской Японии (в частности, в свете Халхин-Голского конфликта летом 1939 г.). Необходимо было так или иначе отвести опасность или хотя бы отодвинуть ее на возможно более длительный срок, чтобы завершить подготовку страны к войне. Все это верно. Этого требовали национальные и государственные интересы Советского Союза.

Сближение с Гитлером, однако, преследовало цели, выходящие далеко за рамки необходимого для обеспечения этих интересов. Пакт о ненападении с Германией восстанавливал СССР в границах бывшей Российской империи. Вместе с тем на присоединяемые территории распространялся советский тоталитарный режим, а секретные протоколы к договору носили откровенно имперский характер, предусматривали совместно с нацистами раздел Восточной Европы (см. Главу пятую). Таков был первый этап реализации сталинского замысла. Но за ним отчетливо просматриваются более широкие, далеко идущие экспансионистские расчеты.

Тщетно отыскивать в бывших советских архивах документы, в которых была бы четко и недвусмысленно сформулирована реальная внешнеполитическая стратегия СССР на период надвигавшихся военных потрясений, да еще с обоснованием с точки зрения действительных интересов страны, если не национальных, то хотя бы государственных. Судя по практике политического руководства Сталина, такой документ просто не мог существовать. Единовластный творец политики «все держал в голове». По его указаниям практические действия выстраивались в таком порядке, который свидетельствует об их общей целенаправленности. А она не вызывает сомнений – воспользоваться большой войной для максимального расширения советского контроля над чужими странами и народами.

Именно эта целенаправленность внешнеполитической активности СССР, конкретные дела, а не пропагандистские заявления дают адекватное представление о том, что было доминантой его влияния на мировую обстановку того взрывоопасного

²⁵⁷ XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 13.

момента. И все-таки можно сослаться на один документ, который в концентрированной форме выражает суть сталинского генерального замысла.

Речь идет об изложении выступления Сталина на Политбюро незадолго до подписания с Германией договора о ненападении 19 августа 1939 г. Копия документа была обнаружена полвека спустя в секретных трофейных фондах бывшего Особого архива СССР (Ф.7, оп. 1, д. 1223). Поскольку это не оригинал, многие историки не считают его достоверным источником, а некоторые вообще не верят в его подлинность. Кроме того, находясь ранее в иностранных архивах, текст подвергся двойному переводу и страдает стилистическими погрешностями. Тем не менее, содержание документа в целом не вызывает сомнений в том, что он соответствует общей направленности сталинской внешней политики в канун Второй мировой войны.

Выступление выдержано в стилистике псевдореволюционного «интернационализма», обязательной даже в самом узком кругу высшей номенклатуры. Но изложенные в документе директивные указания говорят сами за себя. Вот некоторые из наиболее откровенных высказываний вождя:

«Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать “модус вивенди” с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным – Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну...».

«Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны...».

«... наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии...».

«... В интересах СССР – Родины трудящихся, чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции».²⁵⁸

Итак, конечная цель замысла Сталина – не безопасность и благополучие собственной страны, а мировая революция, утопия, в которую он сам не верил?. Разумеется, не в этом заключался главный смысл указаний вождя, явственно проглядывающийся сквозь оболочку идеологизированной риторики. «Широкое поле деятельности» требовалось ему не для развертывания всемирного революционного процесса, для которого не существовало реальных предпосылок. Конечная цель Сталина в принципе не отличалась от той, к которой стремился Гитлер. Обоим диктаторам была нужна большая война, чтобы добиться максимального расширения своего имперского господства в мире.

Не надо доказывать, что амбициозная внешнеполитическая установка Сталина в корне противоречила национальным и государственным интересам Советского

²⁵⁸ Цит. По публикации Российского гуманитарного университета: Другая война. 1939-1945. М., 1996, сс. 73-75.

Союза, превращала его в заложника бурного развития непредсказуемых событий глобального военного противостояния. И без всякой гарантии конечного успеха.

Даже отвлекаясь от реальности двухполюсного противостояния демократия-тоталитаризм, нельзя не видеть, что экспансионистские интересы Сталина и Гитлера непримиримо сталкивались. Каждый стремился к однополюсности мира, но только под своим единоличным контролем. В перспективе человечество могло оказаться либо под сталинским, либо под гитлеровским тоталитаризмом.

Можно допустить, что Сталину удалось бы осуществить задуманный им сценарий, воспользоваться взаимным истощением западных демократий и агрессивно-го тоталитаристского блока и завладеть Европой и даже Евразией. Но до триумфа в общемировом масштабе было бы еще очень далеко, а, вернее всего, он вообще не был бы возможен. Не говоря уже о принципиальной несовместимости тоталитаризма с исторической перспективой мирового развития, в конкретных условиях предвоенного периода сталинские расчеты не вписывались в реальную расстановку мировых сил. Как бы ни сложилась обстановка в Восточном полушарии, оставалось еще Западное, а в нем, за двумя океанами – Америка с ее колоссальным потенциалом и способностью выстоять в качестве оплота демократии. При всех мыслимых вариантах противостояния и противостояния глобальная структура международных отношений оставалась бы двухполюсной.

Не вдаваясь в рассмотрение гипотетических сценариев развития событий в случае, если бы Сталин отказался от сговора с Гитлером, приходится констатировать свершившееся. Сталин не отказался от подписания пакта 23 августа 1939 г., ибо это соответствовало всей логике его экспансионистского замысла. Нападение Германии на Польшу стало неизбежным. Сталинская «гиря» склонила чашу весов на сторону нацистского агрессора, развязавшего всемирное кровавое побоище.

Когда началась Вторая мировая война, казалось, что планы кремлевского стратега осуществляются. Ободренный получением территорий вдоль западных рубежей СССР, он рассчитывал на благоприятное для его замысла повторение модели Первой мировой войны – затяжные и взаимоистощающие военные действия Германии против Франции и Англии. В ожидании выгодного момента для собственного выхода на европейскую арену Сталин решил активно поддержать Германию, чтобы поглубже вовлечь ее в войну на западном фронте.

Советская поддержка помогала Гитлеру наращивать мощь и темпы его агрессии в Европе. Из СССР в Германию шли поставки сырья, горючего, продовольствия и другого необходимого для ведения ею войны за захват чужих стран. Советский Союз демонстративно выступал на стороне «третьего рейха», поздравлял его с победами над демократическими странами.

Взаимодействие Москвы и Берлина вышло за пределы, обозначенные пактом о ненападении, и вступило в фазу идеологического сближения на почве сущностного сходства тоталитарных режимов. Об этом свидетельствовало заключение Договора между СССР и Германией о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.), который фактически подчеркнул идейную близость большевизма и нацизма. На это же указывал и доклад Молотова, одобренный Сталиным, на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 октября 1939 г.). Нарком иностранных дел заявил: «В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше не меньше как “уничтожение гитлеризма”... Не только бессмысленно,

но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемую фальшивым флагом борьбы за демократию».²⁵⁹

Руководство Коминтерна получило от Сталина директивное указание пересмотреть оценку фашизма как главного источника агрессии и возложить ответственность за начало мировой войны на западные демократии. Из архивов впоследствии стало известно, что в то время Сталин намеревался ради сохранения «дружбы» с Гитлером распустить Коминтерн (что он и сделал позднее, но уже в целях укрепления союзнических связей с демократическими странами в составе Антигитлеровской коалиции).²⁶⁰

Складывалось впечатление, что дело идет к дальнейшей консолидации агрессивного блока за счет подключения к нему СССР на правах полномасштабного активного союзника. Такая возможность, очевидно, не исключалась. Черчилль впоследствии вспоминал: «Комбинация против нас из Германии, России и Японии была для нас самым кошмарным из наших страхов».²⁶¹ И в самом деле, в зависимости от хода войны и дальнейшего усиления Германии, особенно в случае поражения Великобритании, не было бы ничего неожиданного в присоединении СССР в побеждающей стороне. К соучастию его в силовом переделе мира предрасполагали сходные черты тоталитарного устройства советского и нацистского государств, отсутствие сдерживающих соображений с точки зрения подлинных национальных интересов, готовность к дальнейшему сговору за чужой счет.

В принципе все это верно, но на практике далеко не однозначно. Сама тоталитарная однородность СССР и Германии несла в себе стимулы не только к сплочению в едином блоке, но и к ожесточенному соперничеству. В конечном счете тоталитарное единообразие требует тоталитарного единовластия, за установление которого неизбежна острая борьба. Одно дело – выторговывать расширение своих владений в начале войны, когда Германия нуждалась в невмешательстве и поддержке со стороны СССР, совсем иное – когда она займет доминирующее положение, которое сведет на нет ее заинтересованность в советском союзнике и готовность идти на новые сделки с ним. Тогда – конец мечтаниям Сталина о широкой экспансии. Более того, само существование советской державы оказалось бы под вопросом.

Такая перспектива вряд ли устраивала Сталина. И хотя он, по-видимому, в полной мере не создавал, какой бедой его собственной стране грозил триумф агрессивного блока, у него не должно было оставаться сомнения в том, что вожаком Гитлера являлась ликвидация Советского Союза для расширения германского «жизненного пространства». Да и японские милитаристы замыслили захватить Приморье и Сибирь. Начать соучастником агрессии сулило рано или поздно закончить ее жертвой. Кто-кто, а уж советский диктатор должен был знать, с кем имел дело.

Вполне объяснима поэтому сдержанность, с которой Сталин, несмотря на все соблазны, подходил к предложениям Гитлера о непосредственном участии СССР в агрессивных акциях стран «оси». Вопрос этот затрагивался во время визита Молотова в Берлин (ноябрь 1940 г.). Гитлер и Риббентроп старались убедить советского наркома в выгодах присоединения Советского Союза к «антикоминтерновскому пакту» и получения своей доли при разделе Британской империи в результате ее «скорого распада». Молотов со вниманием отнесся к этим посулам, но не связал себя никакими обязательствами, предпочел сосредоточиться на обсуждении конкретных

²⁵⁹ Правда. 1 ноября 1939.

²⁶⁰ См. Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1, сс. 50-52.

²⁶¹ Winston S.Churchill. The Second World War. L., 1951. Vol. 2: Their Finest Hour, p. 524.

вопросов текущих советско-германских отношений, в том числе касающихся присутствия немецких войск в Финляндии, Болгарии и Румынии.²⁶²

Дальнейшего развития эта тема не получила. Обстановка изменялась стремительно. Пока Сталин взвешивал плюсы и минусы присоединения к агрессивному блоку, Гитлер все меньше нуждался в советском союзнике по мере своих успехов в Европе, а переговоры использовал главным образом для маскировки уже принято им принципиального решения о нападении на Советский Союз. 18 декабря 1940 г. это решение обрело конкретное воплощение в подписанной фюрером Директиве № 21 («план Барбаросса»).

Наихудший сценарий развертывания Второй мировой войны не состоялся. И скорее всего не из-за осмотрительности Сталина, а в результате стечения не зависящих от него обстоятельств. Однако достаточно и того, что действительно произошло, но могло не произойти, если бы единовластный правитель не поставил свои экспансионистские замыслы выше кровных интересов советского народа. В условиях двухполюсного размежевания мира Сталин вовлек страну в рискованную игру, в которой ей пришлось играть роль фактического пособника гитлеровской Германии, развязывающей Вторую мировую войну.

История расставила все по своим местам. Она пригвоздила к позорному столбу виновников одной из величайших трагедий человечества – правителей стран агрессивного тоталитарного блока, развязавших войну и потерпевших в ней сокрушительное поражение. Но и страны-победительницы (которых, как водится, не судят!) несут свою долю ответственности за то, что общими силами не остановили агрессию на ранних стадиях ее развертывания, когда это было еще возможно. Более того, и «умиротворители», а за ними и Сталин – вопреки национальным интересам своих стран – сговором с Гитлером фактически помогли ему ввергнуть мир в кровавое побоище.

Нет оправдания англо-французским инициаторам Мюнхена, подтолкнувшим Европу и мир к роковой черте. Нет оснований и для смягчающих обстоятельств, якобы сопутствовавших сталинскому решению встать по существу на сторону агрессора, какими бы мотивами это ни объяснялось. Безусловно прав академик Анатолий Торкунов, не желающий «... оправдывать действия Сталина или изображать его по появившейся моде последних лет “трезвым реалистом”, избравшим в тогдашней критической обстановке единственно верный путь. Даже с точки зрения разумного эгоизма такие шаги Сталина, как расширение экономического сотрудничества и доверительных отношений с гитлеровской Германией, перенос идеологической борьбы со стран “оси” на западные демократии, отказ от тактики единого фронта в деятельности Коминтерна, заигрывание с идеей присоединения к антикоминтерновскому пакту, не были оправданы рациональными соображениями “баланса сил” и ограничи свободу рук Москвы... Эти просчеты сталинской внешней политики усугубили катастрофу июня 1941 г.... сталинский грех “пакта Молотова – Риббентропа” был искуплен кровью россиян на полях сражений, сломавших хребет казавшегося непобедимым вермахта».

В первые два года Второй мировой войны геополитическое пространство западных демократий катастрофически сужалось. Тяготевшие к ним страны одна за другой подпадали под оккупацию тоталитарных держав. В резерве оставалась самая мощная страна демократического полюса – США, шаг за шагом продвигавшаяся к вступлению в войну. Но существовала реальная опасность того, что прежде, чем это произойдет, Германия сокрушит Великобританию, последнюю опору для американ-

²⁶² See: Nazi-Soviet Relations, 1939-1941. Washington, 1948, p.218ff

²⁶³ Ibid., pp. 260-264.

²⁶⁴ Анатолий Торкунов. Предвоенные уроки нашему времени. Год планеты, выпуск 2009 г., с. 147.

ского вторжения в Европу. И тогда перспективы борьбы против агрессивного блока «оси» могли бы серьезно осложниться.

В самой Америке начало войны в Европе усилило традиционный изоляционистский настрой. В большинстве своем американцы страшились быть втянутыми в военный водоворот. Заметно активизировались политики, доказывавшие, что единственно разумным с точки зрения национальных интересов США является нейтралитет. Конгресс оказывал на администрацию Рузвельта давление с целью не допустить вмешательства страны в «чуждый» ей конфликт. Сенатор Артур Ванденберг (республиканец от штата Мичиган) требовал заключить с Германией соглашение о мире на основе «справедливости» и «реализма».²⁶⁵ Сенатор Бэртон Уиллер (демократ от штата Монтана) призывал помешать принятию решения о том, «чтобы юноши Америки были отосланы в Англию воевать вместо нее».²⁶⁶

В столь неблагоприятной психологической обстановке выдающуюся роль в мобилизации американского общества на противодействие агрессорам сыграл президент Рузвельт. В своем выступлении о национальной безопасности (29 декабря 1940 г.) он указал на беспрецедентные масштабы угрозы, нависшей над США и над всем миром – угрозы, исходящей от тоталитарных диктатур. «Между тоталитарными и демократическими государствами, - сказал президент, - пролегла непроходимая пропасть, а поэтому для Соединенных Штатов бессмысленно питать иллюзии, будто можно обеспечить мир путем переговоров или воображать, что война в Европе и Азии никак не затрагивает интересов Америки». Рузвельт предупредил сограждан: глупо уповать на то, что, если другие континенты окажутся под пятой тоталитаризма, удастся поддержать сносный образ жизни в Западном полушарии. В такой «новой и ужасной эре» Америке пришлось бы жить под наведенным на нее пистолетом, а затем – если ей вообще посчастливилось бы выжить – скатиться к военной диктатуре, мало отличимой от тех, против которых она ныне выступает».

Президент США заявил: «Я прямо говорю американскому народу – у Соединенных Штатов будет значительно меньше шансов втянуться в войну, если мы сделаем все возможное, чтобы поддержать нации, которые сейчас изо всех своих сил отбиваются от натиска стран “оси”, если мы не примиримся с возможностью их поражения, послушно склонившись перед победой стран “оси” и терпеливо ожидая своей очереди попасть под удар в следующей войне спустя некоторое время». Франклин Рузвельт призвал Америку оказать всемерную поддержку Великобритании и другим демократическим странам, сопротивляющимся тоталитарной агрессии: «Мы должны стать великим арсеналом демократии. Для нас это дело чрезвычайной важности, как и сама война. Мы должны посвятить себя достижению этой нашей цели с такой же решимостью, с тем же чувством неотложности, с тем же духом патриотизма и самопожертвования, какие мы проявили бы, будь наша страна в состоянии войны... Я уверен, что державы “оси” не смогут победить в этой войне... Я обращаюсь к нашему народу с абсолютной уверенностью в том, что наша общая цель будет непременно достигнута...».²⁶⁷

Но в национальном сознании глубоко укоренилось неприятие любого участия Америки в иностранных конфликтах. Историки Уильям Лангер и Эверетт Глисон констатируют, что в то время против вступления США в войну было настроено более трех четвертей американского населения.²⁶⁸ Чтобы убедить приверженцев изоляционизма в ошибочности их позиции в условиях принципиально новой глобальной обстановки, Рузвельту приходилось прибегать к изощренным риторическим прие-

²⁶⁵ The New York Times, Dec. 27, 1940.

²⁶⁶ The Christian Science Monitor, Dec. 28, 1940.

²⁶⁷ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Washington, D.C., 1941, IX, p. 633

²⁶⁸ William N. Langer and S. Everett Gleason. The Undeclared War, 1940-1941, N.Y., 1953, p. 198.

мам, которыми он владел в совершенстве. Так, практические шаги, приближающие страну к вступлению в войну, он обосновывал стремлением уменьшить вероятность такого вступления. Но он никогда не скрывал, что намерен бороться с агрессорами не только методами морального осуждения, но и конкретными действиями. Историк Чарльз Бэрд свидетельствует: когда президента спросили, есть ли у него определенный план действий, он ответил: «Я не могу вам дать даже намек. Вам придется догадываться самим. Но план у меня есть».²⁶⁹

Как вскоре стало очевидным, такой план существовал, план обеспечения национальной безопасности, выходящей далеко за пределы Американского континента. В качестве невоюющего (пока!) союзника Соединенные Штаты последовательно вступали в двухполюсное противоборство на стороне свободолюбивых наций, защищая как свои собственные, так и их кровные интересы. И это почувствовал народ и поддержал своего президента. Опросы общественного мнения показали: если в середине октября 1940 г. против вступления в войну были настроены 83% американцев, то в начале декабря 1941 г., еще перед нападением Японии на Пирл-Харбор – всего 32%.²⁷⁰ А в ходе войны изоляционизм практически исчез с общественной и политической сцены страны.

Вместе с тем, стать «арсеналом демократии» Америку побуждали не только интересы национальной безопасности, но и более долговременные геополитические и геоэкономические расчеты, в том числе на ее качественно более высокий статус в послевоенном мире. Конечно, непременным условием осуществления этих замыслов – да и просто выживания демократических и иных независимых государств – было объединение всех сил, способных остановить и разгромить агрессоров. Призывы США к коллективному отпору тоталитаризму, массированные поставки американского оружия и военной техники по ленд-лизу и, наконец, вступление страны в войну во многом предопределили формирование трансатлантического демократического, а затем и более широкого военного союза – Антигитлеровской коалиции.

Тем временем СССР, связавший себя «дружбой» с гитлеровской Германией, вступил в полосу мучительной переоценки своей стратегической ориентации. При этом Сталина беспокоили отнюдь не настроения в народе, а неожиданно меняющаяся внешняя обстановка. Советским людям разъясняли, что за рубежом идет «вторая империалистическая война», к которой их страна не имеет будто бы никакого отношения, ибо она противопоставляет себя всем «империалистам», как тоталитарной, так и демократической разновидности. (Примечательно, что догматическая классовая оценка Второй мировой войны оставалась неизменной на всем протяжении существования советской власти. Так, в «Дипломатическом словаре» издания 1984 г. под редакцией А.А.Громыко утверждалось, что война «возникла внутри мировой капиталистической системы как война между двумя группировками империалистических держав».²⁷¹) Однако в реальных международных политических и военных координатах безопасность Советского Союза перед началом Второй мировой войны оказывалась все более зависимой от разворачивания событий, серьезно повлиять на которые у него не было возможности.

Сталинская стратегия строилась как бы «над» двухполюсностью внешнего мира (отталкиваясь от положения СССР как «третьего полюса» с дальним прицелом на советскую однополюсность). В этих целях требовалось максимальное истощение воевавших друг с другом «империалистов», чтобы выйти на сцену в нужный момент и решить исход войны в свою пользу. Но с самого начала все пошло не так, как

²⁶⁹ Charles A. Beard. American Foreign Policy in the Making, 1932-1940. New Haven, Conn., 1946, p. 190.

²⁷⁰ Public Opinion Quarterly. March 1941, p. 159; Seleg Adler. The Isolationist Impulse: Its Twentieth Century Reaction. L., N.Y., 1957, p. 36.

²⁷¹ Дипломатический словарь. М., 1984, с. 227.

предвидел кремлевский стратег. Сначала на западе тянулась «странная война», без крупномасштабных военных действий и без ощутимых потерь с обеих сторон. Потом под молниеносными ударами вермахта внезапно распалась оборона Франции, и она капитулировала (17 июня 1940 г.). Почти вся Западная Европа оказалась под германской оккупацией, Англия ушла в глухую оборону. Гитлер развернул свои главные силы против СССР. Теперь думать приходилось уже не о вторжении в Европу в подходящий момент, а о том, как срочно подготовиться к отражению натиска гитлеровской военной машины.

В результате грубых просчетов Сталин не смог вовремя скорректировать свой курс. Впрочем, подготовка нападения Германии на СССР шла полным ходом, независимо от возможных изменений в советской политике. Оставаясь в сковывающих рамках благожелательного нейтралитета и фактически поддерживая «третий рейх», Сталин лишился свободы маневра и сосредоточился на попытках оттянуть становящееся все более вероятным военное столкновение.

На фоне инерционной сталинской политики того периода инициативным шагом выглядело заключение пакта о нейтралитете с Японией (13 апреля 1941 г.), призванного укрепить стратегическое положение СССР на Дальнем Востоке. Было понятно, что Сталин, как и Гитлер, стремился избежать войны на два фронта. В его представлении – и в представлении многих советских людей – главные державы «оси», чтобы вернее сокрушить СССР, должны были напасть на него одновременно – Германия с западного направления, Япония – с восточного. Однако реальность оказалась сложнее сценария, видевшегося под углом зрения «советоцентризма». Вторая мировая война разворачивалась в более многоплановом контексте.

Пристально следя за развитием гитлеровской агрессии в Европе, японские милитаристы вырабатывали собственные захватнические планы. Рассматривались два альтернативных варианта: северный, против СССР, и южный, в направлении колониальных владений Великобритании, Франции и Голландии, а также зависимых от США территорий в Тихоокеанском бассейне. Но прежде чем принять окончательное решение, японское правительство направило в СССР, Германию и Италию министра иностранных дел И.Мацуока для оценки обстановки и переговоров. В Москве он встретился со Сталиным и Молотовым и обсудил вопросы двусторонних отношений, но никаких договоренностей достигнуть не удалось. В Берлине Мацуока вел переговоры с Риббентропом и был принят Гитлером, от которого узнал о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. При этом они выразили настолько твердую уверенность в неизбежности «молниеносного» разгрома Красной армии, что даже не поднимали вопроса о военной поддержке со стороны Японии.

По пути из Берлина Мацуока вновь посетил Москву и в итоге переговоров со Сталиным и Молотовым подписал пакт о нейтралитете между СССР и Японией.²⁷² В то же время Сталин считал нужным продемонстрировать – в пик западным демократиям – свою солидарность с агрессивными тоталитарными державами. Этот неординарный демарш вошел в историю дипломатии.

Вопреки обычаям и протоколу Сталин неожиданно появился на Ярославском вокзале, чтобы проводить Мацуоку. В присутствии иностранных дипломатов и корреспондентов советский лидер дружески напутствовал японского министра иностранных дел: «Теперь, когда Япония и Россия уладили свои разногласия, Япония сможет навести порядок на Дальнем Востоке, а Россия и Германия займутся Европой. А потом мы все вместе будем иметь дело с Америкой». Затем Сталин попросил подождать к себе германского посла Шуленбурга, обнял его за плечи и сказал: «Мы должны оставаться друзьями. Вы должны сделать все, чтобы добиться этого».²⁷³

²⁷² Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946, т. 4, сс. 549-551.

²⁷³ Alexander Werth. Russia at War, 1941-1945. N.Y., 1964, p. 121.

В той мере, в какой дипломатия способна компенсировать стратегическую уязвимость, пакт о нейтралитете был, несомненно, полезен. Но в контексте Второй мировой войны советско-японская договоренность имела и негативные последствия. Как вскоре выяснилось, пакт о нейтралитете, обеспечивающий Японии прочный тыл со стороны СССР, послужил одним из веских аргументов в пользу принятия в Токио решения о развязывании войны сначала против США и Великобритании.²⁷⁴ А расширение масштабов войны в результате открытия гигантского тихоокеанского фронта осложнило позиции США и других западных демократий и оказание их помощи Советскому Союзу, когда на его плечи легло основное бремя вооруженной борьбы против гитлеровской Германии. Что касается Японии, то от нападения на советский Дальний Восток удержал ее отнюдь не пакт о нейтралитете. Она просто выжидала момент, когда под ударами Германии рассыплется СССР и ей легко достанется часть добычи.²⁷⁵

Нелегко отделить действительно происходившее от мифологических наслоений в переговорах между лидерами тоталитарных держав. Мало того, что они действовали под покровом глубокой тайны от своих народов и внешнего мира. Их отношения были пропитаны взаимным подозрением, интриганством и обманом. И по сей день все еще бытует представление, будто бы коварный Гитлер сумел усыпить бдительность доверчивого Сталина, чтобы нанести внезапный вероломный удар. Такого просто не могло быть. Мнительный восточный деспот, не доверявший никому, мастер хитроумных козней вдруг поддался на заверения в дружбе со стороны заклятого врага и откровенного лжеца! Никак не мог Сталин принять за чистую монету фарисейские излияния Гитлера: «Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня установление нового долгосрочного курса политики Германии. Она возобновляет политический курс, который на протяжении прошедших веков был выгоден обоим государствам...».²⁷⁶

И все-таки бесспорно, что Сталин грубо просчитался в оценке намерений Гитлера. Хотя опасность нападения Германии на СССР он считал реальной, но не допускал, что фюрер пойдет на столь безрассудный шаг, не сокрушив предварительно Великобританию и тем самым нейтрализовав возможность вступления США в войну против Германии. На его месте кремлевский стратег так бы не поступил. В то же время его мучила непредсказуемость импульсивных побуждений Гитлера, способного поставить волевой акт выше трезвого расчета. Сталин безумно боялся спровоцировать Гитлера на роковое решение любыми мерами, которые тот мог бы расценить как развертывание советских вооруженных сил против Германии.

В отечественной и зарубежной историографии последнего времени муссируются сенсационные гипотезы относительно возможного намерения Сталина пойти на неожиданный «зигзаг» - совершить превентивное нападение на Германию. В этой связи приводятся соответствующие идеологические установки, исходившие от высшего советского руководства. Цитируются выступления Сталина перед выпускниками военных академий (5 мая 1941 г.) и на заседании Главного военного совета (14 мая 1941 г.). Вождь призвал к воспитанию советских людей «в духе активного, боевого, воинственного наступления», подчеркнул, что пришла пора перейти к «военной политике наступательных действий».²⁷⁷ На совещании работников кино (15 мая 1941 г.) член Политбюро ЦК ВКП (б) А.А.Жданов заявил, что линия большевистского государства в международных делах состоит в стремлении «расширять фронт со-

²⁷⁴ Cit. in Tokyo War Crimes Documents. N4056A.

²⁷⁵ См. М.Ю.Рагинский, С.Я.Розенблит. Международный процесс главных военных преступников. М., Л., 1950, с. 246.

²⁷⁶ Cit. in William Shirer. The Rise and Fall of the Third Reich. N.Y., 1976, p. 383.

²⁷⁷ Отечественная история. 1995. № 2, сс. 58,61.

циализма всегда и повсюду, когда нам обстоятельства позволяют».²⁷⁸ Секретарь ЦК ВКП (б) А.С.Щербаков высказался вполне определенно: «... страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет брать на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма».²⁷⁹

Достаточно ли всего процитированного, чтобы доказать, что Сталин готов был опередить Гитлера и начать превентивную войну против Германии? Конечно, нет! Всплеск идеологической воинственности никак не соответствовал ни логике сталинской внешней политики, ни реальным возможностям вести наступательную войну. Что бы ни случилось в более поздние сроки, ясно одно: в июне 1941 года Красная армия была не в состоянии предпринять широкомасштабные наступательные действия против Германии. Что же касается идеологической «накачки», то проводилась она, как обычно, в формальной пропагандистской манере, без учета интересов и психологического настроения советских людей. Если и предполагалось взбодрить вышние эшелоны номенклатуры, то просачивавшиеся в широкие слои населения «духотподъемные» заклинания лишь усугубляли недоумение и дезориентацию. В самом деле, с одной стороны было велено «дружить» с нацистской Германией, а с другой – перейти в наступление на внешних классовых врагов во имя «расширения фронта социализма» Все это никак не вязалось с реальным положением вещей. Нельзя было круто повернуть страну от обороны к наступлению, ибо этому препятствовали и сугубо военные соображения, и – самое главное – упорное нежелание Сталина пересмотреть избранный им политический курс, безальтернативный курс выжидания.

Правда, была попытка в последний момент хотя бы смягчить неумолимо приближавшийся германский удар встречным ударом с советской стороны. Начальник Генштаба РККА, будущий прославленный полководец Г.К.Жуков 15 мая 1941 г. предложил Председателю СНК СССР И.В.Сталину свои соображения по плану стратегического развертывания советских вооруженных сил (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239): «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».²⁸⁰ Сталин отклонил предложение Жукова.

В канун войны советские вооруженные силы руководствовались «Соображениями по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», представленными Генштабом Красной армии по состоянию на 15 мая 1941 г. (ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 237, л. 1).²⁸¹ Общая идея этого оперативного плана войны была сугубо оборонительной. План предусматривал оборону на всей протяженности фронта в течение почти месяца и только затем, в зависимости от обстановки, предполагал наступательные боевые действия.

СССР не готовился к превентивному нападению на Германию. По мере приближения военной угрозы Сталин всячески оттягивал принятие конкретных решений не только наступательного, но и оборонительного характера из опасения спровоцировать германское нападение. А советские люди оставались в полном неведении о

²⁷⁸ Там же, с. 61.

²⁷⁹ Там же, с. 80.

²⁸⁰ Цит. по: Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Кн. 2, с. 139.

²⁸¹ Полный текст в Публикации Российского Государственного гуманитарного университета «Другая война», М., 1996, сс. 175-183.

помыслах и тревогах вождя. Народ продолжал верить Сталину, а он надеялся на то, что ему удастся договориться с Гитлером.

После победы Германии на западе ее бросок на восток стал лишь вопросом времени. Получая из самых разных источников тревожную и, как вскоре выяснилось, достоверную информацию о приближающемся нападении, Сталин не доверял ей и пытался продолжить закулисные контакты с Гитлером с тем, чтобы, если и не избежать войны, то отодвинуть ее как можно дальше. Советско-нацистская сделка 1939 г. и предложение вступить в антикоминтерновский пакт в 1940 г. давали, казалось бы, основания для расчетов на дальнейший сговор за счет третьих сторон (особенно в случае распада Британской империи). Но к 1941 году Советский Союз нужен был Гитлеру уже не как фактический союзник, а как потенциальная жертва его агрессии. Оставаясь в тисках «дружбы» с Германией, Сталин мог только поддерживать сложившееся хрупкое равновесие, уступая тем самым инициативу дальнейшего развития событий своему смертельному врагу.

Сталину приписывали хладнокровие, выдержку, осмотрительность. Но его поведение в последние предвоенные месяцы и недели не подтверждали столь лестные оценки. В критической ситуации вождь, по всем признакам, находился в состоянии нервозности и неуравновешенности. С каким-то лихорадочным нетерпением он пытался убедить Гитлера в отсутствии малейших враждебных намерений со своей стороны, заверяя его в нежелании концентрировать советские войска на западных границах, поздравлял его с победами и завоеваниями на западе, разорвал дипломатические отношения с европейскими правительствами в изгнании, признал созданные нацистами марионеточные режимы на оккупированных территориях.

Всего за девять дней до нападения Германии по указанию Сталина появилось Заявление ТАСС от 13 июня 1941 г. В этой официальной публикации говорилось, что в английской, и не только английской, печати муссируются слухи «о близости войны между СССР и Германией», о том, что «Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения». Далее утверждалось: «Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны». По данным СССР, подчеркивалось далее, «Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...». Заявление ТАСС предлагало Германии приступить к новым переговорам с СССР по вопросам двусторонних отношений.²⁸²

Сомнительный демарш! Если имелось в виду заставить Гитлера публично заявить о миролюбивых намерениях и готовности возобновить поиск дальнейших сделок, то рассчитывать на это буквально накануне запланированного нападения Германии на СССР было заведомо нереально. А отсутствие в Берлине отклика на Заявление ТАСС лишь усиливало напряженность и дискредитировало позицию Москвы, взявшей на себя ответственность высказаться о намерениях не только Советского Союза, но и Германии. В практическом же смысле сигнал Сталина мог быть воспринят Гитлером только как лишнее подтверждение неуверенности и нерешительности.

²⁸² Правда, 13 июня 1941 г.

тельности завтрашнего противника. А среди населения Советского Союза и личного состава Красной армии Заявление породило ощущение ложной безопасности и морально демобилизовывало накануне великой трагедии 22 июня 1941 г.

Столь же пагубным было оцепенение и бездействие Сталина как руководителя государства перед лицом надвигавшейся военной угрозы. Он не решался принимать даже такие оперативные и мобилизационные меры, которые были минимально необходимы для обороны. Маршал А.М.Василевский, впоследствии оценивая стремление Сталина оттягивать начало войны и избегать малейших поводов для ее развязывания, пришел к такому выводу: «... вина его состоит в том, что он не увидел, не уловил того предела, дальше которого такая политика становилась не только ненужной, но и опасной. Такой предел следовало смело перейти, максимально быстро привести Вооруженные Силы в полную боевую готовность, осуществить мобилизацию, превратить страну в военный лагерь...».²⁸³

Историческая правда требует также отметить: вину Сталина за грубейший стратегический просчет разделяет с ним его военное окружение. Это прямо и честно признал маршал Жуков: «в период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И.В.Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость проведения в жизнь срочных мероприятий, предусмотренных оперативно-мобилизационными планами».²⁸⁴

Предотвратить или хотя бы ослабить удар не удалось. 22 июня 1941 гитлеровская Германия, внезапно для Сталина, обрушила на Советский Союз всю мощь своей военной машины. Началась одна из жесточайших схваток в истории - война, которая ввергла страну в пучину катастрофических бедствий, колоссальных потерь и разрушений, создала смертельную угрозу самому существованию ее как государства, общества, нации...

Вступление Советского Союза во Вторую мировую войну произошло не по расчету, не по выбору, а в силу неодолимых обстоятельств. Как бы ни доказывал Сталин, что «дело не в фашизме», суровая реальность показала, что дело было именно в этой самой агрессивной разновидности тоталитаризма, которая огнем и мечом прокладывала себе путь к деспотическому господству, истребляя «лишние нации» и уничтожая неудобные государства, независимо от их общественного строя или политического режима.

Вероломное нападение «третьего рейха» на «оплот социализма» не перечеркнуло тот фундаментальный факт, что обе эти державы по внутреннему устройству были сходными, однотипными – тоталитарными. Но к моменту их лобового столкновения между ними существовало глубокое различие по уровню и масштабу агрессивности, по возможности, способности и решимости воплотить свои экспансионистские замыслы в конкретные действия на мировой арене. Гитлеровская Германия не просто поставила целью завоевание мирового господства, но и смогла мобилизовать собственную нацию, материальный потенциал своего государства и захваченных им территорий, развязать мировую войну, безрассудно поставив на карту судьбы не только других народов и стран, но и свою собственную. Советский Союз, какими бы хитроумными ни были замыслы его вождя, еще не поднялся на ту ступень экономической и военной мощи, политического влияния и амбициозности, которые необходимы для реализации долговременных экспансионистских планов глобального масштаба. Этой ступени советская держава достигнет лишь в послевоенное время, когда вступит в противоборство с западными демократиями. Но в тот историче-

²⁸³ Военно-исторический журнал. 1978. № 2, с. 68.

²⁸⁴ Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 238.

ский момент угроза мировой цивилизации исходила не от советской, а от нацистской разновидности тоталитаризма.

Поскольку тоталитаризм строится на насилии, существует убеждение в том, что – в отличие от демократии – он наиболее эффективен не в обычных, мирных условиях, а в чрезвычайных, военных. Именно в таких условиях тоталитарный лидер жестко подчиняет себе национальные интересы страны, внешнюю политику и военную стратегию. В чем-то это так, но далеко не во всем и не всегда. Гитлер, например, был наиболее успешен в пору, когда сокрушал слабых, разобщенных противников, а по мере возрастания сопротивления его агрессии и тем более к концу войны он начал утрачивать контроль над ситуацией, принимать неразумные и даже иррациональные решения и погиб вместе со своей рухнувшей империей.

Так же проявил себя и Сталин, только в обратной хронологической последовательности. «Мудрый» стратег был как громом поражен сообщением Жукова на рассвете 22 июня о вторжении вермахта на территорию СССР и бомбардировке его городов. Катастрофическое начало войны привело его в состояние депрессии, он удалился на ближнюю дачу и на какое-то время отключился от управления армией и государством. Выстроенная им тоталитарная вертикаль власти дала сбой, чреватый обрушением СССР под молниеносным натиском нацистской военной мощи. Да и сам вождь оказался не на высоте требований ответственного момента, подвергся той самой слабости, в которой он затем обвинял других, - в паникерстве.

Трудно достоверно установить ход суматошных кремлевских обсуждений в первые недели войны, когда вермахт стремительно продвигался вперед, а советские войска беспорядочно отступали, попадали в плен, несли тяжелые потери, оставляли врагу обширные территории страны. Но трудно и опровергнуть отраженный в архивах (ЦАМО, ф. 32, оп. 701323, д. 38, л. 53) факт тайной беседы Сталина, Молотова и Берии с болгарским послом Стаменовым, которого попросили связаться с Берлином и передать советские предложения о прекращении военных действий и крупных территориальных уступках (Прибалтика, Молдавия, значительная часть Украины и Белоруссии) по примеру Брестского мира 1918 г.²⁸⁵

Капитуляция не состоялась. Гитлер не нуждался в перемирии, он был уверен в своей скорой победе над СССР. Но, несомненно, решающим было другое - несмотря на (прикрытое покровом тайны) малодушие вождя, на защиту Отечества поднимался советский народ. Впервые за всю послеоктябрьскую историю произошло слияние воедино национальных и государственных интересов страны. Во многом несовпадающие интересы объединила реальная угроза уничтожения как государства, так и нации. В едином патриотическом порыве народ проявил волю к решительному отпору иноземным захватчикам и мужественно вступил, как выразился Твардовский, в «смертный бой не ради славы, ради жизни на Земле...».²⁸⁶

В критический момент эту истину осознал и Сталин. Отодвинув на время идеологические догмы и экспансионистские замыслы, он призвал советских людей защищать «свою свободу, свою честь, свою Родину – в нашей отечественной войне с германским фашизмом».²⁸⁷

Совпадение национальных и государственных интересов в час смертельной опасности проявилось не только внутри Советского Союза, но и в его отношениях со странами западной демократии. Действительность разрушила советскую догму об абсолютном приоритете «классовости» в международных делах, в соответствии с которой предписывалось верить, что все «капиталистическое окружение» только и выжидало подходящего момента, чтобы сообща наброситься на единственное в ми-

²⁸⁵ См. Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. М., 1996, кн. 2, сс. 176-178.

²⁸⁶ А.Твардовский. Поэмы. М., 1988, с. 171.

²⁸⁷ И.В.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, с. 16.

ре социалистическое государство и стереть его с лица Земли. В конкретных – крайне невыгодных и опасных для СССР – условиях 1941 года все сложилось по-иному. Когда на него обрушился удар наиболее агрессивных сил тоталитаризма, западные демократии, не только не присоединились к ним, но и предложили свою политическую и военную поддержку советскому государству с классово противоположным устройством, более того, с тоталитарным режимом.

Разумеется, на расширившемся антигитлеровском пространстве полная гармония не воцарилась. С обеих классово чуждых сторон не исчезла взаимная подозрительность. Застарелая вражда между западными демократиями и Советским Союзом к тому же резко обострилась в период его сближения с нацистской Германией. В консервативных кругах на Западе не скрывали злорадства по поводу провала сталинских расчетов на обоюдное истощение в войне ее агрессивных и неагрессивных участников и высказывали собственные пожелания в том же духе – чтобы советская и германская тоталитарные державы истребили друг друга. Стало широко известным, например, циничное заявление сенатора-демократа, в последующем президента США Г.Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и таким образом давать им возможность убивать друг друга как можно больше...».²⁸⁸ Еще дальше пошел сенатор-республиканец Р.Тафт, который с позиций своего жестко идеологизированного мировоззрения так определил национальные интересы США: «Победа коммунизма во всем мире была бы опаснее для Соединенных Штатов, чем победа фашизма».²⁸⁹

Иной оценки сложившейся обстановки придерживался президент Рузвельт. Формулируя основные принципы внешней политики США с точки зрения их национальных и государственных интересов, он со всей определенностью провел разграничительную черту между СССР и Германией. Признав сходство диктаторских режимов в обеих странах, президент подчеркнул: «В настоящее время Россия ни в каком смысле не является агрессором, агрессор – Германия... русская диктатура менее опасна для существования других наций, чем германская форма диктатуры».²⁹⁰ Несмотря на преобладание в американском обществе изоляционистских настроений, Рузвельт одобрил заявление правительства США (24 июня 1941 г.), в котором говорилось: «... любой отпор гитлеризму, любое объединение сил, выступающих против гитлеризма, откуда бы они ни исходили, ускоряют неизбежное крушение нынешнего германского руководства и тем самым будут способствовать укреплению нашей обороны и обеспечению нашей безопасности».²⁹¹

Под таким же углом зрения видел ситуацию премьер-министр Черчилль. Никогда не упуская случая напомнить о своем неприятии коммунизма, он прежде всего обратил внимание на конкретные условия, в которых нападение Гитлера на Советский Союз было прелюдией его вторжения на Британские острова. Черчилль предупредил: Гитлер «надеется, что он сможет вновь повторить, но уже в более широком масштабе, чем когда-либо раньше, тот же прием, с помощью которого ему удавалось так долго и так успешно уничтожать своих противников одного за другим, и что затем сцена будет подготовлена для завершающего акта, без которого все его завоевания были бы напрасны, а именно – подчинения Западного полушария его воле и его системе».²⁹²

²⁸⁸ The New York Times. June 24, 1941.

²⁸⁹ Congressional Record. 77th Sess., Vol. 87, 3 120, pp. A3289-A3290.

²⁹⁰ Цит. по: William L.Langer and S.Everett Gleason. The Undeclared War, 1940-1941. N.Y., 1953, p. 795.

²⁹¹ Documents on American Foreign Relations. Washington, D.C. 1942, III. pp. 364-365.

²⁹² Winston S.Churchill. The Second World War. L., 1950. Vol. III, p. 332.

Сразу же после нападения Германии на Советский Союз Черчилль заявил (22 июня 1941 г.): «...мы окажем всю возможную помощь России и русскому народу... это не классовая война, и ведется она не из-за различия социальных систем... Угроза России – это угроза также и нам, угроза Соединенным Штатам, равно как дело каждого русского, защищающего свой очаг и дом, - это дело свободных людей и свободных народов в каждой части земного шара».²⁹³

Освободительный характер борьбы против агрессивного тоталитарного блока предопределил поистине надклассовый, надидеологический, по сути общецивилизационный смысл сближения Советского Союза с западными демократиями в ходе Второй мировой войны. На таком фундаменте произошло объединение в военном союзе ранее, как представлялось, полностью несовместимых государств противоположных систем. Оставив в стороне (по крайней мере, на время) свои эгоцентричные мечты, Сталин признал: «... в основе антигитлеровской коалиции лежат жизненно важные интересы союзников, поставивших задачу разгромить гитлеровскую Германию и ее союзников в Европе. Именно эта общность коренных интересов ведет к укреплению боевого союза СССР, Англии и США в ходе войны».²⁹⁴

Совпадение коренных национальных интересов участников Антигитлеровской коалиции – решимость устранить угрозу своему существованию – определило общность их главных военно-стратегических целей. В то же время единство базовых (но не частных, в том числе геополитических) интересов не обеспечивало принятия согласованных решений по каждому конкретному вопросу совместных действий на той или иной стадии войны. Потребовались немалые усилия лидеров коалиции, чтобы выработать и осуществить генеральную стратегию борьбы против агрессивного блока.

Начальная фаза межсоюзнического сотрудничества проходила в крайне неблагоприятной обстановке. Летом и осенью 1941 г. согласие союзников по принципиальным вопросам не компенсировало их уязвимость в сугубо военной сфере. Ограниченные возможности осажденной Англии и еще не вступившей в войну Америки не позволили оказать достаточную военную помощь Советскому Союзу, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы с гитлеровской Германией. Высшие американские и британские военные, судя по документальным свидетельствам того времени, полагали, что сопротивление Красной армии вермахту может продолжиться «минимально от одного и максимально до трех месяцев». И в эти сроки они предлагали сосредоточиться на оказании помощи не столько Советскому Союзу, сколько Великобритании, в интересах укрепления совместной англо-американской обороны в Северной Атлантике.²⁹⁵

Поворотный момент наступил в декабре 1941 г, когда произошли два важнейших события: провал гитлеровского плана «молниеносной войны» против Советского Союза в результате поражения немецких войск под Москвой и вступление в войну США после нападения Японии на Пирл-Харбор.

Историк Пол Кеннеди считает, что решающим фактором формирования анти-тоталитарного полюса явилось полномасштабное присоединение к нему самой могущественной державы мира – США.²⁹⁶ Бесспорно, без Америки коалиция сил, сражавшихся против агрессоров, была бы значительно слабее. Но страшно подумать о другом. Что, если Соединенным Штатам не к кому было бы присоединяться? Если, истекая кровью, Советский Союз не выстоял бы под ударами германского молоха, а вслед за ним пала бы и осажденная на своем острове Англия? Тогда Америке при-

²⁹³ Ibid., pp. 332-333.

²⁹⁴ И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, с. 122.

²⁹⁵ See: Robert E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins. N.Y., 1950, Vol. I, pp. 370-371.

²⁹⁶ Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987, p. 343.

шлось бы в одиночку противостоять Германии и Японии, и в зависимости от многих непредвиденных факторов, исход войны далеко не обязательно сложился бы в ее пользу.

Мужество, героизм, стойкость Красной армии и всего советского народа – вот решающий фактор победы над агрессивными врагами свободы и независимости не только своей собственной, но и всех других наций мира. Ценой огромных потерь Советский Союз остановил скатывание человечества в пропасть тоталитаризма и сделал возможным создание на основе общих национальных интересов мощного военного союза государств различного внутреннего устройства.

«Великий союз», как его называл Черчилль, вошел в историю как убедительное доказательство практической возможности реализации общих разумных и справедливых интересов на основе согласованной государственной политики и военной стратегии. Союз не был монолитным. Но в условиях справедливой войны многообразие частных интересов удавалось подчинять общности национальных интересов. Руководители СССР, США и Великобритании на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме вырабатывали единую стратегию войны против агрессивного блока и намечали принципы послевоенного мироустройства.

Нет оснований идеализировать межсоюзническое сотрудничество в годы Второй мировой войны. Внутри военного союза существовали противоречия, которые в целом поддавались урегулированию в общих интересах, но, тем не менее, осложняли взаимодействие союзников. По ряду существенных вопросов Англия расходилась с Америкой и обе они – с Советским Союзом.

Англо-американские разногласия проистекали из несовпадения геополитических интересов двух держав (как, впрочем, и более широких государственных). Центральной задачей в войне для Англии было сохранение главной опоры ее влияния в мире – Британской империи. США добивались максимального расширения пространства для свободной реализации своего огромного экономического потенциала. Отсюда – различие в подходах к определению значимости и очередности союзнических военных действий. По определению Артура Шлезингера, Англия стремилась укрепить «сферы влияния», а США ориентировались на «универсализм».²⁹⁷ Черчилль добивался принятия решений о первоначальном проведении военных операций в Северной Африке, Средиземноморье и Южной Европе, а Рузвельт хотел нанесения главных ударов по Германии в Западной Европе и по Японии в бассейне Тихого океана.

В целом же англо-американское сотрудничество развивалось интенсивно и осуществлялось в совместных конкретных действиях. В контактах со Сталиным Черчилль и Рузвельт выступали с согласованных позиций. При этом совпадающие интересы Великобритании и США не всегда и не во всем противопоставлялись интересам СССР. Как бы ни глубоки были идеологические и политические расхождения между Востоком и Западом, в Антигитлеровской коалиции существенную роль играл тот факт, что решающий вклад в общую борьбу вносил Советский Союз. Настаивая на более выгодных для них вариантах совместных решений, западные союзники зачастую были вынуждены идти на принятие советских предложений.

Тем не менее, самым глубоким межсоюзническим расхождением был вопрос об открытии второго фронта в Европе. В послевоенной историографии появилось множество исследований в самом широком диапазоне. С советской стороны Англия и США обвинялись в узкоклассовом, эгоистическом подходе к этой проблеме. С западной стороны ссылались на объективную невозможность более раннего массированного вторжения на Европейский континент.

²⁹⁷ Arthur M. Schlesinger, Jr. The Cycles of American History. Boston 1986, p. 169.

Истина, вероятно, находится где-то посередине. Крупномасштабная десантная операция вряд ли была готова в военно-техническом и военно-стратегическом отношении раньше весны 1943 г. Но несомненны также и политические причины как затягивания, так и открытия второго фронта. Когда стало ясно, что СССР способен вынести на своих плечах основное бремя борьбы против общего врага, западные союзники предпочли не спешить с нанесением ему полновесного (и неизбежно связанного с дополнительными собственными потерями в живой силе и технике) удара с западного направления. А когда Красная армия подошла вплотную к Восточной и Центральной Европе, США и Англия осуществили высадку в Нормандии (июнь 1944 г.) не только для участия в окончательном разгроме Германии, но и для создания на континенте военно-политического противовеса Советскому Союзу.

И все же не разъединяющие, а объединяющие тенденции брали верх в Антигитлеровской коалиции. Несмотря на несовпадение геополитических и иных интересов, союзникам удалось найти тот «общий знаменатель» национальных интересов, который обеспечил конечный успех совместной борьбы разнородных сил ради собственного выживания и спасения мировой цивилизации.

Часть 2. Новое противостояние и односторонний распад

В итоге Второй мировой войны начали складываться благоприятные условия для позитивного воздействия национальных интересов на развитие внешней политики государств и международных отношений. Сокрушительное поражение потерпел агрессивный блок тоталитарных держав, попытавшихся силой добиться установления своего мирового господства. Существенно усилились позиции ведущих демократий мира. Возможность активного участия в международных делах получил Советский Союз. Усилилось международно-политическое многообразие в результате увеличения числа стран, укрепивших или обретающих суверенитет и независимость.

Однако кардинального сдвига во взаимодействии национальных интересов и внешней политики не произошло. На смену двухполюсности военного времени вскоре пришла новая ее разновидность в неизвестной дотоле форме «холодной войны». Мир снова раскололся на два враждующих лагеря. Только теперь над ним нависла угроза уже не просто тоталитарной гегемонии (советского типа), а гибели самой жизни на Земле во всемирной ядерной катастрофе.

Устранение наиболее агрессивных сил тоталитаризма открыло в послевоенном мире благоприятную возможность построения нормальных отношений между государствами, несмотря на расхождение тех или иных интересов. Этому научил опыт межсоюзнического сотрудничества в годы войны. Наряду с США, Великобританией и другими демократическими странами Советский Союз мог стать одним из центров формирования мировой политики. Несовместимость идеологии и социальных систем не исключала международно-политическое партнерство. Свидетельством тому были согласованные на Ялтинской конференции принципы послевоенного устройства Европы и создания международной организации универсального характера – Организации Объединенных Наций.

О возможности мирной трансформации международной жизни в послевоенную эру размышляли накануне Победы руководители Соединенных Штатов и Великобритании. Ближайший советник президента Рузвельта Г.Гопкинс свидетельствовал: «Русские доказали, что могут быть рассудительными и дальновидными, и не было никакого сомнения у Президента или любого из нас в том, что мы сможем жить и мирно сотрудничать с ними так долго в будущем, как любой из нас мог бы себе

представить».²⁹⁸ За день до смерти, 11 апреля 1945 г, Рузвельт продиктовал текст своего выступления в День Джефферсона, в котором он в традиционно вильсонском стиле выразил убежденность в реальной возможности мирного межгосударственного сотрудничества на основе общечеловеческих интересов: «Сегодня мы стоим перед истиной величайшей важности: если цивилизации суждено выжить, мы должны культивировать науку отношения между людьми, способность всех, даже самых разных народов, жить совместно и трудиться совместно на общей планете в условиях мира... Трудиться, мои друзья, надо во имя мира. Больше, чем конец этой войны, нам нужен конец всем будущим войнам. Да, конец навсегда бесполезному и бессмысленному разрешению разногласий между государствами путем массового уничтожения людей».²⁹⁹

Черчилль в неотправленном письме Сталину (датированном 11 октября 1944 г.) писал: «... представляется, что в перспективе и по большому счету различия между нашими системами будут уменьшаться, и обширное поле общей заинтересованности в том, чтобы сделать жизнь народных масс богаче и счастливее, будут расширяться год от года. Если мир сохранится лет на пятьдесят, различия, которые сейчас грозят серьезными осложнениями всему миру, станут, вероятно, тогда темой лишь для академических дискуссий».³⁰⁰

Публичные высказывания Сталина о послевоенных международных отношениях носили самый общий характер, не затрагивали острую тему межсистемных противоречий и сотрудничества. Его беспокоили такие конкретные вопросы, как опасность новой германской агрессии в будущем или возможные расхождения между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции в ООН.³⁰¹ В первые два послевоенных года Сталин в основном придерживался правил политической игры по претворению в жизнь ялтинских и потсдамских договоренностей. Ему явно импонировало выступать равноправным участником раздела Европы в духе его сделки с Черчиллем (октябрь 1944 г.), когда два лидера делили между собой в процентном отношении доли контроля над восточноевропейскими странами (не задумываясь об интересах народов этих стран).³⁰²

Касательно намерений дальнейшего расширения советской империи Сталин вначале проявлял сдержанность. Игрок, осваивающий новые для него правила игры, не хотел раскрывать свои карты, и по привычке пытался держать партнеров в неведении.

Характерными в этом смысле были беседы Сталина с американскими послами вскоре после Второй мировой войны. А.Гарримана (октябрь 1945 г.) он заверял в том, что не заинтересован в активизации политики СССР на Западе, поскольку его первоочередной задачей является восстановление разрушенного войной народного хозяйства.³⁰³ Главной темой обмена мнениями с У.Б.Смитом (апрель 1946 г.) была политика СССР по отношению к странам Восточной Европы, где после войны оставались крупные контингенты советских войск. Смит заявил, что США «признают и понимают желание Советского Союза обеспечить свою безопасность», но обеспокоены подавлением демократических свобод в восточноевропейских странах и опасаются дальнейшего расширения советского контроля. Американский посол поста-

²⁹⁸ Robert E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins. N.Y., 1950. Vol.2, p. 516.

²⁹⁹ Цит. по: James MacGregor Burns. Roosevelt, 1940-1945. The Soldier of Freedom. N.Y., 1970, p. 597.

³⁰⁰ Winston Churchill. The Second World War. L., 1954, Vol. 6, p.203.

³⁰¹ См. И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, сс. 147, 171.

³⁰² See: Winston S.Churchill. The Second World War. L., 1954, Vol., 6, p. 198.

³⁰³ See: Arthur W.Schlesinger, Jr. The Cycles of American History. Boston, 1986, p. 191.

вил вопрос прямо: «Как далеко намерена зайти Россия?». Сталин ответил: «Дальше мы не пойдем».³⁰⁴

Накопленная в годы совместной борьбы мудрость, отвечающая кровным интересам народов, требовала от государственных деятелей если не всеобщего благостного умиротворения, то, по меньшей мере, разумной взаимной сдержанности в растревоженном послевоенном мире. Однако, как показала реальность, сильнее здравого смысла оказалось появление в международной (и внутренней) жизни множества противоречий разного характера и уровня. Центральным же антагонизмом вновь оказалась несовместимость демократии и тоталитаризма, на этот раз двух сверхдержав – США и СССР. Но это не было простым повторением прежней модели двухполюсного противоборства. Теперь демократия и тоталитаризм столкнулись на мировой арене во всеоружии качественно новых средств и методов достижения целей, определяемых национальными и государственными интересами. В то же время в мире возникли радикально новые условия, которые обозначали пределы межсистемного противостояния и диктовали жизненную необходимость совмещения интересов наций и государств во имя продолжения существования и развития рода человеческого.

Предвестники грядущего конфликта дали о себе знать уже на завершающей стадии войны. В послании Рузвельту (3 апреля 1945 г.) Сталин выдвинул обвинение в том, что западные союзники ведут сепаратные переговоры с германскими представителями и вследствие этого «...немцы на западном фронте прекратили войну против Англии и США». Президент США ответил (5 апреля 1945 г.): «...если бы как раз в момент победы, которая теперь уже близка, подобные подозрения, подобное отсутствие доверия нанесли ущерб всему делу после колоссальных жертв – людских и материальных, то это было бы одной из величайших трагедий в истории». Черчилль солидаризировался с высказываниями Рузвельта.³⁰⁵

Подозрительность Сталина – это притча во языцех. Но не он один страдал этим пороком. Его западные партнеры были отнюдь не безгрешны. Глубинная же причина межсоюзнических раздоров вызывалась не личными качествами лидеров, она коренилась в том самом фундаментальном различии, которое делает несовместимыми демократию и тоталитаризм. В минуту общих суровых испытаний это различие отодвинулось на второй план, но с приближением победы естество каждой из противоположных систем начало проступать наружу.

Великая Отечественная война явила собой немеркнущий в веках героический подвиг советских людей, отстоявших свободу и независимость своей Родины. Но давшаяся ценой величайших жертв Победа в то же время стала триумфом тоталитарного режима Сталина. Как выразился академик Юрий Афанасьев, произошло «одновременное с победой над фашизмом укрепление советского тоталитаризма и невиданное доселе усиление его экспансионистских устремлений во всем мире»³⁰⁶. Сталинский деспотизм не только закрепился внутри СССР, он бросил зловещую тень на обширные зоны в Европе и Азии. Еще не отгремели последние залпы Второй мировой войны, а Сталин уже помышлял о новом побоище, о новых завоеваниях. В апреле 1945 г. на приеме единомышленников он изрек: «Война скоро кончится, лет через 15-20 мы оправимся, и затем снова...».³⁰⁷

³⁰⁴ W.B.Smith. My Three Years in Moscow. N.Y., 1950, pp. 52-54.

³⁰⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945гг. М., 1957, т. 2, сс. 204, 206, 317.

³⁰⁶ Другая война, 1939-1945. М., 1996, с. 30.

³⁰⁷ Цит. по: Milovan Djilas. Conversations with Stalin. N.Y. 1962, pp. 114-115.

Ощущение приближающейся новой угрозы пришло на Западе не сразу. В народных массах Советский Союз воспринимался как победитель самых агрессивных сил, способных поработить все человечество. Тем не менее, в руководящих кругах демократических стран сразу после капитуляции гитлеровской Германии начало складываться убеждение в неотвратимости натиска сталинского тоталитаризма на западный мир. Летом 1945 г. Черчилль констатировал: «Советская Россия превратилась в смертельную опасность свободному миру ... Советская угроза, как мне представляется, уже сменила нацистского врага».³⁰⁸ Столь категорическое и далеко забегающее вперед суждение еще не соответствовало положению, сложившемуся к тому времени. Но такая резкая оценка содержала в себе прогноз и позицию будущего политического курса Запада. Несомненно также, что жесткий тон высказывания Черчилля вызывался стремлением избежать повторения горького опыта нерешительности западных демократий перед лицом нацистского агрессора в предвоенные годы. Однако, если бы такая оценка была высказана по прошествии некоторого времени, в свете уже свершившихся событий, то и тогда она не во всем соответствовала бы исторической правде.

Сталинский тоталитаризм – это не копия гитлеровского тоталитаризма. При всех своих экспансионистских замыслах советский вождь в то победное лето 1945 года никак не напоминал нацистского фюрера, когда тот находился в зените своего могущества. Выйдя из тяжелейшей войны победителем, Сталин, в отличие от Гитлера, не мог решиться сразу же развернуть страну в сторону неприкрытой и неограниченной экспансии. Советский Союз пришел к Победе при крайнем истощении всех своих ресурсов, остро нуждался в передышке и восстановлении, а его международно-политическая деятельность по необходимости пока ограничивалась освоением обширных пространств Европы и Азии, подпавших под его контроль в итоге войны. Существовал также один важный фактор, сдерживающий активность СССР в мире, - ядерная монополия США, которой они пользовались в течение первых четырех послевоенных лет (подробнее об этой теме далее в Главе шестой).

Было и другое отличие сталинского тоталитаризма от гитлеровского. Внесшая решительный вклад в общую борьбу против агрессивного блока советская держава поднялась до статуса глобального ранга, вошла в число главных творцов мировой политики, перед ней открылись реальные возможности играть – наряду с западными демократиями – важную роль в послевоенных международных отношениях. Сталин мог использовать и в чем-то использовал эти политические ресурсы для подкрепления своей генеральной (в основе силовой), стратегии ориентированной на длительную перспективу. Правда, единовластный правитель страны, более четверти века пребывавшей в изоляции от главных международных дел, не имел необходимого опыта в мало знакомой для него практической международной сфере и с подозрением относился к любым инициативам со стороны западных демократий. Отсюда – относительно скромные поначалу задачи советской внешней политики, обращенной не столько к установлению послевоенного миропорядка, сколько к предотвращению возникновения старых угроз.

Но вот в чем Сталин не уступал Гитлеру, так это в деле внутреннего «обустройства» своего тоталитарного режима, что в конечном счете наращивало потенциал конфронтационности советской политики во внешнем мире. Под водительством диктатора-победителя укрепилась и расширилась свойственная любому тоталитаризму взаимосвязь внутренних и внешних аспектов его активности.

Нет нужды доказывать, что пропагандистская эксплуатация итогов справедливой, освободительной войны, шла вразрез с национальными интересами страны.

³⁰⁸ Winston S.Churchill. The Second World War. L., 1954, Vol, 6, pp. 400, 495.

Собственно, после войны, как и раньше, для советской идеологии не существовало ни нации, ни ее интересов. Еще тяжелее все подмял под себя молох государственных - в основном антинациональных интересов. Все подчинялось целям тоталитаризма, даже самоочевидная национальная составляющая великой Победы, которая обеспечила прочную безопасность стране. Вместо этого – снова нагнетание страха и атмосферы «осажденной крепости», запугивание кознями внешних (и внутренних) врагов, призывы к мобилизации на непримиримую борьбу против них. Что же касается внутренних, созидательных аспектов национальных интересов, для реализации которых на благо народа в мирное время открывался широкий простор, то их принесли в жертву всеохватным и всепоглощающим требованиям тоталитаризма.

Победа вселила в советских людей уверенность в своих силах. Возвращаясь к разоренным очагам, они радовались тому, что одолели смертельного врага и отстояли независимость своей Родины, какой бы режим в ней ни существовал. И по-человечески это понятно, ибо, как выразился солдат-писатель Виктор Астафьев, «мир без войны пригладен как он есть».³⁰⁹ Но все же надеялись на благие перемены, на лучшую жизнь, лучше довоенной – без постоянной нехватки самого необходимого, без страха и понуканий.

Сталин же, наоборот, считал, что созданный им тоталитарный порядок должен быть сохранен и ужесточен как неперемненное условие продолжения его всевластия. На приеме в Кремле в честь высшего командного состава Красной армии (24 мая 1945 г.), признав, что у «нашего правительства» (но не у самого вождя!) «было не мало ошибок» в «моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах», Сталин заметил: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».³¹⁰

Здесь что ни слово, то лукавство! Иной народ и в иной, демократической стране, быть может, и прогнал бы свое правительство, не оправдавшее его доверия. Но только не русский народ, у которого ни в «момент отчаянного положения», ни вообще при тоталитарном режиме не было возможности волеизъявления, не говоря уже о выборе иного правительства. Кроме того, у народа (в отличие от правительства) в час смертельной опасности не возникало и мысли о капитуляции перед немецкими захватчиками, с которыми он самоотверженно боролся не потому, что «верил в правильность политики своего Правительства», а потому, что защищал свое Отечество от иноземного порабощения. Благодарственный же тост вождя за «доверие русского народа» относился не столько к прошедшему, сколько к предстоящему, прозвучал как утверждение неизменности тоталитарного правления, при котором в любом случае такое доверие будет и впредь считаться как само собой разумеющееся, как функция «винтиков» в гигантской государственной машине.

Сталин жестко предопределил послевоенное будущее страны, в которой все должно было остаться без изменений. В одобренном им Обращении ЦК ВКП (б) в связи с выборами в Верховный Совет СССР (10 февраля 1946 г.) не было сказано ни слова о демократии, народовластии, участии граждан в управлении государством. Сталин воспользовался Победой, чтобы приписать себе славу гениального полководца и утвердиться в роли непогрешимого лидера, повелителя судеб своего народа и народов стран, подпавших под его господство. Под его диктатом ужесточилась командно-бюрократическая система управления страной, в полную силу вновь заработал партийно-государственный механизм репрессий, запретов, принуждений,

³⁰⁹ Виктор Астафьев. Последний поклон. М., 1989, т. 2, с. 388.

³¹⁰ И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, с. 196.

удушения свобод и прав человека. Неограниченное единовластие и культовое поклонение вождю-божеству подавляли творческие потенции общества, низводили индивидуума до положения покорного и бессловесного придатка тоталитарного монстра. Принудительное официальное единомыслие заставляло вспомнить вещие слова Пушкина: «...отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости, праву и истине... Это циничное презрение к мысли и достоинству человека».³¹¹

На фоне демократизации в мире, освобожденном от фашизма, сталинский тоталитаризм стоял особняком как уникальное средоточие зловещих черт деспотических империй прошлого в соединении с современными средствами манипулирования нацией, оказавшейся под гнетом бесчеловечной тирании. Прав был Александр Солженицын: «... на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназванный «советским» ... ни по числу замученных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированной тоталитарности не может сравниться с ним никакой другой земной режим...».³¹²

Жесточайший сталинский порядок намертво сковал проявление инициативы снизу, из народных, национальных глубин. Ни внутренней, ни внешней политике нельзя было ни на йоту отклониться от директивной линии, предписанной всемогущим вождем. Идущая наперекор естественному историческому процессу Система для своего самосохранения нуждалась в неослабной напряженности, как внутри страны, так и в ее взаимоотношениях с внешним миром. Невозможность эффективного социально-экономического развития толкала на расширение сфер контроля за пределами собственных границ. Экспансионистские замыслы подпитывались верой в советскую военную мощь, доказавшую высокую боеспособность в тяжелейшей войне. Теперь, после разгрома гитлеровской Германии, соблазнительной стала мечта о продвижении дальше – уже против демократического Запада.

Нет сомнений в тоталитарной амбициозности Сталина. Однако ставить перед собой задачу скорейшего достижения мирового господства он был просто не в состоянии ввиду отсутствия необходимых условий и возможностей. Но развертывание двухполюсного противостояния прямо входило в его расчеты. По всей вероятности, у него не было детально разработанного генерального плана, но каждый его конкретный шаг вел к разжиганию конфронтации. Конечной же целью была ликвидация западных демократий, прежде всего Соединенных Штатов, и распространение своего владычества на весь мир. В отличие от Гитлера, он об этом предпочитал умалчивать. Но временами был не в состоянии сдержаться. Так, назвав западные демократии «империалистами» и указав на них как на источник неизбежной военной угрозы, Сталин изрек свою устрашающую формулу: «Чтобы устранить неизбежность войны, нужно уничтожить империализм».³¹³

Все сказанное, однако, не снимает ответственности за развертывание «холодной войны» и с противоположной стороны – США, Великобритании и других западных держав. Пройдя через горнило жесточайших испытаний войной, Запад заметно изменился, стал жестче отстаивать свои интересы, научился действовать сообща, решительно выступать против общей опасности. При этом безусловным лидером западного мира стали США, получившие огромный перевес мощи среди других демократических и развивающихся стран. Такая асимметрия обусловила «американоцентризм» позиции демократического лагеря по отношению к Востоку и всем остальным частям мирового сообщества.

³¹¹ Переписка А.С.Пушкина. М., 1982, т. 2, сс. 291-292.

³¹² Александр Солженицын. Архипелаг Гулаг. Малое собрание сочинений. М., 1991, т. 7, с. 21.

³¹³ И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с 36.

В какой мере новый глобальный расклад сил и политики соответствовал национальным интересам Соединенных Штатов и их союзников, а также нейтральных и неприсоединившихся стран? Если придерживаться только логики последовательного противодействия демократии угрозе любого тоталитаризма, то характерное для военных условий совмещение интересов нации и государства должно распространяться также на мирное время. Так и происходило в первые послевоенные годы. Формулировавшаяся правительствами демократических государств внешняя политика была созвучна национальному самосознанию.

Однако вскоре стало ясно, что международная, особенно силовая, активность США не сводится исключительно к противодействию советскому тоталитаризму, а стимулируется также другими геополитическими и геэкономическими мотивами, в том числе противоречащими интересам их партнеров и друзей. Да и на поприще силовой конфронтации Америка зачастую поднимала планку оборонительных мероприятий намного выше рационально оправданной отметки, а то и сама переходила в наступление. Самораскручивающийся маховик действия-противодействия взвинчивал гонку вооружений и накалял международную обстановку. Возраставшая неоднозначность американской политики уводила ее все дальше от опоры на национальные интересы. И тем глубже становились расхождения между государственными (а, в конечном счете, и национальными) интересами США и других стран мира не только тоталитарного лагеря, но и демократического сообщества.

Выступившие гарантом и защитником демократии в послевоенном мире, США далеко не во всем соответствовали требованиям конструктивного международного сотрудничества. Характеризуя внешнеполитическую концепцию Соединенных Штатов того периода, академик Арбатов отмечал, что она отличалась ярко выраженными чертами мессианства, жестким делением многоликого мира на «своих» и «чужих», подачей одной стороны как охранительницы человеческих ценностей и цивилизации в целом, а другой – как нечестивцев, покушающихся на эти ценности. По его заключению, развитию нормальных межгосударственных отношений мешало «нежелание – настолько сильное, что оно превращается в неспособность – американского руководства видеть на международной арене равных партнеров. Отсюда склонность к патерналистскому подходу к союзникам и пренебрежительному – к противникам».³¹⁴ «Не сознавая огромных размеров своей собственной силы, - сетовал сенатор Фулбрайт, - мы не можем понять, какое колоссальное и губительное влияние мы оказываем на весь мир... Сам факт существования такой великой державы тревожит другие нации... Мы не можем удержаться от того, чтобы не напоминать другим нациям об их собственной слабости».³¹⁵

Вступление США в новую для них роль ведущей державы западного (тем более всего!) мира осложнялось не только неподатливостью многообразных международно-политических связей, но и внутренней обстановкой в стране. Американский народ был настроен на мирный лад, к Советскому Союзу относился еще как к недавнему союзнику, не желал втягиваться с ним в дрязги из-за перераспределения сфер влияния. В политических кругах Вашингтона на этот счет не было единства. Многие видели появлявшуюся на горизонте «советскую угрозу», но споры велись главным образом в идеологической плоскости, а реальная ее значимость оценивалась по-разному: либо как преимущественно военная, либо как преимущественно политическая. В соответствии с этим предполагались и способы противодействия Советскому Союзу – главным образом силовые или главным образом дипломатические.

³¹⁴ Г.А.Арбатов. Современная внешняя политика США: введение. М., 1984, т. 1, сс. 6,9.

³¹⁵ J.William Fulbright. The Arrogance of Power. N.Y., 1966, p. 21.

Президент Трумэн и его администрация сразу после окончания войны начали склоняться к приоритету военных мер. В закрытом кругу инициаторы конфронтационной политики выказывали все признаки «упоения силой», особенно только что обретенной ядерной мощью. В их откровениях того времени доминировала прямолинейная направленность на силовое решение исторического спора с СССР. «Сила – это единственное, что русские понимают», – так считал Трумэн.³¹⁶ Так же мыслил государственный секретарь Джеймс Бирнс: «Лишь по мере возрастания военной силы США мы сможем подчеркивать свою твердость в отношениях с советским правительством».³¹⁷ Сменивший его на этом посту Дин Ачесон также полагал: «То, что мы должны делать – это создавать ситуации силы; мы должны наращивать силу и, если мы создадим эту силу, то я уверен, что вся мировая обстановка начнет меняться... и вот тогда, как я надеюсь, со стороны Кремля появится готовность признать факты...».³¹⁸

Позиции грубой силы противостояли более изощренные политические концепции, акцентировавшие необходимость (при наличии внушительной, но не чрезмерной военной мощи) установления равновесия в советско-американских отношениях. На этом настаивали наиболее дальновидные заокеанские политики, которые полагались на колоссальные резервы и динамизм американского общества и рассчитывали на преодоление со временем существовавших противоречий между двумя разнотипными системами. Это была идея своего рода «встречного мирного сосуществования». Джордж Кеннан в своих мемуарах советовал: «наращивать мощь Запада, а не разрушать мощь России», строить американскую политику на «переменах – постепенных, мирных переменах, на таких переменах, которых не избежит ни один человек, ни одно правительство, а кроме того – на положительном примере».³¹⁹ Чарльз Болен считал, что существовала основа для размежевания сфер влияния в Европе при условии, что эти сферы будут «открытыми», а не «эксклюзивными». По его мнению, «законно» для Советского Союза влиять на внешнюю политику стран Восточной Европы (как для США – на политику стран Латинской Америки), но «незаконно», если он диктует им условия внутренней жизни. В таком подходе угадывалась формула, впоследствии названная «финляндизацией» Восточной Европы.³²⁰

К поискам сбалансированной формулы взаимоотношений двух сильнейших держав мира обратился Джордж Кеннан, в то время сотрудник американского посольства в Москве. В своей «длинной телеграмме» в Вашингтон (22 февраля 1946 г.) он изложил концепцию «сдерживания», которая легла в основу внешнеполитического курса США на четыре последующих десятилетия. Суть концепции сводилась к тому, что Соединенным Штатам следовало искать причину неуступчивости Советского Союза не в собственных ошибках, а в самой природе противостоящей им системы. По определению Кеннана, советская внешняя политика представляет собой сплав коммунистической идеологии и давнего экспансионизма времен царизма. Трения между США и СССР, таким образом, проистекают не из какого-либо недопонимания или недостаточности контактов между Вашингтоном и Москвой, а являются органическим следствием восприятия Советским Союзом внешнего мира.

Кеннан доказывал, что в основе этого восприятия лежит традиционная неуверенность. «Такой вид неуверенности в собственной безопасности скорее характерен не для русского народа, а для русских властей, ибо последние не могли не ощущать, что их правление относительно архаично по форме, хрупко и искусственно в своем

³¹⁶ Harry S. Truman. The Memoirs. N.Y., 1955, Vol. 1, p. 412.

³¹⁷ James F. Byrnes. All in One Lifetime. N.Y., 1958, p. 352.

³¹⁸ U.S. Senate, 82nd Congress, 1st Session, Washington, D.C., 1951, p. 2083.

³¹⁹ George Kennan. Memoirs, 1950-1963. N.Y., 1972, pp. 90, 103.

³²⁰ See: Diplomatic History, 1979, Spring, pp. 207-209.

психологическом обосновании и не способно выдержать сравнение или сопоставление с политическими системами западных стран. По этой причине они всегда боялись иностранного проникновения, опасались прямого контакта западного мира с их собственным, опасались последствий того, что русские узнают правду о внешнем мире, а иностранцы узнают все об их внутренней жизни. И они привыкли искать безопасность не в союзе или взаимных компромиссах с соперничающей державой, а в терпеливой, но смертельной борьбе, рассчитанной на полное на полное ее уничтожение».³²¹

Все аспекты «сдерживания» Кеннан, вскоре уже руководитель аппарата политического планирования госдепартамента, свел воедино в комплексе силовых и несиловых мер противодействия советскому экспансионизму в своей знаменитой статье «Истоки советского поведения», появившейся за подписью «Икс» в журнале «Форин аффэрс» (июль 1947 г.). В ней он призвал к «...решительному противодействию русским при помощи всегда имеющейся в наличии сдерживающей силы в любой точке, где появляются признаки покушения на интересы мирного и стабильного мира».³²² Главную ставку автор статьи сделал на конечную трансформацию советской системы, основанной не на закономерностях исторического развития, а на железной дисциплине и беспрекословном повиновении. По его предсказанию, со временем коммунистическое владычество разрушится, и «Советская Россия из одного из самых сильных национальных образований сразу превратится в одно из самых слабых и жалких».³²³

Возвращаясь к истокам своего замысла много лет спустя, Кеннан разъяснил его подлинную суть, очищенную от позднейших практических наслоений: «Идея заключалась просто в том, чтобы отказаться от дальнейших бессмысленных уступок Кремлю, сделать все возможное, чтобы повсюду побуждать и поддерживать противодействие его попыткам расширить пространство своего доминирующего политического влияния и выжидать, когда внутренняя слабость советской власти, в соединении с ее неудачами во внешней сфере, приведут к смягчению амбиций и образа действий Советов. Советские лидеры, какими бы непреклонными они ни выглядели, все же не супермены. Как и все правители крупных стран, они сталкиваются с внутренними противоречиями и трудностями. Встаньте перед ними ... мужественно, но не агрессивно, и предоставьте времени сделать свое дело».³²⁴

Предложенная Кеннаном внешнеполитическая роль для Соединенных Штатов, стратегически жесткая, но тактически гибкая, отвечала долговременным интересам американской нации, что и подтвердилось последующим развитием событий. В его концепции «сдерживания» не было иллюзий на счет примирения демократии с тоталитаризмом. Но не было и презумпции неизбежности войны между ними. «Сдерживание» предусматривало снижение риска лобового военного столкновения двух сильнейших держав, смягчение конфронтации, политическое урегулирование взрывоопасных противоречий, перевод исторического спора двух противоположных систем из силовой в социально-экономическую плоскость в ожидании самораспада тоталитарной стороны.

Широкие слои американского общества (как, впрочем, и многие идеологически ангажированные политики) не вникали в тонкости кеннановского замысла, воспринимали его в духе традиционного национального оптимизма и уверенности в способности решить любую проблему, особенно затрагивающую безопасность страны.

³²¹ George F. Kennan. "Long Telegram" from Moscow, February 22, 1946. Foreign Relations of the United States, 1946. Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, Vol. VI, p. 699.

³²² The Sources of Soviet Conduct. Foreign Affairs, July 1947, p. 581.

³²³ Ibid., pp. 579-580.

³²⁴ George Kennan. Memoirs, 1925-1950. N.Y., 1967, p. 364.

Однако, под воздействием официальной пропаганды и средств массовой информации, а также антикоммунистической истерии маккартизма, у большинства американцев появилось ощущение угрозы, которая по шаблону «уже виденного» исходила из тоталитарного источника, только уже не нацистского, а советского. Американский народ в массе своей вновь настроился на отпор чуждой и угрожающей силе и солидаризировался с внешнеполитическим курсом правительства, направленным на обеспечение национальной безопасности (не принимая во внимание сопутствующие цели, отражающие специфические интересы руководящих элит).

Разгоревшаяся конфронтация не располагала – ни с той, ни с другой стороны – к совместному рациональному сдерживанию взаимоопасного процесса, к поискам оптимальных и ориентированных на перспективу решений. В Вашингтоне, как и в Москве, мыслили все больше силовыми, а не политическими категориями, исходили из имевшихся в наличии сил и средств. В результате «сдерживание» с самого начала дало крен в милитаристскую сторону, подтолкнуло гонку вооружений, умножило в мире очаги напряженности и конфликтов.

Взросшая в итоге войны мощь США придала им, по меткому определению сенатора Фулбрайта, «самонадеянность силы», которую разделяли не только руководящие государственные деятели, но во многом и широкие массы населения, уверовавшие в безграничные возможности своего общества. И если Америка впервые за свою историю взяла на себя в мирное время глобальные обязательства спасения человечества от универсальной угрозы, то в немалой степени это объяснимо тем, что в ответственный момент ее внешняя политика получила поддержку в национальном самосознании. Это был выданный правительству (в условиях эйфории) своего рода морально-политический аванс, за который в будущих трудных ситуациях придется расплачиваться кризисом доверия и расхождением национальных и государственных интересов.

Прозвучали, как всегда в демократическом обществе, также голоса против «сдерживания». И, пожалуй, наиболее резко в этом духе высказался бывший вице-президент США (в период третьего срока пребывания в Белом доме Франклина Рузвельта) Генри Уоллес. По его убеждению, между США и СССР нет фундаментального конфликта интересов, каждый имеет право насаждать удобный ему порядок в собственной сфере влияния. Согласно Уоллесу, Америка не должна распространять свой контроль на весь земной шар, а обеспечение международной безопасности следует осуществлять только через ООН (независимо от того, что Советский Союз обладает там правом вето). А поскольку «сдерживание» не отвечает этим критериям, Уоллес предупреждал, что результатом его осуществления станет «направленная на Америку ненависть человечества».³²⁵

В то время мало кто прислушивался к предостережениям Уоллеса (не помогло и его символическое выдвижение кандидатом на выборах 1948 г.). Тем не менее его радикальная критика «сдерживания» посеяла семена сомнения в праведности и непогрешимости американской политики. И семена эти дали всходы, когда США увязли во вьетнамской войне и под вопросом оказалась если не сама доктрина «сдерживания», то способы ее практического применения и соответствия ее национальным интересам страны.

На противоположном фланге дебатов вокруг «сдерживания» выступили такие тяжеловесы западной политики как Уинстон Черчилль, который в своей фултонской речи первым возвестил о начале «холодной войны» (5 марта 1946 г.). Он сказал, что «от Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике через весь Европейский континент опустился железный занавес - советский тоталитаризм создал за ним свою им-

³²⁵ Thomas G. Paterson, ed. *Cold War Critics: Alternative to American Policy in the Truman Years*. Chicago. 1971, pp. 98-103.

перую». ³²⁶ Непримиимый противник тоталитаризма в любой его форме, Черчилль разделял идею «сдерживания», но пытался придать ей более динамичный, наступательный характер, вынудить таким образом советское руководство приступить к переговорам о послевоенном мироустройстве еще до того, как у СССР появится ядерное оружие. В том же направлении в Америке действовал Джон Фостер Даллес, стремившийся расширить рамки «сдерживания», превратить его в «освобождение» территорий, подпавших под контроль Советского Союза.

Под лозунгом «сдерживания» администрация Трумэна приступила к активному развертыванию конфронтации. Оказание помощи Греции и Турции, принятие «Плана Маршалла», создание Североатлантического союза, разработка стратегии ведения «холодной войны» (включая оперативные планы на случай «горячей войны») все это и многое другое наполняло доктрину «сдерживания» реальной силовой значимостью.

Примечательна в этом смысле Директива Совета национальной безопасности от 7 апреля 1950 г. (СНБ-68), которая определяла национальные интересы США в терминах моральных принципов, но предписывала осуществить широкий комплекс мобилизационных мер, в том числе подготовку к возможному применению ядерного оружия. Один из главных инициаторов СНБ-68 государственный секретарь Дин Ачесон подчеркнул, что целью этого документа было «внедрение в сознание высших эшелонов правительства уверенности не только в том, что Президент способен принять такое решение, но и в том, что это решение может быть выполнено». ³²⁷ Совет национальной безопасности настаивал на «ускоренном и согласованном наращивании реальной военной мощи как Соединенных Штатов, так и всего свободного мира». Что касается переговоров с СССР, то указывалось, что начать их следует только тогда, когда США смогут опереться на свои «позиции силы». «Успех предлагаемых программ, - говорилось в заключение документа, - зависит в конечном итоге от признания правительством, американским народом, всеми другими народами того факта, что холодная война – это по сути дела настоящая война, ставкой в которой является выживание свободного мира». ³²⁸

Милитаризация «сдерживания» в ущерб его высокоморальному обоснованию вносила разлад в национальное самосознание Америки. Уже через десятилетие после его провозглашения в качестве государственной политики страны Джордж Кеннан в книге «Россия, атом и Запад» (1957 г.) писал: «Моим соотечественникам, которые часто спрашивали меня, куда лучше приложить руки, чтобы противодействовать советской угрозе, я должен был бы отвечать: к нашим американским недостаткам, к тем вещам, которых мы стыдимся и которые – бельмо у нас на глазу, или к тем, которые нас тревожат: к расовой проблеме, к условиям жизни в больших городах, к вопросам образования и социального окружения молодежи, к растущему разрыву между специальным знанием и массовым пониманием». ³²⁹

Отмечая сильные стороны доктрины «сдерживания», Генри Киссинджер вместе с тем указал и на ее очевидные изъяны: «... мы так и не поняли до конца, что по мере нарастания нашей мощи в абсолютном измерении, в *относительном* смысле наше положение ухудшалось в результате восстановления сил СССР после войны. Наши военные и дипломатические позиции уже никогда не станут более выгодными для нас, чем *в самом начале* осуществления политики сдерживания в конце 40-х го-

³²⁶ Winston S.Churchill. The Sinews of Peace: Post-War Speeches. N.Y., 1949, pp. 100-105.

³²⁷ Dean Acheson. Present at the Creation. N.Y., 1959, p. 374.

³²⁸ Foreign Relations of the United States, 1958, p. 341.

³²⁹ George F.Kennan. Russia, the Atom and the West. N.Y., 1957, p. 13.

дов. Вот тогда и надо было попытаться завязать серьезное обсуждение будущего Европы. Мы упустили благоприятный шанс».³³⁰

А Советский Союз? Упустил ли он свой шанс? Конечно!. Только его шанс существенно отличался от американского. Если для национальных интересов США было бы выгодно размеренное, сбалансированное «сдерживание» (чтобы «измором» довести противника до самораспада), то для СССР снижение темпов и уровня противостояния, хотя и давало бы временную передышку, в перспективе все равно не сулило успеха, ибо на несиловом, социально-экономическом поприще состязание с Америкой и другими развитыми странами было заведомо проигрышным. Поэтому, в отличие от США, Советский Союз мог позволить себе не стратегическую, а всего лишь тактическую корректировку намеченного конфронтационного курса. И Сталин прибегал к таким маневрам, чтобы, не отказываясь от своих долговременных экспансионистских устремлений, притупить бдительность противников, стимулировать расхождения между ними, ослабить нажим «сдерживания» и под прикрытием дипломатических инициатив усилить свои военные приготовления. Что же касается упорно игнорируемых, но реально существовавших национальных интересов СССР, то для них варианты как более, так и менее интенсивного противостояния были, выражаясь сталинским слогом, «оба хуже». В нищей и угнетенной стране любая конфронтация несла народу новые тяготы и ужесточение тоталитарного режима.

На рубеже 40-х и 50-х годов США достигли пика своего монопольного превосходства, а СССР только начал подниматься к уровню сопоставимого с ними могущества, главным образом в военной области. Поворотным пунктом стал 1949 год. К этому времени в соотношении мировых сил произошли заметные сдвиги в пользу Советского Союза: он окончательно закрепил за собой контроль над восточноевропейскими странами, освободившийся от гоминдановского режима Китай стал его союзником и самое главное – появилось советское ядерное оружие. Все это придало Сталину уверенность в своих силах и побудило его предпринять «силовое прощупывание» глобальных позиций США. В Европе он устроил блокаду Берлина, в Азии согласился на развязывание войны на Корейском полуострове. Кремлевский стратег поспешил воспользоваться благоприятными возможностями и не помышлял о снижении накала конфронтации.

Несомненно, сдерживающее воздействие на сталинскую политику первых послевоенных лет оказывала ядерная монополия США. Столь же очевидно и то, что Сталин (как и Гитлер) в военное время не придавал первостепенного значения исследованиям и разработкам в ядерной области, будучи погруженным в решение острейших проблем обеспечения армии обычными вооружениями и материально-техническими средствами, которые поглощали все имевшиеся ресурсы. Показное хладнокровие и наигранное безразличие, с которыми Сталин на Потсдамской конференции встретил сообщение Трумэна об успешном испытании американского ядерного устройства,³³¹ не могли замаскировать его озабоченности этим подлинным переворотом в военном деле с глубочайшими международно-политическими последствиями. Весть об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки прозвучала как грозное предупреждение Советскому Союзу. Академик Евгений Велихов свидетельствует: «Для Сталина эта бомбардировка оказалась полной неожиданностью. Буквально через несколько дней был сформирован Специальный комитет для решения ядерной проблемы, руководителем которого назначили Берия. Сталин назвал срок – 5 лет, рассчитывая, что раньше американцы не сумеют нанести ядерный удар по СССР».³³²

³³⁰ Henry Kissinger. White House Years. Boston. 1979, p. 62.

³³¹ Harry Truman. The Memoirs. N.Y. 1955, Vol. 1, p. 421.

³³² Известия, 28 августа 1999 г.

Нужна ли была атомная бомба не только Сталину, но и советскому народу? Безусловно, была нужна! В жестких рамках двухполюсной конфронтации оружию массового поражения не было альтернативы. Если бы Советский Союз остался безъядерным, в возможной войне с Соединенными Штатами он поплатился бы гибелью миллионов и миллионов людей, чудовищными разрушениями и поражением невиданных доселе масштабов. Ядерное оружие было необходимо отнюдь не для ведения войны, будь то наступательной или оборонительной, а для взаимного сдерживания противостоящих друг другу сторон в целях предотвращения войны. Угроза всеуничтожающей ядерной войны сблизила национальные и государственные интересы как внутри стран, так и между ними, независимо от их принадлежности к той или иной системе.

На заре ядерной эры Сталин не в полной мере осознал принципиальную новизну появившегося оружия. Его стратегическое мышление, сформировавшееся в годы гражданской и Второй мировой войн, не позволило ему адекватно оценить качественный сдвиг в соотношении проблем войны и мира. Он недооценил гигантскую убийную силу нового оружия. В его представлении число жертв в ядерной войне измерялось бы «десятками тысяч» или, в крайнем случае, «сотнями тысяч» человек, но никак не «миллионами».³³³ Впрочем, если Сталин и смог бы вообразить себе последствия ядерной войны в полном объеме, то и это не удержало бы его от применения оружия сверхъестественной мощи (судя по тому, сколькими десятками миллионов человеческих жизней он пожертвовал в военных и мирных условиях, а его публичные высказывания на сей счет в чем-то предвосхитили пресловутые сентенции Мао Цзэдуна о «бумажном тигре»).

Мышление категориями прямого противоборства вообще было свойственно вождю, оценивавшему обстановку и направлявшему военную стратегию и внешнюю политику СССР, не задумывавшемуся о цене осуществления воинственных замыслов. Целесообразность развязывания ядерной войны в подходящий момент представлялась Сталину, по свидетельству знавших его современников, неоспоримой истиной, причем как с американской, так и с советской стороны. «Если бы мы опоздали на полтора года, то, наверное, попробовали бы ее на себе», - сказал Сталин ученым-создателям советского ядерного оружия. В узком кругу собеседников он бросил зловещую реплику: «Мы никого не боимся, а если господам империалистам угодно воевать, то нет для нас более подходящего момента, чем этот».³³⁴

Трудно судить, в какой мере угрозы кремлевского самодержца соответствовал его действительным намерениям, а еще больше – его пока довольно скромным возможностям. Но несомненно, что он готов был и дальше взвинчивать конфронтацию, теперь уже угрожая применением оружия массового поражения.

Но каковы бы ни были расчеты Сталина на достижение конечной победы с помощью ядерного оружия, ему не дано было правильно оценить влияние этого нового фактора на международные отношения не только отдаленного, но и ближайшего будущего. «По существу, Сталин не почувствовал зарождения нового подхода к мировым делам», - писал историк Дмитрий Волкогонов. – «Возможно ему (но ведь он “гений”!) было трудно говорить о том, что атомное оружие, которым обладал теперь и Советский Союз, скоро “перерастет” цели, во имя которых оно создавалось. Сталин не смог в дымке грядущего увидеть рубеж, предел, за которым война перестает быть разумным, рациональным средством политики».³³⁵

³³³ Ответ товарища И.В.Сталина корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия. Военная мысль, 1951, № 10, с. 4.

³³⁴ См. Эдуард Радзинский. Сталин. 1997, сс. 556, 608-609.

³³⁵ Дмитрий Волкогонов, Сталин. Политический портрет. М., 1996, кн. 2, с. 558.

Впрочем, и американское руководство в то время находилось в плену «классических» представлений о возможности использования «неклассического», ядерного оружия в военных целях. Взрыв советского ядерного устройства должен был, казалось бы, послужить сигналом к переоценке стратегической обстановки. «Теперь это совершенно иной мир», - записал в своем дневнике сенатор Артур Ванденберг, один из творцов двухпартийной внешней политики США.³³⁶ Национальную безопасность уже нельзя было и дальше строить на американской ядерной монополии. Но переоценки руководящих установок не произошло. Стратегическое планирование продолжалось по накатанной колее.

На первых порах становления ядерной двухполюсности политики и военные в США пытались убедить себя в неспособности СССР развернуть сопоставимую с американской программу создания нового оружия. Если в обстановке эйфории после бомбардировки двух городов в Японии Трумэн выразил уверенность в том, что освоить технологию производства «сверхоружия» по силам только Соединенным Штатам,³³⁷ то после неожиданного советского атомного взрыва в Вашингтоне постарались подавить чувство разочарования, утверждая, что Советский Союз испытал будто бы лишь грубое устройство, которое придется еще долго доводить до оружейной кондиции.³³⁸

Но необратимое свершилось. Советско-американское соперничество обрело ядерное измерение, которое потребовало приспособления «сдерживания» к необходимости предотвращения войны, несовместимой с национальными интересами обеих сторон. Вместо этого, наращивание ядерного арсенала США продолжалось в целях оказания стратегического давления на СССР, а в случае лобового столкновения с ним - для использования в качестве решающего средства достижения победы. Именно к этому сводился главный смысл оперативного плана под кодовым названием «Оффтэкл», подготовленного в Пентагоне и одобренного Объединенным комитетом начальников штабов (8 декабря 1949 г.). План предусматривал уничтожение ядерными средствами жизненно важных звеньев советской инфраструктуры, если США окажутся втянутыми в военные действия с СССР.³³⁹

Тем не менее, на центральном военно-стратегическом направлении противостояния СССР - США, в первую очередь в Европе, с появлением ядерной двухполюсности все более определенно начал обнаруживаться разрыв между высоким накалом конфронтационных страстей и рационально осознаваемой (и в правящих верхах, и в народных массах) недопустимостью развязывания третьей мировой войны – войны ядерной, всеуничтожающей. Когда берлинская блокада достигла критической, взрывоопасной стадии, Москва и Вашингтон пошли на разрядку напряженности из-за опасности неконтролируемой эскалации конфликта.

Другое дело – периферийные зоны противостояния. По отношению к ним доминировали все те же установки на использование военной силы. Более того, появление глобальной ядерной угрозы породило ощущение относительной безнаказанности ограниченных силовых акций на региональном и более низких уровнях противостояния СССР-США, причем предпочтительно руками союзных или зависимых от них стран.

Этим обстоятельством и пытался воспользоваться Сталин для расширения сферы своего геополитического контроля на Дальнем Востоке, где позиции Советского Союза заметно укрепились с провозглашением Китайской Народной Республики. Сближение двух держав с однородным (тоталитарным) устройством создавало

³³⁶ The Private Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952, p. 518.

³³⁷ Public Papers of the Presidents of the United States. 1945, pp. 381-382.

³³⁸ See: Louis L. Strauss. Men and Decisions. Garden City. N.Y., 1962, p. 216.

³³⁹ See: K.W. Condit. The History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. 2, pp. 283-300.

противовес влиянию США в регионе, а в перспективе и в мире. «Потеря» Китая была воспринята Вашингтоном крайне болезненно. Госсекретарь Ачесон забил тревогу по поводу того, что появление «коммунистического Китая служит интересам Советской России» и, следовательно, «угрожает международному миру и безопасности».³⁴⁰ Обычный пропагандистский прием: объявить угрозу собственным интересам угрозой интересам всеобщим. Но действительность была сложнее, чем ее двухполюсное измерение. Хотя непосредственный эффект тандема СССР-КНР поначалу усилил его позиции в противостоянии США, в дальнейшем противоречия в нем обострились, создались предпосылки для возникновения комплекса трехсторонних советско-китайско-американских отношений.

Взаимоотношения Москвы и Пекина под углом зрения их национальных интересов и внешней политики также выглядели далеко не просто. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР (14 февраля 1950 г.)³⁴¹ мог бы стать полезным для народов обеих крупных стран, если бы не тоталитарная суть политики, проводимой их правительствами. Объединение усилий Советского Союза и Китая сулило им несомненные выгоды в создании условий для повышения уровня жизни населения, но вместо этого сопровождалось дальнейшим ужесточением внутреннего режима и более глубоким втягиванием в изнуряющую конфронтацию с США и их союзниками. Сталин не смог навязать Мао Цзэду ту меру зависимости, которую он установил в Восточной Европе. Слишком велик и самостоятелен был китайский союзник. Несмотря на принципиальное сходство идеологий и социального устройства (а, вернее, вследствие этого), две огромные тоталитарные державы не смогли ужиться в одном лагере «на равных», спор о верховенстве в нем привел к расхождениям, а затем и к открытой вражде.

Но в начале 50-х годов сближение с Китаем усилило «наступательный дух» в Кремле. Сталин почувствовал возможность потеснить американского соперника в наиболее уязвимых местах по периферии противостояния, расширить зоны своего влияния и контроля. Первым объектом такого геополитического передела оказался Корейский полуостров.

В первые послевоенные годы Корея оставалась в стороне от советско-американского соперничества, разделенная по 38-ой параллели на Кореysкую Народно-Демократическую Республику и Республику Корея. Противостояние Севера и Юга носило относительно самостоятельный, локальный характер. Оккупационные войска – как советские, так и американские – были выведены с территории обоих корейских государств. Но без сдерживающего военного присутствия США Южная Корея оказалась в уязвимом положении перед лицом Северной Кореи, располагавшей военным превосходством и требовавшей объединения корейской нации.

Стремление корейского народа к объединению справедливо и естественно, но не бесспорны условия, на которых нация могла бы прийти к единству. Назрел внутрикореysкий конфликт, грозивший перерасти в крупный международный, в котором, кроме СССР и США, игроком была также КНР.

Прологом к конфликту послужила, по свидетельству Н.С.Хрущева, встреча Сталина с Ким Ир Сеном (конец 1949 г.). На ней северокореysкий лидер доказывал, что стоит лишь «подтолкнуть штыком» южнокореysкий режим, и он мгновенно рассыплется, вся страна окажется под коммунистической властью. Сталин сомневался. Его беспокоила возможность американского вмешательства в конфликт. Но Ким Ир Сен был уверен в том, что его войска разгромят южнокореysкого противника так стремительно, что американцы не успеют предпринять ничего серьезного. Сталин

³⁴⁰ United States Relations with China. Washington, D.C. 1949, p. XVII.

³⁴¹ Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959, сс. 219-224.

запросил мнение Мао Цзэдуна. Китайский вождь поддержал замысел Ким Ир Сена.³⁴²

На рассвете 25 июня 1950 г. обладавшие огромным перевесом вооруженные силы КНДР внезапно вторглись в Южную Корею. Не встретив серьезного сопротивления, они вскоре заняли Сеул, а затем овладели почти всей южнокорейской территорией. Как тогда представлялось многим, началось необратимое силовое приращение геополитического пространства Советского Союза - расширение его империи, созданной им в итоге Второй мировой войны. Однако президент Трумэн и его администрация сумели принять срочные и эффективные меры, чтобы восстановить статус-кво.³⁴³ В районе Сеула была осуществлена крупномасштабная высадка американских войск под командованием генерала Макартура. Несомненным дипломатическим выигрышем США явилось принятие по их инициативе резолюций Совета Безопасности ООН, осудивших агрессию КНДР и призвавших членов этой международной организации оказать Южной Корее всю возможную помощь (СССР не смог применить право вето против этих резолюций, поскольку его представителя в Совете Безопасности не было в знак протеста против присутствия в нем гоминдановца). Под флагом ООН вооруженные силы США при поддержке ограниченных контингентов из ряда других стран выступили в корейской войне выразителями интересов всего «свободного мира».

Когда войска КНДР были разгромлены и вытеснены с южнокорейской территории (к октябрю 1950 г.), встал вопрос о дальнейших действиях США и ООН: остановиться у 38-й параллели или перейти ее и продвигаться на север? Испытанию подверглась доктрина «сдерживания». Если на первом этапе корейской войны США препятствовали распространению советского влияния на новые территории, то теперь Америка оказалась перед искушением расширения сферы своего контроля.

Обсуждение этой острой дилеммы происходило в узком кругу военно-политического руководства США, причем, как сторонники, так и противники расширения сферы действия «сдерживания» обосновывали свою точку зрения ссылками на интересы «национальной безопасности». Общественное мнение в целом оставалось на стороне официальной политики противодействия советскому экспансионизму. Все еще достаточен был запас традиционной американской решимости непременно одолеть опасного соперника.

Президент Трумэн одобрил директиву Совета национальной безопасности (СНБ-81/1 от 9 сентября 1950 г.), разрешающую проведение вооруженных действий против КНДР на ее территории.³⁴⁴ В ООН вопрос о вторжении в Северную Корею не обсуждался, но Генеральный секретарь Трюгве Ли посчитал, что «продвижению к северу от 38-й параллели альтернативы не было».³⁴⁵

Логика вооруженной борьбы и воинственный пыл генерала Макартура вскоре привели к тому, что американские войска оказались вблизи границ КНР и СССР. И тут произошло не предвиденное американскими стратегами – под видом «добровольцев» в Северную Корею хлынули регулярные китайские войска (30 дивизий общей численностью свыше миллиона человек). Маятник конфликта качнулся в другую сторону. Под напором превосходящих китайских сил американские войска откатились назад, к 38-й параллели. Настал момент, когда «холодная война» грозила перерасти во всеобщую «горячую».

Внезапное появление китайских «добровольцев» спутало карты политических и военных руководителей США. Столкнулись два течения в послевоенной политике

³⁴² See: Khrushchev Remembers. Boston, 1970, pp. 367-368.

³⁴³ Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. 7, pp. 157-161.

³⁴⁴ Ibid., pp. 712-721.

³⁴⁵ Trygve Lie. In the Cause of Peace: Seven Years in the United Nations. N.Y., 1954, pp. 344-345.

Соединенных Штатов. Одно – откровенно воинственное, безоглядно направленное на силовое противоборство. Другое – более сбалансированное, отражающее противоречивые реальности усложнившегося мира, особенно взаимную уязвимость главных антагонистов в наступившем ядерном веке. Американское общество также раскололось на две противоположные фракции.

Воинственное течение персонифицировал властный и своевольный генерал Макартур, пользовавшийся немалой популярностью в стране. Он предложил прибегнуть к бомбардировке военных и промышленных объектов в Китае, военно-морской блокаде его побережья, переброске чанкайшистских войск с Тайваня на корейский фронт.³⁴⁶ В высших эшелонах власти, в том числе и в Белом доме, слышались угрозы применения против Китая ядерного оружия.³⁴⁷

Сторонникам более осторожной линии в политических и военных кругах пришлось приложить немалые усилия, чтобы сдержать опасное взвинчивание конфронтации, причем общественность в значительной своей части продолжала разделять ура-патриотические настроения. В директиве Макартуру президент Трумэн и начальники штабов указали, что «в жизненно важных интересах Соединенных Штатов необходимо локализовать военные действия в Корее».³⁴⁸ Когда генерал не подчинился приказу и намеревался продолжать войну «до победного конца», президент сместил его с поста командующего американскими войсками в Корее, тем более, что Макартур попытался найти поддержку среди консерваторов и маккартистов внутри США.³⁴⁹ Этот экстраординарный эпизод в американской послевоенной истории свидетельствовал о том, что самая мощная в мире страна начала прощаться со своими представлениями о собственном всесилии. Будет еще много рецидивов «самонадеянности силы», но в тисках ядерной двухполюсности уже пошел необратимый процесс ограничения свободы действий США – а вместе с ним и отрезвление в народной среде тех, кто с готовностью принимает на веру силовую интерпретацию интересов «национальной безопасности».

Опасность развязывания большой войны ощутили и в Москве. Советские люди солидаризировались с борьбой корейского народа против американских интервентов и осуждали правящие круги США, несущие угрозу миру во всем мире. По свидетельству Дмитрия Волкогонова, «Сталин почувствовал, что наступил самый ответственный и опасный момент. Американцы не вынесут поражения и могут схватиться за последний, ядерный аргумент. Пожалуй тогда, после 1945 года, это была самая очевидная угроза третьей мировой войны... В этой ситуации Сталин понимал, что у обеих сторон нет иного выхода, кроме как пойти на компромисс. В своих посланиях к Мао в начале 1953 года он предлагал пойти на переговоры с американцами и южнокорейцами, чтобы избежать худшего».³⁵⁰ К этому можно еще добавить, что прагматизм Сталина мотивировался также его недоверием к китайскому союзнику, взявшему на себя чересчур активную роль в корейском конфликте, чреватую непредсказуемыми последствиями для СССР.

Положение на фронтах корейской войны Сталин обсуждал на встречах с Чжоу Эньлаем (Москва, август - сентябрь 1952 г.). Как явствует из архивных документов, с обеих сторон проявилось нежелание доводить дело до полномасштабной войны с США. Чжоу Эньлай сообщил, что «... корейские товарищи спрашивают, не следует ли им начать новое наступление? Китайское правительство на это ответило, что мы не можем вести стратегическое наступление». Сталин сказал: «Когда идут перегово-

³⁴⁶ Douglas MacArthur. Reminiscences. N.Y., 1964, p. 378.

³⁴⁷ Public Papers of the President of the United States. 1950, p. 727.

³⁴⁸ Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. 7, p.1075-1076.

³⁴⁹ William Manchester. American Caesar: Douglas MacArthur, 1880-1964. Boston, 1978, pp. 17-18.

³⁵⁰ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. М., 1996, к. 2, сс. 511-512.

ры о перемирии, не следует вести ни стратегического, ни тактического наступления».³⁵¹

Руководители двух крупнейших социалистических стран не обсуждали, как их политика затрагивает интересы советского и китайского народов. Просто считали само собою разумеющимся подчинение этих интересов целям общей борьбы против американского империализма. Зато они бесцеремонно распоряжались судьбой народа малой социалистической страны – Северной Кореи. Собеседники высказались за продолжение войны в ее позиционном варианте, не считаясь с тяжелыми потерями северокорейских войск. Чжоу Эньлай: «Мао Цзэдун считает, что продолжение войны выгодно нам, так как это мешает подготовке США к новой мировой войне. Корейцы же думают, что продолжение войны невыгодно». Сталин: «Мао Цзэдун прав. Эта война портит кровь американцам. Северокорейцы ничего не проиграли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне... Нужны выдержка, терпение. Конечно, надо понимать корейцев – у них много жертв. Но им надо разъяснить, что это дело большое. Нужно иметь терпение, нужна большая выдержка».³⁵²

Московские переговоры дают представление не только о характере взаимосвязей внутри социалистического лагеря, но и о восприятии советскими и китайскими лидерами конфронтационной способности США и их союзников. В свете корейской войны у них сложилась ошибочная оценка слабых и сильных сторон американского противника. Всерьез опасаясь возможного, вплоть до ядерной фазы, обострения противоборства, они явно недооценивали способность Соединенных Штатов вести широкомасштабные военные действия обычными, неядерными силами и средствами. Сталин высказал Чжоу Эньлаю свои категорические суждения: «Война в Корее показала слабость американцев. Войска 24 стран не могут долго поддерживать войну в Корее, так как они не добились своих целей и не могут рассчитывать на успех в этом деле... Нет, американцы не умеют воевать. Особенно после корейской войны они потеряли способность вести большую войну. Они надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, но ее у них мало и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать».³⁵³

Страшась ядерного столкновения с Америкой, Сталин вместе с тем пытался создать впечатление, что советская мощь достигла такого уровня, который позволяет расширить «зону социализма». В архивах чехословацкой компартии сохранилось изложение выступления Сталина на совещании руководителей братских компартий (1951 г.). Он разъяснял участникам совещания, что настал наиболее выгодный момент для наступления на капиталистическую Европу, поскольку война в Корее показала слабость американской армии. Лагерь социализма получил военное преимущество, но это преимущество временное. Поэтому основная задача социалистического лагеря, как сформулировал ее Сталин, заключалась в мобилизации всех политических и военных ресурсов для решающего удара по капиталистической Европе. По убеждению вождя, возникла реальная возможность установить социализм по всей Европе.³⁵⁴

Парадоксальное сочетание страха перед угрозой ядерного взаимоуничтожения и уверенности в собственных силах было свойственно не только советской, но и американской «сверхдержавности». Так противоречиво проявлялись в политическом

³⁵¹ Цит. по кн.: А.М.Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участников событий 1937-1952 гг. М., 1999, сс. 160-161.

³⁵² Там же, сс. 161-162.

³⁵³ Там же, сс. 161-162.

³⁵⁴ См.: Эдвард Радзинский. Сталин. М., 1997, с. 609.

мире психологические измерения демократии и тоталитаризма, главными носителями которых оказались две сильнейшие страны, «сверхдержавы» - США и СССР.

Трудно представить себе две другие крупные страны, столь разительно отличающиеся друг от друга, как Соединенные Штаты и Советский Союз. Их разделяли глубокие социально-экономические, идеологические и другие различия. Занимая противоположные геополитические позиции, - США на Американском континенте, за двумя океанами, а СССР – в центре Евразийского массива, - они не имели тесных связей, их жизненные интересы напрямую не сталкивались. Разделенные в пространстве и в основном самодостаточные, две такие страны в другое время могли бы жить независимо друг от друга, не вступая в конфликтные отношения. Однако в эпоху глобального противостояния демократии и тоталитаризма американский и советский полюсы стали антагонистами.

В то же время соперничество «сверхдержав» вызывалось не только их идеологической несовместимостью. Занимая командные позиции каждая в своей системе, «сверхдержавы» использовали их в собственных национально-государственных интересах. Академик Яковлев так охарактеризовал суть «сверхдержавности»: «... на ближайшие послевоенные десятилетия у Соединенных Штатов не просматривался иной достаточно мощный соперник в мире, кроме СССР. Положение еще усугублялось и тем, что если США были – и остаются – проверенной временем демократией, то СССР того периода был диктатурой. Оба государства исповедовали отчетливо выраженный мессианизм, опирающийся на твердое убеждение, что именно их модель в конечном счете победит во всем мире. Разница заключалась в том, что за американским мессианизмом стояла природная склонность всякого капитализма к экономической экспансии в силу действия законов рынка, тогда как советский мессианизм питался идеологическими соображениями и опирался преимущественно на военную силу... столкновение того или иного рода между этими двумя силами было неизбежно».³⁵⁵

Статус «сверхдержавности» не дается безусловно на все времена. Академик Примаков отметил: «Супердержава» – категория «холодной войны». Отличительными признаками такого государства не могут быть только экономические, военные и иные преимущества. Супердержава должна выполнять функцию обеспечения безопасности целой группы стран. Причем в период, когда существует для них реальная и общая угроза. Естественно, что супердержава становится лидером этой группы, диктует ей свою волю, командует ею. Таким был Советский Союз. Такими были и Соединенные Штаты...».³⁵⁶

Глубинное, сущностное противоречие между демократией и тоталитаризмом воплотилось в советско-американскую «сверхдержавность», подчинило ей глобальное структурообразование международных отношений и стратегической стабильности в мире. Быть или не быть ядерной катастрофе зависело от СССР и США.

Разумеется, нет оснований абсолютизировать могущество «сверхдержав». Масштабы их силового величия, хотя и внушали трепет всему миру, по сути измерялись способностью двух колоссов уничтожить друг друга и обрушить бедствия на человечество. Далеко оторвавшись от всех остальных стран мира по силовым признакам, они не составили тандема гегемонов. Своим соперничеством они нейтрализовывали друг друга. Вне сфер их геополитического контроля оставалось обширное пространство, где многие страны и народы все же не были подвластны диктату ни из Москвы, ни из Вашингтона. Реальное значение «сверхдержавности» ограничивалось общей тенденцией современных международных отношений – усиливающейся тягой

³⁵⁵ Александр Яковлев. Омут памяти. М., 2001, сс. 535-536.

³⁵⁶ Евгений Примаков. Восемь месяцев плюс... М., 2001, сс. 234-235.

все более широкого круга государств к политической самостоятельности, подрывающей основу «сверхдержавной» исключительности.

Профессор Уолт Ростоу, занимавший высокие посты в американском правительстве, констатирует: «Что касается сверхдержавности, то теперь, в ретроспективе, ясно, что в мире расплывающейся мощи она изначально была иллюзией. Соединенные Штаты способны использовать имеющиеся у них значительные возможности и влияние, когда добиваются правильно выбранной цели. Но если Соединенные Штаты пытаются предпринять что-либо идущее вразрез с мнениями и чаяниями большинства мирового сообщества, они могут легко заходить в тупик и даже в изоляцию».³⁵⁷

В общем, нельзя принять термин «сверхдержава» без изрядной доли условности. Тем не менее, трудно переоценить огромное, порой монопольное, влияние «сверхдержав» на состояние международных отношений в период конфронтации. Подчинив двухполюсное размежевание интересам своего соперничества, они придали ему изначальное ускорение и особую ожесточенность. Отчасти это объяснялось тем, что у кормила мировой политики оказались (и отталкивали от него друг друга) лидеры СССР и США, не обладавшие той политической умудренностью, какой отличались, например, правители Британской империи. Недостаток практического опыта и широты кругозора «новички» в глобальных международных делах возмещали напористостью и прямолинейностью. Многие решения, принимавшиеся тогда в Москве и Вашингтоне, по прошествии времени никак нельзя признать достаточно обоснованными и взвешенными. А ведь они задавали тон конфронтации, вольно или невольно подталкивали мир к роковой черте.

Своим соперничеством «сверхдержавы» деформировали структуру международных отношений, придавая им конфронтационную двухполюсность, во многом вопреки интересам суверенных государств и наций всего остального мира. Но и сами они испытывали на себе давление глобального противостояния, причем с неодинаковыми результатами для каждой из них. Несмотря на общность их стремления избежать ядерного взаимоничтожения, логика конфронтации подталкивала и ту, и другую «сверхдержаву» на действия, которые увеличивали вероятность рокового столкновения, что неизбежно углубляло разрыв между их национальными и государственными интересами.

Лидеры США противодействовали угрозе советского тоталитаризма, выступая под флагом обеспечения безопасности - собственной и всех других демократий мира. Признавая справедливость этой цели, американское общество, однако, не принимало такого апокалиптического курса государственной политики, который мог привести к ядерной войне. Когда же противоречие между национальными и государственными интересами достигало критического накала – как в итоге вьетнамской войны – происходила необходимая, порой весьма болезненная, коррекция внешней политики.

Для советской «сверхдержавы», списывавшей со счетов собственные национальные интересы, цена конечной победы над американским соперником не имела значения, как это было на всем протяжении борьбы большевистской власти против любых внешних (и внутренних) врагов. Но цена эта была не безразлична для советского народа, который кровью заплатил за независимость своей Родины и был бы обречен на неизмеримо большие жертвы в случае новой – ядерной! войны. Конечно, советские люди были готовы сражаться за свою страну, если бы она вновь подверглась нападению. Но политика имперского экспансионизма – это другое дело. Несмотря на драконовский режим, она не гарантировала единомышленной и надежной

³⁵⁷ Walt W. Rostow. The United States and the New World Order. The International System after the Collapse of the East-West Order. Boston. 1994, p. 508.

поддержки со стороны «не признанной» вождями, но реально существовавшей нации. По мере все более глубокого вползания советской «сверхдержавы» в изнурительное и бесперспективное геополитическое противоборство в разных районах земного шара (апофеозом безрассудства которого явилось вторжение в Афганистан), разрыв между национальными интересами страны и ее внешней политикой становился столь разительным, что игнорировать его оказалось невозможным даже для правящей номенклатуры, привыкшей злоупотреблять долготерпением и покорностью народа. Однако, в отличие от США и других демократических стран, в СССР назревший кризис доверия не привел к своевременному пересмотру экспансионистского курса, что и послужило в конечном итоге одной из главных причин развала советской «сверхдержавы» и ее империи.

Двухполюсная структура противостояния опиралась на контролируемые «сверхдержавами» военные блоки – НАТО и ОВД, а также на разветвленную сеть союзнических связей, опорных баз и плацдармов в разных частях мира. Но отношения «сверхдержав» даже со странами из их ближайшего окружения отличались бесцеремонностью. Независимо от различий в конечных целях политики, СССР и США проявляли сходство в методах насаждения и поддержания своего командного положения. В этом смысле в двухполюсном мире мало что изменилось со времен, когда Салтыков-Щедрин язвительно подметил: «Я вижу людей, работающих в пользу идей несомненно скверных и опасных и сопровождающих свою работу возгласом: «Пади! Задавлю!» и вижу людей, работающих в пользу идей справедливых и полезных, но также сопровождающих свою работу возгласом: «Пади! Задавлю!».³⁵⁸

«Сверхдержавная» модель поведения – будь то советская, будь то американская – не могла не вызывать подспудное, а то и открытое (титовская Югославия, голлистская Франция) неприятие внутри каждого из двух полюсов. Расшатывалась основа межсоюзнических связей, что не устраивало ни Москву, ни Вашингтон. Но лидеры «сверхдержав» видели средством устранения внутриблоковых расхождений не политический диалог с союзниками и друзьями, а дальнейшее нагнетание напряженности в мире.

Между тем, взвинчивание конфронтации не сулило «сверхдержавам» осязаемых геополитических выгод, загоняло их в тупиковые ситуации. Они все чувствительнее ощущали нагрузку силового противостояния, причем истощенный в войне СССР гораздо большую, чем США и их союзники, располагавшие превосходящим экономическим потенциалом. Но нарастание внутренних разногласий намного сильнее давало о себе знать в демократической среде Запада, чем в условиях советского тоталитарного режима. Вероятно, пытаясь воспользоваться этим, Сталин направил Соединенным Штатам, Великобритании и Франции «мирную ноту» по Германии (10 марта 1952 г.). В ноте высказывалась идея нейтрализации Германии на основе свободных выборов и объединения страны с последующим выводом с ее территории всех четырех оккупирующих держав.³⁵⁹

Советское предложение, отвечавшее национальным интересам Германии, да и всех государств-победителей, было обставлено множеством оговорок и поэтому требовало длительных переговоров и сближения позиций сторон. Сталин, по всей вероятности, хотел не основательного мирного урегулирования, а лишь нужной ему временной передышки, снижения темпов конфронтации, замедления создания Североатлантического блока, подрыва военно-политических связей США с их западноевропейскими союзниками. Однако его «мирная нота» опоздала по меньшей мере лет на пять. Америка и другие западные демократии уже глубоко вовлеклись в про-

³⁵⁸ М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 10 томах. М., 1988, т. 3, с. 92.

³⁵⁹ Documents on Germany, 1944-1985. Washington, D.C.: US Government Printings Office, № 9446, pp. 361-364.

тивостояние, почувствовали свою силу и не выразили готовности к переговорам. Да и в Москве вскоре произошла смена руководства после смерти Сталина. Его преемники не обладали достаточным авторитетом для дипломатической игры с Западом, кроме того, они были поглощены внутренней борьбой друг с другом за власть в Кремле. Так или иначе, «сверхдержавное» противоборство продолжилось в прежней колее.

Соперничество Москвы и Вашингтона приобретало собственную инерцию на фоне абсолютизации идеологических постулатов несовместимости и непримиримости демократии и тоталитаризма. Силовая конфронтация и конфронтационная идеология образовали замкнутый круг взаимостимулирования и взаимоусиления. Сверхмилитаризация и сверхидеологизация шли рука об руку, нагнетая атмосферу взаимного страха и взаимных угроз, вовлекая в военную истерию широкие слои населения. На обеих сторонах не только на государственном, но в немалой степени и на общественном уровне нарастала встречная агрессивность.

Представляется, что провоцирующая роль идеологии в «холодной войне», в особенности на ее начальных стадиях, оценена еще недостаточно. Поднятая на уровень государственной политики и обоснованная национальными интересами, она служила не просто «фоном» конфронтации, а существенной ее составляющей. Исходившие с вершин власти импульсы испепеляющей ненависти ожесточали людей, превращали их в заложников и носителей вражды, непримиримо более яростной, чем это оправдывалось любыми рациональными целями. И конечно, немалый вклад в разжигание антагонизма внесли наиболее рьяные приверженцы духа непримиримости, в том числе руководители внешней политики обеих «сверхдержав».

На западном полюсе противоборства апостолом жесткого курса против «безбожного коммунизма», бесспорно, был Джон Фостер Даллес. Еще до того, как стать государственным секретарем в администрации Дуайта Эйзенхауэра, он зарекомендовал себя глашатаем политики под знаком «никакого умиротворения!». В октябре 1945 г. он провозгласил «...конец целой эпохи, эпохи Тегерана, Ялты и Потсдама».³⁶⁰ При Эйзенхауэре Даллес монополизировал внешнюю политику США, ужесточая противостояние Советскому Союзу и не считаясь с настроениями в американском обществе.

На Востоке вершиной айсберга «холодной войны» вплоть до конца своих дней был Сталин. Силы вождя явно шли на убыль, но он крепко держал в руках тоталитарную власть, все круче закручивал гайки идеологических и политических механизмов советской «сверхдержавы». Его не оставляла убежденность в неизбежности силового разрешения исторического спора с противоположной системой, к которой он призывал относиться с классовой нетерпимостью. Сталинским духом беспощадности была пропитана советская пропаганда. «Правда» предрекала: «Судьба мира будет в конечном счете решена в результате неизбежного столкновения двух миров».³⁶¹ «Коммунист» предупреждал: «... любая мысль об умиротворении империалистов ... - это просто буржуазный либерализм и отход от теории классовой борьбы».³⁶²

И в послесталинский период не было недостатка в ревностных приверженцах непримиримой классовой борьбы на мировой арене. Первый среди них - Молотов, неизменно выступавший со сталинских догматических позиций. Идеологический антитип Даллеса, в практической политике он был по сути его духовным близнецом. Каждый действовал в своих целях, но вместе они составляли тандем, разжигавший вражду между «сверхдержавами».

³⁶⁰ John F. Dulles. War and Peace. N.Y., 1957, p. 127.

³⁶¹ Правда. Передовая. 9 сентября 1952 г.

³⁶² Коммунист. Редакционная статья. 1953. № 1, сс. 1-13.

В своих мемуарах ветеран советской дипломатии А.Ф.Добрынин, присутствовавший на беседах Молотова и Даллеса, пишет: «Разговор был обычно жесткий и походил, скорее, на диалог глухих, хотя и соблюдались внешние дипломатические рамки бесед. Это было символическое противостояние наиболее ярких представителей двух идеологических систем мира. И пока они и им подобные находились у власти, “холодная война” не имела никаких шансов на потепление, а советско-американские отношения не могли продвинуться ни на шаг вперед».³⁶³

Мощный подрывной заряд несла в себе пропаганда пока еще формального союзника СССР – КНР. Мао Цзэдун с предельным цинизмом излагал свои чудовищные идеологические и политические откровения. От его изречений отшатнулись не только в Вашингтоне, но и в Москве. Попирая интересы и чаяния собственного и всех других народов, пекинский лидер вещал: «Если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм... Войны не нужно бояться»... «Наш коронный номер – война, диктатура». «Мы должны покорить земной шар... создать на нем нашу мощную державу».³⁶⁴

На центральном направлении противостояния «сверхдержав», вызывавшем международную нестабильность, ожесточенная идеологическая борьба подпитывалась революцией в военном деле. Получилась «гремучая смесь» непримиримой враждебности и необъятных разрушительных возможностей ядерной эры.

Уже на ранних стадиях конфронтации (примерно в первое послевоенное десятилетие) ядерный компонент военных структур США и СССР, хотя и выполнял функции устрашения и сдерживания, пока еще не был становым хребтом их вооруженных сил, главные средства и способы ведения военных действий оставались на уровне Второй мировой войны. Лишь к середине 50-х годов пришла пора материально-технического переоснащения и военно-стратегической переориентации противостоящих сторон. Гонка вооружений вступила в качественно новую фазу. «Сверхдержавы» наперегонки устремились к максимальному количественному наращиванию и качественному совершенствованию своих ядерных вооружений.

Историческим по своему значению стал выход СССР в космическое пространство (1957 г.), свидетельствовавший о появлении у него ракет, способных достигнуть территорию США и нанести по ней ядерный удар. С американской стороны, в обстановке панического возбуждения по поводу «ракетного отставания» от СССР, развернулись крупномасштабные многомиллиардные программы производства ракет наземного и морского базирования в дополнение к уже развернутым бомбардировщикам стратегического назначения.

Принимались ли при этом в расчет национальные интересы каждой из «сверхдержав» и всех остальных государств мира? В пропагандистских целях, конечно, ссылались на необходимость укрепить «национальную» и «международную» безопасность. В той мере, в какой речь шла о предотвращении ядерного нападения, цель оправдывала средства. Но ведь эскалация гонки вооружений чудовищной убойной силы отнюдь не ограничивалась целью взаимного сдерживания. «Сверхдержавы» стремились обогнать друг друга в способности использовать ядерный фактор для расширения зон собственного влияния и контроля. Максимальное наращивание арсеналов смертоносного оружия подстегивалось взаимными подозрениями и страхами, причем не только в правящих верхах, но и в народных массах. Выработка военно-технических решений игнорировала зачастую интересы не только нации, но и государства ввиду давления корыстных ведомственных и иных корпоративных группировок.

³⁶³ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, с. 20.

³⁶⁴ Маоизм без прикрас. М., 1980, сс. 223, 237, 238, 248.

Столь же пагубную роль с точки зрения национальных и государственных интересов играла сумятица в «сверхдержавном» военно-стратегическом мышлении. Преобладали традиционные, безнадежно устаревшие подходы к поиску решений спорных проблем преимущественно на силовой, а не на политической основе. Лидеры «сверхдержав» были одержимы идеей опережающего развязывания победоносной войны. В Вашингтоне прикидывали, как поскорее «покончить» с Советским Союзом, пока он не обрел значительную ядерную мощь, а заодно и с Китаем и другими странами социалистического лагеря. В Москве торопились «ударить» по США и их натовским союзникам, пока они не запустили на полные обороты свою военно-промышленную машину и не развернули крупные вооруженные силы в Западной Европе.

Администрация Эйзенхауэра испытывала искушение применить на практике даллесовскую формулу «балансирования на грани войны». По утверждению американской прессы, президент США рассматривал возможность нанесения ядерных ударов по Китаю для скорейшего прекращения военных действий в Корее (1953 г.).³⁶⁵ Объединенный комитет начальников штабов и госдепартамент предлагали применить ядерное оружие против военных целей в Маньчжурии (1954 г.).³⁶⁶ Эйзенхауэр поддержал план генерала Туайнинга и адмирала Рэдфорда относительно возможных ядерных бомбардировок в Индокитае (1954 г.).³⁶⁷ В Белом доме рассматривались варианты разрешения конфликта в Тайваньском проливе путем применения ядерного оружия (1956 г.).³⁶⁸

Целесообразность введения «ядерного элемента» в конфликты предусматривалась не только для периферийных ситуаций. Американские стратеги исходили из необходимости применения ядерного оружия в прямом противоборстве с СССР. К концу 50-х годов был выработан «Единый объединенный оперативный план» (SIOP-1), в соответствии с которым предлагалось задействовать стратегические силы США немедленно по получении сигнала тревоги в целях поражения военных и промышленных объектов в СССР и других социалистических странах.³⁶⁹

Зловещие планы США, многократно усиленные военной истерией, вызвали тревогу в широких слоях мировой общественности. Начались стихийные антивоенные выступления, развернулось движение сторонников мира, причем не столько в Соединенных Штатах, сколько в других странах мира, в частности по инициативе и при поддержке Советского Союза (внутри страны общественная активность в защиту мира регламентировалась властью и имела исключительно антиамериканскую направленность). В рамках двухполюсности наметился морально-политический сдвиг если не во всем в пользу советской, то определенно в ущерб американской стороне. В целом же подъем антивоенных, антиядерных настроений мировой общественности заметно снизил накал опасной напряженности в мире, способствовал нарастанию на Западе требований привести внешнюю политику и военную стратегию в соответствие с национальными интересами демократических стран.

Ядерная угроза вызвала расхождения в Североатлантическом союзе. Озабоченность рискованной несдержанностью американских военных выразили многие натовские союзники США, в том числе и британские, находящиеся с ними в «особых

³⁶⁵ S.E.Ambrose. Eisenhower: The President. N.Y., 1984, p. 658.

³⁶⁶ The New York Times. June 8, 1984.

³⁶⁷ The Washington Post, Aug. 22, 1982.

³⁶⁸ R.A.Divine. Eisenhower and the Cold War. N.Y., 1981, p. 62.

³⁶⁹ F.Kaplan. The Wizards of Armageddon. N.Y., 1983, pp. 263-270.

отношениях». Лондон стал в открытую оппозицию к Вашингтону по вопросу о применении ядерного оружия.³⁷⁰

Беспокойство обнаружилось и в самих Соединенных Штатах. Трезвомыслящие представители политической элиты и академических кругов призвали к более взвешенной оценке мировой обстановки и сбалансированной стратегии в ядерный век. В своей первой, получившей широкую известность книге «Ядерное оружие и внешняя политика» (1957 г.) Генри Киссинджер писал: «Наша былая неуязвимость порождала иллюзию, будто есть “чисто” военные ответы на вызовы нашей безопасности и будто политика прекращается там, где начинается стратегия. Но исключительность подобного подхода исчезла вместе с нашей атомной монополией. Поэтому теперь нам придется жить с тем, с чем уже давно знакомы нации, находящиеся в менее благоприятных условиях: как соотносить желаемое с возможным и, самое главное, как существовать под угрозой катастрофы».³⁷¹

Углубление противоречивости двухполюсности затронуло также внешнеполитический процесс США. В нем обострилась борьба между воинственной и умеренной тенденциями, причем в обстановке напряженности большинство американцев в начале склонялось скорее к первой, а не ко второй тенденции, требующей непростого переосмысления привычных (упрощенных) стереотипов реагирования на угрозы.

Трудно определить, насколько под давлением сторонников умеренности, а насколько – императивов ядерной эры, но политическая философия Эйзенхауэра несомненно претерпела эволюцию за время его пребывания в Белом доме. Как считает один из ближайших советников президента Шерман Адамс, «... жесткий и бескомпромиссный курс, который правительство США проводило против Советской России и Коммунистического Китая с 1953 г. по первые месяцы 1959 г., был скорее курсом Даллеса, чем курсом Эйзенхауэра».³⁷² Но в душе бывший военачальник всегда был против развязывания ядерной войны. Об этом красноречиво свидетельствуют архивы Эйзенхауэра – записи его доверительных бесед и частная переписка. В одном из таких писем (4 апреля 1956 г.) президент писал: «Когда мы подойдем к той грани, за которой обе стороны будут уверены в том, что в случае возникновения всеобщей войны, независимо от ее внезапности, уничтожение станет как взаимным, так и полным, быть может, у нас хватит разума, чтобы встретиться за столом переговоров с пониманием того, что эра вооружений кончилась и род человеческий должен согласовывать свои действия с этой истиной или погибнуть».³⁷³ К исходу своего президентства Эйзенхауэр завершил эту тему провидческим предостережением о грозной опасности, таящейся в «чрезмерном росте могущества и влияния на внешнюю политику и стратегию военно-промышленного комплекса, способного ввергнуть человечество в ядерную катастрофу».³⁷⁴

Знаменательные веяния обозначились также на советском полюсе противостояния. XX съезд КПСС (1956 г.), осудивший культ личности Сталина, внес существенные поправки в основополагающие принципы внутренней и внешней политики СССР. Вместо абсолютизации классовой борьбы на мировой арене акцент был перенесен на мирное сосуществование государств с различным общественным строем. КПСС отказалась от прежней увязки военной угрозы с существованием империализма. Прозвучал тезис об отсутствии фатальной неизбежности новой мировой

³⁷⁰ See: H.Macmillan. Tides of Fortune. L.1960, p. 571; A.Eden. Full Circle. Boston, 1960, p. 117; J.Colville. Fringes of Power. N.Y. 1985, p. 685.

³⁷¹ Henry A.Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N.Y. 1957, p. 20.

³⁷² Sherman Adams. Firsthand Report. N.Y., 1961, p. 87.

³⁷³ Blanche Wiesen Cook. The Declassified Eisenhower: A Divided Legacy of Peace and Political Warfare. N.Y., 1984, p. 166.

³⁷⁴ See; Dwight D.Eisenhower. Public Papers of the Presidents of the United States, 1953-1961. Washington, D.C., 1962, pp. 1035-1040.

войны. В отчетном докладе съезду Н.С.Хрущев подчеркнул, что в вопросе о том, «быть или не быть войне», имеет большое значение «соотношение классовых, политических сил, организованность и созидательная воля людей».³⁷⁵

Разумеется, было еще рано говорить о радикальной смене координат советской политики, тем более государственного (тоталитарного) устройства страны. Все же веление времени заставило начать корректировку отношения Советского Союза к внешнему миру, в первую очередь к своему главному сопернику – США. В атмосфере хрущевской «оттепели» советская внешняя политика освободилась от некоторых застарелых догм, лишавших ее гибкости и инициативы. Этому во многом помогло отстранение от руководства Молотова, Маленкова, Кагановича и других последователей сталинизма (1957 г.). Активизировалась деятельность советской дипломатии, направленная на развитие нормальных отношений со многими зарубежными государствами, на поиск путей к взаимоприемлемому разрешению международных проблем.

Все это отвечало коренным интересам советского народа, как и народов всех стран мира. Бесспорно, позитивный сдвиг был бы намного глубже, если бы к процессу пересмотра внешней политики позволили всерьез подключить общественность страны, принять предложения, прислушаться к пожеланиям, исходящим из народных глубин. Но тоталитарный порядок не был бы тоталитарным, измени он правила формирования политики, от которой народ был фактически отчужден. Тем не менее, если и в этом случае, как всегда, перемены инициировались не снизу, а сверху, то их позитивный настрой соответствовал потребностям государства и нации.

К концу 50-х годов появились предпосылки смягчения двухполюсного противостояния и разрядки международной напряженности. Состоялась первая за годы «холодной войны» советско-американская встреча на высшем уровне. Переговоры Хрущева и Эйзенхауэра завершились подписанием в Вашингтоне (27 сентября 1959 г.) совместного коммюнике, в котором провозглашалось: «Председатель Совета Министров СССР и Президент Соединенных Штатов Америки согласились, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами путем переговоров».³⁷⁶

Ожидания скорого примирения противостоящих сторон не оправдались. Слишком сильно раскрутился маховик двухполюсного соперничества, слишком могущественны были силы, заинтересованные в продолжении конфронтации – как с одной, так и с другой стороны. Предложение Эйзенхауэра об «открытом небе» было отклонено Советским Союзом, не готовым принять условия проведения инспекций. А США отвергли выдвинутую Хрущевым «Программу всеобщего и полного разоружения». Вступивший на пост госсекретаря после смерти Даллеса К.Гертер так разъяснил негативную американскую позицию: «... несмотря на все угрозы, которые влечет за собой гонка вооружений, особенно ядерных, Соединенные Штаты все же считают их меньшими, чем опасности, которые возникли бы, если бы мы вступили в ненадежное соглашение о контроле над вооружениями».³⁷⁷ Да и сам Хрущев, судя по его воспоминаниям, признал, что советская программа «служила больше пропагандистским, нежели реалистическим целям». СССР в тот период «значительно отставал от США как по боеголовкам, так и по ракетам, а США были недостижимы для наших бомбардировщиков».³⁷⁸

³⁷⁵ Н.С.Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., 1956, с. 39.

³⁷⁶ Жить в мире и дружбе: Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева в США 15-27 сентября 1959 г., М., 1959, с. 39.

³⁷⁷ Documents on American Foreign Relations, 1960/ Ed., R.P.Stebbins/. N.Y., 1961, p. 188.

³⁷⁸ Khrushchev Remembers. Boston, 1970, pp. 410-413.

В США за максимальное наращивание ядерных вооружений выступили влиятельные группировки в политических, военных, промышленных, финансовых кругах. Их манифестом стал хотя и секретный, но получивший огласку и повлиявший на общественное мнение «Доклад Гейтера». В нем администрация Эйзенхауэра фактически обвинялась в недостаточных военных приготовлениях и содержался призыв к форсированному увеличению наступательной мощи США.³⁷⁹ Приход в Белый дом Джона Кеннеди не замедлил наращивания ядерного арсенала США. Новый президент и его министр обороны Роберт Макнамара придали гибкость американскому стратегическому планированию, расширили диапазон возможного использования ядерного оружия. Безальтернативную доктрину «массированного возмездия», потерявшую убедительность в условиях ядерной двухполюсности, сменила доктрина «гибкого реагирования», предусматривающая многовариантность силовых и дипломатических решений в зависимости от конкретной ситуации. По свидетельству специального советника президента Теодора Соренсена, Кеннеди считал дальнейшее увеличение ядерных возможностей США непрямым условием успешного политического торга на переговорах с Советским Союзом. Он был убежден в настоятельной и неотложной необходимости сделать все, чтобы американские вооружения «стали достаточными вне всякого сомнения».³⁸⁰

Обновление стратегического мышления и дифференциация способов использования ядерного фактора едва ли прибавили американцам уверенности в надежности безопасности на основе «сдерживания». Если раньше мало кто верил в способность нанесения Соединенными Штатами обезоруживающего массированного ядерного удара по СССР в случае его военной акции в Европе, то с утратой стратегической неуязвимости американской территории надежды на эффективное одностороннее (исключающее ответный советский удар) ограниченное применение оружия массового поражения никак не прибавилось. Скорее, наоборот, в американском обществе острее почувствовали неопределенность и зыбкость стратегии обеспечения национальной безопасности. Однако смена военно-политических концепций в правительственных верхах не вызвала активной реакции со стороны широких слоев населения США. Они не вникали в усложняющуюся конкретику «сверхдержавного» соперничества, в массе своей испытывали чувство безоговорочного патриотизма к собственной стране и непримиримость к потенциальному врагу.

Внешнеполитическая стратегия СССР, проецировавшаяся на мировое общественное мнение, подчеркивала свою ориентацию на опережающий рост во всем мире сил социального и национального освобождения, прежде всего мировой социалистической системы. «Мы верим, что в соревновании с капитализмом победа будет за социализмом, - заявлял Хрущев. – Мы верим, что эта победа будет одержана в мирном соревновании, а не на путях развязывания войны».³⁸¹ Хрущевский призыв «догнать и перегнать Америку» на социально-экономическом поприще был заведомо неосуществим. И предназначался он главным образом для внутреннего потребления, для взбадривания советского народа. На самом деле ставка делалась на решающий рывок в силовом соперничестве с американской «сверхдержавой». В своем окружении Хрущев откровенно указывал на это: «Мы обязаны вести политику с позиции силы. Мы не говорим это вслух, но это так. Другой политики, другого языка наши противники не понимают».³⁸²

Запуск космических спутников и другие успехи в научно-технической области, свидетельствовавшие о наращивании советского ракетно-ядерного потенциала,

³⁷⁹ Blanche Wiesen Cook. The Unclassified Eisenhower. N.Y., 1984, pp. 168, 362.

³⁸⁰ Theodore C. Sorensen. Kennedy. N.Y., 1965, p. 602.

³⁸¹ Н.С.Хрущев, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии. М., 1961 с. 17.

³⁸² Цит. по: Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998, с. 358.

вселяли в кремлевских лидеров уверенность (вернее, самоуверенность) в способности не только решительнее противостоять американскому сопернику, но и вынуждать его к отступлению на тех или иных участках противостояния. При этом считалось, что из элементарного инстинкта самосохранения американцы не пойдут на риск развязывания ядерной войны. А если все-таки избежать катастрофы не удастся, погибнет в ней не социализм, а капитализм. Обосновывая тезис об отсутствии фатальной неизбежности новой мировой (ядерной) войны, Хрущев вместе с тем утверждал: «Если же вопреки рассудку империалисты осмелятся посягнуть на социалистические страны и ввергнуть человечество в пучину истребительной войны, то этот их безумный шаг будет последним, это будет конец всей системы капитализма».³⁸³ Секретарь ЦК КПСС Пономарев поспешил объявить, что социалистическая система уже обеспечила себе «военно-техническое превосходство» над капитализмом.³⁸⁴ Министр обороны СССР маршал Малиновский отверг американскую концепцию скоротечной ядерной войны и сформулировал установку на готовность к «затяжной войне», которая неизбежно последует за первоначальным кратким обменом ядерными ударами и потребует «длительных и неослабных усилий всех вооруженных сил и страны в целом».³⁸⁵

Устрашающие заявления советского руководства вполне определенно несли пропагандистскую нагрузку. Обращенные вовне, они преследовали цель оказать психологическое давление на потенциального противника. Вовнутрь – подготовить советский народ к грядущим тяготам, как обычно, не спрашивая его согласия с воинственным курсом, ведущим к дальнейшему расширению в мире социалистического (тоталитарного!) пространства. Все решала партийная верхушка в привычной уверенности, что народ с безоговорочной готовностью пойдет на любые жертвы ради решения поставленных перед ним задач, не задумываясь об их соответствии интересам нации и государства.

На сей раз, однако, всплеск воинственности в Кремле имел одну конкретную цель – в соревновании с американской «сверхдержавой» добиться крутого и неоспоримого изменения соотношения сил в пользу советской «сверхдержавы». Вполне понятно, что решить столь крупномасштабную задачу путем расширения и ускорения производства ракетно-ядерных вооружений было нереально. Советские научные, технические, конструкторские и производственные ресурсы были полностью задействованы и работали на пределе своих возможностей. Кроме того, требовалось время на разработку и внедрение новых систем оружия. А в Соединенных Штатах тем временем создавались, совершенствовались и разворачивались все более мощные средства вооруженной борьбы. Нужна была какая-то неожиданная и ошеломительная акция, способная в одночасье зримо склонить баланс сил в сторону СССР.

И вот тогда появилась отчаянная идея – одним махом улучшить геостратегическое положение советской «сверхдержавы», тайно и внезапно разместить свои ракеты средней дальности с ядерными боеголовками на Кубе, в непосредственной близости от американской территории. Такая рискованная, но заманчивая цель показалась Хрущеву (вероятнее всего, с подачи военных) вполне достижимой. При этом политико-идеологическим прикрытием замышлявшейся акции была «защита кубинской революции» (что само по себе являлось немаловажной сопутствующей целью, особенно в свете неудачной попытки США в 1961 г. высадить кубинских контрреволюционеров в Заливе свиней). Главный же замысел советского руко-

³⁸³ Н.С.Хрущев. Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии. М., 1961, с. 17.

³⁸⁴ Б.Н.Пономарев. Основные проблемы современного международного коммунистического движения /Рабочее движение в капиталистических странах, 1959-1961. М., 1961, с. 17.

³⁸⁵ Родион Малиновский. Бдительно стоять на страже мира. М., 1962, с. 26.

дства имел не локальное и даже не региональное, а глобальное, стратегическое значение. В то время СССР располагал примерно 300 ядерными боезарядами при весьма ограниченной способности их доставки к целям в США. А с американской стороны имелось свыше 5000 единиц, включая ядерные боеголовки на размещенных в Англии, Италии и Турции ракетах, нацеленных на Советский Союз. Передислокация на Кубу хотя бы нескольких десятков советских ракет средней дальности существенно изменила бы обстановку. Кроме психологического и геополитического выигрыша, СССР создавал бы ядерную угрозу Вашингтону, Нью-Йорку, Чикаго и другим американским жизненным центрам. Заметно выровнялся бы баланс уязвимости «сверхдержав».³⁸⁶

Опасался ли Хрущев возможности катастрофического просчета? Судя по всему, не мог не опасаться, ибо ненадежны были любые расчеты во взрывоопасных условиях конфронтации. Опасался, не хотел большой войны, и все-таки надеялся на успех затеянной им азартной игры «втемную». Полагался на закрытость тоталитарной системы, позволявшую проводить подготовку к внезапной акции в глубокой тайне и от американского соперника, и от собственного народа.³⁸⁷ Но главной причиной переоценки своих и недооценки противостоящих сил было, очевидно, неадекватное представление о способности демократии решительно ответить на брошенный вызов. Классовая нетерпимость оборачивалась презумпцией классового превосходства.

В беседе с американским поэтом Робертом Фростом (1962 г.) Хрущев презрительно заметил: «демократии слишком либеральны, чтобы воевать».³⁸⁸ (Кстати, Мао Цзэдун, к тому времени уже не союзник, а соперник Хрущева, мыслил с ним одними и теми же категориями общей идеологии: «американцы боятся войны больше, чем мы»³⁸⁹). После встречи с Кеннеди в Вене (3-4 июня 1961 г.) и острой дискуссии о статусе Западного Берлина у Хрущева сложилось впечатление о недостаточной твердости и даже «мякотелости» молодого президента США.³⁹⁰ Во время секретной встречи с членами Политбюро и военачальниками Хрущев сказал: «Ракеты необходимо доставлять и размещать незаметно, с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом ... американцам ничего не останется, как проглотить эту горькую пилюлю».³⁹¹ Однако, как вскоре выяснилось, американцы не захотели глотать горькую пилюлю...

Кубинский ракетный кризис, потрясший до основания двухполюсные отношения, оставил глубокий, непреходящий отпечаток на всей мировой политике, в том числе на процессе ее формирования применительно к национальным и государственным интересам. Уроки кризиса убедительно показали не только провоцирующую роль советской «сверхдержавы» в данном конкретном эпизоде противостояния, но и драматическое стечение просчетов с обеих сторон, которое толкало их и все человечество к краю ядерной катастрофы.

Ответственность за возникновение опаснейшего кризиса в той или иной мере признали лидеры «сверхдержав». Специальный помощник президента США А.Шлезингер свидетельствовал: «Что больше всего угнетало Кеннеди, так это непостижимость того, как каждая из сверхдержав могла утратить способность реального восприятия противоположной стороны: Соединенные Штаты были уверены, что Со-

³⁸⁶ See: Imbalance of Power: the Report to the Senate Armed Services Committee by John M. Collins. San Rafael, California, 1987, pp. 70-85.

³⁸⁷ См.: О.А.Трояновский. Карибский кризис: взгляд из Кремля. Международная жизнь, март-апрель 1992, с. 169.

³⁸⁸ F.D.Reeve. Robert Frost in Russia. Boston, 1964, pp. 115, 120-123.

³⁸⁹ Мао Цзэдун без прикрас. М., 1980, с. 245.

³⁹⁰ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, сс. 38, 55.

³⁹¹ Там же, с. 60.

ветский Союз никогда не разместит ядерные ракеты на Кубе; Советский Союз был абсолютно уверен, что он сможет сделать это, а Соединенные Штаты не отважатся ответить».³⁹²

Хрущев в своих воспоминаниях обошел стороной ядерную тему, оправдывая свое рискованное решение лишь необходимостью ограждения Кубы от возможного американского вооруженного вторжения. Тем не менее, косвенно он все же взял на себя часть вины за неоправданно опасную эскалацию кризиса.³⁹³ Вспоминая о кубинском кризисе в своих мемуарах, Громыко оправдывал размещение советских ядерных ракет вблизи США тем, что, несмотря на публичный отказ Кеннеди от враждебных действий против Кубы, «... в Вашингтоне в строжайшей тайне готовили американское вторжение».³⁹⁴ Как впоследствии выяснилось, такие планы действительно обсуждались в Пентагоне, но не перед вводом советских ракет на Кубу, а в момент наивысшей напряженности, вызванной таким вводом. Накануне кризиса (18 октября 1962 г.) во время беседы в Белом доме с Кеннеди Громыко умолчал о присутствии советских ракет на Кубе (хотя снимки стартовых площадок для этих ракет лежали в письменном столе президента). Советский министр иностранных дел объяснил подобную утайку чрезвычайно важной для обеих сторон информации таким доводом: «На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки некоторым имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия. Следовательно, мне не надо было давать ответ, есть ли такое оружие на Кубе или нет».³⁹⁵

Почему Кеннеди ничего не сказал о советских ракетах, не совсем ясно. Может быть, у него еще не было плана ответных действий США, но не исключено, что он заманивал Москву в ловушку, расставленную ее собственной секретностью и дезинформацией. (Кстати, по свидетельству присутствовавшего на беседе Соренсена, президент все же затронул вопрос о «наступательных ракетах» на Кубе, попросив принести ему сделанное им в сентябре заявление с предупреждением на этот счет. После беседы Кеннеди сказал Соренсену: «Громыко должен был бы поинтересоваться, почему я зачитываю этот документ. Но он промолчал».³⁹⁶).

При несомненной вине советской стороны, кубинский кризис возник не без просчетов, допущенных также американской стороной. Об этом откровенно пишет в своих мемуарах бывший госсекретарь Дин Раск: «Мы никак не могли понять, почему Хрущев подумал, что он может поставить ракеты на Кубу и избежать решительного американского противодействия. По-видимому, отказ Кеннеди от повторения высадки войск на Кубе после неудачи в Заливе свиней мог навести Хрущева на мысль о том, что наш молодой президент не устоит в остром кризисе... Судя по всему, Хрущев хотел разместить ракеты на Кубе, чтобы кратчайшим путем достигнуть ядерного паритета с Соединенными Штатами, поскольку у нас тогда действительно было превосходство над русскими по ракетам... Хотя ядерной войны удалось избежать и ракеты были убраны, исход кубинского ракетного кризиса нельзя назвать безусловным успехом политики США... Кризис можно было бы предотвратить. Если бы мы более четко обозначили свое неприятие любого возможного размещения советского ядерного оружия в Западном полушарии, Хрущев, по всей вероятности, никогда бы и не пытался предпринять этого».³⁹⁷

³⁹² Arthur M. Schlesinger, Jr. *A Thousand Days: John Kennedy in the White House*. Boston, 1965, pp. 831-832.

³⁹³ See: Khrushchev Remembers. Boston, 1970, pp. 493-505, 513-514.

³⁹⁴ А.А. Громыко. Памятное. М., 1988, кн. первая, с. 294.

³⁹⁵ Там же, с. 293.

³⁹⁶ Theodore C. Sorensen. *Kennedy*. N.Y., 1965, pp. 690-691.

³⁹⁷ Dean Rusk. *As I Saw It. A Secretary of State's Memoirs*. L., N.Y., 1991, p. 24.

Действительно, если бы соперники могли представить масштаб опасности лобового столкновения, трудно контролируемого или вовсе неконтролируемого, вряд ли они допустили бы возникновение подобной опаснейшей ситуации. Москва и Вашингтон, конечно, не отказались бы от «сверхдержавного» противостояния, но без ракетного кризиса могли и должны были обойтись. Заглянув в крошечную пропасть гибели, участники противостояния остро осознали, какой смертельной угрозе они подвергли самих себя и весь мир. Ни СССР, ни США не хотели войны, пишет бывший министр обороны Роберт Макнамара, но «ужасающе близко подошли к ней».³⁹⁸ Президент Кеннеди сказал Соренсену: «Хватит таких встрясок. Еще одна крупная ошибка либо Хрущева, либо наша, и все взорвется».³⁹⁹

И снова приходится возвращаться к извечной теме роли личности в истории. Исход кубинского кризиса зависел не только от сдерживающих механизмов «сверхдержавности», но и от способности лидеров в критический момент привести их в действие. Что бы ни говорилось об авантюристичности замысла Хрущева или о неспособности Кеннеди вовремя предугадать глубину кризиса, руководители СССР и США, оказавшись у роковой черты, смогли прийти к разумному урегулированию. Анатолий Добрынин с полным основанием утверждает: «В решающий момент кризиса Кеннеди и Хрущев оказались на высоте, проявив политические мужество и выдержку».⁴⁰⁰

Высокие оценки Хрущевым и Кеннеди роли друг друга в преодолении опаснейшего кризиса нельзя свести к банальному обмену протокольными любезностями. Оба лидера были искренними. Хрущев сказал о Кеннеди: «Он проявил большую гибкость, и вместе мы предотвратили катастрофу... Он проявил подлинную государственную мудрость».⁴⁰¹ В свою очередь Кеннеди, по словам его брата Роберта, «уважал Хрущева за то, что он правильно определил, что было необходимо в интересах его собственной страны и что – в интересах всего человечества».⁴⁰²

О каких интересах шла речь? Вне всякого сомнения – об интересах всех наций мира. В последний момент Хрущев поставил национальные интересы своей страны и жизненные интересы человечества выше интересов советской «сверхдержавы» (к тому же неадекватно понятыми им самим и его советниками). А ведь могло случиться и по-иному.

Не исправляя совершенной им грубейшей ошибки, из престижных или иных соображений Хрущев, мог бы упорствовать в осуществлении авантюристической операции, зашедшей в тупик. И тогда Кеннеди уже не смог бы сдерживать напор генералов и воинствующих политиков и согласился бы на силовые действия против Кубы, против советских ракет и войск на острове. К этому призывали многие члены конгресса, не только из числа республиканского меньшинства, но и демократического большинства. (Показательно, что сторонниками более жесткой линии в сенате выступили как консерватор Рассел, председатель комитета по делам вооруженных сил, так и либерал Фулбрайт, председатель комитета по международным отношениям, ранее осуждавший американскую интервенцию в Заливе свиней).

После обращения президента к нации (22 октября 1962 г.) в связи с кубинским кризисом в стране поднялась мощная волна возмущения, вызванного появлением советских ядерных ракет в непосредственной близости от США, и требований самым решительным образом устранить угрозу, не ограничиваясь «карантином» (морской блокадой) острова. Под усиливавшимся давлением военных и влиятельных полити-

³⁹⁸ Robert S. Macnamara, *Blundering Into Disaster: Surviving the First Century of Nuclear Age*. N.Y., 1986, p. 6.

³⁹⁹ Theodore C. Sorensen. *Kennedy*. N.Y., 1965, p. 726.

⁴⁰⁰ Анатолий Добрынин. Сугубо достоверно. М., 1996, с. 77.

⁴⁰¹ Khrushchev Remembers. Boston, 1970, pp. 513-514.

⁴⁰² Robert F. Kennedy. *Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missiles Crisis*. N.Y., 1969, p. 128.

ческих сил, в том числе в правительстве, и почти единодушного общественного мнения продолжать гибкую тактику маневрирования для Кеннеди означало бы поставить на карту свою репутацию как президента.

Худшего сценария развития кризиса удалось избежать. Якорем спасения в экстремальной ситуации стало вынужденное возвращение «сверхдержав» к исходным рубежам их национальных интересов. Но нельзя не признать, что глубинной причиной кубинского кризиса явился именно опасный отход СССР и США от этих фундаментальных основ политики и стратегии в ядерный век. Втянувшись во всепоглощающую конфронтацию, они увлеклись не столько утверждением принципов демократии или тоталитаризма, сколько достижением конкретных геополитических целей вопреки собственным национальным интересам.

В силу сущностных различий демократии и тоталитаризма отход «сверхдержав» от национальных интересов имел для каждой из них свою меру политических издержек – меньшую для США и гораздо большую для СССР. Несмотря на определенное «сверхдержавное» сходство способов и средств ведения конфронтации, Соединенные Штаты по сравнению с Советским Союзом были все же ближе к собственным национальным интересам, поскольку в главном не порывали с демократической природой американского общества ни во внутренней, ни во внешней политике. СССР же, отвергая само понятие национальных интересов, не считался с предельно высокой себестоимостью своих тоталитарных устремлений как внутри страны, так и вовне. Поэтому срывы и неудачи в «сверхдержавном» соперничестве намного более ударяли по интересам советского, а не американского народа (что, к тому же, усугублялось общей асимметрией потенциалов двух стран).

Кубинский кризис заметно (и необратимо!) откорректировал роль национальных интересов в советско-американских отношениях и международных отношениях в целом. Конфронтация продолжалась и даже набирала новую силу, но четко обозначилась общая заинтересованность всех наций, больших и малых, в недопустимости возникновения всеуничтожающей ядерной войны. Отныне именно эта универсальная потребность составила сердцевину политики национальной и международной безопасности.

Отрезвляющее влияние оказал кубинский кризис и на общественное мнение в главных странах - антагонистах и во всем мире. Благополучный исход ядерного противостояния принес облегчение и успокоение, возвращение к разумному восприятию реальности вместо накала страстей и эмоционального экстремизма. Кризис преподал урок приоритета политики над силой.

Кеннеди делал все, чтобы не допустить в стране эйфории по поводу «победы» Америки над Хрущевым. На следующий день после достижения мирного урегулирования он поделился со Шлезингером своими опасениями, как бы в американском народе не сделали вывода о том, что стоит лишь нажать на русских, и они сдадутся. Президент боялся, что в это могут поверить и потребовать более жесткой политики в отношении русских. «Им незачем было размещать ракеты и лгать мне об этом. Они были неправы и знали это. А когда мы заняли твердую позицию, они вынуждены были отступить. Но из этого вовсе не следует, что они отступят, когда почувствуют свою правоту и будут отстаивать свои жизненные интересы».⁴⁰³

Драматические события вокруг Кубы в конечном итоге произвели в США сдвиг в сторону умеренности. Резко сократилась популярность крайне левых и крайне правых групп, выступавших с радикальных антиправительственных позиций. Авторитетнее зазвучали голоса сторонников сбалансированной политики. На промежу-

⁴⁰³ Arthur M. Schlesinger, Jr. A Thousand Days. Boston, 1965, p. 831.

точных выборах в Конгресс победили кандидаты, поддерживавшие политику администрации Кеннеди.

В Советском Союзе исход кубинского кризиса вызвал смешанную реакцию. Народ с облегчением и удовлетворением встретил разрешение конфликта, грозившего ядерной катастрофой. Но не обошлось и без огорчений в связи с выводом советских ракет с Кубы. Официальная пропаганда постаралась подчеркнуть значение достигнутого урегулирования в интересах упрочения мира во всем мире, а для внутренней аудитории усилила призывы к поддержке революционных сил на Кубе и в других зарубежных странах. Но горький осадок все-таки остался. Что же касается участия советской общественности во внешнеполитическом процессе, то никаких перемен в этом смысле не произошло. Как принималось решение о ракетах на Кубе втайне от народа, так эта практика и продолжалась вплоть до распада тоталитарного государства и его империи (да во многом и в постсоветское время См. Главу седьмую).

Противостояние двух ядерных «сверхдержав» затрагивало не только их собственные национальные интересы, но и безопасность всех остальных стран мира, в том числе их друзей и союзников. Блоковая общность интересов демократий проявилась в солидарности европейских членов Североатлантического союза с американским лидером. Позицию Кеннеди в кризисной ситуации поддержали Макмиллан, де Голль, Аденауэр, руководители других западноевропейских и латиноамериканских стран.

В то же время кризис вызвал напряженность в военно-политических связях как на Западе, так и на Востоке. Вскрылась опаснейшая зависимость всех участников конфронтации от «ядерного абсолютизма» либо США, либо СССР, готовых ради достижения собственных целей пренебречь безопасностью союзников. При этом не было принципиального различия в методах использования командного положения лидерами обоих враждующих лагерей. Разве что со стороны Москвы проявлялось больше цинизма, едва прикрытого «классовой» риторикой. Впрочем, в обстановке критической напряженности некоторые «братские страны», конкретно Куба, позволяли себе высказывать собственное мнение (видимо, без всякой надежды на то, что оно будет учтено в Кремле).

Характерен в этом отношении обмен секретными посланиями между Н.С.Хрущевым и Ф.Кастро в дни кризиса октября 1962 г. Предыстория этого обмена такова. В мае 1962 г. между советским и кубинским руководством в строжайшей тайне были достигнуты конфиденциальные договоренности о размещении Советским Союзом на Кубе ракет с ядерными боеголовками незаметно, с соблюдением всех мер предосторожности. Никакие военно-стратегические соображения в договоренностях не упоминались. Единственным обоснованием принятого решения было ограждение Кубы от прямого американского вторжения. О возможных последствиях размещения советских ракет на острове вблизи США для национальных интересов СССР и Кубы ничего сказано не было.⁴⁰⁴

Когда же тайная советская операция стала явью и разразился острейший кризис, Кастро в послании Хрущеву (27 октября 1962 г.) забил тревогу по поводу того, что американская агрессия произойдет «в ближайшие 24-72 часа». Если империалисты нападут на Кубу, «... то опасность, таящаяся в такой агрессивной политике, будет настолько велика для всего человечества, что Советский Союз после этого ни при каких обстоятельствах не должен будет допустить создания таких условий, чтобы империалисты первыми нанесли по СССР атомный удар... Если они осуществят нападение на Кубу, ... момент был бы подходящим, чтобы, используя законное пра-

⁴⁰⁴ См.: О.А.Трояновский. Карибский кризис : взгляд из Кремля. Международная жизнь, 1992, март-апрель, с. 169.

во на самооборону, подумать о ликвидации навсегда подобной опасности. Как бы ни было тяжело и ужасно это решение, но другого выхода, по моему мнению, нет».⁴⁰⁵

Из контекста послания предельно ясно: Кастро предлагал Хрущеву нанести по США превентивный ядерный удар в случае американского нападения на Кубу, несмотря на катастрофические последствия такого решения не только для собственного народа, но и народов Советского Союза и многих других стран. Бесспорно, Хрущев, при всей своей склонности к авантюризму, никак не мог принять такого апокалиптического решения. Что бы ни случилось в ядерном пожарище с Кубой, США и другими странами, для него не было сомнений в неминуемой гибели СССР. В воспоминаниях об отце Сергей Хрущев так излагает его реакцию на послание Кастро: «... он предлагает нам начать атомную войну? Запустить ракеты с Кубы?. Это безумие! Мы же поставили там ракеты, чтобы предотвратить нападение на остров, сохранить Кубу, защитить социализм, а он не только сам собирается погибнуть, но и нас тащит за собой».⁴⁰⁶

В своем послании Кастро (30 октября) Хрущев, вполне понятно, умалчивая о более широких, военно-стратегических целях своего «ракетного» замысла, чем только ограждение Кубы от американского нападения, категорически отклонил его предложение нанести превентивный удар по территории противника. «Вы, разумеется, понимаете, к чему это привело бы. Ведь это был бы не просто налет, а начало мировой термоядерной войны... я считаю это ваше предложение неправильным... Мы пережили самый ответственный момент, когда могла начаться мировая термоядерная война. Конечно, в таком случае США понесли бы огромные потери, но и Советский Союз, весь социалистический лагерь также тяжело пострадал бы. Что касается Кубы, кубинского народа, то вообще трудно даже сказать, чем для него это могло закончиться. В первую очередь в огне войны сгорела бы Куба. Нет никакого сомнения, что кубинский народ героически сражался бы, но что он героически погиб бы, в этом тоже не приходится сомневаться. Но ведь мы ведем борьбу с империализмом не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы использовать все наши возможности, меньше потерять в этой борьбе и больше выиграть, чтобы победить, добиться победы коммунизма. Сейчас в результате проведенных мер мы достигли той цели, которая ставилась нами, когда мы с вами договаривались поставить ракетные средства на Кубе. Мы вырвали обязательство у США не вторгаться на Кубу самим и удерживать от этого их союзников из стран Латинской Америки. Все это мы вырвали без ядерного удара».⁴⁰⁷

Как видно из текста посланий, выдержанных в соответствующей идеологизированной стилистике, их авторы были озабочены не столько достижением конечного торжества коммунизма, сколько прагматическими соображениями укрепления своей власти в собственных странах и расширением своего геополитического влияния. Подлинные же интересы народов Кубы и СССР, как обычно, в их расчетах не присутствовали. Хрущев решился на рискованный шаг, не советуясь с советским народом по вопросу, от которого зависела жизнь или смерть нации. Кастро уверенно заявлял о готовности кубинского народа, «стоящего на передовом рубеже борьбы с империализмом», идти на любые жертвы. (Уже после кризиса, в беседе с приехавшим на Кубу Микояном Кастро заявил: «Наша революция важнее, чем судьба нашей страны, чем судьба самого нашего народа. Мы должны защищать и беречь нашу революцию для всего мира».⁴⁰⁸

⁴⁰⁵ Вестник МИД СССР, № 24 (82) 31 дек. 1990 г., с. 68.

⁴⁰⁶ Цит. по: Сергей Хрущев. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М., 2003, с. 560.

⁴⁰⁷ Вестник МИД СССР, № 24 (82) 31 дек. 1990, с. 70.

⁴⁰⁸ Дипломатический вестник МИД РФ, № 19-20, 15-31 окт. 1992 г., с. 61.

Когда Хрущев в последний момент нашел вместе с Кеннеди взаимоприемлемый выход из кризиса, он не посоветовался с Кастро о выводе советских ракет с Кубы. Конечно, обстановка была накалена до предела, любая случайность могла спровоцировать непоправимое, переговоры с американцами шли в лихорадочном темпе, а отвлечение на параллельные переговоры с кубинцами могли серьезно осложнить и даже сорвать намечавшееся урегулирование. Все это так. Но в кризисной обстановке сработало – и оскорбило Кастро – «сверхдержавное» пренебрежительное отношение Москвы к позициям и мнениям других государств, стоящих в иерархической структуре советской империи ниже ее всесильного лидера. Хрущев лишь посоветовал (30 октября) Кастро «проявить терпение, выдержку и еще раз выдержку».⁴⁰⁹

В ответном послании (30 октября) разгневанный Кастро выразил несогласие с решением Хрущева, по которому тот не проконсультировался с ним: «... мы не просим Вас удалить ракеты, ... мы не просим Вас отступить». Лидер кубинской революции при этом сослался на боевой настрой народа, который «был готов выполнить свой долг перед родиной и человечеством», а теперь «многие кубинцы переживают в этот момент мгновения непередаваемой горечи и печали».⁴¹⁰

В очередном послании (30 октября) Хрущев отклонил мнение, существовавшее «среди кубинских товарищей», о том, что «кубинский народ хотел бы другого заявления, во всяком случае, не об отзыве ракет». С высоты своего командного положения он дал наставление о том, как управлять настроениями народных масс: «Возможно, такие настроения в народе имеются. Но мы, политические и государственные деятели, являемся руководителями народа, который не все знает и не может сразу охватить все то, что должны охватывать руководители. Поэтому мы должны вести за собой народ, тогда народ будет идти за нами и уважать нас. Если бы мы, потакая настроениям в народе, пошли бы на поводу у некоторых наэлектризованных слоев населения и отказались бы пойти на разумное соглашение с правительством США, тогда, вероятно, началась бы война, в ходе которой погибли бы миллионы людей, а оставшиеся в живых сказали бы, что виноваты руководители, которые не предприняли необходимых мер для предотвращения этой истребительной войны».⁴¹¹

В условиях кубинского кризиса определяющая роль руководителей конфликтующих сторон бесспорна. Кастро, тесно связанный узами безопасности с СССР, тем не менее с большим или меньшим основанием выступающий от имени своего народа, бросил дерзкий вызов Хрущеву в напряженнейший момент его противостояния с США. Не посчитаться с Кастро означало серьезно осложнить советско-кубинские отношения. Но пойти навстречу его требованиям грозило катастрофическими последствиями.

Тем, однако, не ограничивался смысл хрущевского послания. Его формула контроля над настроениями в народе предполагала ее универсальное применение в интересах сохранения тоталитарного порядка. В отличие от демократических стран, где общественное мнение является органической составляющей процесса политикообразования (чаще сближая его с национальными интересами, чем отдаляя от них), в СССР и его империи появление «неконтролируемых» настроений во все времена вызывало опасения в расшатывании основ тоталитарного правления и формируемой им внешней политики. Поэтому Москва принимала столь жесткие меры для пресечения тенденций к либерализации и самостоятельности в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии и устранению местных руководителей, использовавших настроения в народе в своих целях, в том числе и популистских.

⁴⁰⁹ Вестник МИД СССР, № 24 (82), 31 окт. 1990, с. 68.

⁴¹⁰ Там же, сс. 71-72.

⁴¹¹ Там же, сс. 69-70.

Чрезвычайно важным следствием кубинского кризиса стало углубление внутренней противоречивости «сверхдержавной» двухполюсности. С одной стороны, продолжалось и шло по восходящей наращивание военной, особенно ядерной, мощи, как главного инструмента политики и стратегии. С другой же – зарождалась новая философия, основанная на понимании общности интересов выживания в ядерный век и акцентирующая приоритет политических, а не силовых способов разрешения спорных вопросов. И хотя первой тенденции суждено было задавать тон международным делам еще на десятилетия вперед, вторая тенденция набирала силу и вела к построению системы сосуществования, а не к взаимоуничтожению противоположных систем.

Президент Кеннеди, как вспоминал Соренсен, считал, что кубинский ракетный кризис по своим последствиям и значению вышел далеко за пределы самого события. «Он помог оздоровить политическую атмосферу в стране, показал недостижимость “победы” в ядерной войне и созидательные возможности соглашений. Он заострил заинтересованность президента в достижении мирных решений. Разоружение теперь виделось больше как необходимость и меньше как мечта».⁴¹²

Реалистическим духом проникнуто знаменитое выступление Кеннеди в Американском университете (10 июня 1963 г.). Президент США назвал «самой главной проблемой Земли всеобщий мир», притом «не мир, навязанный силой оружия, не мир могилы или рабства». Он говорил «о подлинном мире, потому что у войны новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут располагать большими и сравнительно неуязвимыми ядерными силами и отказываться сдаться без того, чтобы не прибегнуть к применению таких сил».

Порывая со стереотипами конфронтации и обращаясь к Советскому Союзу, Кеннеди заявил: «Если сегодня снова начнется тотальная война – независимо от того, как бы она ни началась – первыми ее объектами станут наши две страны. Кажется иронией, но это действительно факт: двум сильнейшим державам мира грозит наибольшая опасность опустошения... История учит нас, что вражда между странами, так же, как и между людьми, не длится вечно. Сколь бы установившимися ни казались наши симпатии и антипатии, ход времени и событий часто будет вносить удивительные изменения в отношения между странами и соседями... Короче говоря, как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений».⁴¹³

Концептуальный подход Кеннеди к ключевой проблеме войны и мира, созвучный национальным интересам всех стран, вызвал живой отклик в разных концах земного шара, в том числе в Советском Союзе. В нарушение строгих идеологических канонов, текст выступления президента США был полностью перепечатан «Правдой».⁴¹⁴ Напряженность конфронтации между «сверхдержавами» снизилась. Был подписан Договор о частичном запрещении ядерных испытаний (1963 г.) – первый важный шаг на пути к ограничению и сокращению вооружений. Между Москвой и Вашингтоном установили «горячую линию» надежной прямой связи для поддержания постоянных контактов и конфиденциального диалога между руководителями двух ядерных держав, особенно на случай возникновения новых острых ситуаций.

К сожалению, разрядка оказалась непродолжительной. Мощные силы, заинтересованные в обострении конфронтации, оказали нажим на руководителей как американской, так и советской политики. В беседе с американским публицистом

⁴¹² Theodore C. Sorensen. Kennedy. N.Y., 1965, p. 726.

⁴¹³ John Kennedy. Public Papers of the Presidents of the United States. 1963. Government Printing Office, pp. 461-462.

⁴¹⁴ Правда, 13 июня 1963 г.

Норманом Казинсом (апрель 1963 г.) президент Кеннеди сказал: «Ирония нынешней обстановки заключается в том, что г-н Хрущев и я придерживаемся примерно одинаковой позиции внутри наших правительств. Он хотел бы предотвратить ядерную войну, но на него оказывают сильное давление сторонники жесткой линии, которые воспринимают любой шаг в этом направлении как признак умиротворения. Я сталкиваюсь с аналогичной проблемой».⁴¹⁵

Трудно судить, насколько удалось бы Кеннеди воплотить свои реалистические идеи в практические дела, если бы ему было отпущено время завершить первый и переизбраться на второй срок в Белом доме. Убийство президента в Далласе (ноябрь 1963 г.) поставило точку на его обнадеживающем начинании. Вскоре с политической арены исчез и Хрущев (октябрь 1964 г.), смещенный со своего поста в результате «дворцового переворота» в Кремле (причем среди выдвинутых против него обвинений был и провал его кубинской авантюры). Уход двух инициаторов разрядки ускорил ее угасание.

Одним из главных противников разрядки выступал пресловутый военно-промышленный комплекс как в США, так и в СССР. Сдержанное влияние в обеих державах общественность была не в состоянии (к тому же, в ее среде бытовало представление о необходимости поддержания «национальной безопасности» на высоком уровне). Военно-промышленный комплекс интегрировался во власть и во многом определял ее внешнюю политику.

В США опубликованы горы фундаментально обоснованных материалов на эту острую тему. Среди них – доклад сенатора Уильяма Проксмайера, в котором раскрываются механизмы воздействия разветвленной сети корпоративных интересов монополий на выработку и принятие внешнеполитических решений государственным аппаратом США.⁴¹⁶

В СССР военно-промышленный комплекс также вносил свою немалую долю во взвинчивание гонки вооружений и нагнетание напряженности. Причем роль его в тоталитарном государстве была никак не меньше, а по всей вероятности, больше, чем у его американского собрата в условиях демократии. Академик Арбатов писал: «Военное и военно-промышленное ведомства были государством в государстве. Все здесь было ... окружено глубокой тайной. Сфера этих ведомств была совершенно неприкасаема - Брежнев, видимо, немало был обязан поддержке военных, сам себе больше всего нравился как генерал, “герой войны”. Кроме того, в течение ряда лет он был главным партийным куратором оборонной промышленности и привык генералам и генеральным конструкторам ни в чем не отказывать. Мало того – всячески их ублажал...военная политика, вырабатывавшаяся и осуществлявшаяся под покровом тайны, вне демократического контроля, перестала служить инструментом внешней политики, обрела самостоятельность, даже начинала объективно диктовать свою волю политикам и дипломатам».⁴¹⁷

После кубинского ракетного кризиса милитаристская тенденция в советской политике ощутимо усилилась. Анатолий Добрынин вспоминал: «Советское руководство не могло забыть унижительной потери своего престижа, граничившей с поражением, когда ему пришлось на глазах у всего мира признать свою слабость и вывести обратно свои ракеты с Кубы. Наш военный истеблишмент воспользовался этим для того, чтобы добиться новой программы наращивания ракетных вооружений, что дало новый импульс гонке вооружений».⁴¹⁸

⁴¹⁵ Norman Cousins. The Improbable Triumvirate. N.Y., 1972, pp. 113-114.

⁴¹⁶ See: Senator William Proxmire. Report from Wasteland. American Military-Industrial Complex. N.Y., 1970.

⁴¹⁷ Г.А.Арбатов. Свидетельство современника. М., 1990, сс. 194, 218.

⁴¹⁸ Анатолий Добрынин. Сугубо достоверно. М., 1996, с. 78.

Было бы, разумеется, упрощением считать военно-промышленный комплекс, при всем его могуществе, единственным источником непрекращавшейся конфронтации. Определяющей была все же политическая линия правящих кругов обеих «сверхдержав», именно она ужесточала «холодную войну», все глубже втягивала в гонку вооружений, которой предстояло продолжаться еще на протяжении десятилетий. При этом и в СССР, и в США рядовые граждане в массе своей оставались пассивными участниками конфронтации, принимали милитаристский курс своих правительств как неизбежный в целях укрепления обороноспособности собственных стран.

Военно-промышленное соперничество «сверхдержав» обнажило межсистемные противоречия, их соотношение с национальными интересами. Ускорился процесс выявления жизнеспособности каждой из противостоявших систем и значимости различных составляющих их реального могущества. Если бы историческое соревнование протекало спокойно и размеренно, возрастающую роль в нем играли бы прежде всего социальные и экономические факторы, составляющие преимущество демократии и свободного рынка. В условиях же «холодной войны» на первый план выдвигались силовые факторы, которые в заметной степени уравнивали возможности противоборствующих сторон. Тоталитарному государству легче встать вровень с демократическим по военной силе, чем по благосостоянию народа.

В двухполюсном мире СССР получил ощутимый выигрыш, опираясь главным образом на военную силу. Однако в Кремле не могли не видеть: выигрыш был лишь частичным и временным. Для продолжения гонки вооружений и расширения военного присутствия во внешнем мире требовалось все больше вложений, сопоставимых с американскими и рассчитанных на длительную перспективу. А время работало против советской «сверхдержавы». Ей надо было в кратчайшие сроки добиться существенных и устойчивых результатов, чтобы надеяться на дальнейшее укрепление своих геополитических и геостратегических позиций.

Ужесточая силовое соревнование, американская «сверхдержава» имела в запасе огромные ресурсы и неограниченное время. К тому же, она опиралась на совокупную западную материальную базу, количественно и качественно намного превосходящую возможности советского соперника, вынужденного полагаться лишь на свой и притом весьма ограниченный и быстро истощающийся потенциал. С каждым годом США вкладывали в гонку вооружений и военное противостояние все более крупные средства, а внутреннее развитие страны и экономическое состояние населения не испытывали перегрузки. Америка чувствовала себя вполне уверенной и рассчитывала на планомерное изматывание СССР в изнурительном силовом соревновании.

Послекубинская стадия гонки ядерных вооружений выявила тенденцию к выравниванию баланса стратегических сил СССР и США. Чрезвычайным напряжением всех своих ресурсов Советский Союз сделал гигантский рывок – создал межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющимися боеголовками. Начиная с 1962 г., всего за десятилетие в боевой состав советских ядерных сил стратегического назначения было введено свыше 1400 ракет в защищенных стартовых шахтах.⁴¹⁹ Началось строительство подводных лодок с баллистическими ракетами на борту.⁴²⁰ К середине 70-х годов сложилось динамическое равновесие стратегических сил двух «сверхдержав» - примерное равенство по носителям: 2500 у СССР и 2300 у США.⁴²¹

Выравнивание стратегического баланса радикально изменило силовую среду двухполюсных отношений. Советский Союз окончательно лишил Соединенные Шта-

⁴¹⁹ В.Ф.Толубко. Ракетные войска. М., 1977, с. 249.

⁴²⁰ С.Г.Горшков. Морская мощь государства. М., 1976, с. 293.

⁴²¹ Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 64.

ты потенциала безнаказанного «первого удара», обрел способность ответить «вторым ударом» своими уцелевшими стратегическими силами и причинить противнику неприемлемо тяжелый ущерб. Обоюдосковывающее равенство возможностей взаимного уничтожения становилось все более осязаемой реальностью мировой обстановки и обеспечения главных потребностей национальной безопасности двух сильнейших держав. Разум диктовал отказ «сверхдержав» от дальнейших попыток добиться ядерного превосходства как в военных, так и в политических целях.

При Трумэне и Эйзенхауэре, как свидетельствовал бывший главнокомандующий американскими ВВС генерал Туайнинг, в Вашингтоне всерьез подумывали об использовании ядерного оружия в качестве решающего средства достижения победы в войне любого уровня – от локального и регионального до глобального.⁴²² Во времена Кеннеди и Джонсона США вынуждены были отказаться от расчетов на нанесение не только «первого удара», но и «массированного возмездия». Автор новой концепции «гибкого реагирования» министр обороны Макнамара в качестве оптимальной модели взаимосдерживания ядерных держав предложил принцип «взаимного гарантированного уничтожения».⁴²³

Военно-стратегический паритет предрасполагал к стабилизации глобальной обстановки и объективно к повышению защищенности интересов национальной безопасности и двух ядерных гигантов, и всех остальных государств мира. Но в действительности это происходило не сразу и не без новых осложнений еще долгое время (фактически до распада советской «сверхдержавы»). Строившееся на ядерных канонах стратегическое мышление отставало от революционных изменений в военно-технической области. Новизна «ядерного пата» трудно воспринималась как в правящих верхах, так и в общественном сознании. А между тем, как подметил британский исследователь военно-политических проблем Лоренс Фридмэн, «если стратегическая мысль в будущем обречена лишь на перелицовку старых концепций в ответ на новые возможности военной силы, ... то тогда она наверняка заходит в тупик».⁴²⁴

Признавая самоубийственность концепции «первого удара», американское руководство, тем не менее, изыскивало возможность пусть не тотального, но хотя бы ограниченного использования ядерного оружия. Придя в Белый дом, Ричард Никсон поставил далеко не риторический вопрос: «Должен ли президент в случае ядерной войны ограничивать себя единственно возможным выбором – уничтожением мирного советского населения, зная, что в ответ будут истреблены миллионы американцев?».⁴²⁵ Министр обороны Джеймс Шлесинджер предложил диверсифицировать ядерные возможности США не только в целях сдерживания, но и для ответа на военные вызовы, масштабы которых меньше, чем глобальные.⁴²⁶

Означало ли ограниченное использование ядерного оружия укрепление национальной безопасности всех заинтересованных (и незаинтересованных) сторон? Едва ли! Скорее, наоборот. Сковывающий страх перед взаимным истреблением населения и жизненных центров «сверхдержав» в случае их лобового столкновения служил какой-то (хотя и ненадежной) гарантией против применения ядерного ору-

⁴²² Nathan B. Twining. *Neither Liberty nor Safety*. N.Y., 1966, pp. 146-147.

⁴²³ See: Secretary of Defense Robert S. Macnamara's Statement Before the Senate Armed Services Committee on the FY 1969-1973 Defense Program and the 1969 Defense Budget, January 22, 1968, Washington, D.C., pp. 41-76.

⁴²⁴ Lawrence Freedman. *The Evolution the Nuclear Strategy*. L., 1989, p. 432.

⁴²⁵ Richard M. Nixon. *U.S. Foreign Policy for the 1970's: A New Strategy for Peace*. Washington, D.C., 1970, p. 122.

⁴²⁶ See: James R. Schlesinger. *Annual Defense Department Report on the FY 1975 Defense Budget*. Washington, D.C. 1974, pp. 3-6.

жая. «Дозированное» же использование ядерного оружия в конфликтах, не затрагивающих территории СССР и США, чревато непредсказуемыми последствиями. Стоит лишь перешагнуть «ядерный порог», и стремительно возрастет риск эскалации военных действий, расширится диапазон поражаемых целей, прежде всего в союзных и нейтральных странах, а в конечном счете и на территории самих инициаторов ограниченной ядерной войны. На этот феномен новой стратегической обстановки указал академик Андрей Сахаров. Подчеркивая «абсолютную недопустимость ядерной войны, коллективного самоубийства человечества», выдающийся ученый вместе с тем считал, что «пока в мире остается ядерное оружие, необходимо поддерживать стратегический паритет ядерных сил, чтобы ни та, ни другая сторона не решилась развязать ограниченную или региональную войну».⁴²⁷

Против любого применения ядерного оружия высказались видные американские политические деятели, ранее занимавшие высокие посты в правительстве – М.Банди, Дж.Кеннан, Р.Макнамара и Дж. Смит. В журнале «Фореин аффэрс» они заявили: «В век массированного термоядерного сверхвооружения уже нет никакого смысла – если он вообще когда-либо был – иметь ядерные вооружения для любой другой цели, кроме предотвращения их применения».⁴²⁸

Концепции ограниченной ядерной войны усугубили противоречия между национальными интересами государств-участников военных блоков. Правда, это меньше проявилось внутри ОВД, где жесткий советский контроль подавлял малейшие признаки межсоюзнических расхождений. Зато в НАТО американский лидер наталкивался на обеспокоенность европейских членов союза опасностью, исходящей из пентагоновских планов применения ядерного оружия в возможных конфликтах, которые, минуя территорию «сверхдержав», могли бы оказаться губительными для Европы. Именно на это указали бывшие западногерманские государственные деятели, военные и ученые – К.Кайзер, Г.Лебер, А.Мертес и Ф.-Й.Шульц.⁴²⁹

Авторитетные эксперты из многих стран, исследовавшие под эгидой ООН вероятные последствия ядерной войны, пришли к заключению, отразившему жизненные интересы всех народов мира: «Возможно, что кто-то пожелает утешиться расчетами, показывающими трудность уничтожения всех без исключения людей на Земле, включая женщин и детей, даже в ходе ядерной войны. Но эти расчеты являются пустыми упражнениями. Опасность уничтожения человеческой цивилизации должна быть не объектом теоретических споров, а основой для всеобщего осознания как опасности положения, так и необходимости проявления политической воли для поисков приемлемых решений».⁴³⁰

Уравнение ядерной мощи открывало обнадеживающие перспективы ее последовательного свертыwania и отхода от конфликтных форм исторического соревнования двух противоположных миров. По логике вещей, такое развитие должно было устраивать обе стороны, коль скоро каждая из них заявляла (с разной степенью обоснованности) о преимуществах и перспективности своего социального устройства. На деле, увы, все обстояло намного сложнее. Реалии национальных и международных интересов не укладывались в идеологические установки и целенаправленную политику.

Тоталитарный социализм, будучи не в состоянии) тягаться с демократическим капитализмом на поприще мирного цивилизационного прогресса, полагался главным образом на военную силу. За ядерное равенство с американским соперником

⁴²⁷ Andrei Sakharov. The Danger of Thermonuclear War: The Nuclear Controversy. N.Y. 1985. p. 116.

⁴²⁸ Foreign Affairs. 1982. Vol. 60, № 4. p.768.

⁴²⁹ Ibid., 1982, Vol, 60, № 5, pp. 1157-1170.

⁴³⁰ Всеобъемлющее исследование, касающееся ядерного оружия. A/35/392. ООН. Нью-Йорк, 1981, с. 187.

пришлось заплатить обескровливанием и без того неэффективной советской экономики и подрывом шансов на повышение уровня благосостояния народа. Ресурсы истощались, средств не хватало не только для погони за недостижимым стратегическим превосходством, но и для поддержания дорогостоящего паритета. Возможности СССР на мировой арене (и внутри страны) сужались вследствие как его исторической бесперспективности, так и ядерного тупика. Исчерпывался главный, по существу, единственный – силовой ресурс советского тоталитаризма.

Парадоксальным следствием уменьшения угрозы мировой ядерной войны явилось укрепление (как вскоре выяснилось, временное) структуры «сверхдержавной» двухполюсности, по своей природе конфронтационной. США и СССР цепко держались за свои командные позиции, занятые ими в годы «холодной войны». Два гиганта теперь получили способность соперничать, меньше опасаясь лобового столкновения, а также оказывать – совместно или параллельно, прямо или косвенно – существенное влияние на решение конкретных международных проблем, затрагивающих национальные интересы других государств. В американской и советской политике начали причудливо переплетаться взаимное отталкивание и взаимное притяжение в интересах сохранения «сверхдержавного» лидерства в международных делах.

Обстановку осложняли субъективные наслоения, накопившиеся за годы противостояния. И без того высокие ставки в соперничестве «сверхдержав» представлялись еще более трудно достижимыми в восприятии руководителей и народа. Если ядерное равновесие проявило бы себя «в чистом виде», без психологических усложнений, «холодную войну» вполне возможно было сократить, по крайней мере, на десяток лет.

Особенно ощутимо субъективные катализаторы конфронтационности действовали со стороны СССР. Выравнивание ядерного баланса подтолкнуло советское руководство к ужесточению идеологической обработки населения (в духе непримиримости к классовому врагу) и к поиску «победоносных» стратегических концепций. Внушалось представление об уже достигнутом превосходстве социализма над капитализмом. Брежнев провозгласил: «Мы выстояли, мы выдержали, мы победили».⁴³¹ Громыко утверждал: «Объективно присущие социализму возможности обеспечивают ему преимущества на всех направлениях происходящего ныне на мировой арене исторического соревнования двух систем. Социализм прочно и необратимо овладел исторической инициативой».⁴³²

Как показал ход событий, презумпция «классового превосходства» оказалась несостоятельной, поскольку фокусировалась на соотношении военных сил (к тому же, и не на реальном паритете, а на воображаемом перевесе в пользу СССР), игнорируя социально-экономические, научно-технические и многие другие решающие составляющие современной цивилизации. Безнадежно устаревшие в ядерную эпоху традиционные милитаристские установки облекались в доктринальную форму исторической предопределенности конечного триумфа «передового общественного строя».

Восхождение СССР на ступень ядерного паритета происходило в тот период его внутреннего развития, который характеризовался, по выражению академика Арбатова, «ползучей ресталинизацией». Хорошо знакомый не понаслышке, а по опыту практической работы со спецификой политического процесса в партийном и государственном аппарате страны, академик свидетельствовал: «Сталинизм внедрялся в наше общество долго и самыми радикальными средствами – вплоть до массового террора ... на руководящих постах, то есть у рычагов власти, оставалось множе-

⁴³¹ Л.И.Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 577.

⁴³² А.А.Громыко. Предисловие. Внешняя политика Советского Союза. М., 1978, с. 11.

ство людей, придерживающихся старых, сталинистских воззрений ... сталинизм импонировал им как воплощение, высшее достижение того, что им представлялось армейским порядком, только распространенным на все общество ... именно воплощение административно-командной системы и свойственной ей милитаризации общества, военного и гражданского солдафонства...». ⁴³³

Столь же удручающей представлялась картина того застойного времени Анатолию Добрынину. По его воспоминаниям, «военные и руководители военной промышленности, которые одновременно являлись надежной опорой Брежнева в партии и правительстве, имели свободный доступ к нему и добивались одобрения своих проектов и планов в области военного строительства, ... не будучи обремененными какими-либо знаниями или ответственностью в области внешнеполитических задач. А эти военные проекты не подвергались никакому серьезному обсуждению или гражданскому контролю вне стен кабинетов Генерального секретаря или военных ведомств: ни в Верховном Совете, ни в правительстве, ни даже в Политбюро (где они упоминались в самой общей форме – в порядке информации) ...» К тому же, «идеологический плен брежневского поколения усугублялся изоляцией от внешнего мира, которая была тяжелым наследием Сталина. Явление «зеркального отражения» - перенос советского опыта и понятий на американскую практику – еще одно следствие изоляции и нашей неосведомленности. Советское руководство и народ не понимали Америку...». ⁴³⁴

На таком фоне был логичным крутой подъем военных приготовлений СССР к победному столкновению с США и всем Западом. В официальной публикации Министерства обороны СССР «Военная стратегия» (под редакцией маршала В.Д.Соколовского) черным по белому сказано: «По своей политической, социальной сущности новая мировая война будет решающим столкновением двух противоположных мировых социальных систем. Эта война закономерно окончится победой прогрессивной коммунистической общественно-экономической формации над реакционной капиталистической общественно-экономической формацией, исторически обреченной на гибель. Гарантией такого исхода войны служит реальное соотношение политических, экономических и военных сил двух систем, которое сложилось в пользу социалистического лагеря». ⁴³⁵

Добившись военно-стратегического равновесия, советское руководство испытало эйфорию «сверхдержавности», расценило это достижение как решающий сдвиг в свою пользу в глобальном раскладе сил. В свой актив кремлевские лидеры записали также «мировой революционный процесс», будто бы нарастающий в результате «углубления общего кризиса капитализма», распада колониальной системы, подъема борьбы за социальное и национальное освобождение. Но в свете последующих событий стало очевидно: упования не подтвердились реальностью. Евроатлантическое сообщество не только не ослаблялось, а укреплялось и спланивалось перед лицом советского нажима и попыток разобщить его. Западная Германия, это центральное звено стабильности и безопасности в Европе, доказала свою неподатливость на любые посулы, рассчитанные на отрыв ее от главных сил Запада. Канцлер Аденауэр твердо заявил: «... Мы не могли себе позволить купить объединение Германии ценой ослабления связей Германии с западным блоком и отказа от достижений европейской интеграции. Ибо в результате появилась бы беззащитная, не связанная никакими союзами страна в центре Европы, и у такой Германии обяза-

⁴³³ Г.А.Арбатов. Затянувшееся выздоровление. М., 1991, сс. 149, 160.

⁴³⁴ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, с. 493.

⁴³⁵ Военная стратегия (под ред. В.Д.Соколовского). М., 1968, с. 253.

тельно появилось бы искушение играть на противоречиях между Востоком и Западом».⁴³⁶

Неудивительно поэтому, что акцент советской интервенционистской политики переместился на периферийные зоны конфронтации. Не считаясь с огромными затратами, Москва направляла вооружения и военных специалистов на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию, Центральную Америку, Африку. Под лозунгом поддержки национально-освободительных движений и стран «социалистической ориентации» советская «сверхдержава» вмешивалась в конфликты на стороне удобных ей политических сил, насаждала послушные режимы, привязывала их к своим военно-политическим планам, создавала опорные позиции и военные базы на их территории. Развернулось острое «заочное» противоборство с США за влияние и контроль в «третьем мире». К непосильной нагрузке непосредственной конфронтации с американской «сверхдержавой» прибавилась еще одна – широкомасштабная советская экспансия в разных уголках земного шара.

Соотносили ли советские люди масштабы и направленность такой международной деятельности своего руководства с собственными жизненными интересами? Очевидно, не очень многие. В массовом сознании глубоко укоренились представления о перманентной угрозе извне и безальтернативности решений руководства по обеспечению безопасности. Привычно поддавались на казенный оптимизм и безоговорочную уверенность в успехе «сверхдержавных» начинаний.

И все-таки народный инстинкт подсказывал: титанические усилия государства, направленные вовне, явно не соотносились с внутренними потребностями страны, с задачами повышения уровня и качества жизни населения, да и обеспечения его безопасности только силовыми средствами. Конечно, внешняя политика партии и правительства, как утверждала пропаганда, «единодушно одобрялась и поддерживалась» народом, но на самом деле в обществе ощущалось глухое (пока!) недовольство расточительным и опасным экспансионистским курсом.

Аналогичные тенденции развивались и на западной стороне конфронтации. Однако в условиях демократии они существенно отличались от тех, что подспудно назревали в СССР вопреки тоталитарному режиму. Во-первых, общество открыто выражало свои настроения и требования. Во-вторых, по мере углубления расхождения государственной политики с национальными интересами общественное давление на правительство усиливалось настолько, что вынуждало его корректировать и даже переоценивать внешнеполитический курс страны.

Наиболее типичной в этом отношении была реакция внутри страны на войну США во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии (1965-1973 гг.). Ошибочная оценка обстановки в этом регионе и самонадеянность силы завлекли американскую «сверхдержаву» в заведомо проигрышную ситуацию. Неудачи в затяжной войне за тысячи миль от Америки вызвали нарастание волны протестов внутри страны, которые правительство не смогло игнорировать.

Замышленное в категориях двухполюсного противоборства, прямое применение американской военной силы в отдаленном регионе не соотносилось со сложным, во многом не двухполюсным размежеванием сил в Юго-Восточной Азии. Историк вьетнамской войны Стэнли Карноу пишет: «Американский крестовый поход, спровоцированный “теорией домино” и наивным предположением, что весь регион рассыплется под ударами коммунистов, если они завоюют Вьетнам, шел наперекор сложному многообразию в Юго-Восточной Азии».⁴³⁷

Вступив в вооруженный конфликт, США действовали в интересах расширения своего «сверхдержавного» контроля, которые президент Джонсон приравнял к «на-

⁴³⁶ Konrad Adenauer. Errinerungen, 1955-1959. Stuttgart. 1967. S. 473-474.

⁴³⁷ Stanly Karnow. Vietnam: A History. N.Y., 1984, p. 43.

циональным интересам».⁴³⁸ Но война противоречила жизненным интересам самой Америки. Установление американского контроля во Вьетнаме потребовало неимоверно высокого уровня потерь и затрат, так как вьетнамцы вынудили американские войска увязнуть в изнурительных военных действиях по законам партизанской войны. К тому же, геополитические реальности в регионе оказались сложнее, чем они виделись из Вашингтона накануне «американизации» конфликта. В зоне противоборства интересы США натолкнулись не только на многообразие интересов стран региона, но и СССР и КНР. Допустив грубый просчет в своих имперских устремлениях, Америка обрекла себя на поражение как на региональном, так, в конечном счете, и на глобальном уровне конфронтации.

Подводя четверть века спустя горькие итоги вьетнамской авантюры, бывший госсекретарь Генри Киссинджер дал ей такую оценку: «...Вьетнам был символом, а не причиной нашей национальной травмы 70-х годов, которая произошла из-за разрыва между давними убеждениями относительно миссии Америки и практическими вызовами новой международной среды... Мы погрязли в конфликтах в таких уголках земного шара, которые большинство американцев не могут найти на карте, и ради достижения целей, которые либо двусмысленны, либо требуют чрезвычайного напряжения без всякой надежды на успех. Поэтому потрясения конца 60-х и всех 70-х годов явились такими всплесками, на гребне которых война во Вьетнаме стала символом того мира, который уже не позволяет получать окончательные ответы или уклоняться от его императивов».⁴³⁹

Неудачная война нанесла тяжелейший ущерб престижу США, породила синдром неуверенности в «свердержавности». Вместо сплочения на западном полюсе намечилось отчуждение союзников от американского лидера. Нейтральные и неприсоединившиеся страны осудили имперское самоуправство США. Война расколола американское общество. Никогда еще за всю историю Соединенных Штатов по внешнеполитическому вопросу не возникало такого острого и глубокого кризиса. Возмущение провальной политикой администрации Джонсона достигло такого размаха и накала, что президент отказался от выдвижения своей кандидатуры на выборах 1968 г. Серьезные перемены произошли в умонастроениях той части населения, которую официальная пропаганда именovala «молчаливым большинством», согласным с правительственным внешнеполитическим курсом. Опросы общественного мнения показали, что если такое пассивное большинство вообще когда-либо существовало, то его уже не стало к осени 1970 г., а к началу 1971 г. оно превратилось в незначительное меньшинство. По данным института Гэллапа, за вывод войск США из Вьетнама в кратчайшие сроки высказались в сентябре 1970 г. 55% опрошенных американцев, а в январе 1971 г. – 77%.⁴⁴⁰

Следующий президент – Ричард Никсон сразу же после вступления в должность начал свертывать военные действия во Вьетнаме и выводить оттуда американские войска. Вместе с Киссинджером, ставшим помощником президента по национальной безопасности, Никсон занялся выработкой концепции, утверждающей национальные интересы в качестве критерия долгосрочной внешней политики США. В первом ежегодном докладе Конгрессу по вопросам внешней политики (1970 г.) президент заявил: «Нашей целью в первую очередь является подкрепление наших долговременных интересов при помощи здоровой внешней политики; чем больше эта политика базируется на реалистической основе наших и чужих интересов, тем более эффективной становится наша роль в мире. Мы связаны с миром не потому, что у нас имеются обязательства; у нас имеются обязательства потому, что мы связаны с

⁴³⁸ The New York Times, July 28, 1965.

⁴³⁹ Henry Kissinger. Years of Renewal. N.Y., 1999, p. 1068.

⁴⁴⁰ См. Международный ежегодник. Выпуск 1972 г., сс. 150-151.

миром. Наши интересы должны предопределять наши обязательства, а не наоборот». ⁴⁴¹

Спорить с такой постановкой вопроса трудно. Важно только, разумеется, кто должен определять «национальные интересы» - верхушка исполнительной власти вместе с большим бизнесом и военными или также члены конгресса, представители общественности, средства массовой информации, ученые, независимые эксперты и другие неправительственные субъекты. В поствьетнамской обстановке, правда, произошло в какой-то мере «распределение бремени» анализа контента национальных интересов и степени их отражения во внешней политике. Доминирующая роль при этом сохранилась все же за президентом и его администрацией.

Вместе с тем наметился определенный сдвиг: внешняя политика начала избавляться от инерционной заидеологизированности, мешающей выявлению и учету прагматических интересов страны. Именно это и спровоцировало нападки на Никсона со стороны закоренелых консерваторов, обвинивших его в ослаблении антикоммунистической направленности конфронтации и чуть ли не в «моральном разоружении». Обвинения безосновательные, ибо неизменная приверженность президента антикоммунизму не нуждалась в доказательствах. Просто он предлагал более эффективную, по его убеждению, стратегию противодействия геополитическому противнику. Вот что он сказал в этом же докладе: «Мы будем видеть в наших коммунистических оппонентах в первую очередь нации, преследующие свои собственные интересы в том виде, как они им представляются, точно так же, как мы следуем нашим собственным интересам... Мы будем оценивать своих оппонентов по их делам, и такой же оценки по отношению к нам ожидаем от них. Конкретные договоренности и способ достижения мира, вырабатываемые при их помощи, будут проистекать из реалистического приспособления конфликтующих сторон друг к другу». ⁴⁴²

Нельзя сказать, чтобы этот постулат реализовался во всех последующих внешнеполитических шагах США. Но на центральном направлении конфронтации Никсон решил открыть «эру переговоров» с советским соперником, чтобы укрепить стратегическую стабильность и расширить свободу политического маневра Соединенных Штатов в усложняющемся мире. После провала во Вьетнаме Америка нуждалась в передышке. У Советского Союза имелось намного больше причин для разрядки напряженности. В таком повороте событий были кровно заинтересованы народы обеих стран и всего мира.

В итоге длительных и трудных советско-американских переговоров Брежнев и Никсон в мае 1972 г. подписали Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Было положено начало процессу поэтапного сдерживания гонки вооружений и снижения уровня военного противостояния.

Однако первые позитивные перемены еще не привели к радикальному и необратимому оздоровлению международной обстановки. Хотя жестокий вьетнамский урок был преподан непосредственно американской «сверхдержаве», он служил грозным предупреждением также ее советскому сопернику. К несчастью, в Москве не сделали необходимых выводов и продолжали действовать так, будто были застрахованы от провалов. Более того, советское руководство воспользовалось промахом США, чтобы расширить зоны своего контроля во внешнем мире.

Всплеск экспансионистской активности советской «сверхдержавы» объяснялся, разумеется, не только выгодной для нее вовлеченностью США во вьетнамский конфликт. Главная, глубинная причина заключалась во все той же тоталитарной

⁴⁴¹ Public Papers of President Richard M. Nixon., 1970, p. 119.

⁴⁴² Ibid., p. 179.

сущности советского государства, закономерным для которого было не интенсивное внутреннее развитие, а экстенсивное распространение своего господства во внешнем мире. К тому же ощущался «острый цейтнот» - ресурсы для конфронтации истощались, и требовались скорейшие, видимые, эффектные успехи в «сверхдержавном» соперничестве. Наконец, подталкивала классовая нетерпимость, давно утратившая былую пассионарность, но все еще сохраняющаяся в качестве подоплеку практической политики.

В январе 1972 г. Громыко и Андропов обратились в Политбюро с совместной аналитической запиской, исходящей из того, что «противостояние СССР и США будет, видимо, представлять собой длительную историческую полосу», но что «общая генеральная линия советской внешней политики» должна оставаться нацеленной на обеспечение мирного сосуществования», которое предполагало следующее: «В практической политике добиваться, не афишируя этого публично, ослабления роли США в международных делах, в том числе и в стратегических районах мира (в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии), содействуя проявлению противоречий между США и их союзниками»... «Важным стратегическим направлением нашей политики остается поддержка стран “третьего мира” в их борьбе с империализмом...» «Продолжать наше идеологическое наступление на устои капитализма». Записка Громыко и Андропова получила одобрение Политбюро и была предложена в качестве директивы на будущее.⁴⁴³

Как можно было ожидать, что США, Запад примут такую формулу мирного сосуществования? Как жить в мире при продолжении классовой борьбы, которая отвергает социальное статус-кво и дает лишь временную отсрочку гибели «обреченного историей» капитализма? Исходить из столь нереалистических предпосылок допустимо только при фундаментальном непонимании, вернее, при сталинском догматическом понимании сути современного мирового развития. И, конечно же, при самонадеянности тоталитарной силы, попирающей интересы и чаяния собственного народа и стремящейся закабалить народы чужих стран.

Не идеализируя политику западных демократий, в определенной степени также обремененную классовыми предубеждениями и идеологической «праведностью», приходится, тем не менее, констатировать: именно из Москвы последовал толчок, от которого вновь стал ускоренно раскручиваться уже было приостановившийся маховик «холодной войны». Реальная обстановка достигнутого глобального равновесия не предрасполагала к ужесточению противостояния. Угасание разрядки объяснялось во многом узостью и недалекновидностью политического мышления тех, кто волей обстоятельств оказались тогда у рычагов власти, но не обладали способностью быть на высоте ответственности перед своим народом и человечеством. Вполне закономерно, что при недостаточной активности общественности в формировании внешней политики особенно пагубным стало снижение уровня национального руководства – на том и на другом полюсе.

В США на «вьетнамский синдром» наложился внутривнутриполитический «уотергейтский» кризис, вынудивший Никсона уйти в отставку и серьезно подорвавший авторитет президентской власти. По воспоминаниям Киссинджера, «с каждым днем Уотергейт урезал нашу свободу действий. Мы теряли способность брать на себя надежные обязательства, поскольку уже не могли гарантировать, что с ними согласится Конгресс. В то же время нам приходилось избегать кризисных ситуаций из опасения, что мы сможем справиться с ними под градом унижительных подозрений у себя дома».⁴⁴⁴

⁴⁴³ Цит. по: Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, сс. 201-202.

⁴⁴⁴ Henry Kissinger. Years of Upheaval. Boston, 1982, p. 124.

В СССР подходила к закату эра Брежнева, который, по оценке академика Арбатова, «ходом нашей истории, существовавшими в обществе политическими механизмами был поставлен на место, для которого не был годен ... - играть роль, которая была ему абсолютно не по силам, - роль лидера великой (одной из двух самых мощных и влиятельных в мире) державы, притом в очень сложное и ответственное время...Выдвижение неадекватного общественным потребностям руководителя стало уже не результатом, а естественным продуктом действия сложившихся в годы тоталитаризма политических механизмов».⁴⁴⁵

Прогрессирующая болезнь Брежнева не позволяла ему активно участвовать в руководстве страной. Государственную политику фактически определяла «тройка» - министр обороны Устинов, председатель КГБ Андропов и министр иностранных дел Громыко, который как дипломат сформировался под влиянием Сталина и Молотова. В книге об отечественных министрах иностранных дел Леонид Млечин пишет: «В начале 80-х годов Громыко, сторонник разрядки, вдруг стал занимать все более жесткую позицию. Не потому, что изменил взгляды, а потому, что увидел: разрядка не в моде. Брежнев уходит, надо выдвигаться вперед, а на мирных предложениях уважения в партийном аппарате не заработаешь».⁴⁴⁶

Великодержавная самонадеянность – подлинная или напускная – подменила трезвый учет сложившейся обстановки. В условиях достигнутого стратегического паритета кремлевские лидеры по-прежнему на первый план выдвигали антиамериканизм (как, впрочем, их американские недоброжелатели – антисоветизм). Это был, с одной стороны, способ самоутверждения и разжигания вражды, а с другой – компенсация собственной внутренней и международной уязвимости. Похожие чувства испытывала и немалая часть населения СССР (и, опять-таки, многие американцы отвечали им тем же). Встречные потоки ненависти отбрасывали «сверхдержавы», а вместе с ними и весь мир, назад, к опасной напряженности. Как выразился президент Картер: «... чрезмерная взвинченность международной обстановки вызывалась почти исключительно хроническим американско-советским конфронтационным менталитетом, ... близоруким и контрпродуктивным».⁴⁴⁷

В довершение всех бед последовала беспримерная по безрассудству акция СССР – вторжение его вооруженных сил в Афганистан (декабрь 1979 г.). В нарушение Конституции, ни с кем не советуясь и никого не информируя (даже Верховный Совет СССР), узкий круг лиц – Устинов, Андропов и Громыко с последующего согласия Брежнева и других членов Политбюро поставили страну и весь мир перед свершившимся фактом.

Чем руководствовались кремлевские лидеры, решаясь на рискованную военную интервенцию? Какие интересы они преследовали?

Как выяснилось впоследствии, не существовало никакого обоснованного долгосрочного плана. Просто сработал инстинкт конфронтационности и имперскости (кое-как прикрытый лозунгом «интернационального долга»). Предполагалось силой устранить в Кабуле неудобное правительство, насадить просоветский режим и тем самым предотвратить возможность (весьма маловероятную) установления над Афганистаном американского контроля или отвести угрозу (достаточно реальную) распространения оттуда исламского фундаментализма на южные районы СССР.

Ввод в Афганистан «ограниченного контингента» советских войск (вскоре увеличившегося до размеров 40-й армии) не был четко осознанным выбором между экспансионистским курсом и политикой разрядки. Политбюро даже приняло решение (20 января 1980 г.) «исходить из нецелесообразности осложнять весь комплекс мно-

⁴⁴⁵ Г.А.Арбатов. Затянувшееся выздоровление. М., 1991, сс. 282-283.

⁴⁴⁶ Леонид Млечин. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001, с. 419.

⁴⁴⁷ Jimmy Carter. Keeping Faith. Memoirs of a President. L., 1982, p. 188.

гоплановых отношений СССР и США»⁴⁴⁸, как будто было реально изолировать афганскую авантюру от «сверхдержавного» противоборства и напряженной обстановки во всем двухполюсном мире!

Насколько зыбки были расчеты инициаторов неоправданной военной акции, можно судить хотя бы по тому, с какой легкостью Брежнев заверял Добрынина в том, что «вся эта операция закончится через 3-4 недели».⁴⁴⁹ Никто из советских руководителей, как видно, не предполагал, что кровавая бойня затянется на десять лет, потребует огромных жертв и затрат, нанесет интересам Советского Союза ущерб, пожалуй, еще более ощутимый, чем вьетнамская война – Соединенным Штатам. Как ни старались власти «замолчать» афганскую войну, о ней постоянно напоминали «грузы 200», поступавшие на родину с телами погибших солдат и офицеров. Тень тяжелой и бессмысленной войны пала на советское общество.

Пострадала и разрядка. Советское руководство, немало сделавшее для ослабления международной напряженности, своей афганской авантюрой перечеркнуло многое из того позитивного, что удалось создать общими усилиями Востока и Запада. В Москве вновь допустили грубый просчет. Как и в случае с кубинской операцией, опять безосновательно понадеялись, что США и их союзники (а вместе с ними и многие другие, в особенности неприсоединившиеся и нейтральные страны) «проглотят горькую пилюлю». И снова пришлось разочаровываться...

Объективность требует сказать, что СССР, хотя и был главным, но не единственным разрушителем разрядки. Немалую долю в обострение международной обстановки (уже в условиях стратегического паритета) внесли США, где в итоге «вьетнамского» и «уотергейтского» провалов верх взяли неоконсерваторы. Президентство Рональда Рейгана началась с развертывания яростного идеологического контрнаступления и форсированного перевооружения в целях «прямого противоборства» с СССР. Назвав советского соперника «империей зла», Рейган выступил со стратегической оборонной инициативой – СОИ, или программой «звездных войн», грозящей дестабилизировать баланс ядерных сил, подорвать Договор по ПРО и соглашений по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Оцененная в 1,5 триллионов долларов (крупнейшее ассигнование на военные цели за всю послевоенную историю США), программа СОИ не вызвала серьезного сопротивления населения страны. Как показали опросы, 65% против 27% американцев поддерживали программу, даже при условии, что она снизит уровень сокращения подоходного налога, а 58% против 32% - несмотря на возможное сокращение федерального финансирования на гражданские нужды. Сказались вновь усилившиеся страхи по поводу «советской ядерной угрозы», также вера в то, что предлагаемая программа способна навсегда оградить от нее Америку.⁴⁵⁰

Со своей стороны, советское руководство жестко отреагировало на вызов Рейгана. В совместной записке в Политбюро Громыко, Устинов и Андропов обвинили президента США в «грубой концентрированной враждебности к СССР, к социализму» и в проведении «курса на ломку сложившегося между СССР и США, в целом между странами Варшавского Договора и странами НАТО примерного равновесия сил». Авторы записки выразили убеждение в том, что с американской стороны нет «никаких признаков готовности вести дела с СССР на равных», ... наоборот, есть установка на то, «что СССР должен быть оттеснен с занимаемых им позиций на международной арене и фактически перестать быть великой мировой державой. Такой статус Рейган хотел бы оставить только за США».⁴⁵¹

⁴⁴⁸ Цит. по: Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, с. 455.

⁴⁴⁹ Там же, сс. 455-456.

⁴⁵⁰ Newsweek, June, 1981, pp. 28, 46.

⁴⁵¹ Цит. по: Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, сс. 528-529.

Разжигаемая с обеих сторон «сверхдержавная» конфронтация снова пошла по восходящей спирали. На каждый провоцирующий вызов следовал ответный, повышались ставки в силовом соревновании. При этом демократия проявляла не меньшую конфронтационную жесткость, чем ее тоталитарный соперник, к тому же она опиралась на бесспорное экономическое превосходство и могла позволить себе без перегрузки бесконечно долго вести гонку вооружений. Не располагая достаточными ресурсами для ответных мер по принципу «зеркального отражения», СССР начал втягиваться в разработку собственных средств и способов прорыва планировавшейся противоракетной обороны США. Параллельно с наращиванием и без того избыточных арсеналов стратегических вооружений началось размещение советских и американских ракет средней дальности и крылатых ракет в Европе.

Казалось, что не будет конца этой безумной гонке, развернувшейся вопреки жизненным интересам наций, государств и человечества в целом. Но с середины 80-х годов наметился поворот к разуму – неожиданно для многих, но закономерно с точки зрения исторической необходимости. В руководстве СССР и США произошло переосмысление целей внешней политики, возобладала ориентация не на противоборство, а на мирное сотрудничество.

Перемена вектора международных дел, назревавшая с обеих противостоящих сторон, предопределялась всем ходом мирового развития, формированием политики с позиций общности национальных и государственных интересов, интересов человечества в век смертельной опасности и благоприятных возможностей. Две крупнейшие державы мира – СССР и США, их руководители – Горбачев и Рейган (см. Главу четвертую) приступили к свертыванию «холодной войны» и реальному разоружению.

Серия советско-американских встреч в верхах – сначала между Горбачевым и Рейганом (Женева, ноябрь 1985 г.; Рейкьявик, октябрь 1986 г.; Вашингтон, декабрь 1987 г.; Москва, май-июнь 1988 г.), затем между Горбачевым и Бушем-старшим (Мальта, декабрь 1989 г.; Вашингтон, май-июнь 1990 г.; Москва, июль 1991 г.) вывела взаимоотношения «сверхдержав» на путь политического взаимодействия в интересах обеспечения взаимной и всеобщей безопасности.

В отличие от первых советско-американских соглашений 70- годов, по существу, лишь регулировавших гонку вооружений, теперь удалось договариваться о физическом уменьшении арсеналов средств ведения войны, прежде всего – ядерных. В соответствии с Договором о ликвидации ракет средней и малой дальности (Договор по РСМД, декабрь 1987 г.) уничтожался целый класс ядерных вооружений, присутствие которых в Европе являлось взрывоопасным очагом конфронтации. По Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1, июль 1991 г.) в течение семи лет СССР и США обязывались уменьшить совокупное количество боезарядов вдвое, а носителей – на одну треть. В области неядерных вооружений Договор об обычных вооруженных силах в Европе (Договор об ОВСЕ, ноябрь 1990 г.) предписал глубокие сокращения боевых возможностей ОВД и НАТО.

После крутого подъема к вершинам «сверхвооруженности» реальностью советско-американских и всех двухполюсных отношений стало значительное снижение уровня их милитаризации, уменьшение возможности прорыва к военному превосходству. Разрядка – теперь не только политическая, но и военная – привела международные отношения в состояние относительной устойчивости. В мире сохранялось противостояние демократии и тоталитаризма, но «холодная война» пошла на убыль, а к исходу 80-х годов и вовсе прекратилась. Открылся путь к формированию разумных, позитивных начал в общении наций и государств, независимо от их внутреннего устройства, в условиях уважения свободы выбора и баланса интересов.

Под таким позитивным углом зрения выглядели – пусть заведомо завышенные и опережающие свое время – горбачевские оценки тогдашней международной ситуации. На встрече с Бушем-старшим (Вашингтон, 31 мая 1990 г.) Горбачев сказал: «Мне кажется, что в последнее время все рельефней проступает обобщающая идея, овладевающая умами на пороге XXI столетия. Это идея вселенского единства. Практическое ее воплощение – эпохальная задача. Многообразие мира, многосложность его проблем таковы, что решить их можно лишь на путях синтеза, во всяком случае, взаимопроникновения устремлений, ценностей, достижения и надежд разных народов».⁴⁵²

Как далеки эти реалистические мысли от догматической заскорузлости, заикленности на классовой исключительности и изолированности от внешнего мира прежних советских вождей! Но все же был, очевидно, тот предел, до которого в то время политика СССР могла быть выражена в общецивилизационных терминах.

Интересную идею высказал академик Примаков применительно к «эре Горбачева»: «... единство мира интерпретировалось как часть общей формулы: единство и борьба противоположностей. Акцент впервые делался на первой части этой формулы, а второй давалось ограниченное толкование. Это уже было большим достижением, но, как представляется, гораздо устойчивее, органичнее и более последовательно выглядел бы вывод о единстве мира, если бы он базировался на признании взаимосближения по существу двух систем, то есть конвергенции. Но тогда этого не сделали».⁴⁵³

А могли ли сделать? Ведь ни перестройка, ни разрядка не изменили тоталитарную природу советского государства. По всем базовым показателям СССР оставался несовместимым с западными демократиями, как и они – с советским тоталитаризмом. Это фундаментальное противоречие препятствовало конвергенции в двухполюсном мире.

Для тесного сближения государств с противоположным строем и их обществ тогда еще не настало время. Длительная разобщенность и враждебность мешали принять главным мерилом их взаимоотношений общечеловеческие интересы. Справедливо заметили специалисты-международники Дмитрий Томашевский и Вадим Луков: «Исторически необходимый и объективно назревший процесс становления, освоения и реализации в мировой политике общечеловеческих интересов развивается, как видно, отнюдь не автоматически и прямолинейно. Его темпы во многом зависят от субъективного фактора, от хода и исхода борьбы между теми общественными силами, которые содействуют ему и теми, которые тормозят его и даже пытаются повернуть вспять».⁴⁵⁴

«Холодная война» отравила сознание людей взаимным подозрением и неверием в возможность политического решения проблем безопасности. Когда в условиях горбачевской гласности в СССР начали проводить опросы общественного мнения, стало ясно, как глубоко укоренилась в народе насаждавшаяся пропагандой искаженная картина внешнего мира, неимоверно раздуты мифы об угрозах извне и вероломстве заклятых врагов. Так, результаты опроса, проведенного Институтом социологических исследований АН СССР по заказу МИД СССР накануне очередной встречи Горбачева с Рейганом выявили, что 73% москвичей всерьез обеспокоены угрозой возникновения мировой ядерной войны. И это уже в условиях стратегического паритета и советско-американских соглашений об ограничении вооружений! А

⁴⁵² Вестник МИД СССР, 30 июня 1990 г., № 12 с. 37.

⁴⁵³ Евгений Примаков. Годы в большой политике. М., 1999, сс. 45-46.

⁴⁵⁴ Д.Томашевский и В.Луков. Интересы человечества и мировая политика/ Мировая экономика и международные отношения. 1985, № 4, с. 17.

66% опрошенных, хотя и признали итоги встреч на высшем уровне полезными, сочли их неустойчивыми.⁴⁵⁵

Но, так или иначе, в мире повеяло ветрами перемен. Многие ранее недостижимое становилось осуществимым. Если не конвергенция, то реальное мирное сосуществование, всерьез предложенное Советским Союзом и всерьез принятое Западом, вполне могло стать магистральным направлением развития международных дел на обозримую историческую перспективу. Но для этого требовалось два условия: устойчивое равновесие сил в мире и стабильность внутреннего положения каждой из двух «сверхдержав». Первое условие было налицо, а вот второе – под большим сомнением, ибо Советский Союз и его империя выказывали признаки надвигающегося кризиса и распада...

К концу XX века двухполюсность мира разрушилась - советский полюс перестал существовать. И не в результате военного поражения, а вследствие банкротства тоталитарной системы, несовместимой с объективными потребностями внутреннего и международного развития.

О причинах и последствиях нашей национальной трагедии – в следующей, Седьмой главе. Здесь, как эпилог рассмотрения избранной темы в плоскости демократия-тоталитаризм уместно процитировать Александра Бовина, указавшего на главный источник несостоятельности советской державы: «... народ был лишен права принимать решения по фундаментальным вопросам, определявшим направление, характер, темпы развития. Ведь не народ же решил, что мы уже создали развитое, зрелое социалистическое общество. Не народ спускал на тормозах решения XX съезда КПСС, реформу 1965 года. Не народ довел нашу экономику до предкризисного состояния. И не народ решил ввести “ограниченный контингент советских войск” на территорию Афганистана.

При том уровне демократизма, который существовал в нашей стране, говорить о народе как творческой исторической силе – значит вводить в заблуждение и себя, и народ».⁴⁵⁶

⁴⁵⁵ Вестник МИД СССР. 15 мая 1988 г., с. 35.

⁴⁵⁶ Александр Бовин. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма / Иного не дано. М., 1988, с. 538.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА

Многослойность, комплексность, переменчивость взаимосвязей национальных интересов и внешней политики свойственны любому государству. Но применительно к современной России сложность этой проблематики многократно возрастает. Нынешнее положение нашей страны в корне отличается от того, которое она пережила на всех прежних этапах своей истории. Только в XX веке нам довелось дважды проходить через потрясения кардинальных национально-государственных, социально-экономических и политических перемен, сначала после 1917 г., а затем после 1991 г. И дважды пришлось сопрягать внутреннюю трансформацию с изменениями во внешнем мире. Эволюционировали участники политического творчества – государство, общество, нация; менялось воздействие каждого из них на формирование внешней политики.

Российская нация – первоисточник и наиболее устойчивый субъект внешне-политического процесса. Однако при всей своей укорененности и инерционности, она не могла не испытывать на себе длительного гнетущего давления государства, в особенности тоталитарного режима. Непризнанная и отстраненная от власти, нация тем не менее заявляла о себе в переломные моменты истории, решала судьбы страны – в Отечественную войну и при избавлении от тоталитаризма.

Нация выжила. Но не без тяжелых потерь: сократилась ее территория, уменьшилось население, снизился экономический и военный потенциал, сузился геополитический ареал, истощился моральный дух народа, ослабела его сплоченность. Смена социального строя и политического режима в нашей стране открыла путь к ее национальному возрождению и демократическому обновлению. К сожалению, в полном объеме этого не произошло – и не могло произойти – главным образом из-за вполне закономерного несовпадения фаз трансформации государства, общества и нации. Государству для структурной перестройки требуется намного меньший срок, чем для нации, тем более в России, обремененной тяжелым наследием прошлого и трудным преодолением постсоветской депрессии.

Общество в Российской Федерации сковывается как наследственными, так и вновь появившимися негативными факторами и тенденциями. Освобождение от пут тоталитаризма одномоментно не привело к возникновению гражданского общества, для чего необходимо естественное вызревание в условиях становления политической культуры и развитой демократии (в свою очередь также требующих времени и отсутствия ограничений со стороны государства). Нынешнее российское общество не только утратило многие добрые традиции и качества, но и культивирует новые дурные, выказывает признаки вырождения и деградации. Пока в постсоветской России общество как носитель национальных интересов если и оказывает влияние на внешнеполитический процесс, то весьма ограниченное.

Российское государство, в отличие от советского, признало нацию и ее интересы питательной средой для формирования политики, в том числе внешней. Правительство выражает не только государственные, но и национальные интересы и воплощает их в своей международной практике. Как внутри страны, так и вовне, Российская Федерация следует принципу государственности. Само по себе это, естественно, не только не противоречит национальным интересам, но и усиливает их воздействие на внешнюю политику, повышает ее эффективность. Сильное государство – это обязательный (и главный!) канал проекции национальных интересов на международные дела, инструмент повышения авторитета и влияния нации в мировом сообществе. Но лишь при том условии, что государство вновь не замкнется в собственных интересах, не позволит себе оторваться от общенациональной базы.

Не допустить подобных срывов можно только с помощью взаимодействия всех политикообразующих сил – как находящихся у власти, так и вне ее. Однако допуск к внешнеполитическому процессу общественных, медийных, научных, экспертных и других неправительственных выразителей интересов нации пока во многом затруднен. Правительство тем самым лишает себя важных источников совместного политического творчества нации, общества и государства.

Радикальные перемены в России и в мире создали новый, в целом более благоприятный, контекст для продуктивной взаимосвязи внешней политики с национальными интересами, учета их общих закономерностей и страновых особенностей, принципов и прагматики. Внешнеполитические задачи отождествляются уже не только с государственными потребностями. Пусть еще в недостаточной мере, но при развитии взаимоотношений с зарубежьем, прямо или косвенно, присутствует национальный компонент. Отчасти это компенсировало ослабление опоры внешней политики на государственный потенциал, когда он подвергся разрушающему воздействию распада СССР и последующей политической, социальной и экономической нестабильности.

Укрепление внутренних и международных позиций России позволяет теснее интегрировать национальные и государственные интересы для повышения эффективности внешней политики. Выработке российской политики, адекватной современным требованиям, способствуют и наметившиеся в общественном сознании реалистические сдвиги в понимании содержания и направленности национальных интересов (хотя многие россияне все еще не освободились от отживших стереотипов и идеологических мифов, насаждавшихся десятилетиями). Национальная мотивация становится заметнее на том внешнеполитическом направлении, которое ориентировано на поиск совпадающих интересов с нынешними и потенциальными партнерами, с мировым сообществом в целом. Открываются перспективы расширения международного сотрудничества на основе общности жизненно важных интересов России и многих других стран современного мира, сближения национальных и общецивилизационных, общечеловеческих интересов.

Вместе с тем, формирование внешнеполитической концепции и воплощение ее в практику международной жизни продолжает испытывать на себе влияние внутривнутриполитических перепадов, не изжитых мессианских амбиций, культа великодержавности, гиперболизации ложно понятого патриотизма. Преодоление пережитков прошлого и трудностей настоящего – это непростая, долговременная задача. Чтобы решить ее, нужны осмотрительность, выдержка и взвешенность при определении национальных интересов и нахождении общенационального консенсуса по внешней политике.

Все сказанное свидетельствует о том, что и национальные интересы, и внешняя политика современной России находятся в состоянии трансформации, еще далекой от завершения. Эпохальные – для нашей страны уникальные – перемены, начавшиеся в конце прошлого столетия и продолжающиеся в наступившем, вызвали формирование качественного нового национально-государственного комплекса внешней политики. В нем сочетаются элементы преемственности, обусловленной исторически сложившимся положением страны как субъекта международных отношений, и новые подходы к решению проблем, возникающих в ходе нашего внутреннего развития и появления новых вызовов и возможностей в современном мире.

Вполне закономерно, что процессу оптимизации внешнеполитических задач применительно к национальным интересам предстоит еще пройти не одну полосу подъемов и спадов, прежде чем Россия обретет в мире статус стабильной, благополучной и уважаемой державы. На пути к этой цели много внутренних и международ-

ных препятствий. Но наряду с этим открываются перспективы, благоприятствующие реализации интересов российской нации и российского государства.

Часть 1. Возрождение нации

Выход нашей страны из тоталитарного состояния принято датировать концом 1991 г., то есть распадом СССР. Действительно, это переломный момент. Но ему предшествовали горбачевская перестройка, избавление от наиболее одиозных черт тоталитаризма, прекращение «холодной войны», создание условий для вступления на путь демократического развития и национального возрождения. Да и в последующие годы остро ощущались тяжелые последствия длительного сталинского режима.

Вообще, приход тоталитаризма (любого) – это не одномоментное событие, а более или менее протяженный процесс. А вот его уход, в зависимости от военного или мирного внутреннего и международного контекста, может быть либо скоротечным, либо замедленным. В Германии вызревание нацизма происходило на протяжении десятилетия, прежде чем Гитлер в 1933 г. встал во главе нации и государства и создал «третий рейх». Зато крах нацистского тоталитаризма в 1945 г. наступил вместе с его разгромом во Второй мировой войне. В Стране Советов тоталитарное начало большевизма обнаружилось с самого появления новой власти в 1917 г. Но Сталину потребовалось опять-таки десятилетие, чтобы добиться к середине 30-х годов превращения страны в полноформатное тоталитарное государство. В этом качестве СССР прошел длинную полосу военного времени, послевоенной конфронтации, вступил в фазу терминального системного кризиса и постепенной ненасильственной дезинтеграции.

Был ли такой уход советского тоталитаризма единственно возможным? По всей очевидности, не исключался и другой – немирный вариант. Ведь само появление тоталитаризма (любой разновидности) являлось отклонением от общецивилизационного исторического процесса, все его существование и образ действий предопределяли столь же ненормальный, насильственный способ его исчезновения с исторической сцены. Не было бы ничего неожиданного в том, что обреченный на гибель тоталитаризм попытался оставшейся в его распоряжении силой (в том числе ядерной!) удержать свои командные позиции внутри страны и в своих зарубежных владениях. Ясно, что это обернулось бы катастрофой для советского народа и тяжелейшими последствиями для всего мира.

К счастью, самого страшного не произошло. Реализовался хотя и небезболезненный и разрушительный, но главное – в целом мирный переход от тоталитаризма к развитию демократии, построению цивилизованного общества, национальному возрождению. Это обусловлено стечением благоприятных обстоятельств.

Во-первых, гражданскую войну и хаос в распавшемся СССР удалось предотвратить перестройкой, высвободившей демократические ресурсы нации и демонтировавшей многие механизмы тоталитарной власти.

Во-вторых, смягчение конфронтации и свертывание гонки вооружений создали в мире обстановку устойчивой политической и военной разрядки и развития нормальных межгосударственных отношений.

В-третьих, в руководящих кругах США и других демократических стран взяли сторонники укрепления международной стабильности и конструктивных взаимоотношений с горбачевским Советским Союзом, а потом с ельцинской Российской Федерацией.

Как оценивалась угроза силовой или мирной ликвидации Советского Союза в его руководстве и обществе? Можно с уверенностью сказать: никак! Всерьез не ду-

мали ни о том, ни о другом варианте, потому что за долгие десятилетия существования тоталитарного государства в подсознании лидеров и рядовых граждан укоренилось представление о его незыблемости вопреки всем и всяким воздействиям изнутри и извне. И в самом деле, ведь СССР выжил в условиях постоянных внутренних трудностей и потрясений, выдержал суровое испытание в годы смертельной военной опасности, выстоял в изнурительной конфронтации с сильнейшим соперником, утвердился в мире как одна из двух «сверхдержав». Нам ли страшиться новых угроз...

А между тем угроза существовала. Угроза вполне реальная! Только уже не в связи с враждебностью внешних сил, а вследствие неумолимого углубления внутри-системного кризиса. Советские руководители, чувствовавшие признаки начавшегося самораспада, пытались отвлечь внимание народа от этой действительной угрозы, гиперболизируя сверх всякой меры военную опасность, исходившую от внешних врагов, которые со своей стороны не скупились на встречные угрозы. И надо признать, на протяжении длительного времени такое манипулирование настроением нации давало ощутимый эффект, помогало руководству страны поддерживать стабильность (правда, чем дальше, тем все больше иллюзию стабильности) собственной власти.

В период напряженности и неопределенности многое представлялось в ином свете. Эскалация угроз порождалась не только объективной несовместимостью двух противоположных миров, но и субъективной обремененностью взаимными страхами и фобиями на почве идеологических, политических, культурных и других различий. Нередко корпоративные, ведомственные, групповые интересы заслоняли общенациональные и общегосударственные. В атмосфере взаимной вражды и подозрительности угрозы, подкрепленные силовым (особенно ядерным) фактором, воспринимались как предвестники реальных военных акций, вплоть до полномасштабной войны. Любую угрозу анализировали как в Москве, так и в Вашингтоне, под углом зрения возможности и вероятности агрессивных действий друг против друга.

Прибегая к угрозам в адрес Америки, кремлевские вожди стремились держать ее под психологическим прессингом, а заодно и собственный народ, спекулируя на его готовности сделать все, чтобы оградить страну от новой агрессии (во всех слоях населения тогда звучало заклинание: «Лишь бы не было войны»!). Но втянувшись в конфронтацию и гонку вооружений, советское руководство подпало под действие своего собственного идеологического допинга, разжигая враждебность ради враждебности с тяжелейшим уроном для национальных и государственных интересов страны.

Бывший зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС, затем помощник Президента СССР Горбачева Анатолий Черняев в книге «Был ли у России шанс? Он - последний» (2003 г.) писал: «...что касается так называемой национальной безопасности России... Ну кто бы на нас стал нападать? На нас, как теперь выяснилось, не собирались нападать и американцы. Мы сами создали этот миф и использовали его, чтобы поддерживать военно-промышленный комплекс, а через это – всю советскую систему, сохраняя и раскрашивая жупел внешнего врага. Мы построили концепцию перманентной “угрозы” и потом сами в нее поверили, включая самих наших руководителей. Если бы мы своевременно отказались от всей этой сталинской мифологии, исходили из того, что нам никто не угрожает ... если бы мы перестали повсюду лезть, всех учить, не вмешивались бы в чужие дела, послевоенная история наша была бы совсем другой. Во всяком случае, не зашли бы в такой тупик и не растрати-

ли бы впустую столько материальных и духовных ресурсов, не истощили бы страну до предела».⁴⁵⁷

При Горбачеве приоритетной, поистине общенациональной внешнеполитической задачей стало свертывание силового противостояния. Именно на международном направлении в первую очередь сказалось «новое политическое мышление». Инструктируя посла в Вашингтоне Добрынина, Генеральный секретарь так сформулировал основную стратегическую цель Советского Союза: «Надо приложить все усилия, чтобы переломить нынешние враждебные отношения с США в сторону их нормализации и развития. При этом не следует драться из-за мелочей или затевать споры по идеологическим вопросам. Таких столкновений надо избегать во имя решения главной задачи... через гонку вооружений нельзя добиться “победы над империализмом”, больше того, без ее прекращения никаких внутренних задач не решить».⁴⁵⁸

Во второй половине 80-х годов конфронтация «сверхдержав» резко пошла на убыль. Небывало возрос в мире политический авторитет Советского Союза. Горбачевская политика сделала упор на поддержание международной стабильности во всех ее аспектах как важного внешнего условия укрепления стабильности внутри страны. В обзоре МИД СССР (ноябрь 1989 г. – декабрь 1990 г.) отмечалось: «Ключевым элементом нового миропорядка становится понятие стабильности. И уже не только военной стабильности, а социальной, экономической, политической, национальной ... Сейчас, когда наша страна с точки зрения внутренних проблем оказалась в критическом положении, ослаблена во многих отношениях, особенно важно, что у нее нет внешних врагов. Наоборот, мы пользуемся огромным кредитом международного доверия... Наши партнеры на международной арене исходят из того, что их интересам, интересам мира в целом отвечали бы стабильность в Советском Союзе, включение его в мирохозяйственную систему, в международные финансовые институты и учреждения. Это соответствует нашим собственным жизненно важным интересам».⁴⁵⁹

Оздоровление международного политического климата и заключение важных соглашений по контролю над вооружениями, однако, не могли привести к мгновенному прекращению соревнования в наращивании военной мощи. В течение четырех десятилетий лихорадочная гонка вооружений многократно превышала объективные потребности разумной обороны – как на одном, так и на другом полюсе. Циклы «действие-противодействие» подталкивали соперников к взвинчиванию цены участия в изнурительном соревновании, ощутимого даже для США и все более тяжелого для СССР.

В доперестроечные времена советское руководство, ни перед кем не отчитываясь, бросало в горнило военного производства максимально возможные средства, подчиняя и без того затратную экономику погоне за силовым превосходством и не считаясь с неминуемым истощением национальных ресурсов в неравном состязании с США и Западом в целом. Превыше всего ставилась «оборона», под которой в Москве (как, впрочем, и в Вашингтоне, но при гораздо больших материальных возможностях) понимались все военные приготовления – как для защиты собственной страны и союзников, так и для расширения своего геополитического пространства, а при благоприятных обстоятельствах – для получения преимуществ или даже превосходства над соперником.

Одним из проявлений наступившей в годы перестройки гласности явилось открытое – ранее абсолютно запрещенное – обсуждение вопросов национальной

⁴⁵⁷ А.Черняев. Был ли у России шанс? Он – последний. М., 2003, с. 101.

⁴⁵⁸ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, сс. 606-607.

⁴⁵⁹ Вестник МИД СССР. 1991, 31 янв., № 2 (84), с. 13.

безопасности. Начало складываться общественное мнение, подвергнувшее резкой критике расширительное толкование правительством понятия «оборона».

Специалист по военно-политическим проблемам Сергей Благоволин писал: «... никогда даже не делалось попытки соотнести наши представления и существующую реальность, попробовать непредвзято оценить, какова на самом деле степень военной угрозы и, следовательно, что именно и в каком количестве действительно нужно для обеспечения надежной обороны... Получилось так, что мы, давно уже доведя военное строительство до уровня, необходимого для обеспечения безопасности, как-то “незаметно” для себя продолжали следовать дальше по пути наращивания военной мощи».⁴⁶⁰

Так же остро ставил вопросы, еще недавно считавшиеся «запретными», политический обозреватель «Известий» Станислав Кондрашов: «Насколько учитывалась стоимость конкретных военных программ – что можем или не можем позволить – или действовало безоглядное, сомнительное даже для военного времени “за ценой не постоим”? Ставился ли вопрос о том, что паритет на все возрастающих уровнях превращался в добровольную ловушку для страны, которой не под силу “тягаться” с совокупным экономическим потенциалом Запада?»

И другой вопрос – о нужности, целесообразности всех этих усилий, иными словами – о подлинной степени агрессивности США и Запада. По моему глубокому убеждению, вполне в духе сталинского наследия недооценивался буржуазно-демократический характер устройства США и стран Западной Европы и преувеличивалась военная угроза с их стороны, а подоплекой нашего мышления и действий был оставленный Сталиным комплекс “осажденной крепости”, который, как известно, использовался им для оправдания концепции обострения классовой борьбы и выявления все новых и новых “врагов народа”. Расставание со сталинизмом и тут затянулось....⁴⁶¹

Вопросы столь же очевидные, сколь очевидно и то, что задаться ими должны были на высшем государственном уровне и намного раньше! Если бы не тоталитарный режим, нация и общество могли поставить перед правительством эти практические вопросы, глубоко затрагивающие их кровные интересы. А руководство должно было ответить, какие цели оно преследует дальнейшим наращиванием военной мощи после того, как было достигнуто стратегическое равновесие с США и задача безопасности СССР была в главном решена. Запоздалая дискуссия, важная сама по себе как свидетельство начинавшегося национального возрождения, уже не могла вывести страну из глубокой конфронтационной колеи. Сказалось вполне объяснимое отставание демонтажа громоздкой структуры противостояния от достигнутых в краткий срок политических соглашений (предусматривавших, кстати, относительно длительный период реализации договоренностей по ограничению вооружений). Но тормозило еще и другое, возможно, более серьезное обстоятельство. Огромную инерционную силу набрал процесс – причем не только односторонний, советский, но и двусторонний, советско-американский – создания сверхвооружений. Слишком рьяно отстаивали свои интересы вдохновители этого процесса с обеих сторон.

В Советском Союзе в продолжении гонки вооружений были заинтересованы военно-промышленный комплекс, военачальники, консервативная партийно-государственная номенклатура. Их влияние было настолько велико, что нельзя уже было остановить милитаристскую машину политическим «стоп-краном». Генеральный секретарь и его единомышленники были не в состоянии круто затормозить па-

⁴⁶⁰ С.Е.Благоволин. Советские военные приготовления в эпоху нового политического мышления. /СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М., 1990, сс. 104, 105-106.

⁴⁶¹ С.Н.Кондрашов. Из мрака неизвестности./там же, с. 69.

губное для страны и народа бездумное расточение национальных ресурсов в бесперспективных целях.

Впоследствии Горбачев признал: «... когда стало туго у нас, когда вся страна в очередях оказалась, надо было взять и найти 10-15 миллиардов долларов. Их можно было найти. Потому что расходы на оборону были 106 миллиардов, а не то, что оглашалось официально, это мы еще долго скрывали. 10-15 миллиардов – ничего бы не случилось с нами. Обсуждался этот вопрос, в Политбюро раскололись мнения. Были те, кто настаивал. Но был против Николай Иванович Рыжков. Я ему доверял. И его поддерживал во всем. И в данном случае я его поддержал. Хотя надо было пойти на эту меру».⁴⁶²

Не менее трудным оказалось преодоление нашей извечной имперскости. Под ее знаком формировалась государственная политика как при царях, так и при большевистских вождях. Заметный имперский отпечаток наложился также на настроения в обществе. Советские руководители пытались поставить их на службу консервации тоталитарного порядка в стране и экспансионистского курса вовне под прикрытием интернационалистской пропаганды (см. Главы третью и пятую).

Эксплуатировалось сочувствие советских людей «угнетенным трудящимся» в странах капитала. И хотя пыл ранней революционности давно угас, в народе принималась официальная аргументация, будто интервенция СССР против соседних суверенных государств осуществляется не в экспансионистских целях, а во имя справедливых классовых интересов (в конце 30-х годов нашими врагами были «белополяки» и «белофинны»).

В послевоенное время интернационалистский стимул, как его ни подогревали, неумолимо иссякал, особенно на фоне силового подавления Советским Союзом строптивости «братских социалистических стран» Центральной и Восточной Европы. Вторжение же советских войск в Афганистан, участие СССР в военных конфликтах в Африке и других удаленных районах мира вызвали в широких слоях населения нарастание плохо скрываемого недовольства.

Кризис имперской политики насторожил ее ревнителей во власти и среди некоторой части общества. Какими бы псевдоинтернациональными лозунгами ни маскировалась эта политика, суть ее проявлялась все более очевидно – она была квинтэссенцией давнего российского национализма. Большевики не изобрели ничего принципиально нового. Как заметил историк Александр Янов, «российским прошлым овладели имперские националисты с их неутраченной ностальгией по сверхдержавности, с их средневековой утопией...».⁴⁶³

Занимая командные посты, продолжатели традиционной догмы цепко держались за отжившее, но так необходимое для них имперско-националистическое наследие. Подобно «интервенционистам» в США в конце 60-х – начале 70-х годов, «интернационалисты» в СССР во второй половине 80-х годов ратовали за то, чтобы удержать завоеванные в мире позиции и продолжать бороться «до победного конца». Как для одних уход из Вьетнама, так и для других – из Афганистана, представлялся неприемлемым, расценивался как собственное поражение и победа противной стороны.

Специфическим аспектом советской имперскости было использование в экспансионистских целях идеи так называемой «социалистической ориентации» в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Их правители объявляли себя (зачастую не без стимулирования из Москвы) сторонниками социализма в расчете на получение советской помощи, хотя никаких объективных предпосылок для перехода к такой общественно-экономической формации в их странах не имелось. В советском

⁴⁶² Известия, 3 декабря 2008 г.

⁴⁶³ Александр Янов. Россия против России. Новосибирск, 1999, с. 333.

руководстве, вполне вероятно, не слишком надеялись на построение социализма в странах «третьего мира» и рассматривали их прежде всего как опорные позиции для расширения собственного геополитического и геостратегического пространства через создание на их территории своих военных баз и других форм силового присутствия.

Если и существовали иллюзии относительно «социалистической ориентации», жизнь вскоре их развеяла. СССР из-за истощения ресурсов вынужден был сокращать помощь, а страны-получатели стали переориентироваться на Запад. Тем не менее советское руководство упорно продолжало свой военно-политический курс по отношению к «третьему миру», мобилизуя для этого средства, и без того истощенные конфронтацией и гонкой вооружений. Народ не информировался о масштабах (многомиллиардных!) производимых затрат, но они становились все более непопулярными, в особенности по мере снижения уровня жизни в стране.

При Горбачеве наметился отход от традиционной имперскости, что явилось следствием усиления влияния национальных интересов на формирование внешней политики. Практические шаги в этом направлении послужили стимулами возрождения нации. Началось свертывание советского военного присутствия в Афганистане. Верх взяли сугубо прагматические соображения – избавиться от крайне обременительного для СССР прямого применения собственных вооруженных сил в ситуациях, не суливших успеха, осложнявших отношения с США и большинством государств мирового сообщества, а, в конечном счете, и вносящих раскол в советское общество. Удалось найти взаимопонимание с Соединенными Штатами о совместном выступлении в качестве государств-гарантов соглашения между Афганистаном и Пакистаном о политическом урегулировании обстановки в регионе (Женева, 14 апреля 1988 г.). В соответствии с женовскими договоренностями советский военный контингент покинул пределы Афганистана (к 15 февраля 1989 г.). Не менее важным, чем факт прекращения советской интервенции, явилось принятие Съездом народных депутатов СССР (24 декабря 1989 г.) постановления, в котором решение о вводе советских войск в Афганистан оценивалось как заслуживающее «морального и политического осуждения».⁴⁶⁴

Уход из Афганистана не был изолированным актом, обновлялась вся внешняя политика Советского Союза. В контексте горбачевского «нового мышления» на высшем государственном уровне был четко сформулирован категорический отказ от наиболее одиозного тоталитарного наследия советского прошлого. Съезд народных депутатов СССР осудил (24 декабря 1989 г.) факт подписания секретных протоколов от 23 августа 1939 г. и других секретных договоренностей с нацистской Германией и признал их юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.⁴⁶⁵ С советской стороны было выражено (февраль 1990 г.) «сожаление в связи с необоснованным вводом войск в Чехословакию в августе 1968 г., имевшим негативные последствия для развития ЧССР, неблагоприятное воздействие на международную обстановку».⁴⁶⁶ Оценивая прошлые отношения с Венгрией, Горбачев заявил (декабрь 1991 г.): «Мы подводим окончательную черту под такой трагической страницей в истории наших стран, как венгерские события 1956 г. Мы безусловно осуждаем участие советских войск в этих событиях как вмешательство во внутренние дела Венгрии».⁴⁶⁷

Очищение политики от скверны тоталитаризма помогло Горбачеву добиться популярности во внешнем мире, создать по возможности приемлемые условия для

⁴⁶⁴ Вестник МИД СССР. 1990, 31 янв., № 2, с. 15.

⁴⁶⁵ Там же, с. 13.

⁴⁶⁶ Там же, 1990, 31 марта, № 6, с. 9

⁴⁶⁷ Там же, 1991, 31 декабря, № 24, с. 7.

неминуемого заката советской империи, приспособления к глубоким переменам в мировой обстановке, не дать неблагоприятному для СССР изменению баланса сил вовне усугубить нарастающие трудности перестройки внутри страны. В общем удалось совершить бесконфликтный переход от конфронтации к нормальным межгосударственным отношениям. Никакие, в том числе самые острые международные разногласия не помешали урегулированию сложных застарелых проблем, оставшихся в наследие от «холодной войны».

Отказ от «доктрины Брежнева», вывод советских войск из стран Организации Варшавского Договора и роспуск самого военно-политического блока, падение Берлинской стены, объединение Германии, волна демократических перемен в государствах Центральной и Восточной Европы – все это обновило международный контекст, в котором происходила глубокая трансформация советской внешней политики и перестройка внутренней жизни страны. Нет нужды отрицать, что для СССР такой контекст был вынужденным – неизбежным итогом проигранного им исторического соревнования. Думать приходилось лишь об ограничении ущерба, связанного с крахом тоталитаризма. Решения принимались в спешном порядке под давлением скоротечных событий того переломного момента, сопровождалась неизбежными, а в некоторых случаях неоправданными издержками. Но важно, что эти решения по своей сути и направленности были созвучны процессу национального возрождения и демократизации в Советском Союзе и позитивным переменам во всем мире.

Еще в рамках «сверхдержавного» соперничества начался демонтаж конфронтационной структуры, сложившейся за десятилетия «холодной войны». Две противоположные системы оставались реальностью, но между ними возникали взаимоотношения мирного, неконфликтного характера, открывались области взаимовыгодного партнерства. В таких условиях у СССР, как представляется, был шанс и дальше играть роль одной из опор мирной двухполюсности (разумеется, избавившись от тоталитарных замашек и амбиций). Вполне возможно. Запад со своей стороны, судя по всему, был готов, хотя и не безусловно, принять такую модель миропорядка. Однако советская опора двухполюсности оказалась ненадежной, более того, обреченной на саморазрушение. Никакие обстоятельства, и меньше всего оздоровление международного климата, не могли предотвратить грядущую гибель советского строя. Исходный порок заключался в нежизнеспособности формации в ее тоталитарном воплощении.

По мере нарастания трудностей на пути горбачевских реформ все более очевидным становилось то, что их отторгает сама Система. К тому же сопротивление перестройке вросшего в старые порядки партийно-государственного аппарата, военно-промышленного комплекса и пассивность основной массы населения заставляли Горбачева идти путем половинчатых, компромиссных мер, не приносивших ощутимой отдачи. Насколько действенной была перестройка, направленная на обновление подходов к международным делам, настолько нерешительной, непоследовательной, медлительной оказалась она внутри страны. Шестилетний опыт неуверенного реформирования не дал – и не мог дать – ожидаемых результатов.

В «холодной войне» тоталитарное советское государство, как и в борьбе против нацистской Германии, показало способность максимально мобилизовывать силы нации и неуклонно ужесточать сопротивление. Более того, как ни парадоксально на первый взгляд, конфронтация продлила существование СССР, послужила своего рода инъекцией, которая дала ему возможность поддерживать «сверхдержавный» статус. Без провоцирующего и стимулирующего воздействия внешней среды стагнирующая тоталитарная система не смогла бы так долго сохраняться, поскольку она непригодна для развития в спокойных, мирных условиях. Наивысшей эффективно-

сти – хотя лишь в силовом измерении – такая система достигает в обстановке чрезвычайности и напряженности.

В то же время есть пределы, до которых нация и государство могут выносить непосильную нагрузку. На вооружения, силовое противостояние, геополитическую экспансию расходовались колоссальные средства, выделявшиеся в ущерб насущным потребностям населения и внутреннего развития страны. Глобальная конфронтация предъявила Советскому Союзу «счет» поистине астрономических размеров, а оплачивать его становилось все труднее.

Однако нет оснований считать, что именно по этой причине СССР проиграл историческое соревнование. Кумулятивный ущерб «холодной войны» его материальной базе (так и не определенный в абсолютных и относительных показателях) был крайне разрушителен сам по себе, но главное – он усугубил системный кризис тоталитарного социализма. Если предположить, что Советский Союз одномоментно перекрыл бы все каналы утечки его ресурсов на бесполезное противоборство, ему, быть может, и удалось пережить уже произведенный ущерб. Можно было бы. Если только во имя национальных интересов радикально обновить внутренний и внешнеполитический курс государства. Но было объективно невозможно прекратить уже необратимый распад советской тоталитарной системы.

В отличие от межгосударственной сферы, где советская «сверхдержава» ценной невероятного напряжения последних сил могла бы еще какое-то время продержаться «на плаву», внутри страны уже нельзя было остановить стремительное падение «реального социализма». Слишком далеко зашел процесс деградации, причем не только базовых социально-экономических структур, но и поддерживающих их тоталитарных политических механизмов. Советский социализм подошел к роковой черте.

Как бы противоречиво ни развивалась разрядка, она послужила мощным катализатором беспощадного вскрытия причин плачевного состояния нашего общества и нашего государства, стимулом общенациональных поисков выхода из давно назревшего системного кризиса. «Наше общество оказалось (не “вдруг”, конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным, - писал академик Андрей Сахаров. – Симптомы болезни – последняя стадия которой получила название “эпоха застоя” - известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубины ясности еще далеко). В первую очередь это отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике ... в идеологии. С этим тесно связана бюрократизация всей жизни страны ... возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной».⁴⁶⁸

Антирыночное хозяйство при тотальном огосударствлении и, следовательно, отчуждении собственности от народа, нации, монопольно правившая коммунистическая партия, унитарная организация многонационального государства – все это были слагаемые системы, уже давно исчерпавшей свой ресурс. По оценке известного экономиста Отто Лациса, «... в сфере экономики какие-либо объективные основания для применения милитаризованной планово-распределительной системы перестали существовать не позднее начала 50-х годов. При неэффективной хозяйственной системе некоторое время удавалось поддерживать экономический рост за счет еще имевшихся экстенсивных источников. Но с их исчезновением в 70-х годах прекратилось сначала расширенное, а потом и простое воспроизводство. Неспособность государства осуществить давно назревшую экономическую реформу, хотя попытки

⁴⁶⁸ А.Сахаров. Неизбежность перестройки/ Иного не дано. М., 1988, сс. 122, 123.

предпринимались и в 50-х и в 60-х годах, еще раз подтвердила, что неэффективной была не только экономическая, но и политическая система».⁴⁶⁹

В итоге перестройки очевидным стал отказ нации от общественно-экономической формации в том ее конкретно-историческом воплощении, которое не обеспечило достойного качества жизни человеку и обществу, необходимой основы для статуса подлинно великой державы. Огромная страна, кичившаяся своей «сверхдержавностью», оказалась на пороге национальной катастрофы. Став во главе правительства уже нового государства – России, Егор Гайдар с ужасом обнаружил, что все ее ресурсы исчерпаны до дна: «В общем, нет ни хлеба, ни золота. Нет возможности платить по кредитам. А новых ждать неоткуда. Потрясающим сюрпризом это для меня не явилось, и все же до прихода в правительство оставались какие-то иллюзии, надежды, что, может быть, дела идут чуть лучше, чем кажется, что есть тайные, подкожные резервы. Но нет, ничего нет! С тех пор не могу спокойно слушать именно от коммунистов их митинговые и парламентские рыдания по утраченному имперскому величию страны, которую они, после семи десятилетий своего жестокого правления, поставили перед миром с протянутой рукой».⁴⁷⁰

Под гнетом тоталитаризма страна опустошилась не только материально, но и духовно. Совесть нации оказалась загнанной в подполье и обреченной на умирание. А «умирающая совесть», по определению академика Александра Яковлева, «и есть умирающая нация. Иными словами, природный запас жизнеспособности – духовной и физической – растратили впустую настолько, что само выживание народа стало вполне реальной проблемой».⁴⁷¹

Трагическое положение, в котором оказалась нация, имело глубокие исторические корни, но самым мучительным был послеоктябрьский, советский период. Теперь же речь шла, как выразился академик Георгий Арбатов, «... о затянувшемся выздоровлении нашего общества от самого тяжелого политического, духовного и нравственного недуга – рабства. Рабства, в которое наш народ был ввергнут сталинским тоталитаризмом».⁴⁷²

По убеждению Арбатова, «... наши главные проблемы сейчас сосредоточены внутри страны, в наших делах. Именно здесь предстоит дать ответ на главный вызов эпохи. Справиться с экономическим кризисом и трудностями в национальных отношениях, быстро обновить политические структуры, ускорить созревание новых парламентов, президентской власти и местного самоуправления – это значит с победой выйти из испытания. История еще раз предоставила нам уникальный шанс. Им важно воспользоваться».⁴⁷³

Надежды возлагались на перестройку. Но перестройка наталкивалась на серьезные трудности, теряла динамизм и, что особенно пагубно, - ослабевала ее поддержка в обществе. Все более угрожающей вырисовывалась опасность срыва начатых преобразований. Наиболее проницательные наблюдатели начали всерьез задумываться над возможностью развития событий по самому неблагоприятному сценарию. Александр Бовин писал: «Если же перестройка не удастся, если она будет существенно заужена, вновь сведена к паллиативам, к полумерам, если мы вновь испугаемся демократии, гласности, плюрализма оценок и мнений, если не социализм, а капитализм сумеет подняться на второй волне научно-технической революции, то нас ожидает довольно мрачное будущее. Резко сузятся авторитет и влия-

⁴⁶⁹ Отто Лацис. До и после августа /Год планеты. Выпуск 1992 г., с. 31.

⁴⁷⁰ Егор Гайдар. Дни поражений и побед. М., 1996, сс. 131, 139-140.

⁴⁷¹ Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, с. 654.

⁴⁷² Г.А.Арбатов. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991, с. 340.

⁴⁷³ Там же, с. 351.

ние Советского Союза, социализма в целом. Соотношение сил в мировом масштабе изменится в пользу капитализма».⁴⁷⁴

На западной стороне противостояния приближающийся закат советского социализма вызвал противоречивую реакцию. Приверженцы традиционной конфронтационной политики увидели в этом возникновение удобного момента для усиления силового давления на ослабевающего соперника в расчете на его вынужденное отступление и конечное поражение. Более трезвомыслящие опасались неконтролируемого обострения обстановки и считали необходимым воспользоваться открывающимися возможностями для нормализации отношений между Востоком и Западом. К таким выводам начали склоняться авторитетные идеологи и практики американской внешней политики.

После завершения активной дипломатической деятельности (при Никсоне и Форде) Генри Киссинджер в своих мемуарах резко критиковал примитивизм американского понимания двухполюсности, идущего наперекор национальным интересам США: «Советский Союз является тиранией и нашим идеологическим противником и тем самым подпадает под наше привычное представление о непримиримом противоречии между добром и злом. Но советская идеологическая враждебность находит выход в геополитическом соперничестве, типичном для каждой великой державы... Эмоционально связав себя с решением всеобъемлющей нравственной задачи в апокалиптической конфронтации, мы рискуем проглядеть менее заметные советские попытки исподволь подтачивать устои равновесия сил. В то же время, послевоенный мир стал миром ядерным. Руководители государств теперь идут на риск гибели не только своих армий, но и своих народов и всего человечества. Наш соперник поэтому превратился в некотором смысле в партнера в деле предотвращения ядерной войны — и в этом заключен моральный, политический и стратегический императив».⁴⁷⁵

Другой бывший дипломат — Сайрус Вэнс, госсекретарь в администрации Картера, в своих мемуарах писал о необходимости взаимной сдержанности в советско-американских отношениях и принятия своего рода «кодекса поведения», который помог бы «обозначить на практике те регионы мира, где обе страны заинтересованы в том, чтобы их политическое соперничество не поднималось до взрывоопасного уровня».⁴⁷⁶

Потребность в адаптации американской политики к новым реальностям признавалась далеко не всеми в политических кругах США. Ревнителю бескомпромиссной линии не спешили сдавать свои позиции. Их упорное нежелание пересмотреть устаревшие догмы отразил в концентрированном виде бывший советник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Он прогнозировал: «Противостояние двух величайших держав мира вряд ли ослабнет в течение оставшейся части двадцатого столетия».⁴⁷⁷ Практические рекомендации Бжезинского, составленные по классической конфронтационной модели, сводились к следующему: «Поскольку поражения за рубежом исторически всегда служили сильнейшими стимулами политических перемен в российском обществе, геостратегическая цель срыва советских попыток установить свое господство в Евразии напрямую связана с перспективой глубоких перемен в самой природе советской системы».⁴⁷⁸

⁴⁷⁴ Александр Бовин. Перестройка: Правда о социализме и судьба социализма /Иного не дано. М., 1988, с. 550.

⁴⁷⁵ Henry Kissinger. Years of Upheaval. Boston, 1982, p. 981.

⁴⁷⁶ Cyrus Vance. Hard Choices: Critical Years in American Foreign Policy. N.Y., 1983, pp. 422-423.

⁴⁷⁷ Zbigniew Brzezinski. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981., L., 1983, p. 541.

⁴⁷⁸ Zbigniew Brzezinski. Game Plan: How to Conduct the U.S.-Soviet Contest. Boston, 1986, p. 268.

В том же ключе рассуждал и смещенный Рейганом с поста госсекретаря неистовый застрельщик конфронтации генерал Александр Хейг: «Советы должны понять, что лучше принять условия Соединенных Штатов и Запада, чем продолжать наносить ущерб их интересам и безопасности. Риторикой не заставить их прийти к такому выводу. Достичь этой цели можно только убедительной демонстрацией решимости и силы».⁴⁷⁹

Мучительная переоценка внешнеполитических целей США затронула и администрацию Рейгана. Об этом поведал в своих воспоминаниях тогдашний госсекретарь Джордж Шульц: «На протяжении всей эры холодной войны ответственность Америки как сверхдержавы реализовывалась достаточно успешно. Но затем появился всепроникающий страх перед опасностью ослабления воли и поражением... Отношения между двумя сверхдержавами оказались не просто плохими, они фактически прекратились... Советы надо было заставить понять, что их агрессия не увенчается успехом и что они не победят в гонке вооружений. Но мы не хотели разжигать конфликт, поддавшись страхам, как не хотели мы и упускать благоприятные возможности для разрешения спорных вопросов... Споры по конкретным вопросам целиком поглощали все наше время и тем самым задавали тон нашим взаимоотношениям, тогда как нужно было взглянуть на обстановку под таким углом зрения, который не противопоставлял нас друг другу, а позволил бы нам глубоко вникнуть в интересы обеих сторон».⁴⁸⁰

Примирительный тон официальных заявлений США объяснялся отнюдь не необходимостью сдерживать бурный рост военных расходов. Если бы гонка вооружений и дальше пошла по восходящей линии, у Америки нашлись бы необходимые для этого средства. Значительно важнее было другое: угроза вероятной дестабилизации стратегической обстановки в случае неспособности СССР поддерживать паритет с США. Тогда советская «сверхдержава», как опасались в американском руководстве, не примирилась бы с поражением и могла попытаться компенсировать ослабление своего положения принятием экстраординарных мер, способных нарушить ядерное равновесие.

Дестабилизация двухполюсности представлялась неприемлемой также и Москве. Обращаясь к руководству и общественности США, Горбачев заявлял: «Наши страны просто не могут позволить себе довести дело до конфронтации. В этом – действительный интерес советского и американского народа. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонку вооружений, заняться разоружением, ввести в нормальное русло советско-американские отношения».⁴⁸¹

В отличие от пропагандистских заявлений на эту тему прежних советских лидеров, горбачевское «новое мышление» начало воплощаться в конкретные дела, способствовало стабилизации мировой обстановки (см. Главу четвертую). Отказавшись от установки на использование мирного сосуществования в качестве специфической формы классовой борьбы на международной арене, признав неосуществимость упований на скорый триумф мирового революционного процесса, КПСС заявила о своем намерении «добиться полного преодоления “холодной войны”, утверждения мирного сосуществования как универсального принципа международных отношений, развития гармоничных, взаимовыгодных связей, объединения усилий всех государств во имя решения глобальных проблем XX столетия».⁴⁸²

⁴⁷⁹ Alexander M. Haig, Jr. *Caveat*. N.Y., 1984, p. 96.

⁴⁸⁰ George P. Shultz. *Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State*. N.Y., 1993, pp. 4-6, 879.

⁴⁸¹ М.С. Горбачев. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М., 1987, с. 223.

⁴⁸² Обращение ЦК КПСС «К партии, советскому народу», принятое на пленуме ЦК КПСС 10 января 1989 г. *Правда*, 11 января 1989 г.

В условиях ослабления силовой конфронтации США и другие западные демократии, подавляющее большинство государств мира, проявили вполне естественную готовность к развитию отношений с Советским Союзом на основе универсальных принципов мирного сосуществования, конструктивного сотрудничества и честного соревнования. Именно путем такого несилового развития международных отношений, путем реализации своих бесспорных экономических, научно-технических, социальных и иных преимуществ Запад (при сохранении достаточного военного потенциала) рассчитывал обеспечить устойчивость в беспокойном мире и укрепить в нем свои и без того прочные позиции.

В этом заключался главный смысл поворота США к нормализации отношений с СССР во второй половине 80-х годов. Многие здесь зависело лично от президента Рейгана (см. Главу четвертую), который в духе реализма взял курс на прекращение конфронтации, сделав шаг навстречу инициативе Горбачева. Впервые после Второй мировой войны двустороннее (а затем многостороннее) внешнеполитическое целеполагание начало соответствовать национальным интересам двух сильнейших держав, кровным интересам народов всех стран мира. Подключение к международным делам этого подспудного, но мощного фактора во многом способствовало успеху встречных усилий, направленных на обуздание и свертывание опасной и разорительной конфронтации.

Казалось, мир, наконец, вступает в мирный период. Советско-американская двухполюсность от конфронтации начала переходить к сотрудничеству, что могло придать системе международных отношений равновесность и устойчивость на длительный исторический срок. Так и произошло бы, если не обвальная распад одной из опор двухполюсности – СССР. Выстояв в изнурительном противостоянии, советский колосс не удержался на своих шатких внутренних опорах.

Едва ли перспектива гибели советской «сверхдержавы» огорчила руководителей США и других западных демократий. Скорее, наоборот. Некогда мощный соперник скатился к самоликвидации, и тем самым снималась угроза военного столкновения с ним. Но тревожила опасность, связанная с внезапной, произвольной и неконтролируемой дезинтеграцией СССР, обладавшего огромным арсеналом средств массового уничтожения. Опасались «выбросов» нестабильности в Советском Союзе на международную арену, даже военных акций против Запада для консолидации положения внутри страны.

В начале 1989 г. госсекретарь Джеймс Бейкер исходил из госдепартаментских разработок, гласивших: «Советский Союз – это великая держава, идущая к закату. Почти по всем параметрам ее мощь убывает... центральная задача в отношении Восток-Запад должна состоять в том, чтобы справляться с международными последствиями ослабления советской державы конструктивными и мирными средствами». Бейкер намеревался помочь советской империи совершить, так сказать, «мягкую посадку». Но если советские реформы застопорятся или будут обращены вспять, то, по оценке госсекретаря, Америке, как минимум, придется действовать в крайне неустойчивой международной среде, а в худшем случае «мы окажемся перед перерастанием холодной войны в горячую».⁴⁸³

Об ухудшении ситуации внутри Советского Союза и связанных с этим осложнениях президента Джорджа Буша-старшего предупреждали все западноевропейские союзники. На встрече с ним (19 апреля 1990 г.) президент Франсуа Миттеран сказал: «Военная угроза уменьшилась... Но не исчезла совсем. Горбачев может пойти на принятие некоторых рискованных мер, если необходимость вынудит его к этому, поэтому мы должны поддерживать свою систему безопасности... На Советский

⁴⁸³ James A. Baker. The Politics of Diplomacy, 1989-1994. N.Y., 1995, p. 41.

Союз нельзя полагаться: великая держава в ослабленном положении опасна».⁴⁸⁴ Премьер-министр Маргарет Тэтчер, подчеркивая необходимость поддержания военного потенциала НАТО на высоком уровне, вместе с тем предостерегала: «... нельзя давать Советскому Союзу почувствовать угрозу настолько, чтобы он двинул свои войска в Восточную Европу».⁴⁸⁵

Пристально наблюдая за стремительным развитием дестабилизирующих процессов в еще недавно монолитном СССР, внешнеполитические и разведывательные ведомства Запада, прежде всего США, выражали растущее беспокойство в связи с возможностью перенесения его внутренних беспорядков в международную сферу. В докладе помощника президента Буша по национальной безопасности Б.Скоукрофта (7 марта 1991 г.) отмечалось: «Положение в Советском Союзе настолько тяжелое, что трудно представить, как можно избежать взрыва...».⁴⁸⁶ Посол США в Москве Джэк Мэтлок, оценивая варианты развития политической обстановки в СССР (июнь 1991 г.), не исключал «возможность гражданской войны».⁴⁸⁷

Действительно, внутреннее положение советской «сверхдержавы» было, как вскоре выяснилось, не просто тяжелым, а катастрофическим. Такого не происходило со времени гитлеровской агрессии, когда под угрозой оказалось само существование Советского Союза. Только теперь угроза исходила не извне, а изнутри – в недрах «реального социализма» и его тоталитарного государственного устройства назрел необратимый, терминальный кризис.

Надвигались грандиозные перемены в СССР и во всем мире. Но как это уже не раз бывало в истории накануне больших потрясений, их судьбоносность угадывалась не сразу. Можно с уверенностью сказать, что в тревожную пору начала 90-х годов подлинные масштабы и глубина начавшейся внутренней и международной трансформации еще не осознавались ни советским обществом, ни советским руководством, как, впрочем, и на Западе, и во всем мире. Длительное пребывание в двухполюсной системе координат породило менталитет, покоившийся на представлении о незыблемости существования не только двух противоположных миров, но и каждого из них. В яростном борении «перестроечных» страстей в Советском Союзе еще не вырисовывалась альтернатива существовавшему строю. В США и Западной Европе также не предвидели одномоментного распада СССР.

Какие бы события ни потрясали Советский Союз изнутри, западные лидеры не считали, что он, даже утратив немалую часть своей мощи, перестанет быть их главным соперником. Однако старались избегать рискованных ситуаций, в которых он мог бы почувствовать себя загнанным в угол и пойти на непредсказуемые авантюры. На советско-американском саммите в Вашингтоне (май-июнь 1990 г.) Буш сказал Горбачеву: «Мы не хотим, чтобы были победители и побежденные». Вспоминая эту встречу почти десятилетие спустя, бывший президент США писал: «Хотя у Советов были трудности, я хотел, чтобы он (Горбачев) понял, что пока я буду оставаться на своем посту, не будет никаких попыток принизить то положение Советского Союза, которое он занимал по праву».⁴⁸⁸ Справедливости ради надо признать, что администрация Буша – естественно, в собственных интересах – в общем, действовала корректно, способствуя «мягкой посадке» СССР.

Правда, оглядываясь назад, нельзя безоговорочно считать, что моральное обязательство президента США выполнялось всегда и во всем. Американская «сверхдержава» не упускала удобных случаев, чтобы воспользоваться ослаблением

⁴⁸⁴ George Bush, Brent Scowcroft. A World Transformed. N.Y., 1998, p. 267.

⁴⁸⁵ Margaret Thatcher. The Downing Street Years. L., 1993, p. 784.

⁴⁸⁶ George Bush, Brent Scowcroft. Op. cit., p. 499.

⁴⁸⁷ Jack F. Matlock, Jr. Autopsy on an Empire. N.Y., 1995, p. 224.

⁴⁸⁸ George Bush, Brent Scowcroft. Op. cit., p. 280.

позиций советской «сверхдержавы». Вашингтонские политики нередко действовали так, будто конфронтация и не прекращалась, добивались односторонних уступок.

Были и очевидные промахи с советской стороны. Приходилось принимать решения в обстановке чрезвычайности, спешно предотвращать возникновение неконтролируемых ситуаций в странах Центральной и Восточной Европы и в самом Советском Союзе. Теряя поддержку в обществе, Горбачев оказался под давлением сразу с двух противоположных сторон – Запад подталкивал к скорейшему (и на наиболее выгодных для себя условиях) завершению перехода к постконфронтационному периоду, а советский консервативный партийно-государственный аппарат, военная верхушка упорно сопротивлялись надвигающимся переменам (в частности, решение о выводе советских войск из-за рубежа вызвало в Минобороны и генштабе «зубовный скрежет»: генералы требовали «долго и основательно торговаться», выжимать максимальные выгоды для себя⁴⁸⁹). Противники демонтажа гигантской милитаристской машины не считались с тем, что время конфронтационного статус-кво миновало и возможностей для протяженного торга просто не существовало. Для них же главное было в сохранении собственного узковедомственного привилегированного положения, их не беспокоило, к каким трагическим последствиям могло привести сопротивление неизбежным переменам.

Сказанное, разумеется, не снимает с США, Запада немалой доли ответственности за резкое смещение центра тяжести мировой политики на переломе эпох в их пользу, в ущерб уже не столько сходящему с исторической сцены СССР, сколько сменяющей его новой России. Конечно, судьба многострадальной страны вершилась в ней самой, но Запад приложил руку к созданию такой постконфронтационной обстановки, в которой за банкротство советского тоталитаризма пришлось расплачиваться нарождавшейся российской демократии. Сокрушительный урон, который нанесла сама себе советская «сверхдержава», приумножился стараниями западных политиков, пытавшихся «добить» ослабевшего и покидавшего поле брани противника. Поистине справедлив саркастический афоризм Черчилля: «Рыцарская доблесть не является отличительным свойством победивших демократий».⁴⁹⁰

И в самом деле, никак не назовешь «рыцарским» образ мыслей американских государственных деятелей в сентябре-декабре 1991 г., когда они связывали обеспечение безопасности США с расчленением СССР, уже практически не существовавшего в качестве реального противника. Тогда министр обороны Чейни и госсекретарь Бейкер рекомендовали «мирное расчленение» советского государства.⁴⁹¹ Советник президента по национальной безопасности Скоукрофт признал: «...я полагал, что нам будет лучше, если Советский Союз распадется на части... Я считал, что высшим интересам безопасности отвечал бы такой распад, с помощью которого фрагментировалась бы нависавшая над нами военная угроза». Такой же, в сущности, позиции придерживался и сам президент Буш, исходивший из того, что «... в идеале наилучшим исходом было бы раздробление на ряд независимых государств, ни одно из которых не обладало бы внушающей страх мощью Советского Союза».⁴⁹²

Подталкивать СССР к распаду извне не потребовалось – центробежные силы разорвали его изнутри. Впрочем, при любом ином мыслимом развороте событий едва ли даже самый энергичный нажим со стороны США и всего Запада мог бы оказать столь же разрушительное действие на целостность советского государства, какое произвело драматическое стечение его собственных дезинтеграционных процессов. Вместе с самораспадом СССР исчезла и его угроза США и другим западным демо-

⁴⁸⁹ Виктор Баранец. Генштаб без тайн. М., 1992, кн.1, с 341.

⁴⁹⁰ Суэта сует: Пятьсот лет английского афоризма. М., 1996, с. 285.

⁴⁹¹ See: James A. Baker. The Politics of Diplomacy, 1989-1994. N.Y., 1995, p. 560.

⁴⁹² George Bush, Brent Scowcroft, Opt. cit., p, 543.

кратиям, а раздробление его территории на независимые государства сузило внутреннюю базу российской нации, ослабив ее роль в формировании внешней политики новой России.

Нависшую над страной опасность должны были почувствовать в советском руководстве, должны были своевременно принять действенные меры по предотвращению самораспада. Должны были, но ничего решительного не предпринимали. Евгений Примаков вспоминает: «Горбачев, могу смело сказать, понимал такую опасность, но действовал крайне нерешительно. Когда 15 января 1991 года я ему сказал об этом, он мне ответил, что хочет избежать в тяжелые времена перехода к другому обществу гражданских столкновений – их могли бы спровоцировать решительные меры по наведению порядка в стране в целом. Но, как мне представляется, в словах Горбачева была только частичная справедливость. Скорее, даже справедливость намерений, а не возможных результатов отказа от такой активности, что в конце концов подтвердилось путчем, организованным ГКЧП».⁴⁹³

Заговор консервативных сил в августе 1991 г. положил конец не просто попыткам реформировать не поддающуюся реформированию Систему. Вопреки намерениям путчистов спасти разваливавшийся тоталитарный социализм, они нанесли ему последний, смертельный удар. Августовский путч послужил детонатором трагических событий, которые похоронили советское государство и вывели страну на путь национального возрождения и демократического развития. Распалась и конфронтационная двухполюсность.

«В мире настала новая эра. Впервые за многие десятилетия, а, возможно и столетия, отсутствует противоборство великих держав, угрожающее миру, и не только миру, но и самому существованию цивилизации на Земле», - так оценил смену исторических эпох ветеран советской дипломатии Анатолий Добрынин и добавил: «Важно также не забывать, что мы не оказались (и не чувствуем себя) побежденными Америкой. Тоталитарную систему в СССР сломал наш народ, а не иностранные армии, как это было, например, с поражением германского нацизма и японского милитаризма. И эта важная особенность позволяет новой России заявлять о себе с самого начала как о равноправном партнере в международных отношениях, призвать США и другие страны к созданию новой системы европейской и глобальной безопасности с обязательным учетом интересов друг друга».⁴⁹⁴

Ненасильственный переход к конструктивному международному сотрудничеству – это факт поистине исторического значения. Разрешить без войны острейший спор между двумя взаимоисключающими системами стало возможным в контексте позитивных процессов современности. Один из них – усиление воздействия общенациональных и общемировых потребностей на формирование и осуществление внешней политики государств. Нация, хотя от ее имени, как всегда, выступает государство, начала обретать большую весомость своих интересов в международных отношениях.

Российская нация после длительного пребывания в загоне вышла, наконец, на политическую сцену. Она доказала, что способна не только выживать под гнетом государства и спасти его в час военного лихолетья, но и стать движущей силой освобождения от тоталитарного режима.

Пока рано говорить о мощном и неодолимом подъеме национального возрождения в России. Сделаны лишь первые шаги, положено обнадеживающее начало. Нация с трудом встает на ноги. Залечивает раны прошлого. Настоящее же порой не врачует, а наносит новые травмы. И все же российская нация, многострадальная, но

⁴⁹³ Евгений Примаков. Годы в большой политике. М., 1999, с. 81.

⁴⁹⁴ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. М., 1996, сс. 679-680.

жизнестойкая, движется вперед, стремится к активному участию в определении путей собственного внутреннего и международного развития.

Часть 2. Постоянные и переменные векторы

Россия вступила в качественно новое состояние – без тоталитарного режима, без советского социалистического строя. Она переходит к осознанию ценностей демократии и свободного рынка. Радикально изменяется контекст взаимодействия ее национальных интересов и внешней политики в новом государстве и в его отношениях с постконфронтационным мировым сообществом. Центральным, постоянно действующим вектором политикоформирования становятся общие закономерности глобальных процессов современности.

Вместе с тем, при неизменности этого базового вектора, переходный характер внутреннего и международного положения современной России обусловил переменчивость тех векторов, которые складываются под непосредственным воздействием конъюнктурных изменений в стране и во внешнем мире. Оказывает свое влияние также концептуальная эволюция в руководстве и обществе, преодоление стереотипов прошлого и непростое становление нынешних подходов к международным делам, инерционность общественного сознания и его эмоциональная возбудимость при обострении обстановки.

Отклонения от магистрального направления политики, естественные для устоявшихся государств, неизбежны для нашей страны, переживающей эпохальные перемены. Не избежать перекосов в ту или другую сторону (чаще всего – в негативную). Пробы и ошибки придают динамизм политическому творчеству и способствуют выработке сбалансированных решений. Важно только не потерять из виду главный ориентир, позволяющий держаться в координатах базовых национальных интересов, стратегического целеполагания и трезвой оценки окружающей реальности.

С распадом СССР его место в мире занял новый субъект международных отношений – Российская Федерация. Но не просто как его законный преемник, а как государство, взявшее курс на безоговорочное отторжение от былой советской тоталитарной «сверхдержавности», приближающееся к своим национальным истокам, в корне изменяющее свое общественное устройство.

В самых категорических выражениях об этом возвестил первый Президент Российской Федерации Борис Ельцин: «Скажу со всей определенностью: дух “холодной войны” не имеет будущего в России! Российский народ не позволит вновь окружить себя “железным занавесом”, втянуть в имперские авантюры. Россия активно входит в мировое сообщество, осваивает нелегкую науку цивилизованных отношений, строит открытое и мирное государство. Убежден, тени прошлого уже не способны помешать этому! ... тоталитаризм, любая тирания никогда не замыкаются рамками одной страны. Они стремятся протянуть свои ядовитые щупальца как можно дальше. Для них не существует границ и моральных запретов... Демократическая Россия полностью отрицает логику сталинской политики, которая способствовала расколу мира на две враждебные системы, развязыванию “холодной войны”».⁴⁹⁵

По прошествии времени можно, очевидно, упрекнуть тех, кто стоял у истоков российской внешней политики, в одномерном мироощущении. Радикальная смена идеологических и политических ориентиров проводилась во многом без учета сложных и противоречивых тенденций внутреннего и международного развития на переломе исторических эпох. С этим трудно спорить. Происходившие тогда беспрецедентные перемены воспринимались в романтическом свете. Все зло конфронтаци-

⁴⁹⁵ Дипломатический вестник МИД РФ. 1992, 29 февраля – 15 марта, № 4/5, сс. 12, 40.

онной эры списывалось на тоталитаризм, а все добро ожидалось только от его распада.

И все-таки в главном Ельцин и его единомышленники были правы – надо было решительно и навсегда искоренить тоталитаризм из жизни России и всего международного сообщества. Этот категорический императив был точкой отсчета национальной российской политики. Одним распадом тоталитаризма, разумеется, отнюдь не исчерпывается содержание наступившей эпохи возрастающего многообразия. Но именно в этом выразилась одна из фундаментальных особенностей нашего времени. Вместе с тоталитаризмом с мировой арены исчезло и антагонистическое противоречие, разделявшее его и демократию и генерировавшее глобальную конфронтацию.

Исключение тоталитаризма из всемирного исторического процесса как важной его составной части означало также то, что социализм лишился своего конкретного воплощения в государственной «сверхдержавной» форме. Элементы социалистического мировоззрения теперь не проецируются на международные отношения в том классово непримиримом, остроконфликтном виде, в каком вносил их в двухполюсный мир советский тоталитаризм.

Вообще, в наступившей эпохе антагонизм социализм-капитализм в любом, тем более силовом проявлении, перестал быть существенным противоречием в глобальном международно-политическом измерении. Главным отличием нынешней эпохи от ушедшей в историю явилось отсутствие межсистемной враждебности во всемирном масштабе (но только во всемирном, поскольку внутри отдельных стран и на некоторых участках международных отношений еще не исключается возможность конфликтного столкновения межсистемных интересов).

Вступление России на путь естественного социально-экономического развития и преодоления двухполюсного раскола мира – вот главные составляющие постоянного вектора формирования российской политики, дающего возможность для все более полной реализации в международной сфере национальных потребностей страны. Именно на такой прочной основе можно выстраивать долговременный внешнеполитический курс и добиваться его осуществления на практике, ограничивая ущерб от конъюнктурных перекосов и сбоев. Устойчивость этого вектора обусловлена необратимостью эпохальных перемен в самой России и во всем мире. Возврата к тоталитаризму с его беспощадной деспотией дома и имперской конфронтационностью вовне не предвидится.

После распада СССР Збигнев Бжезинский высказал такую дилемму: «Россия может быть либо империей, либо демократией. Быть и тем и другим она не может».⁴⁹⁶ В абстрактных категориях дилемма безупречна, но едва ли приложима к реальностям современности. У России, как и у любой другой державы, выбора между империей и демократией сегодня не существует. Давно ушли в прошлое все империи, и последняя и самая крупная из них – Британская империя. Советская империя распалась раз и навсегда.

Однако, если не имперство как таковое, то не может ли считаться одной из составных частей постоянного вектора национализм? Ведь в нашей стране эта застарелая напасть передавалась от одной формы правления к другой. Менялись лишь ярлыки, а суть оставалась неизменной (см. Главы третью и пятую).

Многое мешает находить оптимальное сочетание национальных интересов с требованиями бурно развивающейся обстановки. Но едва ли не самым серьезным тормозом все еще остаются пережитки имперского национализма. Не стоит, конечно, преувеличивать. В посттоталитарной стране нет подходящей почвы, на которой

⁴⁹⁶ Zbigniew Brzezinski. The Premature Partnership/ Foreign Affairs. 1994. March/April, p. 72.

смог бы снова разрастись и заполнить все пространство государственной политики чертополох национализма. Но нельзя и недооценивать степень вредоносности этой национальной болезни, диагноз которой со всей беспощадностью поставил академик Дмитрий Лихачев: «Я думаю, что всякий национализм есть психологическая аберрация. Или точнее, поскольку вызван он комплексом неполноценности, я сказал бы, что это психиатрическая аберрация».⁴⁹⁷

Любой национализм таит в себе беду для всех, но в первую очередь для самого его носителя. Даже если видоизменяются политические режимы, менталитет людей надолго остается отравленным националистическим дурманом – как в правящих верхах, так и в гуще народной. А переживаемые трудности и невзгоды провоцируют рецидивы еще не до конца излеченной национальной болезни.

Незаурядный русский мыслитель, талантливый последователь Владимира Соловьева – Георгий Федотов еще в 40-х годах прошлого столетия предсказал: «Нет решительно никаких оснований представлять себе первый день России “без большевиков” как розовую зарю новой свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной ночи, будет скорее ...туманное “седое утро”... После мечты о мировой гегемонии, о завоевании планетарных миров, о физиологическом бессмертии, о земном рае – у разбитого корыта бедности, рабства, может быть, национального унижения...».⁴⁹⁸

Еще во времена казавшейся неприступной, монолитной твердыни советского тоталитаризма Федотов верил, что «для самой России насильственное продолжение имперского бытия означало бы потерю надежды на ее собственную свободу»... И потому, считал он, «потеря империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик». Ибо «ненависть к чужому – не любовь к своему - составляет главный пафос современного национализма».⁴⁹⁹ С глубокой убежденностью Федотов предсказал (в конце 40-х годов!) : «Большевизм умрет, как умер национал-социализм». Но он опасался, что «после большевиков» Россию снова может захлестнуть волна национализма, хотя и нового по форме, но старого – и дореволюционного, и советского – по содержанию.⁵⁰⁰

Как правило, симптомы националистического недуга виднее снаружи (хотя часто преувеличиваются) и менее заметны изнутри (и обычно преуменьшаются самими его носителями). Точно подметил Юрий Трифонов: «В том-то и окающая сложность, что: у других видно, а у себя нет».⁵⁰¹ Болезнь незаметно развивается по своим особым правилам, набирает силу, и тогда совладать с ней чрезвычайно трудно. А она инфицирует не только собственную нацию, но выходит далеко за ее границы. Не зря предупреждал Василь Быков: «Не может империя стоять на месте, она, как пульсирующая звезда, должна расширяться».⁵⁰² Но даже не выходя вновь в мировую сферу, имперский национализм сковывает страну изнутри. Как свидетельствовал академик Александр Яковлев, «с трудом расстается с имперством и нынешний российский режим. Нужна страшная политическая воля, чтобы Россия занялась внутренним обустройством...».⁵⁰³

Глубину и размах имперского национализма нельзя, конечно, измерять по шкале эмоционального осуждения. Но и без углубленного анализа ясно: по набрав-

⁴⁹⁷ Дмитрий Лихачев. Я помню. М., 1991, с. 126.

⁴⁹⁸ Г.П.Федотов. Судьбы и грехи России. СПб., 1991, т. 1, с. 198.

⁴⁹⁹ Там же, сс. 326, 327, 249.

⁵⁰⁰ Там же, с. 325.

⁵⁰¹ Юрий Трифонов. Избранные произведения. М., 1978, т. 2, с. 501.

⁵⁰² Василь Быков. Возвращаются знаки беды/ Известия, 4 февраля 2003 г.

⁵⁰³ Александр Яковлев. Омут памяти. М., 2000, с. 578.

шей силу инерции, по попыткам использовать в политике это привычное и удобное средство, угроза его существует. В какой мере реально? По наблюдению исследователя российского национализма Александра Янова, «...все, что происходит сейчас в России, однажды уже с нами было».⁵⁰⁴ Звучит зловеще. Неужели наша страна, наш народ обречены еще на одну и, вернее всего, последнюю национальную катастрофу? Разум противится фатализму, а опыт трагического прошлого не позволяет самоуспокаиваться.

Определить степень воздействия имперского национализма на российскую внешнюю политику можно лишь в контексте ее главного постоянного вектора, создающего определенные пределы отклонения от магистрального курса. В таких рамках ограничивается негативное влияние имперства, которое и без того становится все более контрпродуктивным.

Кроме того, надо учитывать одно немаловажное обстоятельство: пропаганда и контрпропаганда широко и произвольно используют понятие «имперство», включают в него всю государственную политику, в том числе и ту, которая диктуется законными интересами национальной безопасности. Конечно, в каждом конкретном случае нелегко разобраться, где кончаются эти интересы и начинаются претензии на расширение геополитического и иного влияния. Однако основные признаки имперства достаточно очевидны.

Трудно предвидеть, какими темпами пойдет на убыль разрушительная сила имперского национализма. Так или иначе, сегодня можно констатировать, что он (подобно коррупции и другим хроническим порокам общества и государства) может еще долго оставаться вредоносной составляющей в главном внешнеполитическом векторе России.

С самого возникновения российской внешней политики важным вектором ее развития стали процессы обновления страны, востребованность демократического потенциала нации. Россия вошла в общее русло прогрессирующей демократизации современного мира.

Владимир Лукин, в бытность свою российским послом в США, говорил: «...Россия отнюдь не так безнадежна, как иногда принято считать. При всей своей тяжелой истории у нее есть давняя демократическая и либеральная традиция, пусть не очень продолжительный, но зато выстраданный, в том числе нынешний, опыт создания своих собственных демократических институтов. Россия и дальше пойдет к демократии... своим собственным путем, постепенно и мучительно выдавливая авторитарность и суперцентралистский произвол из своего политического организма... Упрочение демократии, превращение ее в эффективную систему правления на территории всей страны – важнейший национальный интерес, а следовательно и национальная цель России».⁵⁰⁵

Демократизация в новой России с самого начала обусловила ее объективную принадлежность к широчайшему кругу стран, разделяющих однородные базовые ценности, не предрасполагающие к силовому противоборству. Но внутренняя неустойчивость обновляющегося государства не дает гарантии беспрепятственного продвижения к демократии. Вполне вероятны срывы и замедление этого долговременного процесса в стране, обремененной унаследованными и вновь возникшими трудностями.

Любопытны два взаимосвязанных суждения, высказанные бывшим послом США в Москве Джэком Мэтлоком: «Во-первых, советскую систему воссоздать невозможно. Породившие ее условия более не существуют, и даже на высшей точке сво-

⁵⁰⁴ А.Л.Янов. Россия против России. Новосибирск, 1999, с. 359.

⁵⁰⁵ В.П.Лукин. Россия и ее интересы/Дипломатический вестник МИД РФ, № 21-22, 15-30- ноября 1992 г., с. 49.

его подъема она не была способна конкурировать со свободными экономиками. Попытки вернуться в прошлое, которые нельзя исключить, ... в конечном итоге только породят стимулы к движению вперед. Во-вторых, российскую империю возродить нельзя, даже если бы россияне испытали эмоциональную тягу к превратно понимаемому прошлому и поддались на призывы демагогов. Только здоровая российская экономика могла бы выдержать требующуюся нагрузку, но экономику не излечить, если Россия пойдет имперским курсом».⁵⁰⁶

В первые годы существования Российской Федерации было всякое, были и попытки повернуть историю вспять. Социально-экономической, политической и межнациональной нестабильностью пытались воспользоваться сторонники реставрации старых порядков. Возврат к прошлому грозил срывом демократических преобразований и возобновлением конфронтации. Возрождающаяся нация не допустила новой катастрофы. Но вполне возможен «промежуточный» вариант, при котором на какое-то время демократизация в России не будет продвигаться вперед, хотя и не откатываться назад. Однако на практике рано или поздно это может обернуться опять-таки крахом реформ и свертыванием международных связей. Тогда российскую внешнюю политику пришлось бы строить только на развалинах конфронтационного курса советской политики.

К счастью, события пошли не по наихудшим сценариям. Как отмечалось в Докладе ОПМЭМО Российской Академии наук, новое руководство при поддержке народа исходило «из уже сделанного Россией принципиального выбора с пользу демократии. И потому, что такой выбор продиктован подлинно национальными интересами страны и реальностями современного мира. И потому, что жизненно необходимо предпринять все возможное, в том числе и посредством внешней политики, чтобы сделать этот исторический выбор необратимым и воплотить его в конкретные дела на благо россиян».⁵⁰⁷

Демократизации в России способствовала благоприятная внешняя среда. Масштабность демократических перемен, охвативших обширные пространства земного шара, вызвала качественное изменение международно-политического облика современного мира. Демократизация резко снизила конфликтность в отношениях между государствами. Как пишет профессор Владимир Кулагин, «... происходящее сейчас в мире расширение поля демократии будет означать и расширение глобальной зоны мира».⁵⁰⁸

При всем сказанном вряд ли есть основания для абсолютизации позитивного воздействия глобальной демократизации на внутреннее развитие России. Судьба хрупкой еще демократии решается все же внутри страны, где в политических кругах и в обществе сталкиваются самые разные тенденции. Вытекающие из этого плюсы и минусы требуют сбалансированного учета для определения влияния демократизации на российскую внешнюю политику. Профессор Андрей Мельвиль считает: «... в оценке перспектив нынешней волны демократизации и грозящих ей подводных камней неуместны как близорукий оптимизм, основанный на слепой вере в победоносную магию демократической фразеологии, так и унылый пессимизм, исходящий из исторической неизбежности чередования демократических и авторитарных циклов.

⁵⁰⁶ Jack F. Matlock, Jr. *Autopsy on an Empire*. N.Y., 1995, p. 737.

⁵⁰⁷ Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции. ОПМЭМО РАН. М., 1994, с. 22.

⁵⁰⁸ В.М.Кулагин. Формирование новой системы международных отношений/Современные международные отношения (под ред. А.В.Торкунова). М., 2000, с. 49.

В конечном счете, опыт прошлого – отнюдь не всегда достоверный ответ на вызовы будущего». ⁵⁰⁹

Становление демократии в России – трудный и долгий процесс. За первые два постсоветских десятилетия проделан немалый путь, но до достижения конечной цели еще очень далеко. И замедляет продвижение вперед отнюдь не умозрительная цикличность политических режимов, а вполне реальный набор постоянно действующих неблагоприятных факторов. Среди них – все еще ощутимые последствия долгого господства тоталитарного социализма, укоренившаяся в сознании значительной части народа привычка к авторитарному правлению, слабая развитость гражданского общества, недостаточная зрелость политической культуры и, пожалуй, самое главное – практика принятия федеральной властью таких мер административного переустройства, которые зачастую ставят интересы государства выше интересов общества и нации, интересы политической стабильности выше гражданского самовыражения.

Тем не менее, можно констатировать, что вектор демократизации в целом приобрел постоянный и перспективный характер. Вопреки всем трудностям, он способен оказывать возрастающее благотворное влияние на внешнеполитический процесс России.

Еще один постоянный вектор – государственность. Существование нации в пределах собственных границ и ее проекция на международное сообщество немыслимы без сильного государства. И для нее пагубно как засилье, так и бессилие государства, тем более нарушение его целостности и суверенитета.

Оказавшись во время распада СССР на краю гибели государственности, новая Россия сумела предотвратить это национальное бедствие. Подписывая в Кремле Федеративный договор (31 марта 1992 г.), президент Ельцин заявил: «В критический момент, который переживает сейчас Россия, нам хватило сил, мудрости и ответственности, чтобы всем вместе отвести угрозу распада, которая нависла над нашей Россией. Сегодня мы можем сказать нашим согражданам, народам, которые столетиями живут вместе, всему мировому сообществу: единая Россия была, есть и будет. Ход отечественной истории не прервется.

Но речь идет не о сохранении России любой ценой. Ее единство будет обеспечено не всевластием высших государственных органов, не силой оружия и команд, не беспамятством народов и бесправием граждан. Отныне основу российской государственности будут составлять свободы республик и регионов, их реальные права и полномочия, их ответственность перед своими гражданами, перед Россией и перед всем миром». ⁵¹⁰

По сути, задача заключалась не в воссоздании рухнувшей советской государственности. Вместо нее надо было выстроить принципиально иную, правовую и национальную государственность. Такая государственность, как показал опыт многих развитых стран, не противоречит демократии. Более того, она опирается на демократию, черпает в ней силу и устойчивость. Государственная власть только тогда эффективна, когда периодически проходит через горнило свободных выборов, когда она ограничена в своих полномочиях справедливым и действенным законом, уравновешена парламентом и общественным мнением.

Все это истины вековой давности. Но советская номенклатура ради своего сохранения с презрением отвергала их как «классово чуждые». В сознание народа десятилетиями внедрялось понятие вседозволенности любых действий власти, вме-

⁵⁰⁹ А.Ю.Мельвиль. Демократизация как глобальная тенденция?/Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997, сс. 120-121.

⁵¹⁰ Дипломатический вестник МИД РФ. 30 апреля 1992 г., № 8, с.3.

сто верховенства закона – директивная политическая целесообразность и правовой нигилизм.

Для построения правового национального государства от российского руководства потребовалась основательная работа по просвещению масс, сознание которых оставалось в плену старых идеологических догм и установок. И огромный вклад в это дело внес один из отцов российской демократии – Анатолий Собчак. Он разъяснял аксиоматическую суть государственности, принятую всем цивилизованным миром и утаенную большевиками от собственного народа: «Если утверждается примат права перед государством, значит, мы должны по-новому подойти и к самому пониманию права. И оставить в прошлом пресловутый “классовый подход к праву”, позволявший оправдывать любые преступления партии, любое насилие, экспроприацию и геноцид спецификой “классовой борьбы” или утопией мировой пролетарской революции».

Семь десятилетий у нас каждое дело начиналось с постановления партии и правительства. И каждое оборачивалось кровью и слезами сограждан, преступлениями против человечества, против собственного народа и собственной земли. И дело не в злокозненности отдельных чиновников, не в дурном характере сталиных, берий или рашидовых. Дело в античеловеческой по своей сути системе власти, построенной на крови народа партией “победившего пролетариата”.

Любое дело должно начинаться не с постановления, а с человека, любое дело должно и заканчиваться человеком. А право – это только необходимое средство поддержания порядка в обществе, инструмент обращения государства не с человеком (как с винтиком в государственной машине), а к человеку, к его земным нуждам и печалям. С осознания этих простых истин и начинается правовое государство. И конечно, создание в нашей стране новой политической системы, в которой человек не винтик и даже не абстрактный “человеческий фактор”, а непреходящая и вечная ценность, потребует туда многих поколений».⁵¹¹

Обеспечение надежности государственной структуры новой России в первое десятилетие ее существования проходило в беспрецедентно сложных условиях, в которых приходилось одновременно ее и восстанавливать, и обновлять. После распада СССР исчезли главные внешние угрозы, и центр тяжести усилий по сохранению российской государственности переместился на ее внутреннюю базу, социально-экономическую и политическую. На самом деле эта опора оказалась неустойчивой. Истощенное и разоренное хозяйство переживало глубокий кризис. Жизненный уровень населения снизился до критического предела. Олигархические и другие соперничавшие группировки боролись за власть. Управление государством выходило из-под контроля. Непоследовательность и нерешительность руководства под давлением активной оппозиции, экстремистских, сепаратистских сил и просто авантюристических элементов способствовали возникновению конфликтных ситуаций. Назревала опасность новых потрясений в обществе и подрыва государственной целостности России.

Положение усугублялось неудачными политическими решениями, по замыслу призванными укрепить внутренние устои государства, а на деле приводившими к прямо противоположным результатам. Таких удручающих фактов было предостаточно. Но самый трагический – затяжной кровавый конфликт в Чечне. Предпринятое во имя восстановления конституционного порядка массированное применение федеральных вооруженных сил повлекло за собой огромные жертвы и разрушения, но не достигло поставленных целей. У чеченской проблемы не было и нет чисто военного решения. Превратившись в постоянный очаг напряженности, Чечня стала серь-

⁵¹¹ Анатолий Собчак. Хожение во власть. М., 1991, сс. 8-9.

езным источником осложнения обстановки во всем многонациональном регионе Северного Кавказа, а в конечном счете в российском обществе в целом, и одной из причин размывания государственности России. Самодестабилизация на внутреннем геополитическом пространстве оказалась намного разрушительней любой мыслимой дестабилизации, которая могла бы быть привнесена извне.

К концу 90-х годов ситуация в Чечне достигла наивысшего накала. Она легла дополнительным бременем на ослабленную спадом экономику, обострила внутриполитическую борьбу, затруднила продвижение реформ, породила глухое недовольство в народе, спровоцировала нарастание воинствующего национализма, нанесла урон международному престижу страны. Потребовалась чрезвычайная акция.

Сменивший Бориса Ельцина на посту президента Владимир Путин предпринял в 2000 году крупномасштабную контртеррористическую операцию в Чечне, которая, по его утверждению, «смогла отвести угрозу распада России».⁵¹² К 2002 году завершилась военная фаза чеченского конфликта, но президент Путин констатировал, что «... в самой республике еще много социальных и экономических проблем, мирную жизнь нарушают вылазки оставшихся бандитов... И потому главная задача нынешнего этапа – это возвращение Чечни в политико-правовое пространство России. Это создание в ней дееспособных правовых институтов и собственных правовых структур».⁵¹³

Последствия чеченского конфликта, вероятно, еще надолго останутся дестабилизирующим фактором во внутреннем положении России. Хотя сползание страны к дезинтеграции приостановлено, «чеченский синдром», конфликтогенный сам по себе, вплетается в необъятный комплекс нерешенных проблем российской государственности, в числе которых федерализм и регионализм, разделение исполнительной, законодательной и судебной властей, обеспечение правовых и социальных условий, защита свобод граждан.

Дмитрий Медведев в выступлении на втором Гражданском форуме (22 января 2008 г.) сказал: «... наша страна прошла, что называется “по краю”. Мы прошли через большие испытания, совершили много ошибок, но страну не развалили».⁵¹⁴ А в своем первом Послании Федеральному Собранию РФ (5 ноября 2008 г.) уже в качестве президента он снова затронул тему российской государственности: «... государственная бюрократия по-прежнему, как и 20 лет назад – руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия периодически “кошмарит” бизнес – чтобы не сделал чего-то не так. Берет под контроль средства массовой информации – чтобы не сказали чего-то не так. Вмешивается в избирательный процесс – чтобы не избрали кого-нибудь не того. Давит на суды – чтобы не приговорили к чему-нибудь не тому. И так далее.

В результате, государственный аппарат у нас в стране – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе в конечном счете народ. Такая система – абсолютно неэффективна...

Сильное государство и всесильная бюрократия – это не одно и то же. Первое нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка. Для защиты и укрепления демократических институтов. Вторая – смертельно опасна для него. Поэтому наше общество должно спокойно, настойчиво и не откладывая на “потом” - развивать институты демократии».⁵¹⁵

⁵¹² Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ, 7 июля 2000 г.

⁵¹³ Там же, 18 апреля 2002 г.

⁵¹⁴ Выступление Дмитрия Медведева на втором Гражданском форуме 22 января 2008 г.

⁵¹⁵ Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г.

Упрочение российской государственности, совершенно очевидно, связано с последовательной демократизацией страны. Только развитая и устойчивая демократия позволит осуществить коренное обновление государственных структур нации, которые в свою очередь обеспечат необходимые правовые и материальные условия для развития демократических институтов. Вполне ясно, что окончательно решить эту многосложную задачу можно только целенаправленными и непрерывными усилиями в течение длительного срока, возможно, на протяжении жизни нескольких поколений. В то же время есть основания считать уже достигнутый уровень развития российской государственности достаточным для того, чтобы оценивать ее как постоянный, в перспективе все более действенный, вектор позитивного влияния национальных интересов на внешнюю политику России.

В числе других векторов внешнеполитического процесса страны стоит упомянуть самоопределение российской нации. Вектор немаловажной значимости, однако незаслуженно остающийся в тени и подвергающийся произвольному толкованию не только в общественных и научных кругах, но и среди части государственного аппарата.

Как уже отмечалось в предыдущих Главах, руководство современной России, в отличие от вождей распавшегося СССР, исходит из реальности существования нации и национальных интересов, считает их базовыми категориями теории и практики. А между тем, по инерции, все еще в ходу такая идентификация страны, которая либо не признает ее национальной целостности (по-прежнему оперирует понятием «народы России»), либо считает, что у нас государство образует один народ («русский народ»). Ни то, ни другое понятие не приемлет такие термины, как «российская нация», «российский народ», «россияне». Первое понятие сохранилось в наследство от советских времен, когда нация и народ трактовались в узкоэтническом смысле, а взамен была изобретена расплывчатая категория «новая историческая общность людей». Второе понятие свойственно сторонникам признания «русской нации» (кстати, это – этнонационалистическая новация, а не возврат к досоветскому прошлому, когда существовали и «Российская империя», и «российский народ»).

В результате произошла путаница понятий, которая наносит ущерб престижу и влиянию России. Многие, если не большинство, за рубежом не различают, кто такие «русские» и «россияне». (К тому же, при переводе на иностранные языки нет эквивалента «россиянам», употребляется только слово «русские»). Таким образом, складывается впечатление, что в современной России живут только русские, а не многоэтническое российское общество, и только русские несут ответственность за все происходящее в стране и за всю ее международную деятельность.

Население ряда крупных государств имеет многоэтнический состав, что не мешает им называться американским, британским, индийским, китайским и т.п. народами. При всей (иногда излишней) политкорректности по отношению к национальным меньшинствам внутри демократических стран, не подвергается сомнению общенациональная идентификация государства на международной арене. Нечеткость же в определении реальной значимости общности под названием нация или народ приводит к тому, что образ страны оказывается ущербным. Снова, как в советском прошлом, выпячивается роль государства, а нация и народ остаются в тени, что ослабляет авторитет его политики, внутренней и внешней.

Академик Валерий Тишков считает: «Почему так важно более уверенное употребление понятия российский народ не просто как синоним русскому народу и не как отказ признать наличие других народов-этносов в составе российского демоса? Потому что множественное число (“народы”) ослабляет легитимность самого государ-

ства, всегда образуемого территориальным сообществом – демосом, который и есть по международно-правовым нормам самоопределившийся народ».⁵¹⁶

Превращение самоопределения российской нации в постоянный вектор внешнеполитического процесса представляется вполне осуществимым. Для этого, судя по опыту некоторых зарубежных государств (например, Великобритании, относительно легко сменившей свою национальную идентификацию с «английской» на «британскую»), не потребуются чрезвычайные усилия и длительное время. Нужна лишь последовательность воплощения в жизнь принятой руководством четкой концепции, отражающей национальные интересы страны.

Влияние общественного мнения на формирование внешней политики – новое явление в демократизирующейся России. При советской власти ничего подобного не существовало. По политическим вопросам выражение любого другого мнения, кроме директивно предписанного партией и правительством, было строго запрещено. Постсоветское общество стало довольно активным и относительно самостоятельным участником внешнеполитического процесса, хотя степень его влияния остается пока весьма скромной. Общественные оценки российской внешней политики и рекомендации по ее дальнейшему развитию отличаются противоречивостью, непостоянством, эмоциональными преувеличениями или преуменьшениями, зависимостью от конъюнктурных изменений. Сказываются все еще недостаточная осведомленность, не до конца изжитая идеологическая зашоренность, упрощенные представления о международной реальности и индифферентное отношение к ней.

Об этом свидетельствует, например, аналитический доклад, подготовленный Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук (ИКСИ РАН) в сотрудничестве с германским Фондом имени Фридриха Эберта (октябрь 2002 г.).⁵¹⁷ Доклад суммирует результаты опросов, проводившихся с середины 1990-х годов в России с целью выяснения реакции граждан на изменение международной обстановки и развитие российской внешней политики. Прежде всего, респондентов попросили дать общую оценку международной деятельности за последние 2-3 года, то есть в начале президентства Путина. Около половины опрошенных (46,5%) сочли изменения во внешнеполитическом курсе в целом позитивными, хотя и «не очень значительными». Резко негативно о произошедших переменах высказались 12%. Картина могла бы сложиться менее благоприятно, если бы не деятельность нового главы государства. К 2000 году, в конце президентства Бориса Ельцина, лишь 5,4% граждан отмечали улучшение международного положения России, а после избрания Владимира Путина президентом доля таковых к 2002 году повысилась до 53,9%. Сопоставление выявленных мнений показало, что, вопреки очевидным различиям социального положения элит и рядовых граждан, они видят одинаково ключевые проблемы российской внешней политики. Ее эволюцию в целом позитивно оценивает большинство не только проправительственных, но и оппозиционных партий и движений.

Однако за видимым фасадом внешнеполитического консенсуса обнаруживаются серьезные разногласия. Из доклада видно, что далеко не преодолена извечная российская «раздвоенность» отношения к внешнему миру. В массовом сознании (или подсознании) живуче противоречие между сближением с Западом и недоверием, а то и неприязнью к нему. Часть населения, более расположенная к сотрудничеству с Западом, активней поддерживает правительственные действия в этом направлении, чем те, кто скептически смотрит на «западный вектор» развития российской политики. Хотя в целом большинство (41,9%) видит внешнеполитический курс

⁵¹⁶ Валерий Тишков. Самоопределение российской нации/Международные процессы. Май-август 2005 г., т. 3, № 2(8), с. 20.

⁵¹⁷ Мы и мир. Россияне – о российской внешней политике/Известия, 8 октября 2002 г.

страны достаточно сбалансированным в отношении Запада и Востока, немало и тех (28.9%), кто критикует его как излишне «прозападный». Разлом оценок пролегает по линии «богатые-бедные». Среди последних лишь 14,2% считают перемены значительными и позитивными, в то время, как среди материально обеспеченных 40% одобряют их.

При всем этом результаты опросов ИКСИ РАН убедительно показывают повышение уровня прагматического мышления россиян в отношении современного мира и положения в нем их страны. В главном уже преодолен прежний, «классовый» подход к международным делам. Большинство опрошенных не питает иллюзий относительно намерений зарубежных партнеров, готово к жесткой конкуренции с ними, но надеется, что взаимовыгодное сотрудничество с внешним миром даст России существенный выигрыш. Из доклада очевидно, что современное российское общество ни в коей мере не склонно к изоляционизму, как не стремится оно и к возобновлению конфронтации, противоречащей национальным интересам России.

Вместе с тем еще преждевременно считать нынешний настрой российского общества устойчивым при любых стечениях обстоятельств. Видно, не зря на этот счет опасаются в высших эшелонах власти. Игорь Иванов, в бытность свою министром иностранных дел, как-то откровенно заметил: «Главное, чтобы внешняя политика не приводила к расколу внутри страны».⁵¹⁸ Достаточно резкого обострения международной обстановки (в частности из-за конфликтов на Балканах, в Ираке, на Кавказе), чтобы нарушилось хрупкое равновесие мнений по внешней политике в стране, внутренняя стабильность которой все еще недостаточно прочно не гарантирована.

Постепенное, порой скачкообразное, усиление влияния общественного мнения на российскую внешнюю политику можно считать вполне устоявшейся тенденцией, причем с переменчивой направленностью, не только позитивной, но и негативной. Дело в том, что амплитуды колебания государственной политики и общественного мнения существенно разнятся. Отклонения внешней политики от национальных интересов и преобладающего настроения общества, хотя и могут быть весьма значительными, при изменении обстановки сравнительно легко поддаются корректировке. Общественное же мнение, сложившееся в условиях обострившегося положения, быстро набирает самодвижущуюся, трудно контролируемую силу и какое-то время сохраняет способность оказывать давление на политику после внесения в нее соответствующих поправок.

При этом в случае, когда отклонение от национальных интересов уже выправлено, а общественное мнение продолжает оказывать давление, его инерционность не обязательно вредит государственным интересам (а иногда даже оказывается полезным для ведения дипломатических игр с отсылками на «глас народа»). Иная ситуация возникает, когда общественное мнение – в общем-то не во всем и не всегда беспристрастное – само отклоняется от национальных интересов. Тогда его инерционность лишь усугубляет аналогичный крен внешней политики, даже после того, как на правительственном уровне он преодолен. В этом случае эффект отказа от ошибочного или утратившего актуальность официального решения снижается продолжающейся ассоциацией с ним настроений, отмежеваться от которых правительству нелегко.

Еще одна особенность формирования российской внешней политики заключается в том, что руководство нередко оказывается перед соблазном использовать выгодное для себя общественное мнение. Какие бы выгоды (чаще всего преходящие) ни удалось таким образом получить, этот прием далеко не всегда способствует достижению устойчивого внешнеполитического консенсуса. «Оседлать» обществен-

⁵¹⁸ Известия, 10 июля 2002 г.

ное мнение в подходящий момент легче, чем «слезть» с него, когда прагматические соображения потребуют коррекции первоначально избранной линии. Особенно вреден и для национальных, и для государственных интересов такой оборот дела, когда в слиянии мнений правительства и общества просматриваются элементы националистической, великодержавной предрасположенности.

В целом, роль общественного мнения в качестве вектора формирования российской внешней политики в долгосрочной перспективе представляется как постоянно возрастающая. Однако в настоящее время и в ближайшем будущем возможны и вероятны перепады влияния общественности ввиду ее собственной специфики, но в значительно большей степени в зависимости от внутреннего положения в стране, в первую очередь от хода ее демократизации, а также от изменений в международной обстановке.

К числу постоянных векторов, определяющих содержание и облик внешней политики России, следует отнести сдвиги в комплексе ее национальных интересов, наиболее стабильных и устойчивых, в основе своей неизменных на протяжении целых исторических эпох. Три базовых потребности любой нации – выживаемость, сохранность и благополучие – надолго остаются такими же, независимо от внутренних и внешних трансформаций (см. Главу вторую).

Тем не менее, контуры и иерархия национальных интересов со временем подвергаются изменениям, и не поверхностным, а глубинным, можно сказать, тектоническим. Этот процесс, по природе своей кумулятивный и долговременный, затронул нашу страну в тот момент, когда она оказалась в вихре стремительных перемен. Не было времени для упорядоченного реструктурирования ее фундаментальных интересов. Но невозможно было избежать и адаптации их к радикально изменившимся условиям. Освободившись от тоталитарных порядков, Россия осталась без империи, без бывших союзных республик, без «сверхдержавного» статуса, в сузившемся геополитическом пространстве, с пошатнувшимся государственным устройством, с разваливающейся военной машиной, с обескровленной экономикой, с межнациональными конфликтами, с обнищавшим населением. Все это потребовало в экстренном порядке переоценить векторную значимость каждой из трех составляющих комплекса национальных интересов, сосредоточиться в первую очередь на приоритетных направлениях, жизненно необходимых для неотложного решения самых актуальных проблем внутренней и внешней политики России.

Между базисными интересами и их выборочной реализацией на острой стадии переходного периода нет противоречия. Более того, приоритетность неотложных потребностей нации и государства – это обязательное предварительное условие дальнейшего, ориентированного на длительную перспективу формирования комплекса основных и подчиненных им частных национальных интересов России.

В напряженные 90-е годы существования Российской Федерации первая базисная проблема – военная безопасность – утратила былую сверхзначимость. Прекращение конфронтации и сокращение вооружений стабилизировали глобальную стратегическую обстановку. Москва и Вашингтон больше не считают друг друга врагами. Снизился общий уровень конфликтности в межгосударственных отношениях. На смену ядерной советско-американской двухполюсности, внушавшей страх перед возможным всеобщим уничтожением и надежду на взаимное сдерживание, пришли новые разнообразные опасности, усложнились условия их предотвращения. Утратив ранг «сверхдержавы» и существенно сократив военные расходы, Россия на деле не ослабила, а укрепила свою национальную безопасность. Теперь она, при ограничившихся возможностях для военно-политической экспансии, может сосредоточиться на обеспечении оптимально необходимой собственной обороны.

Проблема военной безопасности отнюдь не снята с повестки дня. Сохраняются и множатся угрозы самого разного профиля, в том числе международного терроризма. Остается возможность втягивания в военные конфликты. Не потеряло актуальности «остаточное» взаимное сдерживание двух ядерных гигантов – США и России, хотя и в контексте взаимного сокращения их стратегических потенциалов. Непредсказуемыми последствиями грозит распространение оружия массового уничтожения, доступ к нему нестабильных режимов и безответственных, авантюристических элементов.

Но при всем этом уже нельзя сказать, что в шкале приоритетов национальных интересов России проблема внешней безопасности продолжает занимать то безусловно доминирующее положение, которое было прочно закреплено за нею во время существования СССР. Нет сомнений в том, что защищенность страны от силовых угроз извне останется на обозримую перспективу серьезнейшей озабоченностью российского государства. Однако в иерархической структуре национальных интересов она будет восприниматься хотя и первой, но среди равных.

Вторая базовая проблема в триаде национальных интересов – политическая и социальная стабильность – во многом уравнивается по значимости с военной безопасностью, а в моменты критической напряженности в стране даже выходит на первое место. Преодоление глубокого системного кризиса 90-х годов пока еще не обеспечило надежной устойчивости российского общества. В начале нынешнего столетия появление первых признаков упрочения положения сменилось экономическим спадом. Настоятельными национальными потребностями остаются консолидация единого государства, сохранение территориальной целостности и неделимости федерации, модернизация экономики, осуществление демократических преобразований, совершенствование системы управления, разделение властей, строительство многопартийной политической структуры, создание гражданского общества, урегулирование межэтнических и межконфессиональных расхождений и т.д.

Наконец, третья базисная проблема – благополучное материальное и духовное состояние народа. При советской власти она всегда была остаточной, «третьей лишней» по отношению к двум приоритетным проблемам национальных (точнее, государственных) интересов, но и в наше время пока заметно не поднялась по иерархической лестнице. Сдерживает как доставшийся от прошлого, так и ныне остающийся низкий жизненный уровень большинства населения. Недостаточно удовлетворяются насущные потребности здравоохранения, социального обеспечения и образования. Неблагополучен морально-политический климат в обществе. Не искореняются коррупция и другие застарелые пороки. Недостаёт ощущения комфортности жизни и уверенности в завтрашнем дне.

Чтобы реализовать национальную потребность в существенном повышении благосостояния народа, нужны время и, конечно, колоссальные усилия и вложения. В перспективе (к сожалению, не ближней) можно предвидеть определенную «конверсию» ресурсов, ныне пока поглощаемых в целях обеспечения безопасности и стабильности, на коренное улучшение жизни народа. Но оптимистические ожидания в этой связи не оправданны. На безопасности и стабильности еще долго не удастся сэкономить, поскольку не только простое их поддержание, но и упрочение путем модернизации потребуют возрастающих расходов (об этом – в Части 3 Главы седьмой).

Обратить национальные интересы страны «вовнутрь» требуют нужды и чаяния народа. И удовлетворить их можно только силами самой нации. Вместе с тем особенность современного мирового развития такова, что для наиболее полной реализации интересов любой нации необходима также их ориентация «вовне». Национальные интересы России, в отличие от государственных интересов бывшего

СССР, в основе своей совместимы с интересами огромного большинства стран мира, включая и наиболее развитые. Проекция всех базовых национальных интересов России на формирование ее внешней политики в наше время обретает качественно новое, международное измерение. Теперь эти интересы уже не замыкаются в жестких национальных рамках, как это было в советском государстве. Сегодня они открыты внешнему миру и восприимчивы к широкому взаимовыгодному сотрудничеству на благо своему и всем другим народам.

Продолжая рассмотрение векторов влияния национальных интересов России (и эволюции их самих) на ее внешнюю политику, следует напомнить, что эти объективно обусловленные факторы действуют в тесной увязке с субъективными. Сами по себе национальные интересы «не работают». Для их выявления, формирования и воплощения в практику необходимы политическое руководство, государственный аппарат, неправительственные институты, общественное мнение. Оптимизация интересов и целей государства зависит от их умения и согласия, от способности адекватно и своевременно оценить и то, и другое, определить степень их практической применимости и наличие нужных для этого ресурсов, обеспечить достаточно массовую поддержку принимаемых решений. Только в контексте конструктивного взаимодействия национальных интересов и внешней политики повышается эффективность международной деятельности государства, снижается риск просчетов и провалов, сужается возможность политических и идеологических спекуляций вокруг внешнеполитических вопросов.

Своеобразную субъективную роль играет имиджевое поле, в котором преломляется взаимодействие национальных интересов и внешней политики.⁵¹⁹ О характере и потенциях нации судят не только по реальным делам, осуществляемым от ее имени государством, но и по ее воображаемому образу, сформировавшемуся в общественном восприятии. Имидж превратился во «второе я» каждого субъекта международных отношений и придает определенную окраску его действиям и замыслам. Значение имиджа в современных международных делах непрерывно увеличивается. Он становится все более автономным, оказывает возрастающее влияние на общественное сознание помимо официальной пропаганды, а зачастую и вразрез с ней. Бурно расширяющиеся информационные возможности делают имидж доступным для миллионных аудиторий во всех концах земного шара. Заинтересованные в повышении собственных рейтингов могущественные имиджмейкеры - средства массовой информации - расширяют свое воздействие, ориентированное на удовлетворение запросов потребителя, которые лежат главным образом вне международной тематики и определяются усредненными вкусами, не столько содержанием материала, сколько остротой и занимательностью его подачи.

В постконфронтационную эпоху меняется политическая и психологическая обстановка в мире, в которой формируются образные представления наций друг о друге. Размывается извечное разделение взаимовосприятия «своих» и «чужих». Приходит осознание общности интересов человечества в установлении безопасного и справедливого мироустройства. Вместе с тем, эпохальные в имиджевом пространстве находят неадекватное отражение. Упрощается образ нации и ее поведения в усложняющихся реалиях нашего времени. Смещаются акценты в шкале значимости международных проблем. Даются произвольные оценки качествам и способностям, намерениям и действиям тех или иных участников международного общения. Трудно преодолевается тяжелое наследие конфронтации, возникают новые очаги недоверия и отчужденности.

⁵¹⁹ См. Образ России как субъекта формирования современного мироустройства. Доклад ИМЭМО РАН по итогам комплексного исследования в рамках РГНФ. М., 2008.

Несоответствие имиджа требованиям современного мирового развития наносит ущерб всему цивилизованному сообществу. Но едва ли не больше всех от этого проигрывает Россия. Она несет на себе груз исторически сложившегося неблагоприятного образа, а чтобы улучшить его, у нее нет такого потенциала, которым располагают США и другие западные державы. Кроме того, приходится считаться с имиджевой закономерностью: темные краски, сгустившиеся в образе за долгое время, с трудом поддаются разбавлению светлыми, зато каждая новая порция темных резко усиливает и без того мрачный окрас. В отличие от практической политики, имидж не дает сбалансированной картины плюсов и минусов. В прошлом внимание в нем фокусировалось на одной из противоборствующих сторон – Советский Союз, который воспринимался как заведомый виновник международной напряженности. Любой его шаг на мировой арене встречался Западом с подозрительностью, беспокойством, осуждением. Да и нельзя было не видеть отталкивающего тоталитарного облика советского государства, не в ладах с внешним миром и с самим собой, не замечать расхождения между словом и делом, деградации власти и общества.

Очистить российский имидж от одиозного прошлого – это только начало его адаптации к многосложному, зачастую противоречивому настоящему. Нелегко убедить мировое сообщество в том, что разделять с ним общецивилизационные ценности – вовсе не значит соглашаться с невыгодными для себя условиями партнерства, забывать о своих национальных интересах. Или в том, что особая позиция России по некоторым международным вопросам объясняется не ее намерением вернуться к противостоянию прошлого, а неготовностью сильных мира сего действовать с нею на равных в современном мироустройстве.

Новая Россия возвращается к исконным представлениям о своей национальной самобытности и о своем месте в мире. Под знаком такого двуединого восприятия реальности складывается современный российский имидж. К сожалению, с огромными трудностями дома и за рубежом. В чем-то можно винить внешнюю среду, в нежелании ведущих держав принять в свои ряды нового конкурента. Но достаточно ясно, что серьезнее всего нашему образу вредят наши необдуманные заявления и действия.

Формируясь в ощущении и сознании, имидж никогда не может быть точно таким же, как отражаемая им реальность. Никому не избежать расхождения между видимым и действительным. И все же в сближении субъективного и объективного содержания имиджа больше, чем любой другой из ведущих участников международных отношений нуждается наша страна. Широко практиковавшееся в советском прошлом произвольное обращение с истиной не изжито полностью и по сей день. Зачастую, как прежде, приукрашивается собственный образ и критикуется чужой. Приходится преодолевать также последствия другого рода имиджевых искажений раннего, «романтического» периода становления российской политики, когда благостное ожидаемое отождествлялось с уже якобы наступившим. Жизнь выправляет намечавшийся субъективный перекося. Исчезает беспочвенная иллюзия относительно собственного одномоментного преображения и безусловной готовности мира принять нас такими, какими мы хотим стать, а не такими, какими являемся на самом деле.

Чрезмерно субъективная изначальная самооценка, не удержавшись на пике необоснованного оптимизма, скатилась к мрачному пессимизму. Ностальгия по былому сверхдержавному величию, тяжелые испытания переустройства всего жизненного уклада страны и народа, безразличие власти к судьбе обнищавшего населения, обида на благополучную границу за недостаточную помощь и поддержку – все это вызывает обостренное ощущение ущемленности, бессилия и беспросветности. Складывается ущербный образ страны, субъективно воспринимаемый намного бо-

лее негативно, чем того заслуживает ее положение, если оценивать его объективно. Болезненное самоощущение россиян усугубляется неблагоприятным впечатлением об их стране за рубежом. После краткосрочной эйфории по поводу краха советского тоталитаризма мировое общественное мнение, демонстрируя благожелательное отношение к новой России, в имиджевом поле «уценивает» ее роль в современных международных делах. И опять-таки, субъективная картина превалирует над объективной. Низкий имиджевый рейтинг закрепился за Россией на Западе, независимо от трудного, но значимого преодоления ею кризисного состояния. Заниженная оценка российского партнера определяет тон диалога с ним западных держав.

В начавшемся столетии внутреннее и международное положение России начало улучшаться. Но нельзя сказать, чтобы соразмерно улучшался и ее образ за рубежом. В чем-то даже обозначилось попятное движение. Причины этой тенденции разные.

Несомненна активизация за рубежом некоторых политических и общественных кругов, всегда недоброжелательных к нашей стране. При первых признаках усиления России они пытаются дискредитировать ее репутацию, напоминая ей не только о ее собственных промахах, но и о грехах ее советского предшественника. Конечно, подобными имиджевыми манипуляциями уже не спровоцировать идеологический раскол, не возобновить «холодную войну», которая никому не нужна. Но вполне возможен ущерб нашим национальным интересам, если вокруг нашей страны начнет вновь создаваться кольцо психологического отчуждения.

Налицо и другая, очевидно, глубинная причина. Она связана со структурной трансформацией международных отношений. Возрастающее разнообразие все более широкого круга акторов международной политики и экономики умножает – при глобальном укреплении мироцелостности – проявления межгосударственных расхождений на почве конкуренции и соперничества, а нередко – и национального эгоизма. В этом – одна из противоречивых закономерностей надвигающейся многополюсности.

Разумеется, многое зависит от масштаба и интенсивности противоречий, совместимости национальных и общемировых интересов, методов и инструментов разрешения споров, включая противоборство имиджей. Однако, как свидетельствует недавнее конфронтационное прошлое, в пылу ссоры легко потерять ощущение соразмерности целей и средств. В особенности велик риск встречной эскалации в имиджевом поле. Всегда трудно контролируемые образы стремительно набирают неудержимую инерционную силу, неподвластную логике рационального подхода к спорным международным проблемам. В ход идет привычная, из недавнего недоброго прошлого имиджевая модель, примитивная по смыслу и грубая по стилю, разжигающая страсти и сеющая недоверие.

В постконфронтационную эпоху к нашему государству уже не относятся как к «империи зла», каковой виделась миру советская «сверхдержава». Произошла некоторая нивелировка образов. Наш имидж сегодня отнюдь не исключение, а лишь разновидность общего стандарта, присущего подавляющему большинству государств мирового сообщества. Тем не менее, когда обостряются отношения между Россией и Западом, ей по инерции приписывают стереотипные характеристики периода конфронтации. Тогда возникает соблазн «дать отпор» в стиле бывшей советской пропаганды, рискуя вновь активизировать цепную реакцию имиджевых баталий. В отравленной имиджами атмосфере разрушается с таким трудом создававшееся взаимное доверие. Западные ультраконсерваторы и наши национал-патриоты начинают нагнетать панические настроения. В менталитете творцов политики реанимируются «фантомные страхи».

Не стоит, конечно, преувеличивать. При принятии практических решений доминируют не имиджевые представления, а сложный набор прагматических соображений. А все же наличие, пусть даже подсознательного, укоренившегося недоверия к бывшим врагам не может не исказить восприятие обстановки, предрасположить к большей жесткости, чем этого требуют национальные интересы и фактическое состояние двухсторонних и многосторонних отношений.

Российское руководство считает западный имиджевый процесс далеко не беспристрастным, его критическую направленность воспринимает как избирательную и одностороннюю. Такая же претензия высказывается из-за рубежа в наш адрес. В современном информационном пространстве нет убежища ни для кого. Утратив двухполюсную конфигурацию, нынешний имидж стал многовекторным. Он не щадит никого, даже могущественную державу – США.

Взаимные упреки и обиды на почве информационной предвзятости вряд ли можно целиком отнести на счет недоброжелательности той или другой стороны. Правда, в образном отражении политические и иные расхождения порой приобретают гипертрофированные и даже гротескные очертания. Но такова уж природа имиджа. Получив исходный материал из реальной жизни, он преобразует его по правилам своего жанра и переносит в виртуальную плоскость, не заботясь о последствиях такой трансформации для внешней политики и международных дел в целом. Устранять или заметно смягчать имиджевые искажения практически малопродуктивно (не говоря уже о вреде участия в столкновении имиджей).

При всем сказанном, естественно, не обойтись без тщательно продуманных мер по уменьшению имиджевой уязвимости России. По меньшей мере, не надо «подставляться» под критику извне (и изнутри). В то же время необходим поиск собственного имиджевого самовыражения нации, прошедшей трудный многовековой путь, страхнувшей с себя тоталитаризм, оказавшейся в необычной среде, переживающей последствия прошедших лихолетий, сталкивающейся с новыми трудностями. Прежде чем сложится законченный образ возрождающейся нации, она должна «прийти в себя».

Что же касается коренной и необратимой позитивизации имиджа России, то это может осуществиться лишь в дальней перспективе, по мере улучшения внутреннего положения страны и повышения ее авторитета в мире. Мы заслужим доброе и уважительное отношение к себе тогда, когда – и, конечно, если – добьемся собственной модернизации.

Часть 3. Неоднозначные перспективы

Заглянуть в будущее российского политикоформирования, даже не столь отдаленное, задача не из легких. Прежде всего, надо учитывать переходный характер длительного периода, который переживает новый субъект мирового сообщества – Российская Федерация. Ее внутренняя трансформация, место и роль на международной арене еще не во всем определились и зависят от многих противоречивых и меняющихся факторов. Неопределенность порождается столкновениями и сочетаниями постоянных и переменных векторов развития процесса взаимодействия национальных интересов и внешней политики России. Наконец, нет полной ясности относительно дальнейших изменений в международной обстановке.

И все же, с достаточной долей уверенности можно предугадать если не конечный результат исследуемого процесса, то хотя бы наиболее вероятное его развитие на ближайшие десятилетия. Перспективы обозримого будущего приоткрываются. Перспективы не полностью оптимистические, но и не полностью пессимистические. В этом – неоднозначность глубинных тенденций всего российского и мирово-

го развития нашего времени. Не исключена возможность срывов и даже откатов назад. Но не оправданно неверие в неодолимость исторически обусловленных перемен.

Прочно встать на ноги возрождающаяся Россия сможет еще не очень скоро, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств. Но из этого отнюдь не следует, что российская внешняя политика обречена на пассивное ожидание пока тянется переходный период и пока переформируются национальные интересы страны. Каждый последующий шаг на пути упрочения внутренней базы российской нации увеличивает вес и расширяет влияние государства в международных делах. Каждый реальный успех его внешней политики в соответствии с национальными интересами способствует повышению благосостояния народа.

Каковы же перспективы взаимодействия национальных интересов и внешней политики России? Насколько устойчивы наметившиеся тенденции? Возможно ли прогрессирующее сближение интересов нации и государства? Исключены ли попятные шаги и даже сползание к прошлому?

Вполне понятно, что исчерпывающие ответы на эти вопросы возможны только в контексте комплексного прогноза будущего России и мирового сообщества в целом. Таким крупномасштабным прогнозом заняты многие исследовательские коллективы. Здесь же приходится ограничиться определенной условностью оценок и выводов, неизбежной вследствие противоречивости избранной конкретной темы и переменчивости внутренней и международной среды.

Начать стоит с базисного компонента рассматриваемой проблемы – нации и ее интересов, применительно к российской действительности ближайшего будущего. Как уже отмечалось выше в этой Главе, пройдя суровые испытания, российская нация вышла на простор возрождения и обновления. Вышла с надеждой на лучшее будущее, но истощенная и сомневающаяся в своей способности справиться с невзгодами. Ни у нового руководства, ни у российского общества не было целостного представления о путях дальнейшего развития нации и ее внешнеполитических приоритетах. Об этом откровенно сказал в Верховном Совете (6 октября 1992 г.) президент Борис Ельцин: «Болезненное переходное состояние России не позволяет пока четко разглядеть ее вечный и одновременно новый облик, получить ясные ответы на вопросы: от чего мы отказываемся? Что хотим сберечь? Что хотим возродить и создать вновь?».⁵²⁰

В международно-политическом отношении кардинальный выигрыш России бесспорен – из категории стран, несовместимых с цивилизованным сообществом, она перешла в категорию совместимых с ним. Российская нация вышла из-под гнета тоталитарности и вступила в состояние еще далеко не полного, но демократического преобразования. В этом – главная суть постсоветской трансформации.

В середине своего правления (10 июня 1995 г.) президент Ельцин заявил: «...разрушена одна из самых жестоких, безжалостных тоталитарных систем. Говорю об этом, не боясь новых обвинений в разрушительстве. И нужно сделать все, чтобы нынешнее поколение россиян было последним из тех, кто жил в такой жестокой системе».⁵²¹ Заявление обнадеживающее, но отнюдь не рассеивающее все сомнения в том, что наследие тоталитаризма уже полностью выкорчевано из российской жизни и что достаточно надежны преграды на пути к его возврату.

А главное – не стало яснее, в чем заключается самоопределение обновляющейся российской нации. И вообще, способна ли она обрести новый облик после пережитых ею изнурительных десятилетий, колоссальных потерь в войне и от репрессий. Наконец, само освобождение от тоталитарной системы обошлось нации

⁵²⁰ Дипломатический вестник МИД РФ. 1992. № 19-20 с. 4.

⁵²¹ Известия, 10 июня 1995 г.

дорогой ценой: ведь она была жестко вписана в эту систему, и вызванная ее распадом дезорганизация нанесла тяжелый урон всем жизненно важным областям национального существования. Дезинтеграция антинационального режима ослабила государственные структуры и жизнеспособность россиян, по меньшей мере на начальных этапах переходного периода.

Определяя место российской нации в современном мире, президент Ельцин в своем последнем Послании Федеральному Собранию (30 марта 1999 г.) отмечал: «... было бы глубочайшей ошибкой считать, что Россия должна видеть свой особый путь в самоизоляции. Только осознав взаимосвязь своеобразия России и ее вовлеченности в развитие современного мира, можно реализовать огромный потенциал нашей державы... Но какие бы перспективы это ни открывало перед Россией, ее дальнейшая судьба в решающей степени будет зависеть от нее самой, от ее внутреннего состояния и выбранного пути развития. И поэтому для России нет сегодня более важной задачи, чем сосредоточить все силы на своем возрождении – духовном, экономическом, политическом».⁵²²

Как политическое целеполагание такой призыв не вызывает сомнений. Однако нет определенности в том, какими путями и средствами добиваться этой цели, хватит ли у ослабленной нации в разоренной стране сил на собственное возрождение. В первую очередь, не природных и производственных ресурсов, а именно национальных ресурсов, созидательных потенций, которые на протяжении длительного времени подрывались демографически, генетически, физически, духовно. Стоял ли – и стоит ли – вопрос скорее о спасении, чем о возрождении нации.

В своем первом Послании Федеральному Собранию (7 июля 2000 г.) президент Путин обрисовал положение страны остро и драматично: «... сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация...». В ряду наиболее тревожных проблем он назвал ухудшающуюся демографическую ситуацию, экономическую отсталость, внешние трудности, угрозы государственному суверенитету и территориальной целостности. «Ответ на эти и многие другие вызовы невозможен без укрепления государства, - подчеркнул президент, - Без этого нельзя решить ни одну общенациональную задачу».⁵²³

Действительно, сохранение и тем более возрождение нации невозможно без опоры на крепкие государственные устои. Но дело в том, что – в отличие от высоко развитых демократий Запада – Россия находится пока в том шатком переходном состоянии, в котором не всякое усиление государства означает укрепление демократических начал. Недавнее тоталитарное прошлое страны не может не служить грозным предупреждением. Сильное государство без демократии – это возврат к тому порядку, при котором нация подавлялась и истощалась. Еще раз такой режим российская нация вряд ли выдержит, да и само государство, лишившись опоры на прочную национальную основу, будет обречено на распад.

По существу, проблема затрагивает изначальное противоречие между силой и свободой. Это признал и президент Путин, когда он упомянул о спорах «на тему диктатуры и авторитаризма», и сформулировал официальную позицию: «Наша важнейшая задача – научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы. Свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества... Только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово сильное, скажем, эффективное государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы.

⁵²² Послание Президента РФ Б.Н.Ельцина Федеральному Собранию. М., 1999.

⁵²³ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию 7 июля 2000 г.

Способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины».⁵²⁴

Тех же принципов «обновления России как государства свободной нации» придерживается и президент Медведев. В своем первом Послании Федеральному Собранию (5 ноября 2008 г.) он напомнил: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества... Поэтому принятие в 1993 году Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность – стало беспрецедентным событием в истории российской нации... И ставя задачи нового этапа развития, мы должны обеспечить широкое участие граждан, политических партий и других общественных институтов в их решении ... принять меры по дальнейшему повышению уровня и качества народного представительства во власти».⁵²⁵

Такая направленность усилий на укрепление национального начала в формировании государственной политики России, бесспорно, открывает перспективу ее устойчивого развития и превращения в демократическую и благополучную державу. Однако, как и во всем остальном, нынешняя российская действительность не внушает уверенности, что намеченный курс сможет легко претворяться в жизнь.

Перспективы возрождения нации и наращивания ее политикообразующего потенциала зависят в решающей степени от удовлетворения трех базисных национальных потребностей – безопасности, стабильности и благосостояния. Чтобы осуществить это в полном объеме, или хотя бы в основном, нужно упорно и долго трудиться. Правда, по мере появления признаков ощутимых успехов в экономике и политике подъем нации может ускоряться. Но значительно труднее изживать гнетущее наследие давнего и недавнего прошлого в сознании людей.

Национальный характер не остается вечно постоянным. Его меняют – чаще всего уродуют – нищенские и бесправные условия жизни, кровавые изломы истории, лукавые мифы и наваждения. Тяжкие нравственные недуги от эпохи к эпохе становились все укорененнее, особенно в период засилья тоталитаризма. Как сказал Дмитрий Медведев, «у нашего народа не было никакого выбора. Они – те, кто жили в ту эпоху в нашей стране, - могли или погибнуть, или стать рабами. Третьего не дано».⁵²⁶

Рабство растлевало нацию, вело к духовной и социальной деградации. Александр Солженицын писал: «... большевики планомерно меняли русский характер, издергали его, искрутили... Под разлитым по стране парализующим страхом... в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость – до такой степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! От попавших под секиру друзей! Глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, - всеугнетное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго – утверждалось неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства...

Советский режим способствовал подъему и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа еще во стольких людях сохранилась. И удивиться, что наш народ еще не был необратимо подорван, иначе откуда взялись бы титанические силы на советско-германскую войну?

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г.

⁵²⁶ Известия, 7 мая 2010 г.

Вот советско-германская война и наши небереженные в ней, неслучайные потери, - они, вслед внутренним уничтожениям, надолго подорвали богатство русского народа – может быть, на столетие вперед. Отгоним от себя мысль, - что и навсегда».⁵²⁷

Хотелось бы отогнать от себя самые мрачные предчувствия. Но никуда не уйти от признания того сурового факта, что дух нации и в самом деле подорван. Чтобы поднять его до уровня эффективного воздействия – наряду с материальными факторами – на формирование государственной политики, понадобится, как минимум, не одно десятилетие.

Процесс духовного восстановления нации едва ли поддается ускорению только волевыми призывами руководства к национальной самоидентификации. В обществе пока нет единства в оценках и мнениях, не вызрел консенсус по внутренне противоречивым вопросам. В массовом сознании остается расхождение между стремлением к сближению с развитыми странами и желанием придерживаться собственной «особости». Внутренняя несбалансированность России затрудняет определение ее отношения к далеко не сбалансированному внешнему миру.

Заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков считает: «Жить и развиваться может только тот народ, который имеет целостное представление о себе, о том, кто мы и что мы, куда мы идем... Если мы в России не создали свой дискурс, свою публичную философию, свою приемлемую для большинства граждан национальную идеологию, то с нами попросту не будут говорить и считаться. Зачем говорить с немymi?».⁵²⁸

Иными словами, необходима четко сформулированная национальная идея. К этому, собственно, и направлено подспудное критическое и созидательное творчество самой нации на базе трех ее основополагающих потребностей – безопасности, стабильности и благополучия. Вводить в неотложном порядке этот естественный процесс в жесткие административные рамки политизации и идеологизации значило бы обесценивать его полезность для общества и государства. Со временем результаты глубинного переосмысления национальных устремлений должны выйти на поверхность общественной и политической жизни страны и обрести, если это потребуются, доктринальную форму. Но это – конечная (и, вероятно, долгосрочная) цель. Причем, достижение ее гораздо важнее для самой нации, чем для ее внешних взаимосвязей. Без официально оформленной, но с постепенно вырастающей из народных глубин национальной идеи государству легче действовать вовне, чем в собственной стране. Даже при нынешнем, тем более укрепляющемся положении страны, с нами и без строгой национальной самоидентификации будут говорить и считаться зарубежные страны. Но без нее труднее строить гражданское общество и правовое государство.

Постсоветская эволюция российских национальных интересов открывает перспективу, пусть и не во всем однозначную, но в целом достаточно благоприятную для последовательного воплощения их базовых принципов в развитие внешней политики России как нового субъекта международных отношений. Встречное движение происходит со стороны современной российской внешней политики, которая становится более восприимчивой к потребностям собственной нации и к императивам мировой обстановки.

Директивные установки бывшей советской внешней политики не пригодны для новой России. Пролетарский или социалистический интернационализм, солидарность с борьбой за национальное и социальное освобождение – все эти декларируемые принципы международной деятельности СССР ныне не соответствуют ни

⁵²⁷ А.Солженицын. Россия в обвале. М., 1998, сс. 170-171.

⁵²⁸ Независимая газета. 31 августа 2006 г.

обновляющемуся внутреннему устройству России, ни реальным сдвигам в современном мире. Собственно говоря, эти пропагандистски и псевдотеоретически разработанные принципы еще и в советское время слабо сопрягались с подлинными интересами страны и с магистральным направлением мирового развития. Их главное предназначение заключалось в идеологическом оформлении и прикрытии имперской, экспансионистской сущности устремлений советского тоталитарного государства (см. Главу пятую).

Ключевым принципом внешней политики Российской Федерации становится соответствие ее целей и средств как национальным интересам, так и интересам международного сообщества. В таком взаимосвязанном контексте оптимальным направлением практических действий все более продуктивным показывает себя деидеологизированное, прагматическое партнерство. Партнерство, опирающееся на совпадение и общность интересов и реальные возможности взаимовыгодного сотрудничества. Такое партнерство в постконфронтационном мире проверено практикой двустороннего и многостороннего общения и служит важной составляющей нового миропорядка.

В первые постсоветские годы обновляющаяся Россия широко развернула свое позитивное международное присутствие с романтической уверенностью в скором вхождении в цивилизованное сообщество. Казалось, что наконец-то сбываются мечты русского мыслителя Николая Бердяева: «Мы должны перейти в мировую ширь. А в этой шире должны быть видны древние религиозные истоки культур. Восток по-новому должен стать равноценным Западу».⁵²⁹

На переломе исторических эпох будущее виделось в радужном свете. Глубокие перемены воспринимались как само собой разумеющееся и как само собой утверждающееся. Лидеры бывших держав-антагонистов думали прежде всего о скорейшем преодолении двухполюсного раскола и о переходе к мирному периоду. В феврале 1992 г. в Кэмп-Дэвиде на первой российско-американской встрече в верхах было заявлено о наступлении эпохи мира и дружбы, которая приходит на смену конфронтации. Президент Буш-старший сказал: «Мы встретились не как противники, а как друзья. Эта историческая встреча служит еще одним подтверждением окончания “холодной войны”, начала новой эры». Президент Ельцин подчеркнул: «Все, о чем мы говорили, позволило нам подвести черту под “холодной войной”. С этого момента мы более не рассматриваем друг друга в качестве потенциальных врагов...».⁵³⁰

Вспоминая о том переломном моменте в международной жизни, бывший государственный секретарь США Дж.Бейкер писал, что геополитическая карта мира, составлявшаяся в свое время по итогам Второй мировой войны и затем – по ходу “холодной войны”, была в кратчайшие сроки основательно перекроена. «По существу изменилась сама природа международной системы в том виде, в каком мы ее знали».⁵³¹ Его российский коллега – министр иностранных дел А.В.Козырев заявил: «Крах тоталитаризма с его идеологическим мессианством и экспансионистскими амбициями снимает вопрос о конфронтации между Западом и Востоком».⁵³²

Вполне объяснимо – по сути, необходимо – обоюдное желание сторон, изнуренных затяжной «холодной войной», поскорее покончить с ее тяжелым наследием и начать новую полосу взаимоотношений. Но постконфронтационная реальность оказалась намного сложнее простого, автоматического переключения с враждебной двухполюсности на мирную многополюсность. Отсутствие тоталитаризма, бесспор-

⁵²⁹ Николай Бердяев. Судьба России. М., 1990, с. 129.

⁵³⁰ Дипломатический вестник МИД РФ. 1992, 29 февр.-15 марта. № 4/5, сс. 12-13.

⁵³¹ James A. Baker III. The Politics of Diplomacy., N.Y., 1995, p. 672.

⁵³² Андрей Козырев. Россия: Проблемы и события/Год планеты. М., 1992, с. 42.

но, снимало вопрос о возобновлении глобальной конфронтации, но этого еще недостаточно для построения безопасного и устойчивого порядка в мире, в котором осталось немало старых противоречий и множились новые.

Перспективы отношений России с изменяющимся внешним миром достаточно реалистично оценивали знатоки ее прошлого и настоящего, в частности, дипломаты, аккредитованные в Москве в переломный период 80-х – начала 90-х годов.

Посол США Джек Мэтлок: «Что касается России, то она должна, в конечном итоге, либо реформироваться, либо распасться. Реальные реформы потребуют времени – измеряемого, вероятней всего, поколениями, а не годами или даже десятилетиями, – и наверняка не избежать неудач, но Россия, как любая другая нация, может реализовать свой потенциал только как часть более широкого мира. Самоизоляция от мира, который ей неподвластен, быть может, и соответствовала бы глубоким корням в российской истории, но это не единственные корни, и им нельзя позволить дать новые ростки, если России суждено создать здоровое общество».⁵³³

Посол Великобритании сэр Родерик Брейтуэйт: «Может ли Россия избавиться от своей тяжелой исторической наследственности?. На этот вопрос многие иностранные наблюдатели, многие из соседей России и многие в самой России дают ответ, не внушающий надежды. Им видится только перспектива, в свете которой Россия останется и впредь угрозой внешнему миру и своим собственным гражданам, какой она была на протяжении многих столетий.

По моему мнению, такая удручающая перспектива не является неизбежной. Антиисторично считать, что у страны и ее народа нет иного выбора, кроме повторения преступлений и ошибок прошлого. Но революция такой глубины, которая ныне потрясает Россию, никак не может не проходить и через серьезные срывы, и через мощные рывки вперед. Она не может завершиться за несколько лет и даже десятилетий. Русскому народу потребуется не одно поколение, чтобы освободиться от бремени авторитарных, милитаристских и сосредоточенных на себе традиций прошлого и сменить их на либеральные политические и экономические ценности, более созвучные современному миру и месту в нем России».⁵³⁴

По прошествии первоначального периода проб и ошибок завышенные ожидания начали уступать место более прагматичным подходам России к налаживанию партнерства с внешним миром в соответствии с ее национальными интересами. Конечно, в идеале, чем шире и глубже партнерские взаимоотношения, тем полнее удовлетворяются потребности нации. Практика, однако, показала, что на самом деле так бывает не при любых условиях. Партнерство предполагает равенство сторон. А если между партнерами нет равенства в «весовых категориях», то возможны два варианта. Либо взаимовыгодное сотрудничество не налаживается, либо один из партнеров становится старшим, а другой – младшим. В первом случае очевиден просчет в оценке реально существующих взаимных интересов и добровольно взятых на себя обязательств с учетом наличия необходимых для этого собственных ресурсов. Во втором случае, какие бы выгоды (вероятнее всего, в той или иной мере односторонние) ни сулило такое партнерство, оно не соотнобразуется с принципом равноправия сторон. Конечно, обстоятельства могут складываться таким образом, что одна сторона получает от партнера больше, чем другая. Но это уже зависит от способности и умения использовать предоставленные возможности, а не от изначального неравенства условий, в которые поставлены партнеры. Ни доминируемое, ни доминирующее партнерство не идут на пользу двусторонним и многосторонним отношениям, в особенности отношениям между крупными государствами.

⁵³³ Jack F. Matlock, Jr. *Autopsy on an Empire*. N.Y. 1995, p. 739.

⁵³⁴ Sir Roderic Braithwaite. *Russian's Future and Western Policy/Engaging Russia: A Report to the Trilateral Commission*. N.Y., Paris, Tokyo. 1995, pp. 70-71.

В течение первого десятилетия развития российской внешней политики становилось все более явным, что стремление наладить партнерство, экономическое и политическое, с наиболее развитыми государствами не во всем соответствует интересам нации. Получить от более состоятельных партнеров все и сразу не удавалось, а «сердечное согласие» с ними не устранило разногласия по конкретным вопросам. Перед нами не распахивались двери в сообщество благополучных, а наше настойчивое желание войти в них расценивалось как готовность пойти на любые, даже невыгодные условия партнерства. Начало складываться впечатление, что мы согласны быть «ведомыми», а сильные мира сего «нас поведут».

Вопреки чрезмерно оптимистическим ожиданиям, объективная общность глобальных интересов двух еще недавно враждовавших миров отнюдь не устранила разногласий и соперничества, не искоренила желания одних взять верх над другими. По мнению бывшего заместителя госсекретаря США С.Тэлботта, «можно сказать, что в некотором смысле мы все еще живем в двухполюсном мире. Но разделительная линия сегодня – это не железный занавес между Востоком и Западом, а противопоставление сил стабильности и нестабильности, интеграции и дезинтеграции, процветания и бедности».⁵³⁵

Академик Примаков считает: «... необоснованными оказались прогнозы, согласно которым окончание лобовой конфронтации, конец идеологического противостояния чуть ли не перечеркивают противоречия, в том числе геополитические, военно-политические, между государствами, ранее принадлежавшими к двум противоположным мировым системам. В то же время самым негативным образом продолжает сказываться инерционность политического мышления. Стереотипы, укоренившиеся за 40 лет “холодной войны” в сознании нескольких поколений государственных деятелей, пока не исчезли вместе с демонтажом стратегических ракет и уничтожением тысяч танков».⁵³⁶

Приводить внешнюю политику в соответствие с изменяющейся обстановкой – и, самое главное, с собственными национальными интересами – естественно для каждого государства, особенно для России как для значимого субъекта мировой политики. Выправление «перекоса» 90-х годов, конечно, затруднялось нашими ограниченными возможностями, уменьшившимся национальным потенциалом. Но немало зависело и от политической воли.

Смена кремлевского руководства накануне нынешнего века сопровождалась официальным признанием необходимости корректировки внешнеполитического курса. Еще до укрепления внутренних и внешних позиций России в ход были пущены механизмы политического стимулирования национального самоутверждения. В Концепции внешней политики Российской Федерации (5 июля 2000 г.) отмечалось: «Международная обстановка, сложившаяся к началу XXI века, потребовала переосмысления общей ситуации вокруг Российской Федерации, приоритетов внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения. Наряду с определенным укреплением международных позиций Российской Федерации проявились и негативные тенденции. Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых, равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных распоряжением президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. № 284-рп, и в других документах».⁵³⁷

⁵³⁵ Strobe Talbott. Globalization and Diplomacy: A Practitioner's Perspective/Foreign Policy. 1997. Fall, № 108, pp. 82-83.

⁵³⁶ Евгений Примаков. Годы в большой политике. М., 1999, с. 210.

⁵³⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, 5 июля 2000 г., с. 1.

Противоречивость процессов внутренней и международной идентификации России признана самими творцами и исполнителями ее политики. Вместе с тем, судя по официальным публикациям, осмысление неудачного опыта первого десятилетия не перечеркнуло основополагающую установку на интеграцию России в мировое сообщество как равноправного партнера при строгом учете специфики ее национальных интересов и необходимости твердого отстаивания их в отношениях с зарубежными государствами. В Концепции от 5 июля 2000 г. говорится: «Российская Федерация имеет реальный потенциал для обеспечения достойного места в мире... Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Она основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме. Эта политика максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений. Россия – это надежный партнер в международных отношениях...».⁵³⁸ Президент Путин, определивший место сильной России в мире «не против других сильных держав, а вместе с ними», в то же время подчеркнул: «Демократическое устройство страны, открытость новой России не противоречат нашей самобытности и патриотизму, не мешают находить собственные ответы на вопросы духовности и морали».⁵³⁹

Политика как катализатор укрепления внутренней базы и международных позиций государства, бесспорно, имеет немаловажное значение. Конечно, она не в состоянии подменить собой наращивание реального национального потенциала. Зато, когда нация начинает консолидироваться, стимулирующая роль политики резко усиливается.

В начале наступившего столетия в результате улучшения внутреннего положения и внешнеэкономических возможностей Россия почувствовала под собой более надежную почву. Пришло время адаптироваться к менявшимся реалиям и расширить свободу маневра на мировой арене. Рубежом стало выступление Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.), в котором он подверг критике США и их европейских союзников за неправовые подходы к строительству миропорядка, неоправданное применение силы в международных делах и непартнерское поведение в военно-политических вопросах.⁵⁴⁰

Под впечатлением от мюнхенской встречи западные и некоторые российские средства массовой информации и эксперты сделали скоропалительный вывод о возвращении к «холодной войне». И неудивительно. За прошедшие полтора десятилетия мир привык считать как само собой разумеющееся согласие России с ведущими западными державами по центральным международным проблемам. Помимо общности базовых ценностей и конечных целей, это объяснялось стесненностью положения России, проходившей кризисную полосу внутреннего развития и трудное становление новой внешней политики. Теперь же страна могла позволить себе уверенней участвовать в международных отношениях, тверже отстаивать свои национальные интересы.

Возврат к «холодной войне» нереален. Для нее сегодня нет и не предвидится нового идеологического раскола мира на два враждующих лагеря. Россия не заинтересована в таком расколе, да и не имеет для этого возможностей. Другое дело – расхождения с теми или иными государствами по конкретным политическим и экономическим вопросам. Когда затрагиваются национальные интересы, не избежать острых споров, без которых не обходится конкуренция, причем не только России с зарубежными странами, но и между ними самими.

⁵³⁸ Там же, с. 4.

⁵³⁹ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию 7 июля 2000 г.

⁵⁴⁰ Известия, 12 февраля 2007 г.

Мировая политика становится все более прагматичной, равно как и внешняя политика государств, среди которых Россия не может быть исключением. Президент Владимир Путин в своем Послании Федеральному Собранию (24 апреля 2007 г.) заявил: «Наша внешняя политика направлена на совместную, прагматичную и не-идеологизированную работу по решению насущных для нас проблем. В более широком плане речь идет об основанной на международном праве культуре международных отношений – без навязывания моделей развития и форсированного хода исторического процесса. И здесь особую роль приобретают вопросы демократизации международной жизни, новой этики общения государств и народов».⁵⁴¹

Президент Дмитрий Медведев на Санкт-Петербургском экономическом форуме (7 июня 2008 г.) сказал: «Россия сегодня – глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры, причем не из-за пресловутых “имперских амбиций”, а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями и соответствующими ресурсами».⁵⁴²

Внешнеполитическая активизация России вызвала настороженность у западных партнеров. Сработали «фантомные страхи» времен конфронтации, реанимировались стереотипы реакции на любые действия противной стороны как на враждебный вызов. Забеспокоились по поводу возможных попыток восстановить геополитическое влияние, утраченное с распадом советской «сверхдержавы». Опасались усиления конкурента на мировой арене.

Трезвая оценка не подтверждает серьезность этих озабоченностей. Тем не менее, «шлейф имперскости», тянувшийся за Россией в сознании западных политиков, послужил поводом для ужесточения взаимоотношений с нею, торга по политическим и экономическим вопросам, а для эпигонов конфронтации – стимулом к возобновлению открытой враждебности.

Не просто убедить внешний мир в том, что у России нет ни намерения, ни заинтересованности, ни необходимых средств и возможностей, чтобы повернуть международные отношения вспять, доказать, что активизация российской внешней политики направлена не во вред интересам других государств, а лишь на обеспечение собственных национальных интересов в согласии с интересами мирового сообщества. Этого можно добиться не столько пусть даже самыми убедительными заявлениями, сколько реальными делами, да и то со временем и при встречном движении со стороны партнеров. Однако главное все же в том, что осуществление внешнеполитических целеполаганий в решающей степени зависит от последовательного и осмысленного претворения их в жизнь путем единения политических и общественных сил нации.

Трудностей и опасностей для активной внешней политики, опирающейся на крепнувший национальный потенциал, вряд ли меньше, чем для той, возможности которой урезывались недостатком ресурсов и внутренней нестабильностью. Скорее, наоборот. Пассивная позиция, хотя и не давала выгод и не ориентировала на будущее, по крайней мере, удерживала от рискованных шагов и новых потерь. А при улучшении положения страны приходится делать трудный выбор: что требуется в подлинно национальных интересах, а что вызывается соблазном расширить влияние за пределы действительно необходимого и практически достижимого. Чем шире возможности – без должного демократического контроля над формированием политики – тем выше риск принятия решений, чреватых неоправданным осложнением внешней обстановки и ущербом собственным интересам.

⁵⁴¹ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию 24 апреля 2007 г.

⁵⁴² Известия, 9 июня 2008 г.

В своем первом Послании Федеральному Собранию (5 ноября 2008 г.) президент Дмитрий Медведев отметил: «Получив значительные преимущества в период активного роста мировой экономики, Россия готова вместе с другими странами противостоять и тем трудностям, к которым ведет ее замедление. Но необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас – просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества».⁵⁴³

Настоятельная необходимость создания аналогичных механизмов назрела и внутри нашей страны. Пришло время вводить в российский внешнеполитический процесс «сдержки и противовесы» взаимоконтролирующих структур исполнительных и законодательных властей, политических партий, неправительственных организаций, научных и экспертных сообществ. Практика стран развитой демократии показала эффективность такого метода если не предотвращения, то по меньшей мере ограничения ущерба национальным интересам от непродуманных и неудачных внешнеполитических решений. Вполне понятно, что в нынешних российских условиях осуществление подобной практики весьма затруднительно ввиду слабой развитости демократии. Но настойчивого продвижения к этой цели требуют и горький опыт прошлого, и далеко не благополучная действительность наших дней. К тому же, решение столь важной для внешней политики задачи служит одной из составляющих демократизации России.

При всех благих намерениях и ожидаемых позитивных перспективах наша страна, однако, не застрахована от новых срывов, причем не столько из-за неблагоприятной внешней обстановки, сколько, как бы, по какому-то злему року, который тяготеет над нами и в лихолетье, и в моменты хотя бы относительного благополучия. Дмитрий Медведев подметил: «Часто в нашей истории бывало так, что, как только страна, что называется “расправляла крылья”, мы безответственно втягивались в военные конфликты. Или на нас обрушивалась революция. Но история все-таки нас чему-то учит. В частности, тому, что нельзя быть безразличными к своему будущему, и сегодня для нас крайне важно стабильное поступательное развитие.

Но стабильность не означает, что мы можем ничего не делать, находясь “под душем” нефтедолларов. Сегодня нами накоплен такой потенциал для развития, что глупо и безнравственно было бы им не воспользоваться, потерять шанс на качественное улучшение ситуации в экономике, в технологиях, в уровне жизни наших граждан и сформировать общество, по-настоящему устойчивое к внешним потрясениям. Для этого у нас все есть, а главное, есть наша основная ценность – наши люди».⁵⁴⁴

Очень не хотелось бы, чтобы «злой рок» столкнул Россию с избранного ею курса национальной безопасности – ключевой предпосылки и неременного условия ее стабильности и благополучия. За постсоветский период достаточно определенно обозначились главное направление и основные контуры доктринальных положений и стратегических концепций нашего государства, учитывающих реальные угрозы извне, новые потребности вооруженных сил и доступные материальные ресурсы.

Вместо разрушившейся тоталитарной советской военной стратегии формируется российская политика национальной безопасности. Ее главная цель – не просто нейтрализация угроз извне – и тем более не угрозы другим, а создание таких внешних и внутренних условий существования и развития страны, которые гарантировали бы ее социально-экономический прогресс, рост благосостояния народа, равноправное взаимовыгодное сотрудничество с мировым сообществом, активное участие в упрочении всеобщего мира. Российская политика безопасности обращена к надежной защите прав и свобод личности, построению демократических институтов, граж-

⁵⁴³ Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г.

⁵⁴⁴ Известия, 18 февраля 2008 г.

данского общества и правового государства, утверждению общецивилизационных ценностей. Официально признано понятие, ранее имевшее хождение лишь за рубежом, - «национальная безопасность». Усилился акцент на защите интересов не только государства, но и каждого гражданина, всего народа, нации. Кроме того, безопасность России получила новое измерение как органическая составная часть безопасности мирового сообщества в целом.

В то же время обеспечение национальной (и международной) безопасности не изолировано от других областей взаимоотношений на мировой арене со всеми присущими им многообразными противоречиями. И без того непростые поиски развязок конфликтных проблем обременяются расхождением политических, экономических и иных интересов, зачастую имеющих лишь косвенное отношение к национальной или международной безопасности.

Все еще бытует представление, будто со временем Россия может превратиться в угрозу глобальной стабильности. В связи с этим академик Примаков замечает: «Сильная Россия не должна ассоциироваться с угрозой стабильности в мире. К выводу об опасности, исходящей от России, может привести только инерционность мышления или недооценка многослойной российской действительности, непонимание реального изменения соотношения сил в стране – происшедшего и происходящего. Адекватное восприятие России – важный элемент мобилизации всех возможностей для решения общечеловеческих задач в нашем беспокойном мире».⁵⁴⁵

На роль России стоит взглянуть и с другой стороны. Если препятствия к равноправному партнерству имеются за рубежом, то от них не свободна и российская действительность. Во враждебных настроениях и намерениях подозревает не только Запад Россию, но и Россия - Запад. Это тяжелое наследие длительного идеологического раскола мира, в той или иной мере присущее обеим сторонам. По этому поводу президент Путин сказал: «... в мире, конечно, есть силы, которые живут еще стереотипами “холодной войны”... и воспринимают нас до сих пор как каких-то геополитических своих контрагентов. Но надо признать – знаете, у нас ведь в народе как говорят: “В чужом глазу мы соринку видим, а у себя бревна не замечаем” - у нас ведь тоже есть разные люди и разные политические силы, и экстремистски настроенные, и причем на высоком уровне, публично высказывают те или иные мысли, в том числе и по международной проблематике... Мы должны искать союзников в цивилизованных странах. Мы должны растапливать этот лед недоверия, который, конечно же, сложился за 80 лет противостояния Советского Союза всему остальному миру. Мы, я в этом абсолютно убежден, не должны ни в коем случае вести себя таким образом, чтобы нас боялись в мире. Именно поэтому наши действия внутри страны и на международной арене должны быть понятными и прогнозируемыми. Мы должны становиться... частью современного мира, частью цивилизованного мира, чтобы этот мир воспринимал нашу военную мощь как элемент безопасности на планете».⁵⁴⁶

Совершенно очевидно, что предстоит сделать еще очень многое, чтобы Россия органически вписалась в систему международной безопасности. Перспектива партнерства во имя спокойствия и стабильности в мире, объективно обусловленного национальными и всеобщими интересами, не застрахована от перепадов. Ведь речь идет о крайне чувствительной сфере взаимоотношений, весьма уязвимой даже из-за тактических расхождений и конъюнктурных осложнений обстановки, не говоря о множестве более серьезных причин.

Формирование российской политики национальной безопасности сопрягается с развитием ее экономики, перспективы которой зависят от многих переменных фак-

⁵⁴⁵ Евгений Примаков. Восемь месяцев плюс... М., 2001, с. 238.

⁵⁴⁶ Известия, 14 февраля 2004 г.

торов. СССР подчинил экономику своим военным целям, не считаясь с насущными национальными потребностями. Тотальная мобилизация хозяйства страны позволила ему на протяжении четырех десятилетий соревноваться с намного превосходящим его в экономическом отношении западным миром (а затем еще и с китайским соперником) по всему диапазону вооружений, вооруженных сил и военного присутствия в различных районах земного шара. Напряженное силовое противостояние зашло в тупик, окончательно истощив и без того неэффективную, затратную советскую экономику, что во многом предопределило крах «сверхдержавной» мощи СССР.

Современная Россия по сравнению с бывшим Советским Союзом находится в совершенно ином стратегическом положении. Коренным образом изменились условия обеспечения обороноспособности страны. Исчезла необходимость в сверхмилитаризации для нужд глобальной конфронтации. Вместе с тем ограничилось возможности удовлетворения военных потребностей без ущерба для национальных интересов.

Освобождение от милитаристской доминанты советской политики – необходимая предпосылка упрочения собственной (и всеобщей) безопасности и созидательного развития России. Владимир Путин заявил: «... мы не должны повторять ошибки Советского Союза, ошибки “холодной войны” - ни в политике, ни в оборонной стратегии. Не должны решать вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы. Это тупиковый путь, ведущий к истощению ресурсов страны».⁵⁴⁷

Оптимизация приоритетов военной политики России остается одним из острейших общенациональных вопросов, от решения которого зависят состояние ее обороноспособности и геостратегический статус в качестве одного из важных центров глобальной безопасности. Решение этого вопроса на протяжении двух последних десятилетий идет в русле модифицирующихся установок концепции национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации.

Признано необходимым пожертвовать количественными показателями Вооруженных сил – неоправданно большой численностью личного состава, многими структурными подразделениями, избыточными и устаревшими вооружениями – ради повышения качества путем улучшения подготовки и боеготовности войск, модернизации оружия и техники, совершенствования систем управления, связи и информационного обеспечения. Достигнуто понимание того, что Вооруженные силы должны готовиться не к мировой или широкомасштабной затяжной войне, а к региональным и локальным конфликтам меньшей длительности и более низкой интенсивности. Сложился консенсус относительно основных параметров военной реформы в соответствии с современными требованиями.

Между тем военная реформа продвигается с немалыми трудностями. Реализацию планов реорганизации армии и флота в 90-х годах затруднял дефицит финансовых средств. Соображения экономии отодвигали на задний план поиск рациональных подходов к военному строительству. Но и в настоящее время нет уверенности в том, что уже достигнута модернизация Вооруженных сил, необходимая для обеспечения достаточной обороноспособности страны «по всем азимутам».

Совершенно очевидно, что в современном глобальном балансе военных сил Россия не занимает прежнего, сопоставимого с США положения. Но с точки зрения национальной безопасности бессмысленно стремиться к восстановлению утраченного «сверхдержавного» паритета. Для этого нет ни колоссальных ресурсов, ни разумной целесообразности. В то же время было бы опрометчиво списывать со счетов

⁵⁴⁷ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию 10 мая 2006 г.

тот солидный задел военной, прежде всего ядерной, мощи, которым Россия может располагать в процессе реформирования своих Вооруженных сил. Этого, понятно, мало для расширения силового влияния на глобальном уровне. Но этого достаточно для защиты страны от угроз извне и сохранения ее военно-политической значимости в мире.

Таковы исходные позиции формирования российской политики национальной безопасности. Но перспективы ее практического осуществления столь же неоднозначны, сколь сложна специфика конкретных проблем современной обороны вообще и, в особенности, способов их разработки и решения в России. Вряд ли есть что-либо более жизненно важное для нации, чем обеспечение ее безопасности и самого существования. И в то же время нет другой области деятельности общенациональной значимости, кроме военной политики, в которой нация все еще так удалена от участия в процессе подготовки и принятия решений, затрагивающих ее кровные интересы.

Так сложилось исторически. Военное дело всегда монополизировалось государством, а бремя войны ложилось на плечи нации. В современной России это положение существенно не изменилось. Новая стратегическая обстановка в мире и революция в военном деле заметно не повлияли на традиционную закрытость государственных структур, определяющих цели, средства и способы использования силового фактора в интересах (также определяемых ими) национальной безопасности. В результате России, в добавление ко многим другим ограничениям свободы выбора оптимальных решений, приходится довольствоваться политикой безопасности, вырабатываемой на заведомо суженной базе – не столько национальных, сколько ведомственных интересов. В отсутствие критики и обсуждения альтернативных вариантов вне «закрытого формата» трудно формулировать подлинно общенациональную оборонную политику.

И все же, российская политика безопасности принципиально отличается от ее советской предшественницы тем, что при всех своих изъянах, она ориентирована на базовые национальные интересы страны. Поначалу, возможно, даже с «перегибом», в ущерб сбалансированности политических и военных компонентов обороны. Конечно, мир во многом стал иным, но стратегическое мышление российского руководства в 90-е годы далеко обогнало темпы реальных перемен, выдавая желаемое за уже свершившееся. В «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» (2 ноября 1993 г.) говорилось: «На современном этапе развития международной обстановки, в условиях преодоления конфронтации, порожденной идеологическим противостоянием, расширения партнерства и всестороннего сотрудничества, укрепления доверия в военной области, сокращения ядерных и обычных вооружений приоритетное значение в предотвращении войны и вооруженных конфликтов приобретают политико-дипломатические, международно-правовые, экономические и другие невоенные средства, коллективные действия мирового сообщества в отношении угрозы миру и актов агрессии».⁵⁴⁸

Военно-политическое руководство США, признавая принципиально новую обстановку в мире, вместе с тем проявило достаточно реализма в оценке новых потребностей американской политики национальной безопасности. основополагающий документ правительства США «Национальная безопасность в мире после холодной войны» (1 сентября 1993 г.) гласил: «Холодная война осталась позади. Советский Союз больше не существует. Угроза, которая определяла наши решения в области обороны в течение четырех с половиной десятилетий и наши стратегию и тактику, нашу доктрину, размер и состав наших вооруженных сил, предназначение наших

⁵⁴⁸ Дипломатический вестник МИД РФ, № 23-24, декабрь 1993 г., с. 7.

вооружений и уровень наших оборонных бюджетов, - теперь исчезла... В свете таких эпохальных изменений стало ясно, что контекст, в котором строилась наша политика безопасности во время холодной войны, неприемлем для будущего. Мы должны пересмотреть сверху донизу нашу оборонную стратегию, вооруженные силы, оборонные программы и бюджеты».⁵⁴⁹

За последние двадцать лет, при президентах Джордже Буше-старшим, Билле Клинтоне и Джордже Буше-младшем, Америка перестроила свои вооруженные силы и стратегическое планирование, пересмотрела приоритетность угроз в свете новых геополитических реалий. Не обошлось и без собственного «перекоса» в сторону неоправданно широкого применения вооруженной силы на периферийных участках бывшего глобального противостояния (Югославия, Ирак). С приходом в Белый дом Барака Обамы началась корректировка американской политики национальной безопасности. Роберт Гейтс, министр обороны в республиканской, а затем в демократической администрации, высказался за более дифференцированный подход к нейтрализации угроз в самом широком диапазоне от наивысшего до низшего уровня, особенно неординарных опасностей последнего времени. «В сегодняшней реальной жизни, - отметил он, - категории военных действий уже нельзя рассортировать каждую по своей полочке. Надо ожидать появления все больших разновидностей средств и способов поражения – от самых сложных до простейших – для одновременного применения вперемежку и в усложняющихся условиях ведения войны».⁵⁵⁰

Россия следует в принципе тем же курсом модернизации своей политики национальной безопасности, только в сравнении с Америкой по менее масштабной, более упрощенной схеме и, к сожалению, замедленными темпами. Помимо очевидных бюджетных и ресурсных ограничений сдерживает и недостаточная концептуальная четкость в политическом и военном руководстве. Со времен Второй мировой войны и двухполюсной конфронтации все еще сильно представление о том, что главное измерение военной мощи – это ее размер («чем больше, тем лучше»), количественные показатели оттесняют на задний план качественные.

Не подлежит сомнению необходимость поддержания военной мощи страны – однако не на максимально возможном, а на оптимально достаточном уровне. Иметь многочисленную армию, способную вести крупномасштабные боевые действия за рубежом России не по средствам, а главное – не нужно. Не может она полагаться и на несбалансированные ядерные силы и силы общего назначения.

Член-корреспондент РАН Алексей Арбатов, занимавший пост заместителя председателя Комитета Госдумы по обороне, пришел к такому заключению: России следует «сохранить ракетно-ядерные силы (в первую очередь наземного и морского базирования) и весь их комплекс управления и обеспечения на уровне США, то есть остаться по этому пункту в первой лиге. А силы общего назначения сократить, условно говоря, до уровня высокотехнизированных средних армий второго или четвертого разряда (Франция, Великобритания, ФРГ).⁵⁵¹

Упор на ядерное сдерживание – наиболее эффективное использование доступных возможностей России. Более экономичное, по сравнению с колоссальными затратами на крупные силы общего назначения, поддержание достаточного уровня стратегического потенциала позволяет не только обеспечить защищенность страны от ядерной угрозы, но и восполнить относительную слабость ее обычных сил. Под

⁵⁴⁹ The Bottom-Up Review: Forces for a New Era. National Security in the Post-Cold War World. W., 1993, p. 1.

⁵⁵⁰ Robert M. Gates. A Balanced Strategy. Preparing the Pentagon for a New Age/Foreign Affairs, January-February 2009, Vol. 88, № 1.

⁵⁵¹ Алексей Арбатов. Безопасность: Российский выбор. М., 1999, с. 331.

прикрытием «ядерного зонтика» можно решать задачи предотвращения и пресечения неядерных нападений с многих направлений.

Военная доктрина Российской Федерации (21 апреля 2000 г.) закрепляет за Россией статус ядерной державы и исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом сдерживания, «гарантирующим нанесение ущерба агрессору в любых условиях». При этом также разъясняется, что «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях».⁵⁵² Таким образом, четко формулируется концепция первого ядерного удара при определенных обстоятельствах.

Последующая корректировка ядерной стратегии России предусматривает задачи «деэскалации агрессии ... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». Упоминается и задача «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания», а также демонстрация решимости путем «повышения уровня их боевой готовности, проведения учений и изменения дислокации отдельных компонентов».⁵⁵³ Иными словами, допускается возможность ведения ограниченной ядерной войны, включая применение сил стратегического сдерживания.

Выполняя функцию центральной опоры национальной безопасности России, ядерные силы, естественно, не во всем заменяют силы общего назначения. Есть такие параметры обороны, по которым могут быть задействованы исключительно или главным образом силы общего назначения. И роль их в современных условиях не сокращается, а непрерывно увеличивается по мере того как множатся угрозы ниже ядерного уровня, разнообразные кризисные ситуации, неординарные формы силовых акций. Чтобы эффективно отвечать на такие вызовы, нужно иметь силы общего назначения, причем не классического (устаревшего) типа, а современного – высокотехнического, мобильного, многоцелевого.

Баланс между ядерными и обычными силами, их структура, состав и дислокация, бюджетные ассигнования и программы вооружений – все это составляет «мега-комплекс» проблем национальной безопасности, который во взаимодействии с государственной политикой, внутренней и внешней, определяет перспективы обеспечения обороны страны и ее участия в укреплении глобальной безопасности.

Разработкой и принятием решений по этим проблемам общенациональной значимости занята узкая группа государственных чиновников, высших военных и избранных специалистов, в условиях все еще значительной закрытости отгородившихся от широких политических, общественных и научных кругов, которые в меру своей заинтересованности и компетенции имеют законное право участвовать в формировании политики национальной безопасности. Вполне понятно, речь не идет об уравнивании прерогатив и ответственности «осведомленных» и «неосведомленных». У каждой категории есть свои возможности и ограничения, в том числе диктуемые требованиями необходимой секретности. Однако с точки зрения национальных интересов для оптимизации принимаемых решений крайне необходимо расширение базы политикообразования.

Слов нет, «средний гражданин» не в состоянии должным образом оценить обстановку и разобраться в сложнейшей – и постоянно усложняющейся –конкретике

⁵⁵² Военная доктрина Российской Федерации/Независимая газета, 22 апреля 2000 г.

⁵⁵³ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. Министерство обороны РФ. М., 2003, с. 42.

современного военного дела. Но ведь и «знатоки», работающие за закрытыми дверями, не могут полагаться только на свои профессиональные знания и способности, к тому же, никто не застрахован от предвзятости и просчетов. Трудно добиваться высоких показателей эффективности без притока свежих идей и альтернатив, исходящих от членов общества, которые способны через доступные им политические, общественные и иные каналы внести свою лепту в общенациональное дело.

В повестке дня российской политики национальной безопасности стоят острые и неотложные проблемы. В сущности, они не отличаются от тех, с которыми сталкиваются США и другие западные державы. И там справляются с ними по давно установившейся, хотя и не безупречной, практике взаимодействия государственного руководства с политическими и общественными силами. Россия, к сожалению, еще не достигла того уровня демократии, который позволил бы в полной мере следовать такой практике. Тем не менее расширение основы политического творчества – это залог повышения надежности обороноспособности страны и одновременно ее модернизации и укрепления авторитета в мире.

В сопоставлении с демократическими странами видно, насколько труднее России решать аналогичные дилеммы национальной безопасности. Труднее и в силу их объективной усложненности для далеко не благополучной страны. Труднее и из-за все еще закрытого государственного механизма их решения, без достаточной опоры на интеллектуальный, творческий потенциал нации.

Действительно, как можно ожидать наивысшей эффективности от решений, принимаемых в узком кругу, без должного учета интересов, выходящих далеко за пределы специализированных технических параметров. Достаточно назвать лишь некоторые из ключевых проблем национальной безопасности, которые и в Америке, и в Европе решаются не без затруднений, а в российских условиях требуют максимального напряжения сил и ресурсов.

Начать хотя бы с финансирования обороны и безопасности страны. В демократических странах бюджетные ассигнования на военные нужды жестко контролируются парламентами. У нас же законодательная власть одобряет предложения правительства без существенных поправок.

В последние годы наши оборонные затраты установились на уровне 2,6-2,8% ВВП, или 15-16% расходов федерального бюджета. Это примерно на том же уровне, на котором тратят на эти цели государства НАТО. Но в абсолютных величинах Россия выделяет на оборону значительно меньше – в 25 раз меньше, чем США, меньше, чем Китай, Великобритания и Франция.⁵⁵⁴ А между тем «себестоимость» современной национальной безопасности в мире и у нас непрерывно растет. С 2002 г. по 2009 г. объем только гособоронзаказа на закупку военной техники и оборудования увеличился с 80 млрд. до 1200 млрд. рублей.⁵⁵⁵ К тому же, расходы на нейтрализацию внешних угроз растут менее высокими темпами, чем на внутреннюю безопасность.

Россия оказалась в тисках противоречий: с одной стороны, военные потребности растут, с другой – возможность их удовлетворения без ущерба для экономики и уровня жизни населения сокращается. Чрезвычайно важно добиться опережающего финансирования технического оснащения вооруженных сил за счет уменьшения доли расходов на их текущее содержание. Найти выход из этой несбалансированной ситуации невозможно без всестороннего учета – и при максимально допустимой гласности – различных аспектов национальных интересов, а не только государственных, да и то, вероятно, не в полном объеме.

⁵⁵⁴ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. М., Министерство обороны РФ. М., 2003, сс. 19-21.

⁵⁵⁵ См. Дмитрий Литовкин. На оружие денег не жалко/Известия, 15 сентября 2008 г.

Далее, о численности российских Вооруженных сил. За постсоветский период они сократились примерно в три раза (с 2,9 млн. человек в 1991 г. до 1,1 млн. человек в 2009 г). Приемлемая численность на перспективу определена в размере не менее 1 млн. человек, и дальнейшие крупные сокращения не планируются. Вместе с тем нет ясности в отношении комплектации частей постоянной боевой готовности и контингентов, задействованных в «горячих точках» - как сочетать призыв с контрактом. Не определено соотношение офицерского корпуса, сержантского состава и рядовых. Во взвешенном состоянии остаются вопросы денежного довольствия военнослужащих и обеспечения их жильем. В армии не искоренена дедовщина. Престиж военной службы в обществе невысок. Все это – задачи, непосильные для решения только внутри военного истеблишмента, по указаниям политического руководства и высшего командования. Здесь не обойтись без публичности, без подключения партий, неправительственных организаций, широкой общественности.

Общество фактически не контролирует подготовку и осуществление программ разработки, производства и закупки вооружений и военной техники. А между тем на этом важном для обороноспособности страны направлении налицо серьезные трудности. Качественное развитие Вооруженных сил отстает от современных военных потребностей. Состояние оборонной промышленности неудовлетворительно: 80% ее основных фондов физически и морально устарели, треть предприятий – банкроты, средний возраст работников составляет 57 лет.⁵⁵⁶ Хотя военный бюджет страны с 2000 г. по 2009 г. вырос в 9 раз, а объем оборонных заказов – более чем в 7 раз, российские Вооруженные силы остро нуждаются в современном вооружении и оснащении.⁵⁵⁷

Нет ясности в том, отдается ли приоритет созданию тех систем вооружений, которые необходимы для нейтрализации наиболее вероятных угроз нашей безопасности. В частности, широко освещается появление отдельных образцов нового стратегического и оперативно-тактического оружия без соответствующего разъяснения их места в общей структуре Вооруженных сил и, самое главное, в какой мере они отвечают своему основному назначению – укреплять устойчивость и убедительность ядерного сдерживания.

Расплывчата опубликованная картина распределения произведенного вооружения между его продажей за рубеж и удовлетворением собственных нужд. Не всегда обосновывается целесообразность поставок новейшего оружия в те страны, которые в перспективе могут угрожать нашей безопасности. Вполне очевидно, что на определение приоритетов распределения военной продукции в немалой степени влияет вездесущая коррупция, затронувшая и российский оборонно-промышленный комплекс.⁵⁵⁸

Трудно преодолевается традиционная ориентация не только большинства общества, но и многих политиков и военных на возможность и вероятность большой войны с Западом. И это искажает схему приоритетов реальных угроз российской безопасности. Сам факт существования военной мощи США и НАТО заставляет Россию подстраховываться на случай столкновения с ними, пусть и не в ближней, а в дальней перспективе. Однако трезвый взгляд на реальную расстановку сил в Европе и в мире и на заинтересованность ведущих государств в поддержании стабильности не оставляет сомнений в том, что опасность центрального конфликта

⁵⁵⁶ См. В.З.Дворкин. К будущим угрозам не готовы /Политический журнал. 2006. 23 октября. № 39-40, с. 31.

⁵⁵⁷ Почему российской армии не хватает вооружений /Комсомольская правда. 25 июня – 2 июля 2009 г.

⁵⁵⁸ См. О.Сергиев. Ошибки, которые хуже преступления /Независимое военное обозрение. 2009. 21-27 августа 2009 г., № 29, с. 3.

сведена до минимума. Потенциал достаточного взаимного ядерного сдерживания служит гарантией взаимной безопасности.

И все-таки, озабоченность возможностью новой крупномасштабной войны на западном направлении продолжает жить своей жизнью и ведет к недооценке появляющихся действительных угроз на наших южных и восточных рубежах. Кроме того, не придается должного внимания угрозам нового типа – международному терроризму, грозящему перерасти в терроризм ядерный, распространению оружия массового уничтожения, незаконному обороту наркотиков и вооружений, нелегальной миграции, организованной трансграничной преступности, пиратству, контрабанде, браконьерству. Чтобы отразить эти неординарные угрозы, необходимы специально подготовленные и оснащенные силы и, конечно, четкое представление об их месте в иерархии приоритетов политики и стратегии XXI века.

В то же время не на пользу делу получившая широкое применение практика неоправданного причисления чуть ли ни любой трудной проблемы к категории «национальной безопасности». В результате стираются грани между более важными и менее важными задачами (а, возможно, и вообще имеющими отдаленное отношение к безопасности). Для целенаправленной политики национальной безопасности требуется своего рода «калибровка» реальных опасностей.

Итак, российское общество смутно представляет себе, что конкретно предпринимается для ограждения его от внешних (да и от внутренних) угроз и что еще можно и нужно сделать общими силами для повышения эффективности национальной безопасности. Общество в своем большинстве доверяет руководству, но не имеет возможности проверить, насколько доверие оправданно. И не ощущает своей востребованности в общенациональном деле защиты страны от грозящих ей сегодняшних и завтрашних опасностей.

И все же, хотя и лишенный должного доступа к формированию политики национальной безопасности, российский народ не безучастен к судьбе Родины. В меру своей заинтересованности и осведомленности те или иные слои общества время от времени громко высказываются по «горячим темам» национальной безопасности, как правило, клеймят позором зарубежных недругов и призывают руководство дать им самый решительный отпор. Творцы политики охотно используют в своих целях такие проявления народного патриотизма (к которым подстраиваются и оппозиционные элементы со своими шовинистическими лозунгами), не заботясь о том, что солидарность с резкими, часто экстремистскими высказываниями на общественном уровне затруднит им выработку с зарубежными партнерами прагматического урегулирования спорных вопросов. Мощные выбросы народных эмоций на политическую арену в моменты внутренней или международной напряженности, яростное утверждение собственной правоты и бурное негодование по поводу наносимых нам обид нередко выходят из-под контроля и вредят образу России как великой державы. «Глас народа» - это не всегда и не во всем «глас нации».

Вспышку возмущения в российском обществе вызвало расширение НАТО на восток. Продвижение военно-политического блока к границам бывшего противника, а теперь партнера, не могло не затрагивать интересы национальной безопасности России, и ее руководство категорически возразило против таких замыслов и действий США и их союзников. Многие россияне вновь увидели в образе НАТО старого заклятого врага. Активизировались сторонники «жесткого курса». Более 150 депутатов Госдумы организовали группу «Анти-НАТО», один из лидеров которой потребовал принятия «целого комплекса ответных мер политического, военного, экономиче-

ского характера». Имелось в виду отказаться от соглашений об ограничении стратегических и иных вооружений, восстановить арсенал ракет средней дальности.⁵⁵⁹

Совершенно очевидно, что в обстановке того времени, действуя «острием против острия», Россия рисковала втянуться в новую конфронтацию с Западом при крайне неблагоприятном для нас соотношении сил. Но нельзя было и ограничиваться лишь вербальными протестами и позволять НАТО осуществлять планы своего расширения по самому невыгодному для нас сценарию. Тем не менее, несколько лет никакие переговоры не велись, разногласия обострялись, а натовская военная машина разворачивалась в восточном направлении. Вполне понятны объективные трудности выбора, перед которыми оказалось тогда российское руководство. Вместе с тем бесспорно и сковывающее действие вновь появившегося в общественном сознании привычного «образа врага» - НАТО. Этот имиджевый фактор быстро набрал такую инерционную силу, которая если и не заблокировала поиск дипломатических решений, то привела к потере драгоценного времени и утрате более благоприятных возможностей на ранних стадиях складывавшейся ситуации.

Поворот к здравому смыслу – и к ослаблению максимального нажима общественности на политику – наступил лишь тогда, когда с обеих сторон пришло осознание неотвратимости кризиса, чреватого тяжелыми последствиями для их интересов. Встреча президентов Ельцина и Клинтона (21 марта 1997 г.) дала исходный импульс выработке компромисса. Переговорный «марафон» министра иностранных дел РФ Евгения Примакова и генерального секретаря НАТО Хавьера Саланы, а также параллельные контакты дипломатов России с коллегами из Франции, ФРГ, Великобритании и других стран привели к оптимально возможному согласию. Расширение НАТО осталось камнем преткновения сторон, но удалось снять те разногласия, которые грозили перерасти в конфронтацию. Оценивая итог переговоров, Евгений Примаков констатировал, что они позволили «свести до минимума отрицательные последствия расширения НАТО для интересов безопасности России, а западным государствам избежать опасного обострения отношений с Москвой».⁵⁶⁰ Подписанный главами государств и правительств Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического Договора (27 марта 1997 г., Париж) оздоровил европейскую и международную политическую обстановку. Однако латентное недоверие к Западу в недрах российского общества сохранилось (чтобы вновь выйти на поверхность при очередном осложнении отношений между Россией и НАТО) и затруднять поиск прагматических решений спорных многосторонних и двусторонних проблем).

Волну антиамериканских настроений вызвала иракская война. Протесты против силового самоуправства Америки всколыхнули российское общество и дали толчок реанимации стереотипов враждебного противостояния недавнего прошлого. Стоило немало труда доказывать россиянам, как это делала газета «Известия», что «Буш – не Гитлер, Россия – не враг США».⁵⁶¹ Прагматическую государственную политику определяют не эмоции, а разумно осмысленные национальные и международные интересы, но когда антипатия в народе к неразборчивому в средствах партнеру достигает высокого накала, правительству нелегко взаимодействовать с ним во имя собственных и всеобщих целей.

Протесты общественности не сокрушили здравые основы международных отношений. Вызванные иракской войной политические издержки удалось ограничить определенными рамками. Разногласия сохранились, но не затронули стратегию

⁵⁵⁹ Власть в России. Вестник РИА «Новости», № 7(59) спец. Выпуск «Россия и НАТО», февраль 1997, с. 18.

⁵⁶⁰ Евгений Примаков. Годы в большой политике. М., 1999, с. 298.

⁵⁶¹ Редакционная статья «Известий», 3 апреля 2003 г.

борьбы с терроризмом. Не произошло подмены «антитерроризма» «антиамериканизмом». Свой вклад в сдерживание необузданных протестных настроений внесла и Россия. Не отказываясь от принципиальной оценки односторонней силовой акции США против Ирака как ошибочной, Владимир Путин заявил: «По политическим и экономическим соображениям Россия не заинтересована в поражении Соединенных Штатов».⁵⁶² Конечно, критическое отношение к действиям США, идущим вразрез с интересами международной безопасности, не исчезло из российской внешней политики. Но в ее практике укрепилась достаточно четкая независимость принимаемых прагматических решений от чрезмерных эмоциональных требований общественности.

Суровому испытанию подверглась российская модель соотношения национальных интересов и внешней политики в связи с конфликтом вокруг Южной Осетии и Абхазии (август 2008 г.). Нападение грузинских войск на Цхинвал и ответные силовые меры России по «принуждению к миру» Грузии вывели давно тлевшую конфликтную ситуацию за пределы правового пространства, в стадию вооруженной борьбы. Оценка позиций столкнувшихся сторон и восприятие их в мире перешли в категорию, свойственную военному времени с присущим ему размежеванием интересов. Правительство России обвинило Грузию в агрессии. Подавляющее большинство россиян поддержало свое руководство. По данным Фонда «Общественное мнение», 78% опрошенных одобрили официальную позицию, 13% сочли ее неправильной, 7% затруднились с ответом, а 2% вообще не слышали о войне.⁵⁶³

Поддержать собственное руководство в войне – естественный патриотический порыв народа любой страны, тем более России, не раз испытывавшей за свою непростую историю военное лихолетье. Такая поддержка была нужна ей и в дни боевых действий, и тогда, когда она оказалась перед лицом неприятия признания ею независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны Запада, фактически всего мирового сообщества, при самоустранении от конфликта российских союзников и партнеров по СНГ, ОДНБ, ШОС и БРИК. Но вот отношение многих россиян к тому, что следует России дальше делать в постсоветском пространстве (и в связи с этим – на международной арене) нельзя признать однозначно конструктивным. Эйфория по поводу «маленькой победоносной войны» всколыхнула до поры до времени дремавшую ностальгию по былым имперским временам. За это ухватились политики, мечтающие о собирании (в том числе силой или угрозой ее применения) вокруг России «нового союза» взамен распавшегося СССР. Мечтающие, и в меру своих возможностей действующие в собственных, но отнюдь не национальных интересах страны.

Российский полюс – это не возникающий из небытия Советский Союз с его тоталитарным порядком. Нереальны любые устремления восстановить контроль Москвы над бывшими союзными республиками, превратившимися в суверенные государства. Как бы ни развивались интеграционные процессы в СНГ, они не в состоянии воссоздать СССР. Идти наперекор этой реальности – значит навлекать на себя новые беды как в постсоветском пространстве, так и во всем мире.

Чрезвычайно важно, какой стимул кавказский конфликт придаст дальнейшему развитию российской политики – разрушительный, неоимперский или созидательный, прагматический. Россия с ее внушительным потенциалом способна стать центром притяжения для стран ближнего зарубежья. Но только на основе общности интересов взаимовыгодного соразвития и, конечно, не ценой обострения, вплоть до новой конфронтации, отношений с Западом и многими другими странами мира.

Уроки кавказского конфликта должны послужить укреплению взаимной сдержанности и соразмерности замыслов и возможностей России и ее постсоветских и

⁵⁶² Известия, 4 апреля 2003 г.

⁵⁶³ Россияне поддержали руководство/Известия, 13 августа 2008 г.

других партнеров. Жизнь учит, что неизбежные асимметрии национальных интересов совместимы с общими интересами безопасности и стабильности. Признание этой истины – и соответствующих ей действий – следует ожидать в первую очередь от руководителей ведущих государств мира. И как ни трудна эта прагматика для восприятия в народе, принять ее придется во имя блага собственной нации и всего человечества.

Завершая оценку перспектив развития российской политики национальной безопасности на ближайшие десятилетия, следует констатировать вероятность столкновений ее с серьезными и многовариантными неблагоприятными обстоятельствами. Но столь же очевидны жизненная потребность и реальные возможности обеспечения надежной безопасности России. Причем не по обанкротившейся советской модели, которая не защитила народ и страну ни от внешних, ни от внутренних угроз. Нужна принципиально иная, демократическая модель, способная гарантировать безопасность личности, общества и государства, вписывающаяся в контекст международной безопасности и вносящая свой вклад в ее укрепление. Четко выразил эту насущную потребность Алексей Арбатов: «Демократической России нужна качественно новая армия и органы безопасности, нацеленные на защиту общества и государства от реальных внешних и внутренних угроз. Они не должны обслуживать одного лидера, одну партию или использоваться в личных, клановых и корпоративных “разборках”. Они не должны служить для защиты власти от народа, преследования законопослушной политической оппозиции, навязывания другим странам своего господства и присутствия, противоборства с химерами холодной войны.

Вооруженные силы и органы безопасности должны постоянно находиться под контролем и управлением гражданского руководства, быть подотчетны для законодательной, судебной власти, гражданского общества в целом и, по возможности, “прозрачны” для них. Они должны быть открыты для критики и новых идей и подходов к улучшению своей работы».⁵⁶⁴

В ближайшие десятилетия России предстоит продолжить адаптацию своей внешней политики к собственным национальным интересам и к изменениям в мировой обстановке. Потребуется дальнейшая прагматическая модификация не только функциональных, прежде всего относящихся к обеспечению национальной безопасности аспектов международной деятельности нашего государства, но и ее географических направлений.

Как государство-продолжатель бывшего Советского Союза на международной арене, Россия не может не считаться с полученной в наследство от него системой внешних связей, сформировавшейся на протяжении десятилетий. Россия в чем-то вынуждена, а в чем-то заинтересована следовать курсом преемственности в плане поддержания своих взаимоотношений с зарубежными государствами в определенной мере по сложившейся схеме. Но она не принимает ставшую во многом архаичной схему географических направлений советской внешней политики. Россия пользуется не подкорректированной старой, а своей собственной, новой «внешнеполитической картой», ориентированной в иной системе международных координат, утративших былую сфокусированность на идеологическом расколе мира.

В Докладе «Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции» ОПМЭМО Российской академии наук отмечено: «... в интересах России пойти дальше – практически пересмотреть весь доставшийся в наследство от бывшего СССР перечень географических направлений внешней политики, выявить реальную значимость и сравнительную ценность каждого из них, рационально распределить между ними имеющиеся силы и средства. При

⁵⁶⁴ Алексей Арбатов. Уравнение безопасности. М., 2010, с. 196.

этом вовсе не имеется в виду свертывание внешнеполитической деятельности России и сползание ее на позиции изоляционизма. Необходимо лишь разумное самоограничение, без которого не преодолеть внутренний кризис и не обеспечить эффективность внешней политики. Авторитет и влияние на мировой арене даются не экспансионистским стремлением объять необъятное за пределами собственной неблагополучной страны, а сосредоточением усилий на решении жизненно важных внутренних проблем и конкретных внешнеполитических задач на тщательно выбранных направлениях».⁵⁶⁵

В усложняющейся международной жизни XXI века национальные интересы России требуют оптимизации географических направлений ее внешней политики. Причем не по традиционному, сугубо дипломатическому шаблону с его фиксацией взаимоотношений с каждой большой, средней и малой страной, с каждым регионом и субрегионом. У такого перечня свое специализированное, ведомственное назначение. Национальные интересы России требуют глобального учета внешних условий, как осложняющих, так и способствующих решению кардинальных задач внутренней трансформации страны и упрочения ее положения в мире. Отношения с тем или иным государством должны сопрягаться с такими общемировыми процессами, как развитие глобализации и взаимозависимости стран и регионов, переход от двухполюсности к многополюсности международных отношений, возрастание многообразия форм соревнования и сотрудничества, прогресс современных технологий, смещение центров мировой экономики, информационная революция и т.д. Отсюда – необходимость сбалансированности внешней политики по всем параметрам.

А такой сбалансированности не хватало на начальной стадии становления российской внешней политики. Вспоминая о том времени, министр иностранных дел Игорь Иванов признал: «... в начале 90-х мы находились в поисках и шатаниях: то ли в Европу, то ли в Азию, то ли с кем-то, то ли за кем-то. Сегодня мы реально сознаем, что отвечает нашим интересам, что нет, что можем сделать, а что не можем».⁵⁶⁶ В первые постсоветские годы Россия скоропалительно сделала внешнеполитический выбор, едва ли в полной мере отвечавший ее национальным интересам. Речь идет об уже упоминавшемся «прозападном», а точнее – «проамериканском» крене. Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. поставила отношения с США в шкалу внешнеполитических приоритетов на «одно из первых мест, соответствующее положению и весу США в мировых делах», и дала установку на «стратегическое партнерство, а в перспективе на союзничество» с Вашингтоном.⁵⁶⁷

Прошло немного времени, и стало ясно, что предъявленные к российско-американским отношениям требования чрезмерно завышены. Жизнь показала, что построению взаимоотношений России и США как во всем равновеликих держав препятствует, помимо недостаточно активных встречных инициатив, неравенство их потенциалов и положения на мировой арене. В постконфронтационных условиях нереальным оказалось восстановление, пусть теперь и позитивных, но фактически все тех же «свердержавных» отношений. Лишившись силового взаимоуравновешивания, эти отношения обнаружили глубокие асимметрии по всем другим – притом решающим – показателям мощи и влияния двух еще недавно ведущих держав мира. А тем временем, тщетно пытаясь строить партнерство с США во всем «на равных», Россия упускала - с ущербом для своих национальных интересов - возможности параллельного развития взаимовыгодных связей на других страновых и региональных направлениях.

⁵⁶⁵ Национальные интересы России и главные факторы формирования ее внешнеполитической концепции. Доклад ОПМЭМО РАН. М., 1994, сс. 69-70.

⁵⁶⁶ Известия, 10 июля 2002 г.

⁵⁶⁷ Дипломатический вестник МИД РФ. 1993, январь. Специальный выпуск, с. 11.

Внешнеполитический крен удалось выправить. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. говорится: «Отличительная черта российской внешней политики – сбалансированность».⁵⁶⁸ Имеются в виду оптимальные сочетания усилий и ресурсов как на глобальном, так и на региональном уровнях, взаимодополнение внешнеполитической деятельности на двусторонней и многосторонней основе.

Однако уже само выправление прежнего перекоса таит в себе риск появления новых. Избавившись от «проамериканского» крена легко соскользнуть в сторону «антиамериканизма». Кстати, в этом, помимо всего прочего, сказывается особенность нашего национального характера: первоначальное «сердечное согласие» с партнером по мере отрезвления сменяется отторжением и осуждением. Кроме того, поставив крест на романтических помыслах о незамедлительном вхождении в сообщество передовых стран, можно переключиться на культивирование связей с враждебными демократии режимами, свойственными некоторым странам низкого уровня развития. Соблазнительно также создать видимость сколачивания антизападных союзов и коалиций.

Само собой разумеется, в многополюсных отношениях вполне допустимы и зачастую полезны сочетания интересов самых разных государств или политических движений. Отказываться от использования таких возможностей для России неразумно. В ее внешней политике нет идеологических или иных табу на контакты и связи с любыми готовыми к этому государствами. Но есть неперемное условие – разворачивать внешнеполитическую деятельность лишь в той прагматической мере, в какой это не противоречит национальным интересам и реальным возможностям России и не перекрывает перспективы ее продвижения на магистральных направлениях внешней политики.

Сразу после распада СССР перед Россией возникла задача восстановления в том или ином виде экономических и других связей с бывшими союзными республиками, ставшими суверенными государствами. Взаимозависимость интересов постсоветских стран обусловила создание Содружества Независимых Государств, в котором главным генератором интеграции (точнее, реинтеграции) стала Россия. «Россия остается ядром интеграционных процессов в Содружестве», - подчеркивалось в президентском Послании 2001 г.⁵⁶⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. назвала многостороннее и двустороннее сотрудничество со странами СНГ «приоритетным направлением внешней политики России», которое должно соответствовать «задачам национальной безопасности страны», а упор сделала на развитие «добрососедского сотрудничества и стратегического партнерства» с учетом «встречной открытости для сотрудничества, готовности должным образом учитывать интересы Российской Федерации, в том числе в обеспечении прав российских соотечественников».⁵⁷⁰

За годы своего существования СНГ приняло ряд согласованных мер, направленных на экономическую, политическую и военную интеграцию государств-участников. Однако процесс интеграции в постсоветском пространстве продвигается с большими трудностями, крайне неравномерно. Сбывается, к сожалению, прогноз экспертов ИМЭМО РАН, сделанный накануне нынешнего века: «... полноценная интеграция в масштабах СНГ в ближайшие 1-1,5 десятилетия маловероятна. В лучшем случае сотрудничество сохранится как некое аморфное образование, пригодное главным образом в качестве козыря в торге с другими торгово-экономическими бло-

⁵⁶⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, 5 июля 2000 г., с. 8.

⁵⁶⁹ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 3 апреля 2001 г.

⁵⁷⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации, 5 июля 2000 г., с. 8.

ками. В худшем – оно сузится до трех-пяти стран либо после долгой агонии окончательно рассеется в мировом экономическом пространстве...».⁵⁷¹

Нет ничего неожиданного в таком развитии отношений России с новыми соседними государствами. Объективно они ограничены довольно жесткими пределами. Не говоря уже о реинтеграции, налаживание нормальных межгосударственных отношений с бывшими союзными республиками – задача неординарная и чрезвычайно сложная. По существу, разрыв внутренних взаимосвязей советского государства, сам по себе болезненный и конфликтный, не укладывается в узкие международно-правовые рамки. Российской внешней политике пришлось взять на себя тяжелую и во многом не свойственную ей функцию регулирования противоречивых взаимоотношений со странами, каждая из которых переживает свои собственные трудности, тесно переплетающиеся с непростой трансформацией России.

При любых мыслимых вариантах дальнейшего развития отношений России с молодыми независимыми государствами ее ближайшего окружения приоритетность этого направления российской внешней политики может сохраниться еще не одно десятилетие. И это закономерно, ибо взаимоотношения в постсоветском пространстве глубоко затрагивают национальные интересы России. Однако в обозримом будущем ожидать чудес не приходится. Отношения России с постсоветским зарубежьем не изменятся по существу и не поднимутся выше присущего им регионального уровня. Регионального в общемировом масштабе, но существенно важного для российских интересов. Развивающиеся в непосредственной близости от России, эти по сути еще так недавно бывшие внутригосударственными взаимосвязи несут в себе такой, будь то положительный или отрицательный заряд, что их улучшение или ухудшение весьма ощутимо для нашей страны. И без того трудное совмещение экономических и политических интересов еще долго может обременяться столкновениями инерционного наследственного великодержавия с российской стороны и самоутверждающегося национализма со стороны новых независимых государств. Это ослабит способность России обеспечивать внутреннюю стабильность и укреплять свое международное положение. В постсоветском пространстве вполне вероятно повторение ситуаций, чреватых серьезными осложнениями для российской внешней политики на широкой международной арене, как это уже случалось в моменты обострения отношений со странами Балтии, Украиной, Грузией, Белоруссией.

Вместе с тем вполне реальным видится продолжение, несмотря на вспышки разногласий, такого курса российской политики, который приносит пусть и не триумфальные успехи, но вводит отношения с ближними соседями в спокойное, рутинное русло. Терпеливый последовательный поиск повышения эффективности действующих и новых механизмов сотрудничества не может не дать в перспективе позитивных результатов. Унификация таможенных правил, налаживание взаимодействия в таких областях, как энергетика, финансы, совместное производство, восстановление и расширение культурных и научных связей – все это гораздо более действенно, чем попытки подтолкнуть интеграцию политическими (и, не дай бог, силовыми!) средствами. Если же Россия укрепит внутренние позиции, модернизирует свою экономику, упрочит положение на мировых рынках, ее притягательная сила для сопредельных стран существенно усилится.

То же самое можно ожидать и от российского общества в его отношении к СНГ: если первоначально у россиян и были какие-то надежды на скорое восстановление разорванных связей с бывшими союзными республиками, то со временем они оказались во многом утраченными. Как показали результаты опросов, проведенных Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук (ИК-

⁵⁷¹ Мировая экономика: Нарастающий процесс глобализации (Прогноз на 2000-2015 гг.) ИМЭМО РАН. М., 1998, с. 31.

СИ РАН), еще до открытых конфликтов в постсоветском пространстве, рейтинг СНГ в российском массовом сознании был невысок. Только 33,8% опрошенных относятся к СНГ скорее положительно, чем отрицательно, а 57,3% скорее отрицательно, чем положительно (как это ни неожиданно, но их отношение к Европейскому союзу прямо противоположно: 59,4% - положительно, 20,6% - отрицательно).⁵⁷²

В национальных интересах России, безусловно, сохранять и впредь высокую приоритетность развития конструктивных отношений с независимыми государствами в постсоветском пространстве. Но замкнуться в пределах бывшего СССР – значит оказаться в стороне от главных движущих сил современной исторической эпохи, от процессов глобализации и международно-политического переустройства, расширения мирохозяйственного и технологического взаимодействия, лишиться притока извне инвестиций, жизненно необходимых для модернизации страны. А без всего этого нечего и думать о построении демократического государства и высокоразвитой экономики, о достойном месте России в преобразующемся мироустройстве.

Перспективный путь развития России и ее внешней политики – это активное участие в широком международном общении на всех уровнях, от низких до самых высоких, глобальных. При этом для нее нет выбора ориентации либо на Запад, либо на Восток. И дело не только в ее исторически сложившейся самобытности, а в том, что в условиях современного взаимозависимого мира двухполюсность потеряла прежний взаимоисключающий смысл и на первый план выдвинулись общецивилизационные ценности. Коренные проблемы мировой политики и экономики в перспективе разрешимы лишь в контексте этих ценностей, отражающих материальные и духовные потребности общества и человека в условиях демократии и свободного рынка, мирного и взаимовыгодного сотрудничества народов и государств в условиях верховенства права в международных отношениях.

Таковы главные ориентиры внешнеполитической деятельности России в перспективе грядущих десятилетий. Ее национальные интересы требуют сближения прежде всего с теми субъектами международных отношений, которые способны действовать как генераторы и гаранты общецивилизационных ценностей, независимо от расхождений с ними по другим вопросам взаимоотношений. По этой логике наивысший приоритет на глобальном уровне отдается не одному, а целому комплексу внешнеполитических направлений, составляющих сердцевину международных отношений. Он охватывает широкий круг наиболее развитых стран, независимо от их места на карте мира. В центре этого круга – США, Евросоюз, мировое сообщество демократических государств. В совокупности своей их отношения друг с другом и с Россией составляют высший эшелон международных отношений подлинно глобального характера.

По отношению к центральному комплексу все другие географические направления взаимоотношений России находятся на более низких ступенях приоритетности. Итоговая значимость подъемов или спадов в этих взаимоотношениях, как ни важны они сами по себе, определяется их влиянием на совокупный потенциал мировой политики, складывающейся в соответствии с главными закономерностями современности. Подходы к определению приоритетности тех или других внешнеполитических направлений всякого, тем более глобального, уровня не могут оставаться статичными, зафиксированными на все времена. Тем не менее, национальные интересы и геополитическое положение России предопределяют первостепенное значение для ее внешнеполитической стратегии американского и европейского направлений, по крайней мере, на ближайшие десятилетия вперед. При всех прогнозируемых сдвигах в соотношении и расстановке центров силы и влияния в мире, США и Евро-

⁵⁷² Известия, 8 октября 2002 г.

пейский союз сохраняют свой лидирующий статус в международных отношениях, как минимум, до середины столетия. Эти два компонента западной политической системы объективно останутся главными партнерами России, как бы ни осложнялись временами отношения с ними и как бы ни расширялся круг и объем ее взаимодействия с другими странами.

Развивая приоритетные отношения с Америкой и Европой, Россия вместе с тем не может не дифференцировать свои подходы к ним. Как и в прошлом, это будет вызываться объективно существующими различиями между двумя центрами западного мира и между каждым из них – с Россией. При этом, конечно, абсолютно непродуктивен альтернативный подход, тем более попытки разобщить Старый и Новый Свет. Во главу угла российской внешней политики могут быть поставлены не противоречия (с которыми неизбежно придется справляться), а общность интересов России, США и Евросоюза.

Взаимоотношения России и Соединенных Штатов, утратившие былую «сверхдержавность», уже сыграли свою стабилизирующую роль в период распада двухполюсности. Наличие у обеих держав – несмотря на существенные взаимные сокращения – крупнейших ядерных арсеналов придает их отношениям значение центрального звена глобальной международной безопасности. Отсутствие антагонистических противоречий, в прошлом присущих советско-американским отношениям, и нарастание многообразных угроз в современном мире создают возможность развития стратегического партнерства Россия – США.

В то же время, как бы ни сближала две державы общая заинтересованность в поддержании международной стабильности, между ними не может не быть расхождений по конкретным вопросам двусторонних отношений и мировой политики. Если национальные интересы России и США сегодня не сталкиваются, то трудно совмещаются некоторые геополитические интересы. Если Россия пока не беспокоит США как серьезный конкурент на мировых рынках, то в перспективе положение может измениться не в их пользу. Главное же (и, к сожалению, еще надолго) – формирование полномасштабного равноправного российско-американского партнерства затрудняется асимметрией мощи и влияния двух держав. На рубеже столетий, если сравнивать только по доле валового национального продукта в общемировом масштабе, у США она равнялась 21%, а у России – 2,6%.⁵⁷³

В этом кроется глубинный источник несогласия между Москвой и Вашингтоном, которое свело российско-американские отношения с высшей точки в начале 90-х годов XX века до самого низкого уровня к исходу первого десятилетия нынешнего столетия. На несоответствие «весовых категорий» двух держав накладывались такие военно-политические противоречия, как расширение Североатлантического блока на восток, планы создания вблизи российских границ американской противоракетной обороны, силовое вмешательство НАТО в югославский конфликт, война США в Ираке и др. Остроту противоречиям придавала особенность поведения США на международной арене, которую трудно истолковать иначе, как склонность к односторонним решениям и действиям. Несогласие России с подобной линией внешней политики США не принималось всерьез тогдашним американским руководством, президентами Биллом Клинтоном и, особенно, Джорджем Бушем-младшим. В результате – деградация российско-американских отношений с обоюдным ущербом для обеих сторон, и в конечном счете для международного сообщества. Углубление разногласий воскресило казалось бы уже забытые стереотипы враждебного противостояния, искажающие восприятие реальной значимости друг друга в радикально изменившейся обстановке. Поддаваясь логике взаимного неприятия, бывшие анта-

⁵⁷³ Мир на рубеже тысячелетий. М., 2001, сс. 540, 544, 550, 554.

гонисты втягивались в старые политические игры, утратившие смысл в новых условиях.

На фоне ухудшения российско-американских отношений реанимировались взаимные фобии времен «холодной войны». Каждое острое расхождение между Москвой и Вашингтоном сопровождалось бурными проявлениями антироссийских настроений в США и антиамериканских – в России. Так, в связи с событиями вокруг Косово число россиян, положительно относящихся к США, за три месяца упало с 67% до 38%.⁵⁷⁴ Из-за иракской войны рейтинг США в российском общественном мнении упал еще ниже.

Российско-американские отношения заметно улучшились после 11 сентября 2001 г., когда внезапно вспыхнувшее пламя международного терроризма с предельной ясностью высветило общность жизненной заинтересованности обеих стран – и всего цивилизованного сообщества – в объединении усилий во имя общей безопасности. Однако одного этого было недостаточно для отказа США от курса на односторонние действия ради расширения своего контроля и влияния в мире. Раскол в мировом общественном мнении и в антитеррористической коалиции вызвала война в Ираке (2003 г.). Россия и США оказались по разные стороны политического размежевания по вопросу о способах и средствах нейтрализации режима Саддама Хусейна. Россия вместе с Францией, Германией, Китаем и многими другими государствами высказалась за ненасильственное разрешение кризиса, а США и Англия, без санкции ООН, прибегли к вооруженной интервенции. В результате вновь осложнились российско-американские отношения.

Между Россией и США существуют реальные межгосударственные противоречия, сказывающиеся на их двусторонних отношениях. Но в отсутствие идеологического антагонизма эти противоречия не являются неразрешимыми и не они служат главным возбудителем расхождений между двумя странами. По сути дела они оказываются «заложниками» более крупных противоречий мировой политики, которые разъединяют Россию и США. Именно такие противоречия замораживают решение конкретных двусторонних вопросов российско-американских отношений. Однако проигрыш от этого, хотя и затрагивает интересы обеих сторон, не подрывает основы их внешнеполитической стратегии. Перспективы развития отношений между Россией и США в решающей степени определяются успехом или неудачей практического осуществления избранных ими не во всем совпадающих курсов политики в международных делах глобального уровня.

К исходу президентства Джорджа Буша-младшего стало явным нарастание кризиса американской внешней политики. Мир не принял форсированного насаждения модели то ли лидерства, то ли господства США. Да и в самой Америке обозначился недостаток решимости и ресурсов, необходимых для продвижения к американской однополюсности.

Государственный секретарь Кондолиза Райс, подводя внешнеполитические итоги республиканской администрации, пришла к выводу о необходимости «переосмысления национальных интересов» США. По ее суждению, «извечная дихотомия реализма и идеализма никогда не была применима к Соединенным Штатам, потому что мы не признаем, что наши национальные интересы и наши универсальные идеалы противоречат друг другу. Наша нация всегда видела их в перспективе. Даже когда наши интересы и идеалы сталкиваются в краткосрочном плане, мы верим, что в долгосрочной перспективе они будут неразделимы».⁵⁷⁵ Иной, отнюдь не оптимистической, точки зрения придерживается Генри Киссинджер: «Некоторые американцы, восхищенные мощью своей родины, настаивают на отчетливом выражении доб-

⁵⁷⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)/Интерфакс, 9 апреля 1999 г.

⁵⁷⁵ Condoleezza Rice. Rethinking the National Interest/Foreign Affairs, July/August 2008, Vol. 87, N 4.

рожелательной американской гегемонии. Однако такие устремления наложили бы на Соединенные Штаты тяжелое бремя, которое ни одно общество еще не выдерживало в течение неопределенно долгого времени. Независимо от того, насколько бескорыстными сама Америка считает свои конечные цели, очевидно проявляющееся намерение доминировать постепенно объединит мир против США и заставит их ограничить свои претензии, что в конечном итоге приведет их к изоляции и истощению».⁵⁷⁶

В XXI веке различие возможностей России и США сохранится еще на долгое время. Но нельзя моделировать их партнерство по классическим образцам прошлого. Главная направленность их взаимодействия не может сводиться к противостоянию каким-либо третьим сторонам, а силовые средства не должны быть его доминирующими составляющими. Эффективность партнерства тем выше, чем реалистичней политика каждого из его участников, чем ближе она к их национальным интересам и императивам современного мирового развития. Директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент Сергей Рогов считает: «Если архитекторы внешней политики Вашингтона изберут курс государственного корабля на приспособление к реалиям современного мира, то в этом мире Россия – важный партнер Америки».⁵⁷⁷

С приходом в Белый дом Барака Обамы произошло ощутимое улучшение отношений между Москвой и Вашингтоном. Началась «перезагрузка» этих отношений. После длительного застоя в области контроля над вооружениями президенты Дмитрий Медведев и Барак Обама подписали Договор о стратегических наступательных вооружениях (8 апреля 2010 г., Прага). По сравнению с Московским договором 2002 года стороны согласились сократить суммарное количество ядерных боезарядов на треть. Возобновился диалог по стратегической стабильности. Открылась перспектива переговоров о дальнейшем сокращении ядерных вооружений. Президенты условились развивать сотрудничество в экономических и других областях двусторонних отношений.

Позитивный сдвиг в российско-американских отношениях, как подсказывает опыт их недавнего прошлого, не может служить надежным индикатором дальнейшего непрерывного улучшения. Пока Россия и США не адаптируются к существующим между ними асимметриям и изменениям в мировой обстановке, не исключены новые срывы в их взаимоотношениях. Нет оснований поспешно списывать со счетов достигнутое, но опрометчиво и поддаваться радужным ожиданиям. Золотая середина – это то, что реалистически названо «прагматическим партнерством», то есть сугубо деловым взаимовыгодным сотрудничеством, очищенным от идеологических и психологических наслоений, взаимных обид и взаимного восхищения.

И все же, заглядывая в не столь отдаленное будущее, можно предвидеть, что по мере усложнения политической конфигурации мира Россия и США все острее будут ощущать потребность во взаимодействии перед лицом возрастающих угроз (распространения оружия массового уничтожения, терроризма – особенно ядерного - и т.д.). В XXI веке две крупнейшие державы, при неизбежном соперничестве будут все больше нуждаться друг в друге. Необходимость обеспечения стабильности и безопасности в беспокойном мире предрасполагает Россию и Америку больше к сближению, чем к противопоставлению.

Становление многополюсного мира требует постоянного пересмотра соотношения значимости различных стран и регионов для внешней политики России. К сожалению, на ранней стадии формирования этой политики Европа попала в катего-

⁵⁷⁶ Генри Киссинджер. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002, с. 325.

⁵⁷⁷ США на рубеже веков (отв.ред, С.М.Рогов). М., 2000, с. 482.

рию «уцененных». Чрезмерная увлеченность сближением с Америкой исказила пропорции заинтересованности России в развитии взаимоотношений со странами Западной и тем более Центральной и Восточной Европы. Недооценивая потенциал объединяющейся и становящейся все более самостоятельной Европы, Россия по инерции продолжала следовать старой традиции времен «холодной войны», когда в Москве европейскую интеграцию расценивали лишь как экономическую «подпорку» военно-политической стратегии США. Даже попытки справиться с последствиями развала Варшавского блока и переориентации бывших союзников на Запад первоначально предпринимались Россией в расчете больше на США, чем на Европу.

Объективно европейское направление, как и американское, заслуживает высокой степени приоритетности в российской внешней политике. Но по разным причинам. С Америкой Россию связывают главным образом военно-политические соображения, а с Европой – принадлежность к общему континенту, переплетенность исторических судеб и экономическая (особенно, энергетическая) заинтересованность. Если на глобальном геостратегическом уровне у России на обозримую перспективу нет партнера, столь значимого как США, то на региональном геоэкономическом уровне нет в ближайшем будущем замены партнера такого же выгодного и надежного, каким является объединенная Европа.

Россия и Европа представляют собой взаимодополняющие экономические величины. У России – огромные природные ресурсы, в частности, нефть и газ, а в Европе их мало. Россия остро нуждается в инвестициях, а в Европе они избыточны. Россия обладает солидным заделом фундаментальных научно-технических исследований, а Евросоюз заинтересован в них, поскольку по этим показателям по этим показателям пока отстает от США. В то же время предстоит преодолеть серьезные препятствия, пока ограничивающие экономический обмен между РФ и ЕС. Кроме поставок энергоносителей, доступ российской продукции на европейские рынки сдерживается ее низкой конкурентоспособностью, а внутрироссийский рынок не выдерживает натиска импортных европейских товаров. Правовая неопределенность, неустойчивость рыночных отношений и разгул коррупции затрудняют приток европейских инвестиций в Россию.

Все это и многое другое (например, ухудшение политического климата в связи с войной на Кавказе) в соединении с незавершенностью реформ в России тормозит развитие ее партнерства с Европейским союзом. Надо также учитывать, что потребовалось около десятилетия, чтобы преодолеть последствия конфронтационного раскола Европы и устранения взаимного недоверия, накопившегося за годы «холодной войны». Теперь же приходится считаться с тем, что вошедшие в состав Евросоюза бывшие союзники и союзные республики СССР меньше расположены к партнерству с Россией, чем его старые члены. На достижение консенсуса по этому вопросу между «старой» и «новой» Европой пойдет, по-видимому, еще не менее десятилетия. Сроки эти могут сократиться, поскольку при благоприятных обстоятельствах ускорить развитие партнерства с Россией способны ведущие державы Евросоюза – Германия и Франция.

Следует также принять во внимание асинхронность двух процессов: модернизации России и всесторонней интеграции Европы. Первый, к сожалению, пока отстает от второго. В ближайшие два десятилетия Европейскому союзу, судя по всему, удастся продвинуться по пути создания наднациональных структур управления в едином экономическом и социальном пространстве, а также в области внешней политики и обороны.

Оптимистическая оценка перспектив европейской интеграции дается в коллективной монографии Института Европы РАН – «Европа вчера, сегодня, завтра». В ней говорится: «Авторы полностью единогласны в том, что современная Европа

представляет собой не просто географическое, политическое или экономическое понятие, но и вполне определенную цивилизационную общность, члены которой исповедуют одни и те же социально-экономические, культурные, религиозные и морально-идеологические ценности. Именно эта цивилизационная общность, складывавшаяся на протяжении веков, позволила европейцам выработать стандарты общественного и личного поведения, которые, с одной стороны, цементируют само европейское единство, а с другой, как магнит, притягивают к интегрирующейся Европе другие страны и народы».⁵⁷⁸

На базе высокоразвитой интеграции продолжится формирование общей внешней и оборонной политики Евросоюза. По заключению академика Виталия Журкина, получивший подлинно всеобъемлющий характер процесс европейской интеграции «не нейтрален в отношении безопасности Европы, а ведет ... к укреплению этой безопасности, наращиванию стабильности. Несмотря на разные повороты истории он – в балансе – благоприятно сказывается на перспективах Европы».⁵⁷⁹

Исходя из реальной возможности общими усилиями надежно стабилизировать международно-политическую обстановку в Европе, президент Дмитрий Медведев предложил заключить Договор о европейской безопасности (5 июня 2008 г., Берлин). Договор призван обеспечить равную безопасность для России и Евросоюза, в юридически обязывающей форме зафиксировать основы взаимодействия между его участниками в интересах создания единого пространства безопасности и стабильности.⁵⁸⁰

Реализацию благоприятных возможностей осложнил американский курс на расширение НАТО на восток. Такое развитие событий, идущее вразрез с интересами России, не во всем, как представляется, устраивает европейцев. Налицо неполное совпадение двух подходов к объединению Европы: европейского, с акцентом на экономическую интеграцию под эгидой Евросоюза, и американского, с упором на военно-политические факторы под контролем США. Расширение базы традиционного «атлантизма», несущего в себе опасность новых разделительных линий на континенте, едва ли совмещается с формированием европейской идентичности (в том числе и новых членов НАТО).

Несовпадение европейских и американских позиций сохранится и, возможно, углубится. Этим грешно не воспользоваться российской внешней политике, проводящей дифференцированный подход к расширению НАТО и ЕС. Возражая против вступления в Североатлантический блок бывших союзных республик, особенно Украины и Грузии, Россия может позволить себе более терпимое, хотя и не безусловное, отношение к принятию постсоветских государств в Евросоюз. При этом, однако, надо остерегаться повторения попыток советской политики «вбивать клинья» между Европой и Америкой. Тогда результаты таких попыток были либо нулевыми, либо прямо противоположными ожидавшимся. Добиться раскола Запада теперь так же нереально, как в прошлом. Североатлантический союз накрепко связан узами тесной взаимозависимости на основе общности коренных интересов государств-участников. Сыграть на межсоюзнических расхождениях можно только для получения ограниченных, тактических выгод. Делать же на них стратегическую ставку не просто бесполезно, но в конечном счете вредно. Вместо углубления центробежных тенденций можно стимулировать усиление центростремительных.

В таком контексте твердым прагматическим выводом для российской внешней политики является ориентация не на использование расхождений между Европой и Америкой, а на соревнование между ними в развитии конструктивных взаимосвязей

⁵⁷⁸ Европа вчера, сегодня, завтра (Отв. ред. и рук. авт. колл. Н.П.Шмелев). М., 2002, с. 814.

⁵⁷⁹ В.В.Журкин. Европейский союз: внешняя политика, безопасность, оборона. М., 1998, с. 60.

⁵⁸⁰ Известия, 6 июня 2008 г.

с Россией. В перспективе, чем интенсивней будет взаимодействие как с европейскими, так и с американскими партнерами, тем прочней станут международные позиции России. У нас нет выгоды в предпочтении или отторжении либо Европы, либо Америки.

А между тем такая тенденция прослеживается в массовом сознании россиян. Результаты исследования ИКСМ РАН показали, что Европа вызывает положительные чувства у 79% опрошенных и отрицательные – у 13,6%. К Америке же положительно относятся 43,3%, а отрицательно – 49,6%. Аналогичный расклад симпатий и антипатий обнаружился и по отношению к Евросоюзу и НАТО. Образ ЕС в российском общественном восприятии на 59,4% позитивный, на 20,6% - негативный, а образ НАТО, наоборот, на 68,9% негативный, на 19,9% - позитивный.⁵⁸¹

Столь резко несбалансированное восприятие двух центров Запада, разумеется, оказывает не такое уж заметное влияние на внешнеполитический процесс России. Вместе с тем было бы недальновидно в практической политике не только переоценивать негативные военно-политические аспекты НАТО, но и недооценивать потенциальные неудобства для России дальнейшего развития некоторых аспектов интеграции ЕС. По мере становления в мире многополюсности вполне вероятно усиление не столько геостратегических, сколько геоэкономических параметров взаимоотношений. И тогда более серьезным конкурентом России окажется не удаленная от нее и слабо экономически связанная с ней Америка, а ближайшая к ней интегрированная Европа.

Все сказанное предостерегает, естественно, не против углубления партнерства с Европейским союзом, которое отвечает национальным интересам России, а против упрощений и крайностей в проведении намеченного курса. «Проевропейский» крен не меньше, чем «проамериканский» может дестабилизировать российскую внешнюю политику. Несмотря на очевидные различия между Россией и Евросоюзом, их взаимодействие началось и, надо надеяться, приобретет необратимый характер. Соглашение между ними о партнерстве и сотрудничестве (24 июня 1994 г.) подвело правовую основу под долговременный процесс сближения двух ранее противостоявших частей Европейского континента. Сформулированные в СПС принципы партнерства затем были конкретизированы в ряде последующих документов.

Однако было бы нереально ожидать уже в ближайшем будущем полномасштабного партнерства России с наднациональными и политическими структурами интегрированной Европы. Помимо неготовности ЕС сразу и во всем пойти навстречу пожеланиям Москвы, потребуется немалое время, чтобы устранить экономические, административные и иные препоны также с российской стороны. Специалист по российско-европейским отношениям доктор экономических наук Юрий Борко считает: «Преодоление системных и структурных препятствий займет не одно десятилетие, да и то при условии, что российские “верхи” изберут и будут последовательно проводить в жизнь экономическую стратегию, составным элементом которой является курс на использование выгод от участия в мирохозяйственных связях. В ближайшие же годы главной задачей в отношениях с ЕС будет реализация того потенциала экономического сотрудничества, который содержится в СПС, и решение конкретных спорных вопросов, в первую очередь тех, что сдерживают расширение взаимной торговли и рост иностранных инвестиций в отечественную экономику».⁵⁸²

Асимметричные и асинхронные процессы, присущие России и Евросоюзу, будут и впредь осложнять их взаимоотношения. Но надо надеяться, что они не собьют российскую внешнюю политику с намеченного курса на партнерство и сотрудничество с ЕС. Существует та веками складывавшаяся основа, на которой может крепнуть

⁵⁸¹ Известия, 8 апреля 2002 г.

⁵⁸² Юрий Борко. Европейский Союз на марше/Год планеты. 1998, с. 535.

взаимное тяготение двух частей одного континента. История и география предопределили органическую связь между ними в едином европейском, а в более широком смысле – евразийском пространстве.

Директор Института Европы РАН академик Николай Шмелев и заместитель директора член-корреспондент Владимир Шенаев высказали такой обнадеживающий прогноз: «Как бы ни складывалась геополитическая карта мира, Россия всегда была и всегда будет Европой. Конечно, особой Европой, со своими специфическими, подчас самодовлеющими интересами на периферии Евразийского континента и в других регионах мира, - и все-таки Европой. При благоприятном развитии событий можно, несомненно, ожидать, что барьеры, отделяющие пока Россию от остальной Европы, будут и дальше устраняться, открытость России будет возрастать, а взаимопроникновение и взаимопереплетение экономических, научно-технических, культурных и прочих факторов на пространстве от Атлантики до Владивостока будут лишь усиливаться».⁵⁸³

Сближение России и Европы – это глубокий и длительный процесс. Последовательное продвижение к конечной цели потребует нарастающих встречных усилий и политической воли на протяжении ближайших десятилетий. И все наметившиеся преобладающие тенденции европейского и глобального развития позволяют предсказать: взаимодействие с Европейским союзом обеспечит России все более полное удовлетворение ее национальных потребностей на региональном и общемировом уровне. Взаимодополнение и взаимоусиление двух формирующихся полюсов могут вступить в полосу наивысшей интенсивности, по всей вероятности, с середины столетия, когда будут достигнуты необходимые уровни, с одной стороны, экономического потенциала России, а с другой – политической интеграции Евросоюза.

В системе международной деятельности России XXI века особое, чрезвычайно важное место занимает Китай. Китайский гигант представляет собой не во всем предсказуемый фактор, способный существенно повлиять на формирование российской внешней политики. Отношения России с Китаем, великой региональной державой, по самой своей природе носят совершенно самобытный, самостоятельный и самодовлеющий характер, существенно отличающийся от ее взаимосвязей с другими крупными державами. У России нет оснований опасаться угроз со стороны Запада. Другое дело – Китай. Будущие отношения с ним представляются многовариантными. И зависят они не столько от России, сколько от Китая, проходящего глубокую внутреннюю трансформацию и выдвигающегося на роль державы мирового ранга. Российско-китайские отношения могут либо развиваться в русле нормального и даже дружественного общения и сотрудничества, либо оказаться в состоянии неопределенности и застоя, либо перейти в противостояние, вплоть до столкновения.

Существует широкий спектр суждений о будущем российско-китайских отношений. Если отбросить как идиллические, так и апокалиптические сценарии, то большинство авторитетных отечественных и зарубежных экспертов сходятся на вероятности неконфликтного сосуществования двух соседних держав по крайней мере в течение двух – трех десятилетий.

Оптимистические предсказания основаны на убеждении в том, что Китай еще долго будет заинтересован в сохранении благоприятных внешних условий для осуществления своих внутренних преобразований и получения выгод от сотрудничества как с ведущими державами Запада, так и с Россией. Такая перспектива развития Китая, естественно, соответствует российским национальным интересам. Директор Института Дальнего Востока РАН академик Михаил Титаренко так смотрит на будущее российско-китайских отношений: «...развивающийся, стабильный Китай и про-

⁵⁸³ Владимир Шенаев, Николай Шмелев. Россия и Евросоюз – проблемы экономического партнерства/Современная Европа. 2000, №1, с. 31.

водимые в нем реформы могут быть для России стимулом в поисках наиболее эффективного пути подъема страны и укрепления ее безопасности и международного престижа». ⁵⁸⁴

Более дифференцированную оценку взаимоотношений России и Китая в контексте угроз, рисков и вызовов в XXI веке дает член-корреспондент Василий Михеев. По его убеждению, России все острее необходим новый подход к Китаю. «Угроза для российского позиционирования в мире состоит в том, чтобы не оказаться в глобальных и региональных раскладах на более далеком от Запада политическом и экономическом расстоянии, чем Китай. В противном случае ослабление антикитайских настроений на Западе будет компенсироваться в продолжающем существовать “глобальном пространстве агрессивного мышления” ростом настроений антироссийских. России важно реагировать на новые вызовы глобализирующегося Китая, не противодействуя ему, а взаимодействуя с ним». ⁵⁸⁵

Наступившее столетие не обещает безмятежного состояния отношений между Россией и Китаем. Усложняться будут не только окружающая их региональная и глобальная среда, но и условия сосуществования самих посттоталитарных держав. Каждая из них еще долго будет приспосабливаться к изменяющемуся состоянию своего внутреннего устройства и внешнеполитического процесса. Неразрывно связанные географической близостью и в то же время разъединяемые различием национальных потребностей и возможностей удовлетворить их, страны-гиганты еще не избавились от тяжелого груза противоречий, накопившихся между ними в пору, когда они были сначала союзниками, а потом врагами. А ведь на старые расхождения могут накладываться новые.

Россия и Китай вступили в эпоху глобализации мало подготовленными к активному участию в ней, равно как и к полномасштабному сотрудничеству на двусторонней основе. Их вековая отсталость усугубилась при социалистическом строе искажением естественных пропорций и параметров социально-экономического развития, поскольку главной целью было не удовлетворение потребностей общества и человека, а наращивание мощи тоталитаризма. Экономика этих стран остается экстенсивной, требующей возрастающего ресурсного обеспечения. Недостаток природных богатств у Китая не может быть ощутимо компенсирован их избытком в сибирских и дальневосточных районах России при жестких объективных ограничениях с обеих сторон. И так почти во всех областях двусторонних связей, не приспособленных к рыночным условиям. В принципе имеется внушительный потенциал для сотрудничества, но реализация его тормозится недостаточной структурной развитостью обеих стран.

Пока отношения России с Китаем складываются благоприятно главным образом благодаря использованию тех возможностей, которые накопились за прошедшие десятилетия. В дальнейшем эти резервы сотрудничества будут истощаться, а в краткие сроки нельзя повысить уровень совместимости сторон. Скорее можно ожидать, что для каждой из них будет повышаться приоритетность экономических связей не друг с другом, а с передовыми индустриальными странами. Это – одна из причин возможного застоя в российско-китайских отношениях. Другая – вовлечение как Москвы, так и Пекина в политические игры - каждой страны в своих интересах - с западными центрами силы, что грозит понизить значение российско-китайских отношений в международных делах.

Однако против таких гипотез выдвигаются внушительные контраргументы. Если взаимодействие России и Китая трудно наполнить весомым экономическим содержанием, то в многополюсном мире предостаточно самых разных возможностей

⁵⁸⁴ М.Л.Титаренко. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999, с. 68.

⁵⁸⁵ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию (под ред. Василия Михеева). М., 2005, сс.638-639.

для их политического сотрудничества или соперничества. Не исключается и возобновление вражды между двумя соседними державами.

В выполненном Институтом Дальнего Востока РАН проекте «Вызовы и угрозы национальной безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе» предусматривается в будущем такая ситуация: «Сегодня трудно предсказать результаты концепции многополярного мира, которую разделяют руководители России и Китая. Однако возможен вариант превращения КНР в сверхдержаву – новый центр международной политики и экономики, к тому же с атрибутами ракетно-ядерной мощи, а Россия не сумеет преодолеть кризис и скатится на путь конфронтации с Западом или, в лучшем случае, преодолеет только последствия своего кризиса. Тогда геополитическое положение страны изменится в корне, и многополярность может привести наш Дальний Восток, а то и значительную часть страны, в сферу геополитического и геоэкономического пространства Китая, причем ее периферийной части по отношению к азиатско-тихоокеанской зоне».⁵⁸⁶

Настороженность в отношении китайского соседа характерна для настроений довольно широких слоев российского населения. По данным опросов, проведенных ИКСИ РАН, число настроенных положительно к Китаю составило 42,7%, а отрицательно – 30,6%.⁵⁸⁷ Опасения российско-китайского конфликта зачастую несут на себе отпечаток недавней вражды между Москвой и Пекином. Отсюда – неизбежные преувеличения возможности новой угрозы. Но какой бы ни была в перспективе «китайская угроза», она может лишь возрасти из-за промахов или бездействия самой России.

Многие из противоречий, разделяющих две страны, не поддаются простому и быстрому урегулированию. Но важно не ослаблять встречные усилия, направленные на поиск взаимоприемлемых решений. С российской стороны было бы опрометчиво выжидать появления более благоприятных условий в отношениях с китайским соседом для устранения трудностей, которые со временем не исчезнут сами собой, а могут стать еще серьезнее. Прогнозируемое соотношение их потенциалов заставляет считаться с тем, что характер взаимоотношений России с Китаем будет определяться в большей мере им, а не нами. Время работает не на нас.

Наращивание сил Китая превратит его к середине столетия в мощный полюс не только регионального, но и глобального значения, тогда как при самых благоприятных условиях планируемая модернизация России едва ли позволит ей радикальным образом укрепить свое положение в динамично развивающемся мире, в том числе и по отношению к Китаю. Весьма вероятен дальнейший отрыв китайского полюса от российского. В результате значимость отношений с Россией в шкале приоритетов Китая может снижаться.

Что же сулит будущее? Если бы мир и дальше продолжал жить по правилам прошлого века, то перспективы взаимоотношений с Китаем для России выглядели бы лишь в мрачном свете. Согласно традиционным геополитическим канонам, Москве пришлось бы выбирать между сдачей своих позиций или столкновением с Пекином.

Опыт прошлого предостерегает от радужных надежд на бесконфликтное будущее. И все-таки преобладающие тенденции наступившего века делают возможным улучшение и стабилизацию российско-китайских отношений на основе добрососедства и сотрудничества. В усложняющейся мировой обстановке обе державы не могут не убеждаться в контрпродуктивности взаимоистощающей вражды. Преодоле-

⁵⁸⁶ Вызовы и угрозы национальной безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ИДВ РАН, М. 2001, сс. 43-44.

⁵⁸⁷ Известия, 8 октября 2002 г.

вая сложности и трудности, они приобщаются к цивилизованным отношениям не только с развитыми демократическими странами, но и друг с другом.

Вполне реален сценарий перерастания взаимосвязей России и Китая в устойчивое прагматическое партнерство. И это отнюдь не прекраснодушное пожелание, а объективная потребность в «общем знаменателе» национальных интересов обеих стран. Ведь речь идет не о былой «вечной дружбе» (чуть было не сменившейся «вечной враждой»), а всего лишь о вступлении в обычные межгосударственные отношения, в которых находятся между собой страны цивилизованного сообщества. Укрепляя нормальное партнерство, Россия и Китай будут все больше убеждаться в том, что уже давно на практике познали большие и малые государства западного мира: конструктивному, взаимовыгодному взаимодействию не препятствуют различия ни в международном статусе, ни в экономическом и военном потенциале, ни в уровне социального и политического развития. Несовершенное, но надежное сосуществование лучше любой конфронтации, тем более грозящей катастрофическими последствиями.

Неконфликтному, партнерскому развитию отношений между российским и китайским полюсами должна способствовать также международно-политическая обстановка наступившего столетия. Втягивание в двустороннюю ссору ставит участников в невыгодное положение по отношению к остальным государствам многополюсного мира. Случись так, что Россия и Китай вновь оказались бы скованными взаимной враждой, они лишились бы многих возможностей участвовать в позитивных процессах международного сотрудничества, в развитии выгодных связей с индустриальными странами, в использовании глобализации для своих национальных нужд.

Губительны для коренных интересов России и Китая не только возврат к взаимному антагонизму, но и попытки привлечь на свою сторону ведущие державы Запада, в первую очередь США. Конфронтационные комбинации внутри «треугольника» Москва – Пекин – Вашингтон теперь едва ли менее опасны для международной стабильности, чем в период глобальной конфронтации. Даже ограниченное маневрирование на почве противопоставления тех или иных полюсов не даст долговременных выгод никому. Любые антикитайские шаги России способны скорее оттолкнуть, чем привлечь Запад, опасющийся конфликта в Евразии и уж никак не готовый выступить в поддержку той или другой из сталкивающихся сторон. Столь же вредными оказались бы и ее антизападные выпады, рассчитанные на сколачивание блока с Китаем, поскольку он не пойдет на разрыв с Западом ради сомнительного выигрыша от союза с Россией. Вообще, в мире XXI века трудно выстраивать коалиции и союзы на базе враждебного отношения одних полюсов к другим.

В то же время складывающееся мироустройство открывает широкий простор для укрепления международного положения России путем развертывания взаимостимулирующей конкуренции и соревновательного сотрудничества. Развитие взаимовыгодных связей одного полюса с другим служит побудительным примером для всех остальных. В интересах России – создание своего рода «позитивных противовесов» в отношениях как с США и Европой, так и с Китаем. Чем прочнее опора России на Западе, тем больше предпосылок для укрепления ее положения на Востоке. А позитивное взаимодействие с Китаем пойдет только на пользу ее сотрудничеству с США и Европой.

Отечественные востоковеды отмечают важное значение для российской внешней политики взаимоотношений Китай – Япония. Авторы доклада Российского центра стратегических и международных исследований Института востоковедения РАН высказали убеждение в том, что «... исторические судьбы России снова, как это

уже не раз бывало в прошлом, во многом зависят от того, как будут складываться ее отношения с восточными странами, в особенности с такими, как Китай и Япония».⁵⁸⁸

Член-корреспондент Василий Михеев не считает, что углубление китайско-японского взаимодействия противоречит нашим национальным интересам, поскольку оно вписывается в более широкое, многостороннее партнерство, достойное место в котором должна занять Россия. По его убеждению, «России необходимо последовательно идти путем национальных рыночно-демократических преобразований и широкомасштабного сотрудничества в Восточной Азии с США, Японией и Китаем, используя точки совпадения интересов – с тем, чтобы не отстать от Китая по глубине отношений с США и Японией. В этом контексте России важно выстроить постоянно действующие стратегические диалоги с США, Японией и Китаем специально по восточно-азиатской проблематике и тем самым предотвратить формирование трехстороннего американо-японо-китайского партнерства без участия России».⁵⁸⁹

Ход мировых событий и внутренней модернизации двух соседних государств предрасполагает к укреплению их партнерства. В условиях добрососедства и стабильности демографические и иные диспропорции легче поддаются разумному и гибкому урегулированию, расширяются возможности взаимовыгодного сотрудничества. Российско-китайские отношения уже достигли того уровня зрелости, на котором все более вероятным становится не откат назад, а дальнейшее продвижение вперед. Надо надеяться, что и дальше будет воплощаться в жизнь мудрое завещание Дэн Сяопина двум великим нациям: «Закрывать прошлое, открывать будущее».

Существенное влияние на внешнюю политику России могут оказать ее отношения с Японией, важные в геополитическом плане, а в перспективе и для взаимовыгодного партнерства. Прогнозируя развитие российско-японских отношений на ближайшие десятилетия, приходится считаться с тем, что и в советский и в нынешний период не были использованы имевшиеся возможности в экономических и политических областях. Двусторонние связи были принесены в жертву советско-американской конфронтации, а затем во многом заблокированы нерешенным вопросом о принадлежности Курильских островов. Продолжать отношения с Японией предстоит с довольно низкой отметки.

«Территориальный вопрос» остается и может дальше оставаться камнем преткновения в отношениях между Москвой и Токио. Пока он не решен, ожидать кардинального улучшения этих отношений не приходится. Если раньше этому препятствовало советское руководство, то теперь положение осложняется еще и тем, что этот политически взрывчатый вопрос вызывает острую негативную реакцию значительной части российского населения. Тем не менее, в национальных интересах обеих стран – как можно скорее найти взаимоприемлемый выход из тупиковой ситуации. Россия и Япония не угрожают безопасности друг друга, и это обстоятельство должно служить главной предпосылкой разрешения их территориального спора.

Правда, урегулирование «территориального вопроса», как ни важно оно само по себе, не может считаться чудодейственным средством сближения двух стран. Слишком велик – и постоянно увеличивается – разрыв между их интересами и возможностями. По уровню развития и специфике потребностей Япония все дальше уходит от России, поэтому мало надежды на качественный скачок в расширении инвестиций и торговли между ними. Не более перспективной представляется также интенсификация политического взаимодействия Москвы с Токио на международной арене.

⁵⁸⁸ Национальная безопасность России на Востоке: Вызовы и ответы (отв. ред. Г.И.Чуфрин). Институт востоковедения РАН. М., 1994, с. 5.

⁵⁸⁹ В.В.Михеев. Китай-Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., 2009, с. 351.

Из сказанного вовсе не следует, что у двух соседних держав нет шансов добиться стабильных взаимоотношений. Вполне возможно установление, пусть и ограниченного, но достаточно эффективного партнерства, отвечающего интересам российского и японского народов и всего международного сообщества.

То же самое можно сказать и об отношениях России с другой великой страной Азии – Индией. Жизнь показала безосновательность включения ее советскими политиками в некий геополитический «треугольник» СССР – Китай – Индия. Механическое присоединение советско-индийских отношений к советско-китайским, а тем более к китайско-индийским, ни к чему не привело бы, кроме трехстороннего обострения отношений, в каждой паре которых имеются свои специфические противоречия.

Более реалистичным представляется сотрудничество России с Индией в рамках БРИК, то есть их ассоциация с Бразилией и Китаем на основе четырехстороннего гибкого и прагматического сотрудничества по широкому кругу совпадающих интересов. Польза от такого сотрудничества для всех четырех участников очевидна. Важно только не поддаваться соблазну реанимации стереотипов соперничающих блоков времен конфронтации.

Нет также оснований придавать российско-индийским отношениям какое-то особое, тем более исключительное значение для построения нового мироустройства в Азии. Тем не менее, важное само по себе, взаимодействие России и Индии может внести полезный вклад в развитие партнерства в региональном и глобальном масштабе.

Можно было бы продолжить обзор географических направлений российской внешней политики, спускаясь по лестнице ее нынешних и будущих приоритетов. Стоит, однако, остановиться. И не потому, что невозможно четко определить значимость и перспективность каждого регионального и субрегионального направления. Дело в том, что свойственная советской дипломатии ведомственная географическая регламентация, продиктованная идеологическими требованиями и имперскими амбициями, и во время существования СССР не соотносилась с реальной политической картой мира. А в современных условиях она полностью непригодна с точки зрения национальных интересов России и изменившейся мировой обстановки.

На ближайшие десятилетия Россия нуждается не в былой советской «всеохватности», а в создании своей собственной глобальной системы географических направлений внешней политики. Глобальной системы, которая позволяет оптимально распределять силы и ресурсы страны по пространственным и временным параметрам международной деятельности, не сводить ее либо к сосредоточению на главных участках соперничества, либо распылять по различным региональным и локальным конфликтным ситуациям. Повлиять существенным образом на судьбы России могут лишь международные дела глобального масштаба, и такого же глобального масштаба должна быть и ее «внешнеполитическая география», чтобы играть весомую роль и во внутреннем развитии страны, и в мировой политике.

Этому будет способствовать также в целом благоприятная для преобразующейся России внешняя среда – по крайней мере на несколько десятилетий вперед. После крушения тоталитаризма и ликвидации двухполюсности исчезло главное антагонистическое противоречие, которое несло в себе опасность всеуничтожающей ядерной войны. России не противостоят и в обозримой перспективе не будут противостоять враги, способные создать реальную угрозу ее существованию. Отказ нынешнего российского руководства от сверхдержавных и экспансионистских устремлений бывших советских лидеров дает основания для надежды на то, что стране удастся избежать втягивания в губительные внешние конфликты, хотя потребуются большая выдержка, последовательное благоразумие и неординарные подходы, чтобы предотвращать опасные столкновения, особенно в постсоветском геополитиче-

ском пространстве. В целом же, безопасность России от внешних угроз на ближайшие десятилетия можно считать достаточно обеспеченной.

По мере преодоления нынешних внутренних трудностей и становления современной политической и социально-экономической системы Россия может рассчитывать на массированный приток инвестиций и технологий, расширение внешнеторгового оборота, интенсификацию научно-технического обмена, всемерного развития других форм взаимовыгодного сотрудничества. Национальные интересы России будут все более настоятельно диктовать необходимость ее активного участия в первую очередь в тех мировых делах, которые отражают глубинную взаимозависимость народов и государств всей планеты.

Соизмеряя свои внешнеполитические цели с реальными возможностями, Россия сможет черпать силу во всестороннем партнерстве, прежде всего с теми государствами, которые вышли на передовые рубежи общественного прогресса и достигли высокого уровня благосостояния в условиях свободного рынка и демократии. США, государства Евросоюза, Япония и другие высокоразвитые страны, так же, как и преобразующаяся Россия, заинтересованы в расширении общецивилизационного пространства, вовлечения в него все большего числа государств земного шара. При этом Россия и в своих и во всеобщих интересах призвана деятельно способствовать тому, чтобы на мировой арене вновь не возникали противостоящие друг другу группировки стран, военно-политические блоки. В этой связи важно, чтобы участие России в таких объединениях, как ОДКБ, ШОС или БРИК, не воспринималось в мире как намерение возродить модель прежнего противостояния Восток-Запад.

Нынешние и тем более грядущие международные отношения – равно как и внешняя политика каждого государства, включая Россию, - требуют полного очищения от идеологических наслоений. Все субъекты международных отношений, большие и малые, независимо от уровня их развития и внешнеполитической ориентации, равны и заслуживают беспристрастного восприятия в общении на мировой арене. Но пережитки ушедшего в прошлое идеологического раскола мира все еще сказываются если не на реальном содержании внешней политики, то на ее имидже. Не безгрешна в этом отношении и Россия. Как и в советские времена, она одни страны культивирует как «любимчиков» (не бескорыстно добившихся такого расположения к себе), а другие отвергает как «постылых» (либо утративших интерес к нам, либо в чем-то провинившихся). Конечно, в международном общении всегда были и в том или ином виде сохраняются симпатии и антипатии. Но манера их выражения должна подчиняться этикету (если не этике) корректных взаимоотношений суверенных государств.

Поскольку на ближайшие два-три десятилетия серьезной угрозы извне безопасности России не предвидится, она может сосредоточиться на решении жизненно важных проблем своего системного преобразования. Впервые за всю свою историю наша страна получила уникальный шанс использовать благоприятное стечение внешних и внутренних условий для максимального удовлетворения коренных национальных потребностей – подняться на уровень современного общественно-экономического развития, добиться политической и социальной устойчивости, повысить качество жизни народа. Именно такие стратегические задачи обновления общества и государства ставит нынешнее российское руководство.

В послании Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев сказал: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, полезные людям.

Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей.

Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматическим целям.

Вместо прошлой построим настоящую Россию – современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».⁵⁹⁰

Целеполагание модернизации в полной мере отвечает требованиям современного российского и мирового развития. Инновационная технологическая революция способна создать материальную базу для превращения России в свободную и процветающую нацию. Демократизация и рыночная экономика могут вывести ее в первые ряды развитого международного сообщества. Все это реально достижимо. Но только при обязательном условии – при неуклонной политической воле власти, опирающейся на активную общенациональную поддержку. А в этом сегодня, к сожалению, нет полной уверенности. Неблагополучное состояние общества и государства не предвещает скорого и беспрепятственного продвижения вперед.

Как признается ныне в руководящих верхах и остро ощущается в народе, путь к модернизации перекрывают колоссальные завалы нерешенных внутренних проблем. Примитивная сырьевая экономика, неразвитая демократия, архаичная система управления, слабое гражданское общество, засилье коррупции, нестабильность на Кавказе, полусоветская социальная сфера, низкий уровень жизни большинства населения и многие другие недуги – все это тормозит осуществление намеченных преобразований. Потребуется твердая целеустремленность, умение справляться с сегодняшними трудностями, не теряя из виду долговременные цели модернизации.

Не менее сложной видится перестройка подходов власти к взаимодействию с обществом в определении курса государственной политики, начиная с переориентации приоритетов «триады» национальных интересов. В принципе ясно, что в отсутствие угрозы извне возможно и необходимо сокращение доли безопасности в общем комплексе национальных интересов (разумеется, в пределах, не наносящих ущерб оборонной достаточности). Ясно также, что возможно и необходимо повышение приоритетности двух других компонентов «триады» – политической стабильности и благосостояния народа, которые становятся главными составляющими модернизации. Но ясность исчезает, когда дело касается конкретики, которая видится по-разному в руководстве и в народе.

Во-первых, российские вооруженные силы тоже остро нуждаются в модернизации, на что потребуются выделять немалые дополнительные ресурсы при общей их ограниченности в стране, следовательно, в чем-то за счет вложений во внутренние сферы обновления. Во-вторых, весьма вероятно превышение уровня оборонной достаточности (кстати, четко не обозначенного и не стабильного) либо в случаях обострения международной обстановки, либо в результате наращивания силового потенциала страны как фактора усиления ее влияния во внешнем мире. Поэтому трудно установить пропорции затрат на военные и невоенные цели, а тем более внятно (и гласно!) разъяснить их обоснованность. А это в условиях отсутствия гражданского контроля над выработкой и принятием решений по оборонным вопросам предопределяет расхождение между руководством и общественностью в оценке того, насколько государственная политика и стратегия соответствуют национальным интересам.

⁵⁹⁰ Послание Федеральному Собранию Президента России Дмитрия Медведева, 12 ноября 2009 г.

Нет полного совпадения взглядов и на методы укрепления политической стабильности. При незрелой демократии административная модель стабильности («вертикаль власти») не может не сковывать построение гражданского общества. Сбалансировать же необходимую устойчивость централизованной государственной структуры с требованиями расширения демократического самоуправления пока не удается и вряд ли удастся в ближайшем будущем.

Хотя начало нового столетия ознаменовалось укреплением государственных устоев страны, стабильность – это не раз и навсегда данное состояние. Чтобы ее поддерживать, нужны постоянные усилия.

Академик Евгений Примаков высказал такое суждение: «После того, как состоялись выборы Д.А.Медведева и В.В.Путин стал председателем правительства, вопросы о будущем России переместились в плоскость взаимоотношений между двумя лидерами – кто в “тандеме” будет старшим, уживутся ли, сохранит ли президент свои конституционные полномочия или они перейдут к главе кабинета министров. Представляется, что жизнь сводит ответы на эти вопросы к тому, продолжится ли стратегический курс России, которым она пошла в XXI веке...

...став главой правительства, Путин одновременно возглавил партию, которая составляет парламентское большинство. Следовательно, он контролирует и исполнительную, и законодательную власти. Но президент – это ясно обозначилось сразу же после его избрания – ни в коей мере не занял должность, аналогичную английской королеве. Он на деле сохраняет атрибуты высшей власти в России. Такова властная конструкция, способная обеспечить преемственность курса».⁵⁹¹

Судя по сложившейся ситуации, продолжение курса на цивилизованный рынок и демократизацию действительно зависит прежде всего от двуединой властной конструкции, в которой премьер и президент тесно взаимодействуют и сочетают взаимодополняющие черты политического стиля того и другого. Но насколько надежна такая конструкция? Если только оставить за скобками возможность не прогнозируемых (но полностью отнюдь не исключенных!) социальных потрясений, на уровне элит не видно таких оппозиционных сил, которые смогли бы разрушить нынешнюю политическую систему. В то же время устойчивость «тандема» власти не застрахована от попыток чиновничества, окружающего Путина и Медведева, вбить клин между ними, несмотря на декларируемое желание обоих руководителей остаться вместе.

Однако даже прочность двуединого правления не является панацеей от дестабилизации внутреннего положения далеко не благополучной страны. Высшему руководству России неизбежно придется действовать в условиях трудно развивающейся демократии и только еще зарождающегося гражданского общества.

Многое будет определяться тем, появится ли во власти многопартийность (либо двухпартийность) или законсервируется фактическая однопартийность. Останется ли законодательная власть подчиненной исполнительной («Дума не для дискуссий»), равно как и судебная («басманное правосудие»). Будет ли демократия втиснута в государственные рамки, чтобы выполнять несвойственную ей функцию «суверенной», то есть изолировать ее от глобальных общецивилизационных процессов. Удастся ли изжить пагубную привычку чиновников и силовиков «кошмарить» бизнес, а с его стороны предлагать «откаты». Перейдут ли кампании против коррупции в плоскость практического искоренения этого хронического зла. Наступит ли вместо управляемых СМИ свобода слова. Можно продолжить и без того скорбный перечень наших недугов, мешающих модернизации и несущих в себе потенциальную нестабильность.

⁵⁹¹ Евгений Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009, с. 100.

Для поддержания политической стабильности в России чрезвычайно важно неуклонное, уверенное продвижение к намеченным целям всесторонней модернизации, несмотря на экономический кризис. При этом установка на социально ориентированную экономику должна оставаться неизменной, а антикризисные меры ни в коем случае не должны осуществляться за счет проводимого курса, направленного на рост благосостояния россиян – этого третьего, в перспективе решающего компонента «триады» наших национальных интересов.

Модернизация призвана вывести Россию из нынешнего состояния зависимости от экспорта нефти и газа, укрепить ее экономику путем подъема собственного промышленного производства. Конечно, поставки энергоносителей за рубеж усиливают внешнеполитические позиции России. Но оборотная сторона этого – затормаживание сбалансированного экономического развития страны. А в сфере формирования российской внешней политики преобладание нефтегазового экспорта неизбежно сохраняет (или даже усиливает) непропорциональное влияние поставщиков энергоносителей в ущерб другим заинтересованным группировкам деловых кругов, в конечном счете, государственным и национальным интересам страны.

Горький опыт недавнего прошлого показывает, что стабильность в стране страдает от непоследовательности и неуверенности при проведении в жизнь любых, даже самых благих политических целеполаганий. В этой связи академик Александр Дынкин заметил: «России пора перестать метаться между лозунгами, а выбрать стратегию и четко и упорно придерживаться ее хотя бы на протяжении 20 лет. Я абсолютно уверен, что в итоге мы добьемся всего задуманного».⁵⁹²

Важной составной частью модернизации призвана стать внешняя политика, ориентированная прежде всего на национальные интересы. При этом сама она требует обновления. Длительный отрыв ее от своих животворных национальных корней в советский период дорого обошелся нашей стране, да и в настоящее время российская внешняя политика полностью не избавилась от идеологических пережитков прошлого. На международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» (Ярославль, сентябрь 2009 г.) Дмитрий Медведев сказал: «Умная, рациональная политика, государственный прагматизм должны вытеснить из политической сферы все неразумное: опасные иллюзии национализма, с одной стороны, или архаичные предрассудки классовой борьбы, с другой стороны».⁵⁹³

Если главная направленность международной деятельности России подчиняется целям внутренней модернизации, то необходимо использовать все ресурсы постиндустриального общества в сотрудничестве с развитыми странами современного мира. В программной статье «Россия, вперед!» Дмитрий Медведев подчеркнул: «Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни. Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки, Азии. Этим странам нужны, в свою очередь, возможности России. Мы крайне заинтересованы в сближении и взаимном проникновении наших культур и экономик».

Конечно, не бывает отношений без противоречий. Всегда найдутся спорные темы, причины для разногласий. Но обидчивость, кичливость, закомплексованность, недоверие и тем более враждебность должны быть исключены на взаимной основе из отношений России с ведущими демократическими странами».⁵⁹⁴

Хотя решение этой задачи отвечает коренным национальным интересам России, очевидны серьезные трудности на пути к намеченной цели. Прежде всего, добиваться необходимого для модернизации существенного расширения взаимодей-

⁵⁹² Известия, 13 марта 2009 г.

⁵⁹³ Там же, 18 сентября 2009 г.

⁵⁹⁴ Известия, 11 сентября 2009 г.

ствия с развитыми странами приходится с того низкого уровня, на котором Россия сегодня находится в мире. Политической целеустремленностью можно достичь немало, но решающей все-таки остается экономическая весомость страны, стремящейся к взаимовыгодному сотрудничеству с солидными партнерами. Нужен собственный внушительный потенциал, а наращивать его трудно без ощутимого притока ресурсов извне. Зависимость от экспорта энергоносителей еще надолго сохранит уязвимость страны, обусловленную конъюнктурой на мировых рынках. Заметное снижение цен на нефть может больно ударить по экономике и политической стабильности России и ослабить ее международные позиции.

Внутри страны также не все благоприятствует ориентации внешней политики на модернизацию. Нет уверенности в общенациональной поддержке провозглашенного официального курса. По давней традиции, «народ безмолвствует». Но такое молчание едва ли равноценно согласию. Механизмы же выявления настроений в разных слоях населения пока весьма несовершенны, как непредсказуема реакция многих опрашиваемых, все еще находящихся в плену отживших стереотипов и выражающих свое согласие или несогласие скорее эмоционально, чем рационально. Отсюда – возможность и вероятность неожиданных всплесков протестных настроений, вызванных теми или иными изменениями внутренней и внешней обстановки с дестабилизирующими последствиями для государственной политики.

Сложность предстоящего обновления общества и государства состоит также в том, что по необходимости оно растянется на длительный срок как ввиду масштабы трудных проблем, так и осмотрительного подхода к их решению. Как выразился Дмитрий Медведев, «спешить мы не будем. Спешка и необдуманность в деле политических реформ не раз в нашей истории приводили к трагическим последствиям. Ставили Россию на грань распада. Мы не вправе рисковать общественной стабильностью и ставить под угрозу безопасность наших граждан ради каких-то абстрактных теорий. Не вправе приносить стабильную жизнь в жертву даже самым высоким целям».⁵⁹⁵

Все так. Но приходится считаться с опасностью затухания первоначального импульса модернизации при столкновении с неизбежными препонами, усилением сопротивления противников реформ и пассивностью общественности. В этом случае задуманные преобразования могут превратиться в «долгострой», а то и подвергнуться участи многих неосуществленных начинаний давнего и недавнего прошлого.

Означает ли это, что модернизация российской внешней политики должна продвигаться такими же темпами, как и намеченная трансформация страны в целом? Велика вероятность, что так и может произойти. Тем более, что глубинным источником международной деятельности государства служит его внутреннее состояние. Но вполне возможен и другой вариант. Внешняя политика обладает определенной независимостью от внутристрановых процессов, легче поддается модификации применительно не только к внутренним, но и к внешним условиям. Поэтому она способна в чем-то опережать модернизацию в общенациональном масштабе и служить для нее одним из важных стимулов. Авангардная роль внешней политики в деле модернизации России может быть тем убедительней, чем привлекательней она окажется в народе. Для этого в общем консенсусе по «триаде» национальных интересов потребуется еще общественное согласие по обновлению российской внешней политики.

К сожалению, в этом вопросе далеко не все ясно. Долговременная тенденция к возрастанию влияния национальных интересов на формирование внешней политики просматривается достаточно определенно. Но сомнительно, чтобы сокращение

⁵⁹⁵ Известия, 11 сентября 2009 г.

«избыточности» государства в этом процессе происходило с той же скоростью и интенсивностью, что и в других областях политической и экономической деятельности внутри страны. И дело тут не столько в инерционности специфического, закрытого внешнеполитического ведомства. «Разгосударствление» внешней политики по определению возможно лишь в весьма ограниченных пределах, поскольку нация представлена на международной арене государством, и замены ему нет. Но из этого отнюдь не следует, что внешняя политика совсем не поддается «национализации», то есть возрастающей ориентации на национальные интересы. Это пойдет на пользу и нации, и государству.

Иными словами, речь не идет о каком-то принижении внешнеполитической роли государства. На самом деле более прочная опора внешней политики на свою национальную основу только укрепит ее и повысит ее эффективность. Участие во внешнеполитическом процессе неправительственных политических и общественных сил, широких слоев населения не подменяет государственный аппарат, а оказывает ему мощную поддержку, помогает приближать внешнюю политику к глубинным национальным потребностям. Таким путем может реализоваться внушительный творческий потенциал нации.

Однако виды на ближайшее будущее не обнадеживают. Приходится констатировать труднопреодолимую инертность как «сверху», так и «снизу», мешающую притоку альтернативных идей и предложений. Невысокая активность тех, кто непрофессионально выражает национальные чаяния. И это, учитывая наследие прошлого и неблагоприятное настоящее, вполне объяснимо. Народ слишком долго был отстранен от участия в управлении государством, все еще не изжил патерналистские представления об авторитете власти, не поднялся с низкого уровня политической культуры, не научился самоорганизовываться, да и вообще по-прежнему верит, что от него мало что зависит (и это, как и прежде, в общем-то, устраивает «верхи»).

В странах устоявшейся демократии существует консенсус по стратегическим вопросам национального развития. России же только еще предстоит выработать такое согласие, включая внешнеполитическую проблематику. А на это, учитывая упомянутые трудности, уйдет длительное время. В целях достижения общенационального консенсуса Дмитрий Медведев пригласил всех российских граждан, «кому есть что сказать», к участию в дискуссии «по стратегии развития страны».⁵⁹⁶

Расширение базы политического творчества нации крайне необходимо. В то же время нам еще далеко до развертывания общенациональной дискуссии по коренным проблемам настоящего и будущего России, способной реально повлиять на формирование государственной политики. Для этого нужно демократическое обновление всей политической системы страны.

Тем не менее, уже сейчас имеется возможность существенно увеличить вклад во внешнеполитическое формирование научных и экспертных сообществ. Они могут помочь полнее раскрыть реальное содержание национальных интересов в контексте современного мирового развития, предложить альтернативные варианты их проекции на внешнюю политику, сформулировать концептуальные подходы к решению практических проблем глобальных, региональных и двусторонних отношений. Такую роль играют независимые ученые и эксперты в выработке внешней политики демократических стран.

Многоцветье оценок и мнений, естественно, можно только приветствовать. В конечном итоге плюрализм обогащает содержание внешней политики, усиливает ее нюансированность. Однако решающим мерилom практической ценности советов и рекомендаций могут служить только компетентность и профессионализм. В этом

⁵⁹⁶ Известия, 11 сентября 2009 г.

смысле нынешнее положение у нас нельзя признать удовлетворительным. Появилось множество неправительственных (или околоправительственных) центров и специалистов, выступающих в роли непререкаемых знатоков международных дел и внешней политики. Между тем качество экспертизы и предложений многих из них определяется не результатом серьезных исследований, а соображениями саморекламы, желанием создать впечатление либо близости к власти, либо радикальной оппозиции к ней. Дилетантизм, выдаваемый за рекомендации науки, осложняет выработку внешней политики, усугубляет ее трудности и недостатки.

Конечно, невозможно найти абсолютно объективные выводы науки, незамутненные теми или иными пристрастиями, особенно в такой идеологизированной и политизированной области, как международные отношения. Но все-таки есть принципиальное отличие серьезных научных разработок от их утилитарных имитаций. Только углубленные академические и специализированные исследования могут стать полезной составляющей внешнеполитического процесса. К таким исследованиям последнего времени, в числе других, можно отнести проект Института современного развития «Архитектура европейской безопасности».⁵⁹⁷ Но требуется – и пока недостаточно востребуется – как можно более широкий приток интеллектуальных ресурсов нации в политическое творчество государства.

Вместе с тем, оценивая перспективы сближения внешней политики с национальными интересами страны, нельзя упускать из виду соотношение факторов ожидаемой трансформации. Вполне понятно, что вклад науки, каким бы значительным он ни был, не в состоянии один сдвинуть с мертвой точки дело модернизации. Решать неординарные задачи гигантского масштаба власти по силам только вместе со всеми слоями общества, при общенациональной поддержке.

Как уже отмечалось в предыдущих главах, направляющую роль в формировании государственной, внутренней и внешней, политики способны сыграть руководители, стоящие на вершине власти. И роль их тем эффективнее, чем больше она отражает не только государственные, но и национальные интересы. В этой связи можно сказать, что Дмитрий Медведев взял хороший старт. Но впереди трудный и не во всем предсказуемый путь (даже при успешном функционировании «тандема»). И было бы нелишне учесть опыт некоторых зарубежных лидеров, например, президента Барака Обамы.

Оказавшись неожиданно для многих (возможно, и для себя) на высшем государственном посту США, Обама был полон решимости воплотить в жизнь свои далеко идущие предвыборные обещания. Однако за первый год пребывания в Белом доме (с января 2009 г. по январь 2010 г.) его рейтинг в американском народе резко упал. На промежуточных выборах (2 ноября 2010 г.) он потерпел серьезное поражение, лишившись большинства в палате представителей. Очевиден ряд причин снижения популярности президента, среди которых его поглощенность проведением некоторых вызывающих разногласия реформ. Но налицо и более серьезные упущения или неспособность подкрепить власть ресурсами национального самосознания.

Этому посвящена подборка статей в журнале «Ньюсуик» под заголовком «Недостаток вдохновения». Авторы статей пишут: «Обама пока лишь проваливал то, что должны делать президенты – вести нацию эмоционально, а не только рационально, ... обращаться к глубинным мощным силам в недрах нации и мира. Обама еще предстоит наложить свой отпечаток на американский образ. Только свершив это, он сможет установить необходимую для него связь с нацией, откроет Белому дому политический кредит, без которого нельзя добиться целей в практической политике» (Дж.Мичэм). «Обама не предложил стране своего широкого видения. Он не принял

⁵⁹⁷ Архитектура европейской безопасности (Под общей редакцией И.Ю.Юргенса, А.А.Дынкина, В.Г.Барановского). Институт современного развития. М., 2009 г.

дельные предложения – ни слева, ни справа – для решения проблем нации. Вместо этого он действовал так, как если бы он был лидером демократической партии в Конгрессе, выискивая почти исключительно внутри и с помощью узкой группы политиканские ухищрения, чтобы сколачивать парламентское большинство... Он обещал, что будет открыт всем секциям страны, будет прислушиваться к здравым идеям, обращаться к нации в целом... Обама надо откорректировать свой курс и править нацией как президент, которым обещал стать» (Ф.Закария). «Ему надо тратить поменьше времени, выслушивая своих политических советников, которых сковал страх потерять поддержку могущественных группировок с их эгоистическими интересами, и обращаться напрямик к народу. Берите от нас больше, господин Президент. И вы удивитесь, как много мы можем предложить» (Л.Томас).⁵⁹⁸

Разумеется, Америка не Россия. А все-таки критика в адрес Обамы несомненно содержит то рациональное зерно, которое важно не только для американского президента. Наша нация обладает таким созидательным потенциалом, не востребовать который, значит обеднять и ограничивать действенность государственной политики, а в конечном счете – обречь ее на неудачу.

Модернизация потребует политической целеустремленности, объединенных усилий государства и общества на протяжении ближайших десятилетий. Продвижение вперед во многом зависит от неблагоприятных и трудно контролируемых обстоятельств (включая сопротивление со стороны влиятельных групп коррумпированных чиновников и деловых кругов, не заинтересованных в переменах). И все же, последовательное продолжение намеченного курса при общенациональной поддержке поможет позитивным тенденциям одолевать негативные. Если удастся избежать застоя и тем более катастрофического срыва, Россия войдет в русло современного цивилизованного развития, станет свободной и процветающей нацией. Добиться этой исторически значимой цели можно только реализацией внутри страны и на международной арене всех трех составных частей коренных российских национальных интересов – безопасности, стабильности и благосостояния.

⁵⁹⁸ The Inspiration Gap. How the Trailblazer of 2008 Became the Stymied President of 2010/Newsweek, February 1, 2010, pp. 26-31.